

Родная ДАДОГА

№ 4(54)' 2020

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петропавловский и Карельский Константин (Горянов); Громов А. В. (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолякин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003—2013).

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», член Правления СП России.

ЗАРУБИН Михаил Константинович (Санкт-Петербург) — Почетный гражданин России, лауреат Премии Правительства Санкт-Петербурга в области культуры и искусства, заслуженный строитель РФ, писатель.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — председатель СП России.

ИВАНОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — сопредседатель Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — член Правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — член Союза художников России.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово РЕДАКЦИИ

Служение, связанное с именем святого Благоверного князя Александра Невского. Слово от редакции журнала «Родная Ладога» на юбилей митрополита Петрозаводского и Карельского Константина (Горянова) 5

БЕССЕДА

О Боге и вечности, вере и России. Интервью митрополита Петрозаводского и Карельского Константина (Горянова) для журнала «Родная Ладога» 9

ДОСЛУХИ

Митрополит Петрозаводский и Карельский **КОНСТАНТИН (Горянов)**.
Защитник земли Русской князь Александр Невский (1221–1263): воин и святой.
К 800-летию от рождения 25
Наталья Петрова. Душа обороны 178

История и СОВРЕМЕННОСТЬ

Владимир Крупин. Александр Невский, Великий князь. К 800-летию со дня рождения 51

ПОЭЗИЯ

Андрей Шендаков 57
Наталья Пушкарёва 122
Екатерина Игнатьева 125
Николай Наливайко 175
Андрей Линник 231
Елена Заславская 234

Пути ПОЗНАНИЯ

Александр Ужанков. «Русь» и «Русская земля» в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV веков 63
Галина Скотникова. Византия и Запад: новая волна сближения-противостояния 95

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Игорь Андрушкевич. Монархия будущего 80
Александр Кугай. Религиозные основания власти капитала в современном обществе 108
Павел Крнев. Как Россию-матушку делили 190

Точка зрения

Протоиерей Геннадий Рязанцев-Седогин. Генетическая матрица культуры. Обоснование в религиозной философии Русской школы	87
Александр Щипков. Либерал-православие	117

Родная речь

Андрей Антонов. О роли русского языка в жизни Беларуси	128

Памятослов

Анатолий Грешневиков. Нравственные вершины	132
Евгения Шестакова. Притяжение	148

Проза

Виктор Потанин. Записки сельского учителя. <i>Из новой повести «На семи холмах»</i>	163
Михаил Зарубин. Вынужденная охота. <i>Быль</i>	212

Традиция

Марина Воропаева. «...Ее песня на светлую чашу весов...»	237

Искусство

Екатерина Скоробогачева. Искусство с молитвой	242

Великая провинция

Никита Шевцов. Елена Наумова. Сохраним ли львов и единорогов?	249

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусльмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «ТаблигиДжамаат»; «Украинская повстанческая армия» (УПА); «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрикэ»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрикэ» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:

https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret

<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>

<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

Слово РЕДАКЦИИ

СЛУЖЕНИЕ, СВЯЗАННОЕ С ИМЕНЕМ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

*Слово от редакции
журнала «Родная Ладога»
на юбилей митрополита
Петрозаводского
и Карельского
Константина (Горянова)*

***Ваше Высокопреосвященство,
многоуважаемый
Владыка Константин,
поздравляем Вас с Юбилеем!***

В нынешнем году Вы отмечаете 70-летие со дня рождения, 50-летие научной деятельности и 30-летие архиерейской хиротонии. Даты знаменательные, вызывающие особое почтение и внимание к Вашей личности. Сегодня мы вместе с Вашей паствой, единомышленниками, учениками, родными и близкими людьми отмечаем это торжественное событие, вписанное в новейшую летопись Русской Православной Церкви, благу которой Вы отдали большую часть своей жизни. Промыслительно, что Ваш юбилейный цикл совпал с великим юбилеем — 800-летием святого Благоверного князя Александра Невского, спасителя Руси и Русской Православной Церкви от гибели во времена одновременно иноземного нашествия диких орд с Востока и беспощадных католических полчищ с Запада. Существует духовная связь Вашего служения с именем этого великого русского святого. Вы были ректором Санкт-Петербургской Духовной академии в городе, который находится под покровительством святого Александра Невского. В возглавляемых Вами епархиях кафедральные соборы носили имя святого князя. При передаче этим храмам частицы его мощей Вы держали ее на своих руках.

Ваше служение — тоже выдающийся дар человечеству в виде физических сил, сердечных волнений, умственных деланий, творческих умений, духовной любви, который достоин называться подвигом. Путь христианского служения Вы избрали в трудные годы, когда в нашей стране трагедия богоотступничества еще не была изжита. Вы смолоду со-

знательно и смиренно встали в ряд «строителей духа», созидателей и живителей христианского Отечества, понимая, что Православие и Россия понятия неразделимые, что русский народ без веры, без святынь, без братской любви во Христе — уязвим и нежизнеспособен. Тогда избранный Вами путь был не только сложен, многим, даже родителям, непонятен, но и опасен. Однако духовные отцы Вас научили по апостолу Павлу, что: *«...вы стоите в одном духе, подвизаясь единодушно за веру Евангельскую, и не страшитесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование гибели, а для вас — спасения. И сие от Бога, потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него»* (К Филиппийцам. 1:27 — 29). После окончания медицинского института, врачебной практики, написания кандидатской диссертации, окончания Московской Духовной академии Вы возрождали Духовные школы в Минске, а позднее в Санкт-Петербурге, преподавали богословские дисциплины. Вы успешно управляли Курганской и Шадринской епархией, ныне возглавляете Петрозаводскую и Карельскую кафедру, состоите в нескольких научных академиях, пишете статьи и книги.

История Вашего служения по датам и фактам обширна, напряжённа, образцова, что особенно важно сегодня, во времена целенаправленной атаки вражеских сил на единство мирового Православия и основы Русской Православной Церкви. От архиерея требуется не только духовная и физическая крепость, понимание многих современных, в том числе и политических процессов, но знание истории Православия и своего Отечества, духовное предвидение и смелость, понимание истоков и путей благообразного человеческого бытия. Вам присущи все эти качества, чему свидетельством является Ваше литургическое и пастырское служение, Ваша общественная и научная деятельность, Ваши богословские и писательские труды. Вы от своего славного старинного священнического рода одарены чувством традиции, пониманием того, что традиция имеет вечностный потенциал и способность возрождаться, воскресать в русле, подготовленном для нее подвижниками, к избранному числу которых относитесь и Вы, уважаемый Владыка Константин.

Отечество для Вас — не только место рождения и проживания, но более сложное, совокупное понятие, восходящее в главных смыслах к Отцу Небесному и родству земному. Сын должен исполнять волю отца, сыны Отца Небесного стремятся понимать и свободно исполнять волю Отца Небесного. Любовь к Отечеству дается человеку от Бога. Этот дар сплачивает народы, укрепляет государства. Но эта благая любовь соседствует с болью, доставляемой Вам пониманием, что человечество становится более равнодушным или, как говорит Иоанн Богослов, теплохладным, то есть пытающимся совместить Бога и мамону ради собственного блага. Видя безверие, несправедливость или беспамятство соотечественников, Вы горячо защищаете веру, правду, память. Для такой защиты требуются многие знания, и Вы ими обладаете. Ваше стояние за Отечество многосторонне — на амвоне с крестом и потиром, научное и просветительское слово с ректорской кафедры студентам Духовных академий и семинарий, возрождение церквей, руководство епархиями, звучит слово правды в Ваших историко-богословских книгах. В метафизическом столкновении добра и зла, находясь на стороне света, Вы защищаете его непобедимым оружием — любовью. Сила этого оружия была доказана всей историей Руси-России и так выражена поэтом:

*«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...»*

Ф. Тютчев

Любовь — дар Господний и способность человеческой души. Любовь объединяет и сплачивает людей и перед натиском врага, и под куполом собора. Жертвенная любовь крепче железа, сильнее страха и смерти. Она победоносная и торжествующая. Это Вы доказали всей своей жизнью, будучи уже 30 лет архиереем Русской Православной Церкви. Ваша 50-летняя научная деятельность подтверждена многими трудами в области медицины, богословия, истории. Вы являетесь кандидатом медицинских наук, профессором богословия, членом нескольких академий, автором шести историко-богословских книг. Список Ваших основных трудов содержит более 250 названий, перечень Ваших наград не уместается на нескольких страницах.

Общение с Вами, дорогой Владыка Константин, — награда для создателей и читателей журнала «Родная Ладога», ставшего одним из ведущих журналов России по Вашему благословению. Наше издание, известное в мире, регулярно удостаивается публикаций Ваших статей и фрагментов новых книг. Сотрудничество и общение с человеком энциклопедических знаний, глубоко верующим, одухотворяет нас, заставляет совершенствоваться в своих знаниях, в ответственности, преображаться путем воцерковления. Показательно, что Ваши статьи, размещенные на журнальном сайте, самые читаемые, они привлекают внимание людей разных взглядов и компетенций, они зажигают даже в атеистических сердцах интерес к исследуемым Вами проблемам, что в дальнейшем может привести человека в Церковь. Да и как может быть иначе, если в Ваших книгах дана документально подтвержденная, богословски осмысленная реальная картина борьбы человека за победу добра с помощью Божией. Невозможно не утвердиться в вере в Промысл Господний, читая Ваши статьи, опубликованные в нашем журнале, посвященные святому князю Александру Невскому или преподобному Иосифу Волоцкому, защитникам русской веры и государства, выпускнику СПб Духовной академии молитвеннику и просветителю праведному Иоанну Кронштадтскому или глубоко верующему святому Царю-страстотерпцу Николаю II, принявшему смерть за Отечество. Вы показываете не только их личности, но жертвенный подвиг стояния за Землю Русскую, за Веру Православную.

Вы учите своих читателей понимать истинный смысл исторического события, доказываете, что, не осознав истинной сущности смутного времени, не исследовав его реальных причин, ставших следствием отступления человека от Бога, мы можем допустить его повторение. Ваши книги «И познаете истину (Ин. 8:32)», «Встань и иди в дом твой (Лк. 5:24)», «Апокалипсисы революций», «Чаша Господня и чаша бесовская (1 Кор. 10:21)» учат истории и предостерегают от повторения исторических ошибок, напрямую связанных с несовершенной греховной человеческой природой.

Ваше пастырское и писательское слово, слово правды и истины, вливающееся в сердца и умы людей, преображающее, объединяющее их, доказывает великую силу Слова как первопричины жизни, как мощного оружия в

битвах духовных и воинских. Как говорил святитель Лука (Войно-Ясенецкий): «Сила слова человеческого, сила подлинная, духовная, проникающая в сердца других людей, дается только от Духа Святого. Только в слове тех, кто живет Духом Святым, эта подлинная сила, которой покоряется сердце. Это сила Божия, сила Духа Святого, делаясь причастниками которой, люди освящаются и становятся чистыми сердцем, возлюбившими всем сердцем добро и правду и возненавидевшими зло и неправду».

Господь одарил Вас этой силой, наделил честью вести духовные полки к победе в сражениях за Иисуса Христа, за веру, за Православие, за Русскую Православную Церковь и Русскую землю. Желаем Вам, дорогой Владыка Константин, на этом, устремленном в будущее, пути здоровья, крепости сердца, помощи единомышленников и близких людей, новых книг, умножения паствы. Чаем понимания и признания Ваших высоких трудов всем боголюбивым народом России.

Слава Богу, что в мире и в нашей жизни есть Вы, дорогой Владыка Константин!

*Редакция, члены редколлегии,
авторы и читатели журнала «Родная Ладога»*

Санкт-Петербург. 2021 год

О БОГЕ И ВЕЧНОСТИ, ВЕРЕ И РОССИИ

*Интервью митрополита
Петрозаводского
и Карельского Константина
(Горянова) для журнала
«Родная Ладога»*

23 марта 2021 года митрополит Константин (Горянов) отмечает 70-летие. В этом же году отмечается 50-летие его научной деятельности и 30-летие архиерейской хиротонии. По просьбе редакции журнала «Родная Ладога» уважаемый Владыка любезно согласился ответить на вопросы, интересующие и авторов, и читателей нашего все-российского журнала, известного во многих зарубежных странах. Статьи митрополита Константина, публикуемые на страницах журнала со дня его основания, вызывают особенный интерес. На сайте издания видно, что это наиболее читаемые материалы.

«Родная Ладога»: Ваше Высокопреосвященство, уважаемый Владыка Константин, поздравляем Вас с символичным юбилеем, заставляющим оглянуться на пройденный путь, оценить свои достижения, рассказать о них более широкому

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — имеет более 15 церковных наград, в том числе: Орден блгв. кн. Даниила Московского II ст.; Орден преп. Сергия Радонежского II ст.; Именная панагия к 10-летию архиерейской хиротонии; Орден Святителя Иннокентия Московского II ст.; Орден Белорусской Православной Церкви Святителя Кирилла Туровского II ст.; Орден Святителя Макария, митрополита Московского, II ст.; Орден св. блгв. князя Даниила Московского III степени и др. А также более 50-ти государственных, научных и общественных наград. Среди них: медаль «В память 300-летия Санкт-Петербурга», медаль лауреата «Личность Петербурга»; высшая награда МАНЭБ — орден св. прав. Иоанна Кронштадтского; Почетный знак Российской академии естественных наук «Звезда академии» I степени; Медаль за вклад в развитие РАЕН «Мыслящий и работающий человек есть мера всего»; Медаль генералиссимуса Александра Суворова «За вклад в патриотические традиции Отечества» и мн. др.

кругу церковных и не церковных людей, ищущих ответы на главные вопросы жизни. Наше литературно-художественное и культурно-просветительское издание, созданное по Вашему благословию и при Вашем активном участии, гордится сотрудничеством с Вами, как с известным иерархом Русской Православной Церкви, богословом, историком, писателем. На страницах журнала «Родная Ладога» публиковались разные по тематике Ваши статьи, многие из которых претворились со временем в уникальные по содержанию и смыслам книги, посвященные вопросам и далекой истории, и современности, имеющие актуальное значение. Расскажите, пожалуйста, о Вашем становлении как ученого и писателя.

Митрополит Константин: Смолоду меня привлекала исследовательская деятельность. Уже на первом курсе Винницкого медицинского института начал заниматься научной работой, в начале — в студенческих кружках, а затем, — и над будущей кандидатской диссертацией, которую защитил в 1981 году в Смоленском медицинском институте, занимал должность старшего преподавателя в Брянском университете. Религиозные убеждения возникли еще в начале учебы в мединституте, постепенно они крепились, оформлялись и стали доминировать так, что их уже невозможно было скрывать. Никаких внезапных озарений и драматических поворотов судьбы, которые способствовали бы возникновению веры, не было. Способствовали укреплению веры научные занятия, чтение религиозной литературы и появившийся круг верующих знакомых. Постепенно я пришел к выводу, что главное в моей жизни — служение Богу. Поступив в Московскую Духовную семинарию, что в те времена было тяжело, я заинтересовался догматическим богословием. Это был мой любимый предмет. Понял, что без осмысления божественной основы мира невозможно понять историю Отечества, трудно оценить человеческие поступки и стремления. В связи с этим труды русского философа — метафизика Виктора Ивановича Несмелова по антропологии, в то время науки мало известной, привлекли меня особенно. Его работы по религиозно-философской антропологии я изучал, готовя диссертацию на соискание звания кандидата богословия. Диссертация на тему «Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX—XX веков: В. С. Соловьев и В. И. Несмелов» стала не только моей важной научной работой, но и базисным трудом в дальнейших исследованиях.

Р.Л.: *Как эта сложная антропологическая наука помогла Вам в Вашем церковном служении и в творчестве?*

Митрополит Константин: На основе религиозной антропологии Виктора Несмелова мною были осмыслены факты истории и современности, написаны несколько статей на различные темы, она стала исследовательским базисом в вопросах человеческой природы и общества. Мои медицинские знания оказались необходимым дополнением к религиозно-философской антропологии, ведь они тоже о любимом творении Господа — человеке, который мучительно ищет первопричину своего существования. Кстати, во время учебы и преподавания в Московских Духовных школах я продолжал заниматься врачебной практикой, принимал участие в создании фильма «Дух, душа, тело» об архиепископе Луке (Войно-Ясенецком).

Хлеб, чудо, власть, история — те, присущие человеческому бытию, категории, посредством которых подвергался искушениям Христос в пустыне. Этим искушениям все человечество подвергается поныне. Христос выдержал их, «слово уст Его осудило сатану» (Ефрем Сирийский. Толкование на Четвероевангелие). Но по свидетельству апостола Луки, дьявол оставляет Иисуса Христа лишь «до времени» (Лк. 4:13) и продолжает свои искушения позже через народ иудейский и даже через учеников Спасителя, строя новые козни. Эти искушения проходят через всю христианскую историю, затрагивая уже распространившуюся и укрепившуюся христианскую Церковь и христиан. Противоборство смыслов отражает великая русская литература. Знаком человеческой души Федор Михайлович Достоевский много исследовал вечные вопросы бытия, своим эмпирическим опытом он разрешил трудные вопросы существования, подтвердив единственно правильный вывод — все загадки, все тайны жизни составляют один неделимый организм, сердце которого — Бог. Человек, думая о себе, начинает задумываться и о Боге. Герои Достоевского борются за свою личность, в Церкви человек тоже борется за свою индивидуальность, за свое бессмертное имя. Проблема бессмертия души — главная проблема, решение которой влияет на решение всех остальных проблем человечества, которых у него накапливается год от года, день ото дня все больше.

Несмелов рассматривает многие, привычные нам понятия из мира материальной природы через образ Безусловного Существа, через подобие Абсолютной Личности. Он показывает, что в человеческой жизни существует не просто лишь недостаток полного совершенства, в ней существует противоречие моральному сознанию, осуществление того, чего не должно быть, то есть зла.

Проблемам противоборства добра и зла в их непримиримой борьбе за человеческую личность посвящены многие литературные произведения. Бунт, неприятие мира, неприятие Христа — темы великих романов Достоевского, прозы Лескова, исканий Гоголя, авторов, существующих в неколебимом убеждении существования Бога.

Антропология Несмелова, посвященная первопричинам «не должствующего быть», дала мне толчок и направления к решению современных вопросов, среди которых вопросы исторического знания сегодня наиболее популярны. Я убежден, что история не есть нечто минувшее, ушедшее безвозвратно, она актуальна, так как требует правильного понимания, современного прочтения, очищения от наслоения лжи, от политической конъюнктуры. Все архетипы человеческого поведения изложены в Библии. Еще три тысячи лет тому назад премудрый Екклесиаст изрек: «*Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот, это новое“; но это было уже в веках, бывших прежде нас*» (Екклесиаст. 1:9–10). Мы видим, какие ожесточенные сражения происходят на поле истории нашего государства, которую мы до некоторых времен доподлинно и не знали.

Р.Л.: *Расскажите, пожалуйста, подробнее о сути этой своей академической работы, посвященной религиозно-философской антропологии, так повлиявшей на Ваш творческий путь. Сегодня не многие знают о личности выдающегося русского ученого Виктора Несмелова.*

Каковы его убеждения, доказательства, концепции? Что в его работах Вас привлекает?

Митрополит Константин: Это очень обширный вопрос, так как обширно и многопланово творчество этого русского философа-богослова. Смогу ответить только тезисно. Виктору Ивановичу Несмелову, заслуженному профессору Казанской Духовной академии, принадлежит первая и пока единственно успешная попытка создать целостную систему православной антропологии. Что касается Владимира Сергеевича Соловьева, замечательного русского философа, то он создал свою оригинальную философскую систему, влияние которой испытала последующая религиозная мысль. Но сравнивая Несмелова и Соловьева, можно сказать, что их подход к проблеме человека диаметрально противоположен: соловьевская дедукция и несмеловская индукция. Поясню: типичная модель дедукции предполагает движение в некотором рассуждении от общего к частному. В индукции же наоборот, знание об отдельных единицах приводит к умозаключению о том, что все предметы этого ряда обладают такими же характеристиками.

Начну с того, что я очень заинтересовался не только трудами выдающегося ученого Виктора Несмелова, но и его биографией. Еще будучи студентом Московской Духовной академии и работая над диссертацией, я изучал архивы закрытой Казанской Духовной академии и познакомился с его внуком — профессором—историком Несмеловым Олегом Владимировичем. Прекрасный человек, мы с ним потом много лет поддерживали переписку. Он мне показал единственное фото Виктора Ивановича, которое я впервые опубликовал в диссертации, а затем в «Вестнике Белорусского Экзархата» в 1991 году и других журналах. Виктор Иванович Несмелов родился в 1863 г., умер в 1937 г., но даже в богоборческие времена он не прекращал своего исследования о взаимоотношениях Бога и мира, Бога и человека, читал на дому лекции, был арестован. Очень мужественный человек. Несмелов был автором двухтомной «Науки о человеке». Он лучше всего, на наш взгляд, изложил двойственность человеческого бытия в этом мире. С одной стороны, человек — дитя природы, «простая вещь» физического мира, подчиненного его строгим законам, а с другой — личность, обладающая безусловной ценностью, выходящей за пределы мира вещей. Идеальная природа личности человека входит в конфликт с его реальным существованием.

Но как понимал Несмелов, в человеке есть безусловное надприродное начало, ему присущи качества, которых нет в окружающей природе, а именно: разум, самосознание, свобода и нравственность; значит, безусловное начало есть и вне человека, ведь материальное зеркало не может отражать несуществующий предмет. В доказательстве бытия Божия ученый выдвигает небывалую идею религиозной антропологии: человеческая личность является даже не зеркалом по отношению к Богу, а самим изображением Бога. Говоря словами философа, образ Божий в человеке не возникает под формою какого-нибудь явления сознания, а представляется самою человеческою личностью во всем объеме ее природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом. Человек лишь потому существует в качестве личности, что отображает в себе Безусловную Сущность и Личность. Истина бытия Божия утверждается здесь на неизвестных ранее основаниях.

Бердяев даже называл это «несмеловским» доказательством бытия Божия. Мысль Несмелова, что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей человека, например в уме, а в совокупности всех проявлений личности, продолжается в православной концепции «богословия образа».

Р.Л.: *Но как, по каким критериям человек, являясь «изображением Бога», находясь при этом в реальном конфликтном существовании, сам определяет степень своей греховности? Как он осознает необходимость покаяния?*

Митрополит Константин: Несмелов убедительно доказал, что человек — не только элемент видимого мира, но и участник инобытия, безусловного и сверхчувственного миропорядка: сознание «я» указывает на действительное существование человеческой личности в качестве метафизической сущности. Например, человек может мысленно переноситься в прошлое, анализировать его, но прошлое время ему уже не принадлежит. Человек может мысленно переноситься и в будущее, которому еще не принадлежит, и строить там свои планы. В воображении человек может перемещаться в различные места. Мы учим, что Бог существует вне времени и пространства. Бог обладает всеми временами и пространствами. Таким образом, вышеперечисленные свойства у человека — это одно из проявлений Образа Божия в человеке. В самосознании человек выходит за пределы этого мира. Он сознает себя личностью высшего порядка, а не вещью природного порядка, и это сознание не могло возникнуть из мира вещей, из порядка низшей природы. Свобода, нравственность не могли возникнуть из окружающей природы, где все обусловлено и детерминировано. Сознание своего богоподобия есть сознание не от мира сего. Это сознание родилось из мира иного, но именно оно позволяет оценить человеку и свою виновность.

Уровни виновности различны, Несмелов рассматривает категорию преступления как такового. Образная, оригинальная версия и психологическая история первого преступления в духовных космических мирах, созданная Несмеловым, изложена им во втором томе «Науки о человеке. Метафизика жизни и христианское откровение». Психология первого преступления в мире, является, на наш взгляд, архетипом великих бунтов земной истории, тем, что сейчас принято называть «технология революции». Несмелов отражает психологию первого преступления в мире, виновником которого является возгордившийся Люцифер, возымевший желание в «новом» мире стать вместо Бога.

Гениально изложенная Несмеловым психология бунта (основа которого есть клевета) в духовном ангельском мире является метафизическим архетипом технологии революций, в том числе и современных «цветных», так называемых «оранжевых», «розовых» и т. п. Это неоцененная современниками заслуга Несмелова, на которую при его жизни не обращали внимания, современными нам событиями подтверждена и заставляет признать правильность теории ученого. Эту губительную «технология» предрекали России, предостерегая, и великие русские писатели.

Р.Л.: *К их творчеству Вы часто обращаетесь в своих историко-богословских статьях и книгах. Не только посредством богословия и философии Вы исследуете нравственные состояния человеческого общества*

разных периодов, но и литературу привлекаете для подтверждения Божественных законов мироздания. Это допустимо?

Митрополит Константин: Да, потому что истина историко-научных знаний должна быть подтверждена и понятна многим слоям общества. Но найти обобщенный критерий истины дело трудное. Я, основывая свои доказательства, как Вы правильно отметили, на богословии и философии, для прояснения картины использую и великую русскую литературу, излагающую духовные законы бытия с помощью образов зримого, реального мира. Скажу, что, как и для Несмелова, для многих русских классических писателей чрезвычайно важным является установление и определение самосознания, как чисто человеческого феномена и как основы религии. Литература в лучших своих образцах доказывает, что человек настолько свободен, насколько согласен с волей Бога, именно эта этимология ведь и заложена в слове «с-во-Бо-да» (в согласии с волей Бога).

Но зачем нам свобода — воля? Как поясняет преп. Максим Исповедник, для того, чтобы соединиться с Самим Богом через подаваемую Им благодать. Такая благодать устраняет в человеке все неестественное, укрепляет естество в первоначальной красоте и увенчивает человека обожением. Свободная воля, таким образом, составляет необходимое условие в деле спасения: спасение всегда осуществляется по воле, а не по принуждению. Но каждому дару благодати должно соответствовать собственное усилие человека — синергия, т. е. взаимодействие двух энергий, двух волей.

Р.Л.: *Вопросы свободной воли и «самостоятельного хотения» исследует русская литература. Вы считаете успешно?*

Митрополит Константин: Во многом успешно, а главное, убедительно, даже устрашающе. Достоевский много больше остальных русских писателей подошел к богословским аспектам этого вопроса. В «надсознательном и подсознательном хотении» он видел проявление всей жизни и как говорил в «Записках из подполья», «...хоть жизнь наша, в этом проявлении, выходит зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлечение квадратного корня». То есть «свободная воля», «неограниченное хотение» — являются проявлением личности, индивидуальности, исканий, в которых помогает Церковь и вера. Как говорил Федор Михайлович: «Православие есть все!»

Суть — образ Богочеловека Христа, к познанию Его можно прийти только непосредственным, личным подвигом надразумной веры, молитвой, любовью, страданием. Посредством литературы, с помощью художественных образов можно рассмотреть и показать на реальных примерах этот путь, разъяснить, что такое человеческая воля и безволие, сила личности и нравственное рабство, что помогает человеку побеждать самого себя (свое своехотение), а русскому народу сокрушать даже непобедимого врага.

Р.Л.: *Но как же так получается, что в войнах и воинских битвах мы чаще всего выигрываем, но счет на поле противостояния идеологий не в нашу пользу? Почему легко отказываемся от своей истории, предаем Помазанника Божия, доверяем чуждой пропаганде? А потрясающий успех засланных самозванцев, которых за полтысячи лет было немало?*

Митрополит Константин: В истории борьбы Руси-России за независимость, действительно, на поле брани на протяжении столетий мы неизменно видим победы русских воинских полков над чужеземцами. Но в истории русских революций или, как их еще называют, Смутных времен (прекрасное выражение — муть в голове), мы замечаем, как «народные полки» всякий раз вначале сдаются без боя. Проникаясь лживыми посулами врага, народ не раз безропотно предавал своих князей и царей, которым крестным целованием клялся в верности, а потом кровью своею и своих детей искупал свое предательство. Суть и причины этих отступлений и поражений кроются в историческом конфликте власти и народа — конфликте, имеющем глубокие духовные корни, уходящие в библейскую историю. Убедительнее многих историков, зримо, правдиво этот конфликт исследовали гениальные русские писатели. Они не были профессиональными историками и богословами, но изучали Закон Божий в гимназиях, были воспитаны в православной традиции, осеменяющей жизнь всех сословий в царской России.

Пушкин, Достоевский, Лесков посредством художественных образов, основываясь на личном понимании божественных законов бытия, выявляли причины, нарушающие закономерный ход русской истории, высвечивали темные стороны характеров героев произведений, отражали человеческие поступки, приводящие к необратимым последствиям и мрачным смутам. Александр Сергеевич Пушкин в своей трагедии «Борис Годунов» изобразил трагический, непостижимый в своем разрушительном потенциале конфликт власти и подданных через глубокий образ безмолвствующего народа. Последняя фраза трагедии «Народ безмолвствует» — заставляет содрогнуться и ужаснуться нас, знающих о кровавых последствиях этого равнодушия, и понять, что безмолвие, неучастие — это и предательство, и суд, и наказание. Народ одобрительно или безразлично (по-церковнославянски — теплохладно) молчит, когда на его глазах враги уничтожают законного Царя, народ безмолвствует и потом, предчувствуя собственную кару. После бунта, после пьяных дней эйфории приходит отрезвление, вселяется парализующий ужас от содеянного. Паралич воли: большой террор большого сопротивления не встретил. В другом пушкинском произведении, в стихотворении «Бесы», метафорически показаны истинные бенефициары спровоцированного извне бунта народа против законной власти — это бесы-провокаторы, олицетворяющие человеческие страсти и пороки, они сбивают путников с праведной дороги, погружают в круговерть беспорядка, в метельный хаос смятения.

В романе «Бесы» Федор Михайлович Достоевский убедительно доказывает реальное существование бесов, показывая их сущность через образы конкретных людей, имеющих исторические прототипы, которые не безмолвствуют, но в своей разрушительной пропаганде весьма откровенны и говорливы. Одним из таких прототипов, например, является известная историческая личность — С. Г. Нечаев, приятель М. Бакунина и Н. Огарева, организатор подпольной московской террористической организации «Народная расправа», автор радикального «Катехизиса революционера», хладнокровный убийца.

Как я пишу в своей книге «Чаша Господня и чаша бесовская», посвященной революциям начала прошлого века в России и их последствиям, Нечаевым восхищался Ленин, называл его «титаном революции». Прочитав слова застреленного из заграницы пассажира опломбированного вагона: «Совер-

шенно забывают, — говорил Владимир Ильич, — что Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятными на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос — “Кого же надо уничтожить из царствующего дома?” Нечаев дает точный ответ “Всю большую ектению”. Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или иным причинам, бывало в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царский дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит себя самый простой читатель. — Да весь дом Романовых, — должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности!». Ленин правильно понял и ловко использовал этих реальных «бесов».

Радикализм Нечаева был экстремальным. Он провозглашал понятные народу тезисы: кто не готов отдаться революции до самоотречения, тот обречен стать жертвой; чем больше жертв, тем лучше и т. п. Как отмечали современники, Нечаев «почти всегда лгал, был искренен во лжи», и в этом была его сила (а мы знаем, кто «отец лжи»). Особенно революционеры были искусны в клевете на власть. Вот Достоевского и интересовало, как эти Нечаевы набирают себе последователей — нечаевцев. Как Нечаевы искушали «нечаевцев»? Достаточно просто, зная психологию толпы: возбуждение смуты, плетение интриг, развязывание инстинктов масс, поправление святынь, глумление и кощунство и т. п. Рецепты этой политической кухни не изжиты поныне, востребованы и применяются с успехом и сегодня.

Но если четкие разрушительные лозунги были ближе и понятнее простому народу, то на людей образованных имели влияние, например, идеи реформирования христианства и всей Русской Православной Церкви (почему-то других конфессий теоретики-реформаторы не касались). Мысль всеобщего счастья и личной свободы очень нравилась многим известным представителям российской интеллигенции. Искусительная надежда на возможность земного рая кабинетными мудрецами — реформаторами — экспериментаторами внедрялась в сознание образованных людей. И очень успешно. Не то ли самое мы видим сегодня?

Р.Л.: *Очень актуальная тема, связанная с многочисленными революциями новейшего времени. В уклонении от Божия Закона жизни Вы видите причину всех войн и революций, в частности, так называемых «цветных», свидетелями которых мы становимся с учащающейся регулярностью. Трагическим временам русской истории посвящена Ваша историко-богословская книга «Апокалипсисы революций», изданная в 2018 году. Она собрала много положительных отзывов. Что бы Вы сказали о сравнительном значении этой книги, ставшей продолжением Вашего известного двухтомного собрания сочинений? Два его тома — «И познаете истину» от 2011 года, «Встань и иди в дом твой» от 2014 года, содержат научно-богословские статьи и доклады, как, например, «Богословские аспекты таинства Евхаристии» или «Темы Благовещения и Боговоплощения в творениях петербургских святых». Последняя статья является расширенным вариантом доклада, сделанного Вами на*

Архиепископ
КОНСТАНТИН (Горянов)

И ПОЗНАЕТЕ
ИСТИНУ

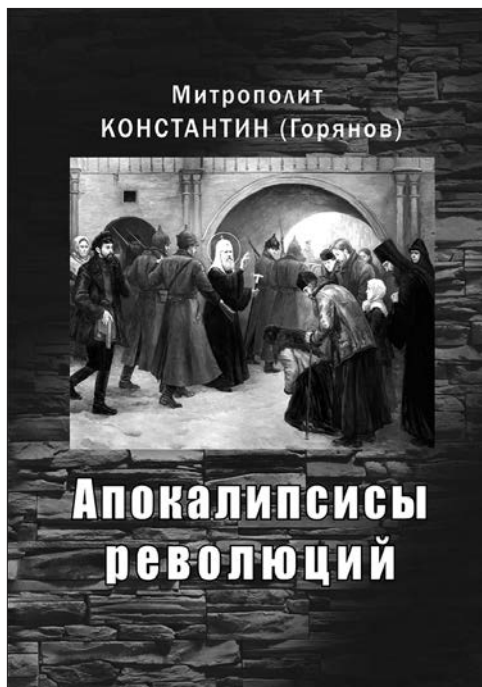
Архиепископ
КОНСТАНТИН (Горянов)

ВСТАНЬ И ИДИ
В ДОМ ТВОЙ

Всеpravославной богословской конференции в Назарете, посвященной 2000-летию Благовещения. Мы знаем, что в двухтомное собрание сочинений включены также исторические очерки, например, о забытой сегодня Урмийской миссии Русской Православной Церкви в Иране (доклад на международной конференции в Тегеране), о христианской истории Зауралья и другие статьи, рассматривающие исторические события с богословской точки зрения. В чем Вы видите особенности и новизну книги «Апокалипсисы революций»?

Митрополит Константин: Упомянутая Вами книга «Апокалипсисы революций», название которой перекликается со стихотворным образом М. Волошина, является плодом трудов и размышлений за 20 лет моей жизни. В ней акцентирована политическая подоплека, являющаяся наиболее понятным примером несовершенства человеческой личности, неблагоприятная политическая история связана с непониманием человеком законов своего существования в божественном мире. Это сборник статей, отражающих смутные времена и важные исторические вехи в жизни нашего государства. Это сконцентрированный исторический опыт, это подтверждение моей основной мысли, что служение Отечеству не просто священный долг каждого гражданина, но для православного русского народа — это служение Господу. Историческая наука в отличие от синтезирующей философии наблюдает цепь последовательных событий во времени. Для того чтобы создать некую теоретическую нравственную картину человеческого общества, необходимы, однако, богословские и философские обобщения. Мне было интересно проследить в разные исторические эпохи возникновение смутных времен, определить их связь

с особенностями менталитета нации, показать связь с традицией. Мне хотелось создать целостное, убедительное гармоничное произведение, в котором художественно-литературный образ события много приближает к раскрытию его сущности.

Понимая, что национальные культурные особенности изменяются значительно медленнее, чем экономические и политические, я хотел добиться правды жизни не перечислением только фактов и дат, но приданием образу смыслового значения. Современному человеку нужно не только количество знаний, но их запоминающаяся образность. Надо выявить сущности мира, истории, политики, скрытые от нас потоком времени. Поэтому я посвятил эту книгу своим родным, воспитавшим меня в вере: деду священнику Ники-

те Васильевичу Горянову — узнику Данлага, моим родителям — Александру Никитичу и Марии Федоровне, которые много способствовали тому, чтобы история в моем понимании обрела личные, зримые, родовые черты.

Р.Л.: *В Вашем роду были личности выдающиеся. Известно, что Ваш прадед о. Стефан Щербаковский совершил воинский и духовный подвиг, ставший символичным не только в Российской империи, но и в Европе, запечатленный не только литературными свидетельствами, но и в живописи, даже в западноевропейском фарфоре. У нас почти век подвиг Вашего прадеда, по понятным причинам, замалчивался. Расскажите об этой героической истории начала прошлого века.*

Митрополит Константин: О подвиге моего прадеда (не по прямой линии) я подробно рассказывал в одной из глав упомянутой Вами книги «Апокалипсисы революций». Поэтому буду краток. Моему прадеду, полковому священнику Стефану Щербаковскому, довелось участвовать в упорном, кровопролитном Тюрненском бою у реки Яла 18 апреля 1904 г., где, по свидетельству известного военного историка Керсновского, 6 тысяч русских с 30 орудиями дрались с 36 тысячами японцев при их 128 орудиях. Когда был убит командир полка наших воинов, отец Стефан с поднятым крестом в руках и пением «Христос Воскресе» поднял в атаку отступавших солдат, встав впереди знаменосца. После этого полк отбил сопку и дал возможность другим войскам выйти из окружения. Мой прадед был ранен в руку, в ногу, контужен в бок и потерял сознание. Сам о. Стефан скромно оценивал свой подвиг, воздавая дань Божией помощи.

Много говорит о природе христианского подвига на войне такая подробность. Отца Стефана, истекающего кровью, положили на подводу, сле-

«В горах Тюренчена, 18 апреля». Художник М. Л. Маймон, 1905 г.

дующую в госпиталь. По пути священник очнулся и увидел, что убитого в бою солдата хотят похоронить без отпевания. Ослабевший священник поднялся с подводы и в заботе о спасении души незнакомого ему раба Божия сумел отслужить панихиду по убитому, тем добавив еще один стежок на прекрасное полотно всеобщей Божественной гармонии. Интересно, что выпущенная в 1919 г. в Европе серия почтовых марок, приписываемых правительству А. И. Деникина, повторяла иконографию картины художника М. Л. Маймона, на которой изображен подвиг о. Стефана. В годы Первой мировой войны он служил на Румынском фронте.

Понятно, что богоборцам, взявшим власть в России после Октября 1917 г., претили такие герои. Отец Стефан, оставшийся верным России, был замучен в застенках одесской ЧК. Дед Никита Васильевич Горянов не побоялся принять диаконский сан в 1932 г. от одесского архиепископа Анатолия (Грисюка), священномученика (+1938 г.). Мой отец Александр Никитич, военный фельдшер, во время тяжелых оборонительных боев на Южном фронте, для того чтобы уменьшить потери среди санитаров, перенес свой пункт на передовую. За сутки боя из двадцати санитаров оставалось в живых 1-2 человека. Отец — инвалид ВОВ, после войны окончил Одесский мединститут, отличник здравоохранения.

Р.Л.: *Да, история Вашего рода достойна отдельного исследования и благодарности потомков, не только кровных, но и всех нас, кто осознает важность преемства поколений.*

Митрополит Константин: Я особо благодарен бабушке Матроне Горяновой и тете, монахине одесского женского монастыря Марии, воспитавшим меня в вере, которая способствовала обострению исторического зренья. Среди них были люди простой, искренней народной веры, из одесской верующей интеллигенции и священнослужители. Одесса — город свободлюбивый, правду там говорили без особого страха, и в букинистических магазинах соответствующей литературы было достаточно. Меня же всегда интересовали научные, философские представления, сущности таких категорий, как, например, разумное, духовное, временное, вечное, рациональное,

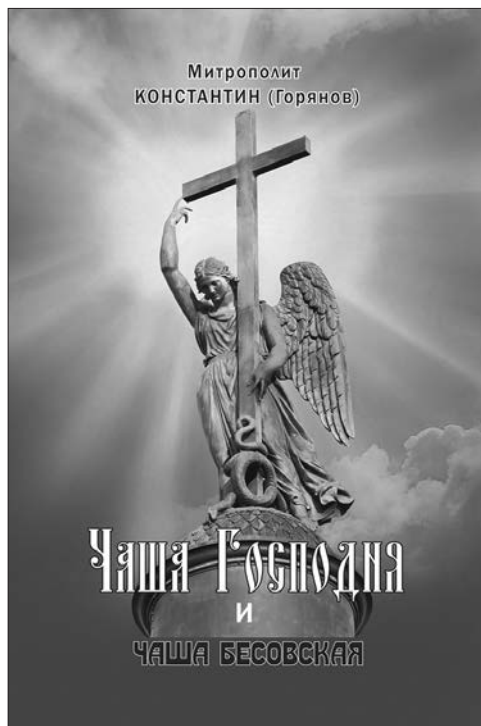
иррациональное. Я размышлял над проблемой разума в истории, осмыслял утверждение Гегеля, что развитие исторического процесса носит разумный, т. е. закономерный характер. Соглашаясь с тем, что история не есть иррациональный поток фактов, событий, процессов, а имеет свою логику, я был убежден, что надо говорить не столько о логике, сколько о строгих, неизблемых духовных закономерностях бытия. Это и пытался доказать на исторических примерах в своих работах.

Статьи, составляющие книгу «Апокалипсисы революций», посвящены выдающимся личностям: преподобному Иосифу Волоцкому — защитнику духовных границ России; праведному Иоанну Кронштадтскому, предупреждавшему о грядущей русской революционной катастрофе; героям Первой мировой войны, среди которых было много священников; святителю Патриарху Тихону, спасшему ценой собственных страданий и жизни Русскую Православную Церковь в богоборческие времена, и др. людям и событиям. Большое исследование посвящено так называемой «церковной революции» начала прошлого века на примере истории Карельского края. Все, о ком я рассказываю, совершали подвиги во имя веры и поныне являются нам живым примером, доказательством того, что исторический процесс един и непрерывен. Что без прошлого и настоящего нет будущего. Что единое историческое пространство может существовать только посредством духовной организации общества, только надфизическим усилием Удерживающего.

Р.Л.: *Все статьи Вашей книги «Апокалипсисы революций» имеют актуальное значение, они перекликаются с современными геополитическими событиями, позволяют лучше понять настоящее, предвидеть будущее. Показательна в этом смысле статья о Брестской унии 1596 г., повлиявшей на весь ход украинской истории вплоть до наших дней. Интересное исследование посвящено истории Государственной Думы и развитию парламентаризма в Российской империи, не потеряли своей актуальности сюжеты о поисках Бога безбожной интеллигенцией в начале прошлого века в России. Но образ Царя Николая II Вам наиболее дорог, Вы в прежние годы посвятили его судьбе и жизни несколько статей, а недавно вышла Ваша новая большая книга «Чаша Господня и чаша бесовская» (2020 г.). Главный ее герой — последний Император Российской империи Царь Николай II, Помазанник Божий. Исследуя этапы его жизни в контексте общественно-политических событий того времени и влияние их на дальнейшую историю, вплоть до дня сегодняшнего, Вы рассматриваете в более широком нравственно-религиозном аспекте закономерности богоборческой большевистской революции, приведшей к крушению традиционных основ Русского мира, к гибели миллионов людей. Почему Вас заинтересовал именно этот период отечественной истории? И почему такое сложное название книги?*

Митрополит Константин: На примере святой жизни Царя-страстотерпца, принявшего Царский венец как Чашу Господню, я, опираясь на библейскую и российскую историю, хочу разъяснить сакральную сущность Помазания на Царство, значение клятвы народа на верность своему правителю, понятие священного права служения Отечеству, показываю катастрофические последствия нарушения клятвы народом, опоенным из чаши бесовской. Это образ библейский, прозвучавший из уст апостола Павла в Послании к Коринфянам:

«Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской. Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?» (10:21–22). Сегодня верность Родине, присяга на служение, почтение к верховной власти не устаревшие, но вновь жизненно важные понятия, обобщенные одним словом — патриотизм. Мои книги проясняют эту точку зрения на примерах из истории государства и судеб человеческих. Замысел книги родился в связи с подготовкой к 100-летию жестокого убийства Царя-страстотерпца и его Семьи, которое мы вспоминали в 2018 году. Этот юбилей соседствовал с другой великой датой — 75-летием Победы в Великой Отечественной войне в 2020 году. Само время объединило события, заставило осмыслить их во взаимосвязи, даже такой, что первую дату скомкали, под угрозой из-за пандемии оказалась и вторая дата. Так сформировалась книга, по сути, о России, русской вере и отступничестве от нее.

Р.Л.: Но ведь доньше за личностью Императора Николая II закрепилась нелицеприятная оценка — безвольного правителя, плохого командующего, сознательно отрекшегося от власти. Вы же представляете последнего русского Царя в иных, можно сказать, противоположных характеристиках: как святого человека, как лидера, много сделавшего для своей страны, как талантливого военачальника, по сути, выигравшего Первую мировую войну.

Митрополит Константин: Известно, что историю пишут победители. Эти характеристики даны Николаю II его врагами и предателями. Я убежден в своих оценках личности царя-страстотерпца не только потому, что он мне таким кажется, но по результатам моих исследований, по историческим фактам, которые с ссылками на источники я привожу в книге. Он по своей глубоко религиозной природе не был трибуном, не мог, как его противники, популисты и демагоги, обманывавшие народ, громогласно убеждать соотечественников в своей правоте, чтобы всем понравиться. Царь был человеком исключительной порядочности и молитвенно-мистического склада. Первостепенными критериями святости на Руси во все времена являлись — жертвенная пассивность (кенотичность) и чудотворение усопших. Все это присуще страстотерпцу Николаю II. Страстотерпцами были первые русские святые князья Борис и Глеб, сознательно пожертвовавшие своими жизнями, чтобы предотвратить междоусобное кровопролитие, способное погубить страну.

Николай II тоже сознательно принес себя в жертву Отечеству, чтобы не навлечь на него гражданскую войну. Мы знаем, что шла Первая мировая война, близилась русская победа, до которой оставалось несколько месяцев. Деструктивные внутренние и внешние силы понимали, что развязывание в это время гражданской войны внутри России — приведет к неизбежному ее поражению, что было выгодно многим нашим противникам. Им это было необходимо. Царь тоже это понимал и пытался спасти Отечество не только от поражения в войне, но, главное, от кровопролития в начавшихся гражданских столкновениях. Ленин, действуя против законной власти и не жалея народ, выдвинул лозунг о превращении войны мировой в гражданскую, способную уничтожить все здоровые силы, выступающие против революции. Переворот был нужен не только для смены власти, но и для беспрепятственного, открытого грабежа национального богатства, необходимого, в том числе, и для расплаты с Германией за помощь революционерам. Царь, надеясь избежать гражданской войны, избрал жертвенный путь.

Только спустя сто лет Россия начинает постепенно понимать высочайший уровень подвига оболганного, униженного, умученного со всей своей семьей последнего Помазанника Божия Царя Николая II. Сегодня можно даже услышать предложения о восстановлении монархии. Я в этой книге раскрываю сущностные религиозные смыслы таинства Помазания на Царство. Показываю его сакральность, божественную сущность, не поддающуюся человеческому хотению. Показываю, что предавшие православного Царя подданные, может, не понимая того, попадают в бесовское рабство. Это рабство в зримой убедительности было явлено в нашей стране во времена разгула богоборческой власти, Красного террора, отказа обманутого народа от христианских законов существования.

Монархическая власть — исконная, многовековая власть Русского государства, бывала и плохой и хорошей, но всегда на христианских основах. «Мы любим Царя, потому что любим Бога», говорил Оптинский старец Варсонофий. Русские цари были гарантами истинного христианского благочестия. Как говорил В. Розанов, «В царской власти и через ее таинственный институт побеждено чуть не главное зло мира, которое никто не умел победить и никто его не умел избежать; злая воля, злое желание, злая страсть».

Российская революционная трагедия, ставшая следствием духовно-нравственного преступления части народа, является, как мы уже говорили, в свою очередь следствием первого преступления, произошедшего в духовных космических мирах. Соблазненные слугами клеветника, по-гречески — дидавола, облекшимися в личины «пламенных революционеров», многие русские люди возненавидели своего Царя, разрешили его убить, и захлестнула Россию «злая страсть». Чтобы понять, что же все-таки произошло сто лет назад, надо сначала понять, от чего отреклась Россия. Для этого надо уяснить, что представляет собой Помазание на Царское служение, понять суть высшей власти, осененной Промыслом Божиим. О Помазании святым елеем часто говорится в Библии. В Ветхом Завете это свидетельство божественного призвания человека при возведении его на высшее, самое ответственное служение — Царя, Пророка, Первосвященника. «*Не прикасайтесь к Помазанным Моим*» (1 Пар. 16:22) — строгое предостережение Библии. О Помазании неоднократно говорится и в Новом Завете.

Но прикоснулись, но сокрушили и убили... И весь народ поплатился. И получила небывалое разорение страна. Грех предательства и отступни-

чества был искуплен только огромной народной жертвой в годы Великой Отечественной войны. Обо всем этом моя книга «Чаша Господня и чаша бесовская». И о многом другом.

Р.Л.: *А что Вы можете сказать о современной России?*

Митрополит Константин: Я рад, что, несмотря на информационную войну, возрождается православная вера, возрождается национальная традиция, умудряются души людские. Не иначе, как Промысел Божий, чудо великое — первая строка гимна современной России, одолевшей за свою историю не одно иго: «*Россия — священная наша держава*».

Эта строка кажется сгустком всех русских смыслов. Здесь нет зримых материальных составляющих русского мира, за которые научились цепляться в своем разрушительном стремлении наши исконные враги. Русский мир задан в истинах религиозно-духовных и представлен в образе сакрального «русского узла», где слово «священная» (т. е. обладающая святостью, глубоко чтимая, заветная, такая, на которую нельзя посягнуть, в высшей степени почитаемая и значимая, неприкосновенная) соседствует со словом «Держава». Держава — это обозначение могущественного независимого государства и символ Царской власти, увенчанный крестом. Незримое присутствие Креста свидетельствует о том, что Держава здесь имеет смысл закона в понимании благодати, то есть нравственного закона, без которого Россия не может существовать как государство.

В Москве гей-парадов нет, в столицах многих государств, и даже в Иерусалиме, они проходят. В администрацию нового правительства США демонстративно введен трансгендер. Говоря о Руси и ее Кресте, я ничего лучшего сказать не могу, чем сказал апостол Павел в Послании к Филиппийцам: «*Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их конец — погибель, их бог — чрево, и слава их — в сраме, они мыслят о земном. Наше же жителство — на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному Телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все*» (Послание к Филиппийцам 3:18–21).

Р.Л.: *Поэтичность изложения, использование метафорических образов, литературного материала, обширное цитирование литературных произведений, подтверждение своих мыслей строками из русской классической поэзии — яркая, выразительная сторона Вашего творчества. В своих произведениях Вы, Владыка, используете также данные архивно-исторических исследований, в особо сложных вопросах прибегаете даже к фундаментальной науке, к доказательствам с помощью известных законов и новейших открытий физики, математики, биологии, статистики. Каково Ваше мнение по поводу взаимоотношений науки и религии? Вы допускаете, что можно «алгеброй гармонию поверить»?*

Митрополит Константин: Сегодня мало кто не знает, что музыкальная гармония строится по математическому закону. Художники, скульпторы для создания лучшего произведения используют «золотое сечение», являющееся математическим соотношением. Понятно, что Пушкин, говоря о

гармонии, подразумевал не собственно музыкальный строй, а божественное вдохновение композитора, гармоничный замысел Создателя о мире и человеке. Я, будучи убежденным в наличии этого замысла, доверяю законам естественных наук, стремящихся к осмыслению единой картины мира. Разными учеными единое первоначало понимается по-разному, это может быть физический вакуум, предгеометрия, бозон Хиггса и т. д. Но именно это стремление и понимание заключает в себе метафизическую основу и сближает науку с религией, особенно с христианским учением, в основе которого лежит догмат о единой и нераздельной Святой Троице. В XX веке появилось особенно много поводов для сближения физики и религии. В. Соловьев еще в начале века отстаивал идею о единстве трех областей духовной деятельности человека — опытной науки, философии и богословия. Современные ученые доказательно подтверждают эту идею.

Открытие квантовой механики, приведшей к дуалистической парадигме взаимодействий, привело к отказу от механистического детерминизма и положило в основу мироздания вероятностные закономерности. Много раскрыто в эволюции Вселенной, что привело к сближению картин ее происхождения — естественнонаучной и библейской. Мне нравится идея о математической гармонии природы, находящая сегодня подтверждение в теории фракталов, где доказывается, что в природе части подобны целому. Также достоин размышлений антропный принцип, предполагающий, что во Вселенной не случайно возникли условия, при которых мог появиться человек. На эту интересную тему можно много говорить.

Р.Л.: *Ваш священнический путь, научная деятельность, творчество — обширны и глубоки. Поэтому закономерен итоговый вопрос: как бы Вы могли сформулировать смысл человеческого существования на земле? Что бы Вы могли сказать в напутствие читателям?*

Митрополит Константин: Как завет я бы привел слова архимандрита Кирилла (Павлова): «Веруйте в Бога, любите Его, стремитесь к Нему». Святитель Иоанн Златоуст говорил: «Если ты хочешь видеть силу непобедимую, прибежище неизменное, крепость непреодолимую, ограду непоколебимую, прибегни к Богу, обратись к Его силе». Если отвечать на самый сокровенный вопрос человечества — вопрос о смысле жизни, я бы процитировал апостола Павла, который учит нас *«чтобы поступали достойно Бога, во всем угождая Ему, принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога, укрепляясь всякою силою по могуществу славы Его, во всяком терпении и великодушии с радостью, благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете, избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего, в котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов...»* (Послание к Колоссянам. 1:10–14). А по-простому: прилепляйтесь к Богу, уповайте, полагайтесь на Него и будете счастливы во спасении!

Р. Л.: *Спасибо, уважаемый Владыка Константин, за этот разговор, разговор о нашем прошлом, настоящем и будущем. Таким образом, получился разговор о Боге и вечности, вере и России, не существующих одно без другого.*

Беседовала Валентина Ефимовская

**Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

ЗАЩИТНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ (1221–1263): ВОИН И СВЯТОЙ

К 800-летию от рождения

*Расширенный вариант
доклада на региональном этапе
XXIX Международных
Рождественских
образовательных чтений:
«Александр Невский: Запад
и Восток, историческая память
народа» (г. Петрозаводск,
17 ноября 2020 года)*

Отечество, Отчизна — важные для каждого человека слова, означающие в главном значении страну отцов, землю предков. Отечество — наша ценность, наша гордость и ответственность. Ответственны мы перед потомками и перед теми поколениями, кто передал нам это сокровище, показав пример своей любви, кто завещал его сберечь и защищать. А это почти все люди Руси-России, жившие до нас. Но среди них были личности особенные, одаренные Божиим заданием, наделенные невероятными способностями, позволяющими исполнить Божий о себе замысел. Их имена сберегаются в поколениях. Чем дальше развивается историческая жизнь народа, тем ярче, светлее становится в памяти потомков религиозно-нравственный облик тех деятелей, которые, отдав все силы на служение Святой Руси — России, самой жизнью сво-

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужбной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

Благодарный князь Александр Невский, молящийся в храме Святой Софии перед Невской битвой. Эскиз мозаичного образа для иконостаса храма Воскресения Христова (Спас-на-крови) в Петербурге, 1894–1895. Художник М. В. Нестеров

Долгорукий. Князь Александр Невский был Великим князем Киевским в 1246–1263 гг. и Великим князем Владимирским в 1252–1263 годах. Его жизнь и деяния во многом связаны с северо-западной Русью, с Новгородом и Ладогой. Летописи свидетельствуют, что в его главных битвах Невской (1240) и Ледовом побоище (1242) принимали участие ладожане. Существует легенда, что двадцатилетний князь Александр перед Невской битвой освятил в ладожской церкви св. Георгия свой меч. Александр Невский имеет особое отношение к Карелии, поскольку в XIII в. южная часть современной Карелии входила в состав Новгородского княжества и Новгородской епархии.

ей исполнили евангельскую заповедь, гласящую: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн. 15:13). К числу таковых избранников Божиих принадлежит святой Благоверный Великий князь Александр Ярославич Невский. Имя его — одно из самых почитаемых в истории нашего Отечества и самых любимых русским народом.

В 2008 г. в интернете был объявлен проект «Имя России». Предстояло выбрать путем всенародного голосования самую ценную и символичную личность за всю российскую историю. Из 500 исторических претендентов осталось 12 имен-символов, а в финале было выбрано имя князя Александра Невского. Этот святой воин-правитель-политик-монах был включен в список по инициативе Патриаршего Местоблюстителя митрополита Кирилла и в итоге поддержан всей Россией.

Святой князь Александр Невский происходит из рода Владимиро-Суздальских великих князей, родоначальником которого был сын князя Владимира Мономаха князь Юрий

Российский историк Н. И. Костомаров отмечал: «XIII век был периодом самого ужасного потрясения для Руси. <...> Задачею политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла удержать свое существование. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущие времена дальнейшему исполнению этой задачи, по справедливости может назваться истинным представителем своего века. Таким является в русской истории князь Александр Ярославич Невский»¹.

«Не бойтесь убивающих тело, — провозглашает Слово Божие. — Бойтесь более того, кто может и тело и душу погубить в геенне» (Мф. 10:28). «Душа Руси жила и дышала благодатью церковной. Монгольское рабство не грозило ей, неся смерть лишь государственному телу раздробленной удельной Руси. Зато смертельным повреждением русской жизни угрожало еретическое латинство. Благоверный князь знал это, поэтому делом его жизни стала забота о сохранении мира на Востоке, под прикрытием которого он мог бы все силы бросить на отражение агрессии коварного Запада»².

Отношение с Западом

Для того, чтобы понять религиозно-политическую ситуацию, в которой приходилось действовать князю Александру Невскому, и смысл его поступков, необходимо сделать краткий исторический экскурс, без которого будет непонятна агрессивность Запада, приравнивание православных русских к язычникам, пренебрежительное отношение к князю Александру.

Основные прегрешения Римо-католической церкви, приведшие к расколу Вселенского Православия, можно кратко сформулировать так: вопреки словам Христа (Ин. 15:26), апостольским заповедям и Вселенским Соборам Римский Патриархат, будучи одной из **поместных** церквей (тогда были: Римская, Александрийская, Антиохийская, Константинопольская, Иерусалимская), дерзнул внести искажение во **Вселенский** Никео-Константинопольский Символ Веры (вставка «*Filioque*»); измыслил и догматически утвердил положения о всемирном главенстве римского папы, как «заместителя Христа на земле» (известно, что заместитель назначается на время отсутствия замещаемого, но Христос всегда и во вся дни пребывает в Своей Церкви); была искажена древняя церковная традиция в свершении Таинств, введен обязательный celibat для духовенства и т. п.

Но, как утверждает выдающийся православный богослов XX в. В. Н. Лосский (1903–1958): «Именно *Filioque* и был единственной догматической причиной, был “первопричиной” разделения Востока и Запада; остальные доктринальные разногласия — только его последствия»³.

Восьмой член Вселенского Никео-Константинопольского Символа Веры гласит: «Верую... и в Духа Святаго, Господа Животворящего, Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки». *Филиокве* (лат. *Filioque* — «и от Сына») — добавление,

¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2005.

² Иоанн (Снычев), митрополит. Голос вечности. СПб., 2004. С. 288.

³ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Изд. центр «СЭИ», 1991. С. 45.

сделанное Римской церковью к восьмому члену Вселенского Никео-Константинопольского Символа Веры об исхождении Святого Духа не только от Бога Отца, но «и от Сына». Святые Отцы Второго Вселенского Собора, проходившего в Константинополе в 381 г., ввели в восьмой член Символа Веры о Святом Духе слова Иисуса Христа из Евангелия от Иоанна: *«Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, **Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне**»* (Ин. 15:26). Таким образом, точно опираясь на первоначальный текст Символа Веры, принятого в Константинополе, Древняя церковь, согласно Евангелию от Иоанна (15:26), учила об исхождении Святого Духа от Бога Отца. Римско-католики в первоначальный текст Символа Веры («Верую... и в Духа Святого, Господа Животворящего, **Иже от Отца исходящего, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки**») добавили к словам Христа свое выражение «и **Сына исходящего**». В итоге у римско-католиков этот член Символа Веры приобрел такую искаженную форму: «Верую... и в Духа Святого, Господа Животворящего, **Иже от Отца и Сына (ex Patre Filioque) исходящего...**», что, в свою очередь, является горделивым уточнением слов Самого Христа Спасителя.

Краткая, по сути завязанная на политике история этого вопроса такова. В 809 г. император франков Карл Великий созывает собор в своей столице Аахене (небольшой город в современной Германии), который специально рассматривал вопрос Филиокве. Несмотря на личное председательство императора и его давление, на соборе было проявлено большое разногласие, попытка богословски оправдать Филиокве оказалась безуспешной, и поэтому решили оставить восьмой член Символа Веры неизменным. Однако Карл, желая подчеркнуть свое величие и независимость от Константинополя, а также свое значение в церкви, обратился к римскому папе Льву III (понтификат 795–815 гг.) с просьбой утвердить недавно появившееся учение о Святом Духе (Filioque) и внести его в Никео-Константинопольский Символ Веры. Это необходимо было императору Карлу, чтобы иметь не только политические, но и религиозные основания для военных действий против богатого Константинополя. Например, с VI по X в. Париж был небольшим городом на острове Сите, а в Константинополе в X в. проживало около миллиона человек. Кроме того, была и личная обида Карла на Византийскую императрицу Ирину, вследствие того, что потерпел неудачу его проект династического брака Константинополя с дочерью Карла Ротрудой. В связи с нарастающими разногласиями между империями предполагаемый брак не состоялся, помолвка была расторгнута в 787 году. Поводом для начала военного противостояния могло стать обвинение греков в ереси, а это тогда было самое тяжелое преступление. Лучше всего было заставить папу включить в текст Символа Веры ту вставку (Filioque), которую православные отбрасывают принципиально. И тогда франки будут «иметь право» обращаться с ними как с еретиками, проще говоря, грабить «с чистой совестью». Таким образом можно будет уничтожить то исконное первенство Константинополя, которое за ним оставалось в вопросах веры, политики, экономики, культуры и науки. Все-таки воевать с единоверцами и грабить их считалось предосудительно.

Папа Лев III отвечает императору Карлу, что Второй Вселенский Собор, проходивший в Константинополе в 381 г., и последующие Соборы

*Александр Невский принимает папских легатов, 1876.
Художник Г. И. Семирадский*

не включили Filioque в Символ Веры не по небрежности или греческому невежеству, а намеренно. И далее папа Лев III по Божественному вдохновению «и ради любви и защиты Православной веры, — по выражению *liber pontificales* — повелел поместить справа и слева исповедального входа базилики св. Петра в Риме по серебряной доске с текстом Никео-Константинопольского Символа Веры без Filioque на греческом и латинском языках». Таким образом, тогда «Спор о Filioque... не был конфликтом между патриархатами старого и нового Рима, а был **конфликтом между франками и всеми римлянами, как на Западе, так и на Востоке**», — подчеркивает профессор Догматического богословия Фессалоникийского университета в Греции протоиерей Иоанн Романидис¹.

На Великом Свято-Софийском Соборе 880 г., проходившем в Константинополе в 879–880 гг. (Собор 383 Отцов) — последнем в истории Соборе, в деятельности которого принимали участие делегаты всех пяти Патриархатов Древней церкви: Римского, Александрийского, Антиохийского, Константинопольского, Иерусалимского — было принято важное решение о недопустимости никаких изменений в Символе Веры и осуждена вставка «Filioque». Знаменательно, что под деяниями этого Собора подписались легаты римского папы Иоанна VIII, поскольку в самом Риме в это время Символ Веры читался еще без Филиокве².

По своей значимости — это был Восьмой Вселенский Собор, на котором Второй Никейский Собор 787 г., не получивший еще к тому времени надлежащего признания на Западе (в окружении Карла Великого этот Со-

¹ Романидис Иоанн, *прот.* Филиокве. Доклад на конференции православно-англиканской богословской комиссии по диалогу 21–28 июля 1975 г. в Сент Олбанс (Англия) // Вестник Русского Западноευропейского Патриаршего Экзархата. Paris. 1975. № 89–90. С. 89.

² См.: Лебедев А. П. История разделения церквей в IX, X и XI веках. СПб., 1905. С. 297–298.

бор называли «нелепым синодом»), был объявлен Седьмым Вселенским. «Трудно переоценить значение этого события, явившегося последним ярким свидетельством единства в Православии церквей Востока и Запада перед наступившим через полтора столетия кризисом этого единства. В позднейшее время имели место попытки уменьшить реальное значение этого Собора... делались попытки исправления истории. Создалась легенда о новом осуждении патриарха Фотия папой Иоанном VIII и об изменении им своего отношения к великому свято-Софийскому собору. Некоторые доходили до утверждения, что собора этого не было вовсе»¹.

Однако постепенно под давлением франкских и германских императоров, а также человеческих амбиций, *Filioque* к концу X в. распространился по всему Западу, кроме Рима. Римские папы отстаивали неизменность Никео-Константинопольского Символа Веры дольше всех. Даже не так давно умерший польский русофоб папа Иоанн Павел II вынужден был признать этот факт, пусть и в смягченной форме: «Это уточнение ни в чем не изменяло сущности прежней веры, однако сами римские папы принимали эту формулу неохотно, в силу уважения к прежней общепринятой формулировке, звучащей также и в базилике св. Петра. Новая формула, введенная на Западе без особого сопротивления, вызвала много нареканий и споров среди наших восточных братьев, упрекавших Запад за введение существенных изменений в области веры»².

В Риме вставка *Filioque* в Символ Веры была сделана лишь 14 февраля 1014 г. при короновании германского императора Генриха II папой Бенедиктом VIII по категорическому настоянию императора. А сорок лет спустя 16 июля 1054 г. кардинал Гумберт яростно бросил на престол храма святой Софии в Константинополе буллу, содержащую анафему на Патриарха Михаила Керулария, обвиняя греков в том, что это они изъяли из Символа Веры *Филиокве* и «Подобно Пневматохам (“духоборам”), или Феумахам, отсекают в Символе Веры исхождение Духа Святого от Сына». 1054 г. считается датой «разделения церквей», но это выражение неточное. На самом же деле Римский патриархат отделился от остальных четырех патриархатов, сохранивших истинную веру.

В настоящее время в Римско-католической церкви собор 869–870 гг., созванный против Константинопольского патриарха Фотия и проведенный легатами папы Адриана II по его указанию, признается Восьмым Вселенским Собором. О последовавшем при папе Иоанне VIII решении (Великий Софийский Собор 880 г.), выразившем отрицательное отношение к этому собору 869–870 гг. всех пяти Патриархатов, вспоминают редко. Между тем, это отрицательное отношение долгое время уважалось на Западе. Выдающийся современный католический византолог аббат Франциск Дворник пишет: «До половины XI века ни один современный документ из тех, по которым мы наводили справки, не подтверждает вселенского характера VIII собора, т. е. адриановского собора 869–870 года. В XI веке решение Иоанна VIII о т. н. VIII соборе и реабилитации Фотия еще оставалось в

¹ Огицкий Д. П. Константинопольские соборы 869–870 и 879–880 годов и церковная современность // Вестник Русского Западного Патриаршего Экзархата. 1969. № 68. С. 221.

² Иоанн Павел II. Верую в Духа Святого Господа Животворящего. М.: Католический колледж им. св. Фомы Аквинского, 1998. С. 304.

силе, и собор этот не считался вселенским»¹. Отношение к этому собору на Западе изменилось в конце XI в., т. е. уже после «разделения церквей». Доктор Ф. Дворник по поводу Великого Софийского Собора 880 г. пишет: «К личности Фотия, — этого великого патриарха и отца Восточной церкви, на Западе в течение веков относились пренебрежительно, без христианской любви. Задача историка не только подчеркивать ошибки прошлого, но и защищать того, кто пострадал от этого. Этот долг история должна ему отплатить»². Также «пренебрежительно и без христианской любви», но с нарастающей ненавистью относились на Западе и к православной Руси. Это надо постоянно иметь в виду, когда мы говорим о деятельности и подвигах Александра Невского.

Что же касается слов папы Иоанна Павла II — «новая формула, введенная на Западе без особого сопротивления», следует отметить следующее: в высокообразованных богословских кругах на Западе продолжалось сопротивление незаконной вставке в Символ Веры *Filioque* еще два с половиной столетия после его принятия папой Бенедиктом VIII. В XIII веке в результате разногласий среди преподавателей в Париже на левом берегу Сены (современный латинский квартал) открывается ряд независимых колледжей, прародителей современной Сорбонны. Как пишет директор Восточного института в Эрлангене (Германия) профессор Карл Христиан Фельми: «Тем не менее, вплоть до 1240 г. *Filioque* не было в Символе Веры, который читался в Париже»³.

Об этом следует помнить российским криптоуниатам (тайным униатам) и филокатоликам. Однако автор из своего опыта знает, что они часто бывают большими католиками, чем римский папа, и никогда не признают даже того, что, пусть и с оговорками, но признают папы.

Итак, в период Средневековья римо-католической иерархии достаточно было просто везде насаждать убеждение, что Филиокве **изначально** было в Символе Веры, а попытки обосновать эту незаконную вставку богословски, исходя из текстов Священного Писания, появились гораздо позже. Для учения о *Filioque* в Священном Писании нет никакого явного основания. Даже папа Иоанн Павел II признает, что в текстах Нового Завета об этом прямо не говорится⁴.

Почему православные принципиально не принимают Филиокве? Из учения о Филиокве вытекает, что в Святой Троице Святой Дух — есть **связь** любви между Отцом и Сыном. Приведем свидетельство кардинала Поля Пупара, президента Папского Совета по диалогу с неверующими, президента Папского Совета по культуре, из его книги «Вера Католической церкви»: «Евангельское Откровение — это приоткрытые небеса, это интимность Божественной Жизни, раскрывающая перед людьми свою глубочайшую тайну любви: Единый Бог внутренне троичен в самой сокровенной

---

¹ Цит. по: *Огицкий Д. П.* Константинопольские соборы 869–870 и 879–880 годов и церковная современность // Вестник Русского Западного Патриаршего Экзархата. 1969. № 68. С. 222.

² Там же. С. 226.

³ *Фельми Карл Христиан.* Введение в современное православное богословие: пер. с нем. М.: Просветитель, 1999. С. 63.

⁴ См.: *Иоанн Павел II.* Верую в Духа Святого Господа Животворящего. М.: Католический колледж им. св. Фомы Аквинского, 1998. С. 306.

жизненной глубине, в Своих мыслях и Своей любви. И Трое — не что иное, как Одно. Таинственная печать Их единства есть Дух Любви. **Святой Дух, Параклет — это как бы Любовь, соединяющая Отца и Сына:** взаимная Любовь, вечно объединяющая Того и Другого, пребывающих в вечном единении через этот взаимный дар жизни, источник которого — Отец»¹.

Приведем свидетельство еще одного современного римо-католического богослова аббата Поля: «Отец в совершенстве знает Сына, и из этого знания изливается бесконечная Любовь, которая полностью отдает себя Сыну. Также и Сын в совершенстве знает Отца, и из этого знания изливается бесконечная Любовь, которая отдает себя целиком Отцу. **Это вечное созерцание между Отцом и Сыном вызывает взаимное восхищение, взаимную Божественную Любовь, не остающуюся бесплодной, Божественную Любовь, имеющую божественное содержание, которое выражается в Третьем Божественном Лице, Которое есть Дух Святой или Дух Любви** (выделено аббатом Полем. — *авт. ст. М. К.*). Отец и Сын единятся тесной любовью, могучей и пронизывающей все Их существо, откуда исходит Святой Дух. Подобным образом и на земле двое существ, любящих друг друга, составляют одно и, в конце концов, становятся третьим. Отец и мать взирают на своего ребенка, который является совершенным выражением их любви и который свидетельствует об их плодотворном единстве»².

Согласно православному учению, **Божественная Любовь — это общая энергия Святой Троицы**, которая присуща Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Святой Дух теряет Свой ипостасный (*личный*) облик, если Его отождествлять с любовью. Святой Дух из Личности превращается у римо-католиков в любовную связь между Отцом и Сыном. С таким умалением Святого Духа — Третьего Лица Святой Троицы — православные никогда не согласятся³. Так что прав был император франков Карл Великий, отыскивая религиозный повод для вражды, так чтобы было крепко, на тысячелетие.

В завершение краткого историко-богословского экскурса возникновения Filioque мне бы хотелось вновь привести цитату из труда профессора-протоиерея Иоанна Романидиса, в которой, на мой взгляд, содержится своего рода квинтэссенция всего вышесказанного: «...как ересь Филиокве столь же вредно, как арианство»⁴. Арианство унижает Второе Лицо Святой Троицы — Сына Божия, а Филиокве — Третье Лицо Троицы — Святого Духа.

Для большинства слушателей, не знакомых с богословием Святой Троицы, это одно слово Филиокве кажется несущественным. Однако, это не

---

¹ *Пуар Поль, кардинал.* Вера Католической церкви: пер. с франц. М.: Центр по изучению религий, 1992. С. 76–77.

² *Поль, аббат.* Замысел Божий и чудеса Его милосердной любви. Изложение христианского вероучения: пер. с франц. Брюссель: Жизнь с Богом, 1990. С. 62.

³ *Константин (Горянов), митрополит.* «Поступайте осторожно, ...потому что дни лукавы» (Ефес. 5:15–16). Брестская уния 1596 года как церковно-политический плод унионального богословия, ее наследие и наследники. // Константин (Горянов) митрополит. Апокалипсисы революций. СПб., Изд. Дом Родная Ладога. 2018. С. 56–57.

⁴ *Романидис Иоанн, прот.* Филиокве. Доклад на конференции православно-англиканской богословской комиссии по диалогу 21–28 июля 1975 г. в Сент Олбанс (Англия) // Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата. Paris. 1975. № 89–90. С. 115.

*Въезд Александра Невского во Псков после Ледового побоища, 1945.
Художник Вл. А. Серов*

так, например: казнить нельзя помиловать — здесь вопрос жизни и смерти в одной запятой. То же и с Filioque — последствия трагически...

Итак, после принятия в Риме в 1014 г. Filioque в статусе догмата, охраняемого теперь уже анафемой, Римско-католическая церковь стала насаждать мнение о «греках» (т. е. о четырех Восточных Православных церквях), как о схизматиках и еретиках-духоборах, обвиняя их в том, что это они исказили Символ Веры, выбросив из него Filioque. Ко времени Александра Невского на Западе это стало повсеместным мнением. С теми же, кто сопротивлялся этому, поступали на основании Евангелия от Марка: *«Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению»* (Марк. 3:28–29).

«Вечное осуждение» стойких православных начиналось уже здесь, на земле. «В великолепном аутодафе сжигали злых еретиков...»¹.

Захват крестоносцами в 1204 г. Константинополя с последующими убийствами и грабежами населения, мародерством, полным разграблением Святой Софии и всех православных храмов и монастырей, сожжением самой большой библиотеки в мире вызвало потрясение в христианском мире. Этот IV Крестовый поход организовал римский папа Иннокентий III. Это трагическое событие вселенского масштаба привело к окончательному разделению христианского мира и военной конфронтации римо-католиков и

¹ Строка из стихотворения А. И. Полежаева, 1838 г., упоминаемая Достоевским в «Великом инквизиторе».

православных, вражды и установления атмосферы всеобщего хаоса. Завоеватели Константинополя это: пехота и кавалерия, в основном — франки, а флот — венецианский. Что интересно и поучительно было для князя Александра: защитников Константинополя было намного больше, чем нападавших крестоносцев, и до сих пор Константинополь никто не мог взять даже большими силами. Одной из причин падения Константинополя стало предательство «пятой колонны», с чем еще предстояло столкнуться князю Александру в Пскове и Новгороде. Кроме того, византийцы по требованию венецианцев заранее сильно сократили свой флот, который имел огромное оборонное значение¹. Венеция тогда была зародышем европейского капитализма. Константинополь, после захвата, был превращен в столицу Латинской империи. Об этом Александр Невский тоже знал.

9 декабря 1237 г. папа римский повелел упсальскому архиепископу (Упсала — древняя столица Швеции) возвестить крестовый поход против русских «схизматиков» и язычников-карелов и финнов. Именем Всевышнего папа Григорий IX обещал прощение грехов всем его участникам, а павшим в бою — вечное блаженство. Исполняя призыв римского первосвященника, в 1240 г. шведский король отправил в русские земли многочисленное войско под командованием своего зятя — ярла Биргера.

Александр вышел навстречу с малой дружиной, но с твердой надеждой на Бога. Битве предшествовало чудесное видение, бывшее старейшине карелов благочестивому Пелгусию, во святом крещении — Филиппу. Тот созерцал ладью с гребцами, овеванными мглой, и двух лучезарных витязей, стоявших обнявшись в этой ладье. Это были св. князя-страстотерпцы Борис и Глеб. «Брате Глебе, — сказал Борис, — вели грести, да поможем мы сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу!»

Шведы не ожидали близкого отпора, и победа русских была полной и решительной. Лишь наступившая ночь спасла пришельцев от полного разгрома — нагрузивши телами павших ладьи, враги под покровом тьмы ушли вниз по Неве в море.

Религиозные подоплеку западной экспансии подробно разъясняет доктор филологических наук, исследователь древнерусской истории и литературы А. Н. Ужанков. «Почему же так торопился молодой князь напасть на медлительных шведов? И что собирались делать шведы на Русской земле, и почему они медлили?

Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, нужно совершить экскурс в тридцатые годы. Еще в булле (письме) от 24 ноября 1232 г. папа Григорий IX обратился к ливонским рыцарям-меченосцам с призывом начать активную деятельность в Финляндии, чтобы “защитить новое насаждение христианской веры против неверных русских”. В очередном послании от 27 февраля 1233 г. русские (Rutheni) прямо называются “врагами” (inimici). Координатором совместных действий был назначен “апостольский легат” Вильгельм Моденский. Однако в ближайшие годы другие заботы и сосе-

---

¹ Примечание: Поучительная историческая параллель. После захвата власти большевиками тоже началось уничтожение флота. Спасший Балтийский флот капитан I ранга А. М. Щастный был арестован по приказу Троцкого и расстрелян по приговору революционного трибунала 22 июня 1918 года. О мотивах этого преступления подробно и документально пишет Стариков в главе «Почему Ленин и Троцкий утопили русский флот» // *Стариков Н. В.* Ликвидация России. Кто помог красным победить в Гражданской войне? — СПб.: Питер, 2010.

ди Руси занимали крестоносцев. Но в папской булле от 9 декабря 1237 г. Григорий IX обращается уже к шведскому архиепископу и его суффраганам-епископам с призывом организовать “крестовый поход” в Финляндию “против тавастов” и их “близких соседей”. “Очевидно, — замечает Б. Я. Рамм, — что призывая крестоносцев уничтожать “врагов креста”, папа имел в виду наряду с тавастами также карелов и русских (тех самых “близких соседей”. — А. У.), в союзе с которыми тавасты в эти годы энергично противились католической экспансии”¹. Интересно отметить, что призыв этот приходит после объединения (при участии той же папской курии) в 1237 г. ливонского Ордена меченосцев с Тевтонским орденом, владевшим значительной частью Пруссии.

В свою очередь, Вильгельм Моденский по распоряжению папы стал активно формировать антирусскую коалицию. При его участии 7 июня 1238 г. в Стенби, резиденции датского короля Вальдемара II, состоялась встреча короля с магистром уже объединенного Тевтонского ордена в Ливонии Германом Балком. Тогда был составлен договор по Эстонии, согласно которому треть завоеванных земель отдавалась Ордену, остальные — датскому королю². Тогда же обсуждался и вопрос о совместном выступлении на Русь трех главных участников коалиции: с одной стороны — датских крестоносцев, располагавшихся в Эстонии, тевтонцев из Ливонии и крестоносцев, обосновавшихся в Финляндии, а с другой — шведских рыцарей³. “Единственный раз в истории объединились три силы западноевропейского рыцарства: шведы, немцы и датчане — для нападения на русские земли”⁴. Уже и западные ученые начинают склоняться к мнению, что этот поход шведов был “крестовым” и предпринимался под нажимом папы: “Возможность для шведов вести боевые действия на Неве в 1240 г. была связана со Вторым (! — А. У.) шведским крестовым походом в Финляндию”, — пишет профессор Копенгагенского университета Джон Линд. “Вслед за Галленом мы склонны считать, что упомянутый крестовый поход может расцениваться как результат папской буллы 1237 г. Он был предпринят вскоре после призыва папы Григория IX. В этой связи шведская военная экспансия на Неву в 1240 г. — звено шведской экспансии на Восток, что особенно активно проявляется в начале XIV в. и будет преследовать цель установления контроля над водными путями в регионе Ладожского озера, рек Невы и Волхова”⁵. “...Что поход носил характер “крестового”, указывает и отмеченное летописью наличие в войске, пришедшем на Неву, нескольких “пискупов” (упомянуты летописью во множественном лице); в обычном походе, не носившем религиозной окраски, нескольким епископам было нечего делать”⁶.»⁷

¹ Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959. С. 128.

² Там же. С. 127—129.

³ Там же. С. 127—128.

⁴ Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978. С. 17.

⁵ Линд Д. Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 51—52.

⁶ Шаскольский И. П. Борьба Руси... С. 159.

⁷ Ужанков А. И. Меж двух зол. Исторический выбор Александра Невского. <https://pravoslavie.ru/5193.html> (дата обращения 14.01.21).

Да, охотники расширить свои владения за счет русских земель не пере-
водились. Римские папы всеми силами старались ускорить завоевание При-
балтийского края. В промежуток между 1216 и 1240 гг. можно насчитать до
40 папских посланий, выражающих большую «заботливость» о тех, кто шел
воевать в «святой земле, вновь приобретенной в Ливонии».

Конечной целью всех устремлений римских пап продолжала оставаться
мечта о порабощении Русской Церкви, а завоевание Ливонии рассматрива-
лось лишь как первый шаг на этом пути. В своих посланиях папы называют
русских нарушителями римо-католической веры, повелевают отнюдь не сла-
гать оружия до полной победы, требуют принуждать русских к принятию
католичества и, наконец, объявляют всю Русскую землю на вечные време-
на собственностью, грозно предписывая рыцарям искоренять «проклятый
греческий закон и присоединять Русь к римской церкви». Усерднейшими
исполнителями этих предписаний стали католические монашеские военизи-
рованные ордена, давшие обет распространять католичество оружием.

Следует отметить, что авторитет Александра Ярославича среди народа
и рост его политического влияния привели к обострению отношений князя
с ориентированным на интересы западного капитала боярством и купече-
ством — тогдашней элитой, в результате, несмотря на свои военные успехи,
князь был вынужден покинуть Новгород. Напомню, что исторически, на
протяжении веков, в Новгороде вырабатывались способы воздействия на
князей в удобном для города смысле. Как поясняет известный историк,
специалист по средневековой Руси И. Я. Фроянов, важнейшими из них
были два: изгнание и «вскормление». Перспектива изгнания, несомненно,
влияла на поведение правившего у новгородцев князя, направляя его дея-
тельность в нужное для них русло. И если он не оправдывал надежд новго-
родского общества, ему указывали «путь чист». Такой участи подверглись
Ростислав, Мстислав, Глеб и Давыд¹.

«Вскормление» состояло в том, что новгородцы, взяв к себе по дого-
воренности с великим князем какого-нибудь княжича-отрока, старались
воспитать его таким образом, чтобы сделать из него правителя, властвующе-
го в согласии с интересами местного общества. Поэтому «вскормление»
надо рассматривать как средство превращения власти князя-наместника,
внедренной извне, в княжескую власть новгородской общины. В качестве
примера сошлемся на князя Мстислава. «Вскормленный» новгородцами,
он княжил на новгородском столе в общей сложности почти 30 лет. Нов-
городцы дорожили им прежде всего потому, что «вскормили» его. По этой
причине они отвергли в 1102 г. сына Великого киевского князя Святопол-
ка, которому, несмотря на все старания, не удалось навязать новгородцам
свою волю².

У самостоятельного, деятельного князя Александра отношения с Новго-
родом складывались тоже не просто, хотя здесь княжил его отец Ярослав,
а сам Александр в восьмилетнем возрасте был назначен наместником. Прав-
да, наместничество скоро закончилось. Конфликт между администрацией

¹ См.: *Фроянов И. Я.* Становление Новгородской республики и события 1136–
1137 гг. // *Вестник ЛГУ.* 1986. Вып. 1. С. 10–11; *Фроянов И. Я.* Мятёжный
Новгород. С. 170–171; *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства
Древней Руси. Л., 1988. С. 159–160.

² *Повесть временных лет.* Ч. 1. С. 182.

князя Ярослава и новгородцами произошёл, по заключению И. Я. Фроянова, из-за того, что во время голода значительные платежи в пользу князя «усугубляли и без того тяжкое положение местной общины, страдающей от недостатка продовольствия»¹. Княжичу Александру весной 1231 г. суждено было увидеть в Новгороде страшную картину голода. Трехлетний неурожай привел к демографической катастрофе. Хлеб стал так дорог, что был доступен единицам богатых людей.

В 1234 г. Александр участвовал в походе Ярослава, который во главе низовских полков и новгородцев выступил против ливонских немцев. Поход закончился выгодным для русских войск миром.

Самостоятельно князь Александр стал княжить в Киеве. А в это время Новгород подвергся монгольскому разорению. В 1240 г. настала пора первых самостоятельных походов Александра Ярославича. Примечательно, что свою свадьбу князь Александр отпраздновал в Новгороде. После гениальной Невской битвы новгородцы, представителей которых не было в войске князя, не сильно его жаловали, вероятно, из-за крутого нрава князя или по причине своих европейских симпатий. Позже новгородцы, понимая воинский талант князя Александра, несколько раз обращались к нему за помощью, звали на княжение. Уже в 1241 г. Александр Ярославич во главе войска, состоявшего из новгородцев, ладожан, карел и ижеры, очистил от неприятеля новгородские волости, разрушил Копорье. На следующий год освободил Псков².

В 1240 г. немцы, благодаря предательству русской элиты, изменой взяли Псков, но Александр освободил город внезапным походом, даже без особого труда. Немецкие наместники были закованы в цепи и отправлены в Новгород. Весть об освобождении Пскова поразила ливонских немцев, понимавших, что противостояние обостряется и приближается к решительному моменту. В поход выступили главные силы Ордена. Их-то и разбил Александр в знаменитой битве, состоявшейся 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера и получившей название Ледового побоища. Войско противников князя Александра являлось настоящей международной коалицией Запада против России. Силы крестоносцев состояли из тевтонско-ливонских рыцарей и солдат (кнехтов) Дерптского и других епископств, выходцев из Германии, Дании и Прибалтики.

Александр Ярославич оставался в Новгороде до 1246 г., когда с братом Андреем отправился в Золотую Орду, а затем в Монголию. В 1244 г. Александр похоронил в Юрьевом монастыре мать, скончавшуюся в Новгороде. В 1245 г. вместе с братом Ярославом разбил литовцев под Торопцом.

В это время Рига превратилась в центр Рижского епископства и один из главных опорных пунктов католического влияния в Прибалтике. В Ливонию стали прибывать отряды тевтонских рыцарей, в результате чего значительно возросли влияние немцев и агрессивность устремлений католических орденов по отношению к русским землям.

Потеряв надежду взять Россию силою, папы не оставили попыток обольстить ее хитростью и ложью. В 1251 г. Иннокентий IV прислал к

---

¹ Андреев В. Ф. Александр Невский и Новгород. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., Издательство СПб университета. 1996. С. 246.

² Там же. С. 249.

Александру двух кардиналов — Гальда и Ремонта. Папа уверял, будто отец Александра, Великий князь Ярослав, незадолго до кончины обещал минориту Плано-Карпини принять католичество, и лишь смерть помешала ему выполнить это намерение. Папа убеждал Александра Невского пойти по стопам отца, предоставлял выгоды, которые получит князь от союза с Западом и подчинения папе, предлагал в помощь против татар тех самых рыцарей, от которых Александр лишь недавно очищал Русские земли.

Что мог ответить на это благоверный князь, ревнитель и защитник русского Православия? Посольство было безоговорочно отвергнуто: «мы все хорошо знаем, а от вас учения не приемлем».

Примечательно, что даже после закончившегося для западных агрессоров сокрушительным поражением Ледового побоища в своих посланиях князю Александру папа Иннокентий IV сочетал высокомерие и угрозы с призывами к сотрудничеству с Тевтонским орденом и совместной борьбе с Золотой Ордой, а также намекал на то, что в случае принятия князем католичества Папский Престол будет содействовать укреплению его власти над другими князьями Северо-Восточной Руси. Характерно при этом, что самоуверенные западные политики XIII столетия рассматривали князя Александра только в качестве второстепенного союзника, находящегося на рубеже соприкосновения с миром кочевников, заведомо предполагая, что согласие на союз с Римом подразумевает ввод войск католических государств на русские земли.

Александр Невский это хорошо понимал и поэтому, несмотря на свои разногласия с новгородцами, летом 1256 г., имея ярлык на великое княжение во Владимире, вступил в противостояние с западной агрессией на стороне Новгорода. Шведы вместе с емью и сумью (тавастами), высадившись на реке Нарове, стали строить крепость. Новгородцы послали к Александру за помощью. Тот, собрав полки и взяв с собой митрополита Кирилла, пришел в Новгород и, соединившись с новгородцами, двинулся к Нарове. Услышав о приближении грозного князя, шведы, не закончив строительства, поспешили возвратиться в родные края. Узнав о бегстве противника, Александр решил пойти на Емь (в Южную Финляндию), чтобы наказать их за участие в шведской аванюре. Поход закончился удачно, но для князя Александра Ярославича это был последний случай, когда он сам водил в бой новгородцев. Неудачи ордынцев в сборе дани в Новгороде были причиной неоднократного вызова князя Александра в ханскую ставку.

Александр Ярославич, даже находясь во Владимире, заботился об укреплении внешнеполитического положения Новгорода — важнейшего препятствия на пути западной экспансии. В 1262 г. он послал на помощь новгородцам войско, совершившее успешный поход в Ливонию и опустошившее неприятельскую землю. Тогда впервые был взят штурмом сильно укрепленный Юрьев (Дерпт)¹.

Стойкость Александра Невского в противостоянии политической, религиозной и культурной экспансии Запада нашла поддержку со стороны Русской церкви, которая в этих условиях стала моральной опорой и важнейшим

---

¹ Андреев В. Ф. Александр Невский и Новгород. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., Издательство СПб университета. 1996. С. 252.

социально-политическим, духовно-нравственным и культурным институтом в будущей борьбе за полное освобождение русских земель. Александр Невский так много сделал для защиты западных рубежей, что в новгородской летописи о кончине Великого князя было написано: «Дай, господи милостивый, видети ему лице твое в будущий век, иже потрудился за Новъгород и за всю Русьскую землю».

Отношение с Ордой

Сугубый подвиг выпал на долю святого Александра: для спасения России он должен был одновременно явить доблесть воителя, искусство дипломата и смирение инок. Подвиг смирения ожидал его в отношениях с надменной и пресыщенной победами монгольской Ордой. Хан Батый послал сказать князю: «Мне Бог покорил многие народы: ты ли один не хочешь покориться власти моей?» Видя в случившемся попущение Божие и наказание за грехи междоусобной княжеской вражды, святой Александр решил признать старшинство хана, не желая терзать Отчизну ужасами еще одной, заведомо проигрышной, войны.

В то время как Александр Невский одерживал победы над западными соседями, власть над Русью была уже в руках монголо-татар. Ханы не могли примириться с независимым существованием Новгородского княжества. Кроме того, завидуя успехам Александра, некоторые русские князья страдали им моголов, этим еще в большей степени разжигая недовольство ханов. Настал момент, когда ордынские властители наложили свою руку на вольный Новгород. В 1247 г. Александр получил приказ Батыя явиться в Золотую Орду.

Такое приглашение хана ничего хорошего Александру не сулило. Некоторые русские князья, уезжавшие в Орду, оттуда не возвращались. Эта участь постигла и отца Александра — князя Ярослава. За год перед этим Ярослав «удостоился особой милости» матери великого хана Гаяука: она собственноручно угощала Ярослава всякими отборными яствами. После этого угощения князь занемог и на седьмой день скончался в страшных мучениях. Все тело умершего покрылось многочисленными пятнами: он был отравлен.

Не удовлетворившись таким убийством, властная ханша пожелала проделать то же самое с Александром. Как записал францисканский монах Иоанн Плане Карнини (Карпини Джованни Плано), ездивший к великому хану в 1246 г., «мать императора поспешно отправила гонца к Александру, чтобы тот явился к ней, она хочет подарить ему землю отца. Но Александр не пожелал ехать и остался. Тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или подвергнет вечному плену».

Тем не менее ехать нужно было: ситуация была безвыходной. Александр понимал, что вступить в борьбу с Ордой пока бессмысленно. Он не мог с ними справиться, а на поддержку князей рассчитывать не приходилось, от них можно было ожидать только удара в спину. С другой стороны, монгольские ханы довольно снисходительно относились к тем князьям, которые признавали их верховную власть и регулярно платили им дань, делали окружению хорошие подарки. Чтобы уцелеть в этой ситуации, нужно было применить все искусство дипломатии, которым в совершенстве владел

Александр. Он понимал, что необходимо создать с этой стороны прочный заслон, для того чтобы со свободными силами обороняться от других врагов русского народа — немцев, шведов и литовцев. Так Александр и поступил. Вооружившись величайшим терпением, он отправился в 1247 г. в сопровождении брата своего Андрея в далекое путешествие — к берегам Волги, в Золотую Орду к хану Батюю, а затем — в ставку великих ханов — в Каракорум, откуда вернулся только в конце 1249 г., получив ярлык на «Киев и всю Русьскую землю».

Столицей Батия был Старый Сарай в окрестностях нынешней Астрахани. Батий жил на берегу Волги и имел великолепный двор, 600 000 воинов, из них, примерно, 20 % составляли этнические монголы. Наряду со всеми, являвшимися к хану, Александру предстояло проделать целый ряд униженных церемоний. Прибывших проводили между двумя огнями, так как, по убеждению язычников, огонь есть чистилище для всяких злых мыслей и отнимает даже силу у скрываемого яда. От позорного поклонения идолам Александр наотрез отказался. «Смерть ему, смерть!» — закричали волхвы. Они немедленно донесли Батюю о дерзком поведении князя. Волхвы были уверены, что хан придет в ярость и велит подвергнуть ослушника смертной казни. К величайшему изумлению их, хан приказал не принуждать Александра исполнять установленных обрядов. Снисходительность Батия, очевидно, объяснялась тем, что он много слышал хорошего о мудром и храбром новгородском князе. Александр был допущен в шатер Батия.

Осанка, мужественное, одухотворенное лицо и величественный вид Александра поразили Батия. Но, прежде всего — это Промысел Божий хранил защитника Вселенского Православия. Из беседы с князем Батий убедился, что Александр далеко превосходит других князей своим умом и дарованиями. Невский стал приемным сыном самого хана Батия. Из Сарая ему с братом предстояло по воле Батия поехать в Монголию, на поклон к великому хану. Великий хан жил в Кара-Коруме, на горной окраине страшной азиатской пустыни Гоби, на юг от озера Байкал.

Но даже после того, как Александр и его брат Андрей получили от великого хана ярлыки на княжение, расслабляться не приходилось. Так, в 1252 г. Батий отправил на Русь полководца Неврюя с целью предотвратить восстание русских земель во главе с князем Андреем Ярославичем. Неврюй перешел Клязьму под Владимиром и естественно разбил ополчение Андрея, после чего Андрей Ярославович с женой, детьми и оставшейся дружиной, через Новгород, Псков и Колывань (Таллин) уехал в Швецию. Неврюй разорил Переяславль-Залесский, где была убита жена Ярослава Ярославича и взяты в плен дети Михаил и Святослав Ярославичи. В Орду было уведено «бещисла» людей, коней и скота.

Российский историк — евразиец Г. В. Вернадский, считал, что в условиях сложившейся к XIII в. геополитической обстановки зажатости между агрессивным католическим Западом и могущественной Золотой Ордой «Русь могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла. Предстояло выбирать между Востоком и Западом»¹.

---

¹ Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского // Гумилев Л. Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. М.: Айрис-пресс, 2007.

Политическая прозорливость и глубина стратегического видения Александра Невского заключались в том, что он сумел расставить верные приоритеты своей внешней политики, сделал ставку на разгром захватчиков с Запада и тактическое урегулирование отношений с Востоком. Выбор князя сосредоточить усилия на борьбе с западной угрозой был обусловлен тем фактом, что Золотая Орда претендовала только на материальные богатства, тогда как представители католического Запада желали не только материального, но и духовного порабощения Руси.

Критики политики Александра Невского предполагают, что существовала альтернатива «западного вектора» дальнейшего развития России, однако, вся последующая история страны опровергает это предположение. Более того, в рамках ордынской зависимости сформировалось единство русских земель. Вот как описывал влияние Орды выдающийся историк Ключевский: «Ордынские ханы не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок, там действовавший. Да и трудно было вникнуть в него, потому что в отношениях между тамошними князьями нельзя было усмотреть никакого порядка. <...> Если бы они были предоставлены вполне самим себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собою удельные лоскутья. <...> Власть хана давала хотя призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей. <...> Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли»¹.

Поездки в Золотую Орду носили характер актов гражданского мужества: «Отправляясь в Орду для взноса дани или для переговоров, князь предварительно составлял свое завещание. Он объявлял, что едет искать милостей для своего народа, рискуя жизнью, и что готов принять смерть за своих подданных». Для Александра Невского поездки в Орду должны были быть совершенно особенным испытанием, учитывая, что там в 1246 г. был отравлен отец князя Ярослав Всеволодович. Всю жизнь святого князя можно образно назвать — подвигом пути непрерывного.

Князь Александр Невский был реальным, живым человеком, которому его миссия давалась с преодолением, в результате не только духовного, но и огромного физического, телесного напряжения, и это было тоже сравним подвигу. Физическую сторону жизни князя отражают трудные пути посольства в земли верховного хана Менга. Батый не был властелином Русской земли, а только наместником. Поэтому князья завоеванных княжеств должны были ездить на поклон великому хану. Как говорили татары: «Не подобает вам жити на земле Батыеве и Канове, не поклонившись има». А чтобы поклониться, надо было ехать в Каракорум, это была окраина страшной пустыни Гоби, расположенной за Байкалом. На верблюдах отряд князя Александра шел по зыбучим пескам, через бескрайний океан нестерпимой пустынной жары.

Чтобы представить в полноте подвиг пути св. Александра Невского, достаточно прочитать записки итальянца Плано Карпини, сопровождавшего к великому хану папских послов. Он пишет, что отправившись по повелению Батия к истокам Амура послы папы за Уралом вступили в совершенно без-

---

¹ Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. Ростов на Дону: Феникс, 2000.

водную и пустынную страну кангитов (ныне Киргизия). «В этой печальной пустыне погибли от жажды бояре Ярослава, русского князя, посланные в Татарию: мы видели их кости. Вся земля опустошена монголами; жители, не имея домов, обитают в шатрах, подобно половцам, не знают земледелия и занимаются одним скотоводством»¹. Далее путь лежал через земли бисерменов (хивинцев), через Кара-Китай, Монголию. Путникам приходилось терпеть голод, жажду, невыносимый жар и страшную стужу. Путь занимал четыре месяца. Трудно представить переживания святого князя и ту веру в Божию помощь, с которой он преодолел во имя Земли Русской это испытание унижением, бескрайними степями, зыбучими пустынями, физическими муками. Святой Александр Невский был еще и талантливым дипломатом, он приглядывался к достоинствам врага, перенял его дисциплину, своим примером научил русичей не бояться расстояний. Святой князь во времена освоения Сибири был вдохновителем казачьих регулярных отрядов, которые впитали его героизм, усвоили его смелость и выносливость.

Религиозный аспект деятельности Александра Невского

XIII век явился для Руси кровавой и переломной эпохой, когда изменилось многое, в том числе и отношение к Западу. Серьезно способствовал этому организованный папой Иннокентием III Четвертый крестовый поход, захват Константинополя в 1204 г. и возникновение там Латинской империи, когда православные христиане с ужасом убедились, что западные крестоносцы, именовавшие себя защитниками Гроба Господня, ведут себя как хищники и святотатцы².

Русь представлялась следующей после Византии жертвой. Следует отметить, что в христианский мир Запад XII–XIV веков не включал Православную Русь. Выше мы уже обозначили религиозные причины. Русь мыслилась в одном ряду с татарами, арабами, турками, печенегами, половцами и прочими язычниками. Характерно наставление Франциска Ассизского своим ученикам: «Если кто из вас отправится в страны неверных — проповедовать язычникам или грекам...» — разницы, как видим, не делается. А вот высказывание Генриха Латыша о Русской Церкви: «всегда бесплодная и бездетная»³, что равнозначно определению иудейской синагоги. Русские, собственно, весьма редко выступают в западных текстах как христиане. Показательны слова Бернарда Клервосского о том, что Русская Церковь заражена схизматическими заблуждениями, каковые подобает истребить с корнем⁴. А в одной из своих булл папа Григорий обобщенно говорит о «русских, сарацинах и других врагах католической веры»⁵.

¹ Хитров М. И. Александр Невский — Великий князь. Стр. 35. <https://www.litmir.me/br/?b=92239&p=35> (обращение 29.01.2020).

² Вот как описывает взятие Константинополя неизвестный автор «Сказания о взятии Царьграда»: «Святую Софию... и иные церкви въ градъ и вънѣ града, и манастири въ градъ и вънѣ града пограбиша все, имѣже не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати. Черньче же и чернице и попы облупиша и нѣколико ихъ избиша, грѣки же и варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остави». — Повесть о взятии Царьграда крестоносцами // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5.

³ Генрих Латыш. Хроника Ливонии // Славянские хроники. СПб., 1996. С. 32.

⁴ Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 333.

⁵ Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира. С. 138.

*Кончина Благоверного князя Александра Невского.
Эскиз росписи южной стены церкви во имя Благоверного князя
Александра Невского в Абастумани, 1899–1900. Художник М. В. Нестеров*

Для понимания отношений Руси и Запада и религиозного значения деятельности святого князя Александра Невского¹ необходимо остановиться на некоторых аспектах его жития. Замечу, что житие Александра Невского, известное ныне уже в 20-ти редакциях XIII–XVIII вв., представлено, по подсчетам Ю. К. Бегунова, 500 рукописями. Первое житие предположительно было составлено не позднее 80-х годов XIII в. на основании свидетельств «самовидцев» — тех, кто видел и общался с князем Александром, воевал вместе с ним в Невской битве и на Чудском озере. Исследователь жития Александра Невского Ю. К. Бегунов² считает, что первое житие было составлено одним из иноков Владимирского Рождественского монастыря, где был похоронен Великий князь Александр. Вот как оценивает достоверность воспоминаний об Александре Невском известный историк В. О. Ключеский: «По литературной задаче Жития биографические факты служат в нем только готовыми формами для выражения идеального образа подвижника. Из описываемой жизни Житие берет лишь такие черты, которые идут к означенной задаче»³.

¹ Из последних работ, сопровождаемых полной библиографией, см.: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Александр Невский. Эпоха и память.* СПб., 2009.

² *Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII вв. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы.* СПб. 1995. С. 170.

³ *Ключеский В. О. Древнерусские жития святых как исторический памятник.* Послесловие. М. 1988. С. 5.

Действительно, кажется метафорическим портрет святого князя, который дает автор жития: «Рост его был больше других людей, а голос его как труба в народе, лицо же его как лицо Иосифа, которого поставил египетский царь вторым царем в Египте. Сила же его была частью силы Самсона. И дал ему бог премудрость Соломонову, а храбрость царя римского Веспасиана, который пленил всю землю Иудейскую. Так и князь Александр побеждал, но был непобедим»¹.

О чем говорят эти библейские и исторические параллели? С образом Иосифа Прекрасного связано египетское рабство, которое для Израиля, однако, было последствием единственной возможности выжить во время голода. Но при этом Иосиф — второй человек в Египте после фараона, и его возвел на эту степень сам фараон. Не исключено, что сравнение князя Александра Невского с прекрасным Иосифом связано не только с его впечатляющей внешностью, но и с дарованием ему ярлыка на великое княжение ханом, которого русское общественное сознание осмысляло как неверного, но царя. Правление Иосифа послужило на благо не только евреям, но и египтянам — святой князь Александр не только установил мир между Русью и Ордой, но и явился одним из основателей Сарайской епархии — миссионерской по своему назначению.

Образ Самсона, героя Книги Судей, подразумевает оппозицию «Самсон — филистимляне» — одинокий герой и сонмы язычников. Понятно, за кого принимаются шведы и немцы. Однако сравнение с Самсоном напоминает и об одиночестве святого князя Александра, а также и о том, что он неоднократно становился жертвой предательства, подобно тому, как Самсон был предан Далидой²: *«После того полюбил он одну женщину, жившую на долине Сорек; имя ей Далида. К ней пришли владельцы Филистимские и говорят ей: уговори его, и выведай, в чем великая сила его и как нам одолеть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадим тебе за то каждый тысячу сто сиклей серебра»* (Книга Судей. 16:4,5). Выстраивается четкая логическая линия: в Ветхом Завете: деньги — предательство близкого человека; в Новом Завете: деньги, 30 сребренников, — предательство ученика; эпоха Александра Невского: деньги ганзейского капитала — предательство псковичей и новгородцев. Мотив одиночества и оставленности усиливается в приведенном фрагменте жития сравнением с императором Веспасианом, которого покинули его воины. Однако здесь едва ли не важнее другая тема — иудеев и иудейской войны, которая далеко не случайна. В христианской традиции Веспасиана воспринимали как бич Божий, выполнивший Божественный приговор над неверными иудеями — некогда народом Божиим, но распявшим Христа и гнавшим Его апостолов. Им, соответственно, и уподобляются немцы. Ниже мы увидим, что с иудеями сравниваются также изменники-псковичи.

Протоиерей, доктор исторических наук. В. Василек, тщательно проанализировавший житие Александра Невского, считает что «благодаря методу “библейских тематических ключей” и герменевтике библейских цитат мы можем получить качественно иную информацию и о мировоззрении автора

¹ Здесь и далее «Житие Александра Невского» цит. по: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5.

² Далида — в синодальном переводе, она же Далила — символ женского коварства.

жития, и о сообщаемых им событиях»¹. Так, наводит на размышления наименование шведского короля, точнее — его наместника Ульфа Фасси, королем страны Римской из Полуночной земли. Шведы именуются римлянами, что указывает на их чуждость подлинному христианству, поскольку слово «римлянин» является синонимом слова «латинянин». В духовном смысле они как бы уподобляются римскому прокуратору Пилату и распинателям Христа.

Однако наименование шведского короля римским имеет также и политический смысл: так показывается его зависимость от римского папы. Возможно, это косвенный намек на то, что поход планировался и координировался римской курией. Еще в 1230 г. римский папа Григорий IX посылает буллу с призывом шведским рыцарям отправиться в Ингрию и Карелию, чтобы «бороться с жестокими язычниками». Учитывая, что это были новгородские земли, данная булла означала, по сути дела, объявление войны Новгороду. «Следующая булла — от 9 декабря 1237 года — бичевала “врагов креста” — новгородцев и корелов, помощников финского племени емь, восставшего против шведов, и призывала к организованному походу против них»². Наконец, в 1238 г. легат папы кардинал Вильгельм Сабинский участвует в подписании Стенбийского договора между Ливонским орденом и Данией, по которому король Вальдемар в случае похода на Восток получал 2/3 завоеванных земель, при этом данные земли находились на территории Новгорода³. Соответственно, наместник шведского короля мог рассматриваться как часть римско-католического (латинского) мира, тем более что со шведскими войсками был епископ.

Но вернемся к тексту жития: «Александръ же, слышав словеса сии, разгорѣся сердцемъ, и вниде в церковь святыя Софіа, и, пад на колѣну пред ольтаремъ, нача молитися съ слезами... И, скончавъ молитву, вставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же бѣ тогда Спиридонъ, благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: “Не в силах Богъ, но въ правдѣ”».

Греческое или ромейское царство (Византия), по мнению православных людей средневековья, держалось не столько военной или иной силой, сколько верой и молитвой. Византия в известном смысле явилась образцом для Киевской Руси. Таким образом, выстраивается следующий дискурс: Святая Русь — наследница священного царства — сталкивается с безбожным, антихристианским Римским королевством, и судьбу боя решает не многочисленность войск, а Божие благословение, вера и мужество.

Перед боем старейшина корел благочестивый Пелгусий, во святом крещении Филипп, стороживший Невские пределы, сподобляется чудесного видения — явления святых князей Бориса и Глеба. Их убийца князь Святополк в свое время воспользовался помощью «латинян» — князя Болеслава Смелого и поляков, которые приходом своим осквернили Киев — мать городов русских. Позднее Святополк навел на Русь печенегов, против которых вышел святой Борис перед своей мученической смертью. Ярослав Мудрый явился не только отмстителем за невинную кровь своих собратий, но и

¹ *Василик В. В.* Россия и европейский империализм. СПб.: Алетей, 2018. С. 51–60.

² *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский. Эпоха и память. С. 71.

³ *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира. С. 145.

защитником Руси от иноверного ига, и таким же защитником впоследствии стал и Благоверный князь Александр.

Характерно и следующее: как являются святые Борис и Глеб. Руки, положенные на плечи друг другу, знаменуют княжеское братолюбие, от недостатка которого так страдала Киевская Русь, что, в конечном счете, и привело к монгольскому завоеванию. Красные одежды — символ мученичества, в котором святые князья явили братскую любовь не только к своему недостойному брату Святополку, но и ко всему народу русскому. Тьма, в которой находятся гребцы, — символ бед, что претерпевала Русь в то время; а свет, окружавший святых страстотерпцев, — символ будущего избавления.

В их явлении есть еще один смысл: 15 июля, день Невской битвы, — память святого равноапостольного Великого князя Владимира. Ряд ученых считают, что местная киевская память благодаря победе святого князя Александра Невского становится общерусской¹. Через своих детей святых Бориса и Глеба равноапостольный Великий князь Владимир, некогда отвергший латинских миссионеров, передает свое благословение святому князю Александру, сохраняющему его наследие. Здесь также проявляется особая тема апостольства князя Александра, которую мы рассмотрим немного ниже.

Показательно, что Русь осмысляет себя как Новый Израиль, святой Благоверный князь Александр Невский уподобляется праведному царю Езекии, корел Пелгусий-Филипп — пророку Исаие, а шведы — безбожным и жестоким ассирийцам, поносящим Бога Израилева.

Перейдем теперь к Ледовому побоищу. После Невской битвы происходит, на первый взгляд, малопонятное событие. Князь Александр видит людскую неблагодарность: гордые и кичливые новгородцы после Невской победы указывают ему путь из Новгорода. Он смиренно оставляет новгородское княжение и удаляется в Суздаль. Исследователи не без основания видят в этой «крамоле велей» происки немецкой партии², которая желала удалить из города полководца, способного противостать натиску Ливонского ордена. Это соответствует ходу событий: сразу же после ухода князя в августе-сентябре немцы вместе с датчанами и примкнувшим к ним князем Ярославом Владимировичем нападают на Изборск и берут его штурмом. Взятие столь сильной крепости трудно себе представить без измены. Попытка псковичей отбить Изборск обернулась тяжелым поражением с гибелью 600 псковитян, что тоже наводит на определенные размышления. И, наконец, боярин Твердила Иванович сдает немцам и их ставленнику Ярославу Владимировичу Псков. Показательна роль предательства в этих событиях. Ворота Изборска и Пскова отворили сторонники «немецкой партии», которая предала общерусское дело ради своих временных выгод, ради возможности свободно торговать с ганзейскими городами и получать прибыль. Из-за этого предательства и оказались возможны поражения и страдания, которые терпели новгородцы и псковичи в 1240–1241 годах.

Ганзейский союз был крупнейшим транснациональным бизнес-сообществом средневековой Европы, аналогом современных транснациональных корпораций. Вследствие этого, выступая за самостоятельную политику,

¹ *Серегина Н. С.* Песнопения древнерусским святым. СПб., 1994. С. 52.

² *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 144.

Александр Невский бросал вызов не только военно-политическому могуществу католического Запада, но и интересам транснационального капитала, представители которого отличались наднациональным самосознанием, были готовы жертвовать интересами своей страны ради выгод ведения международных торговых операций.

Ганзейский союз за несколько веков своего существования включал до 160 торговых городов Северо-Западной Европы, фактически монополизировав всю торговлю этого региона мира. Ганзейские купцы в своей экономической и внешней политике опирались на рыцарские ордена и олигархические круги, контролировавшие власть в городах — членах Ганзы, управление которыми благодаря выгодам заморской торговли переходило в руки обладателей крупного капитала.

Летопись и житие не рассказывает о расправе немцев с оппозицией в Пскове, но, зная их методы, можно предположить, что она была достаточно жестокой¹. Немцы захватили Копорье, Лугу, Тесово. Их разъезды показывались в 30 верстах от Новгорода, сея смерть и разрушения. Все это было бы невозможно или затруднено без деятельности изменников.

Новгородцы возвращают святого князя Александра, он смелым ударом выбивает немцев из Копорья, Изборска и Пскова и 5 апреля 1242 года выходит на лед Чудского озера. Автор жития показывает: святой князь Александр является подлинным защитником Креста Христова, в отличие от римо-католических самозванцев-крестоносцев.

Как и в рассказе о Невской битве, автор жития говорит о невидимой ангельской помощи, которая поражала врагов русского войска. Некоторым образом Ледовое побоище прообразовывало последнюю битву Слова Божия и ангельских сил с воинством антихриста, о которой рассказывается в Апокалипсисе.

Характерно, как встречают святого Благоверного Великого князя Александра Невского после сражения: «И яко же приближися князь къ граду Пскову, игумени же и попове и весь народ срътоша и пред градомъ съ кресты, подающе хвалу Богови и славу господину князю Александру, поюще

Плакат Великой Отечественной войны

¹ Позднее, когда в 1299 г. немцы осадили Псков, в псковском посаде они вырезали всех — женщин, детей, стариков, монахов Мирожского монастыря, числом 17 человек.

пѣснь: “Пособивый, Господи, кроткому Давыду побѣдiti иноплемѣнники и вѣрному князю нашему оружиемъ крестнымъ и свободи градъ Псков от иноязычникъ рукою Александровою”». Отметим, что текст этой стихирѣ в несколько измененном виде находится в службѣ святому равноапостольному царю Константину (память 21 мая). Тем самым подразумевается апостольскій характер того, что свершил святой князь Александр, и одновременно его незримая связь с наследіем христіанской имперіи: святой князь Александр становится духовным наследником равноапостольного императора — защитника христіанского царства от варварства и безбожия.

Значимы и те слова, которые произносит князь в назидание предателям-псковичам: «О невѣгласи псковичи! Аще сего забудете и до правнучатъ Александровых, и уподобитесь жидом, их же препита Господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сихъ всѣхъ забыша и Бога своего, изведшаго я от работы изъ Египта». Таким образом, предатели-русские сравниваются с неблагоприятными иудеями, забывшими своего Бога, Который извел их из Египта, — и, более того, распявшими Его.

Александр Невскій скончался через 21 год после своей великой победы на Чудском озерѣ, возвращаясь из очередной поездки в Орду, где он был, скорее всего, отравлен. Перед смертью он принял монашескій постриг в схиму с именем Алексій. Блаженный Митрополит Кирилл обратился к народу: «Чада мои милые! Закатилось солнце земли Русской!» Останки любимого князя первосвященникъ с духовенством, бояре и народ встретили у Боголюбова — по словам летописца, земля стонала от вопля и рыданий.

23 ноября тело великого труженика и радателя Православной Россіи было погребено во владимірской соборной церкви Рождественскаго монастыря. Современники повествуют, что при отпевании усопшій князь сам, как бы живой, простер руку и принял грамоту с разрешительной молитвой из рук митрополита.

Заключение

После церковнаго раскола 1054 г. и захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. XIII век ознаменовался жесткой конфронтацией Руси и Запада, в которой страдательной стороной явилась Русь. Она потеряла почти все свои владения в Прибалтике и Финляндии и лишь ценой огромнаго напряжения сил, благодаря подвигу святого Благовернаго князя Александра Невскаго, который не проиграл ни одного сражения, смогла отстоять свои исконные земли. В этом столкновении Запад исходил из римо-католической доктрины христіанской неполноценности русских, агрессивнаго прозелитизма и агрессивнаго миссионерства. Русь и русских ставили в один ряд с татарами, арабами, пруссами, литвинами и прочими язычниками; христіанами русских, как и других православных, не считали. Захват крестоносцами Константинополя в 1204 г. на века перевел церковно-богословскій спор в область военной конфронтации.

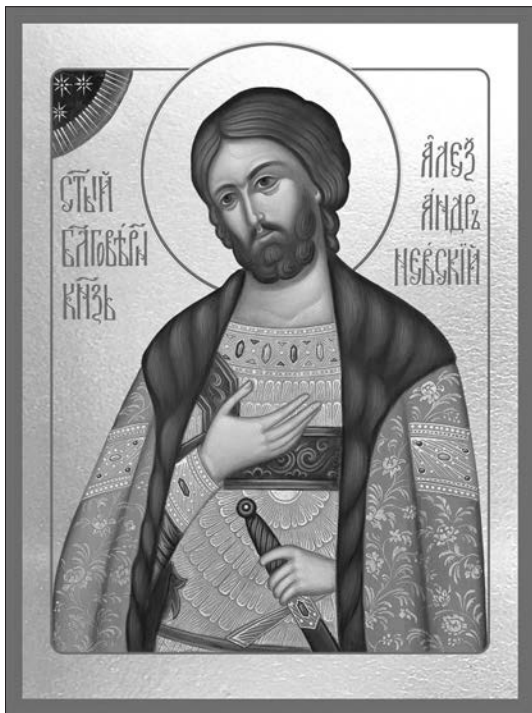
В ответ на это, русские люди, ужаснувшись жестокости и цинизму крестоносцев — немцев и шведов, относились к ним как к лжехристіанам, библейским амаликитянам, филистимлянам и ассирийцам — врагам избраннаго народа. Немцев и шведов уподобляют каинитам, они воспринимаются в некотором смысле духовными потомками Святополка Окаяннаго. А немцы

и их пособники — предатели из русской элиты — сравнивались с иудеями, распявшими Христа. В борьбе с крестоносцами Сам Бог невидимо посылает Свою духовную помощь. Сражение с ними уподобляется апокалиптической битве и становится Судом Божиим¹.

Александр Невский проявил себя не только как выдающийся военачальник, но и как прозорливый и мудрый политик-дипломат. В частности, он успешно противостоял попыткам католического Рима включить Русь в западную коалицию против Золотой Орды, понимая, что Руси уготована, выражаясь современным языком, роль «пушечного мяса» или штрафного батальона. Князю удалось дипломатическими методами предотвратить разорительные нашествия кочевников на русские земли и не поддаться на политические провокации папского престола.

Почитание его как святого заступника Руси установилось сразу вслед за кончиной князя и продолжилось в веках. 30 августа 1724 г. мощи св. Александра Невского были перенесены Императором Петром I в созданный им в Санкт-Петербурге Александро-Невский монастырь. Это было логично, так как святой князь был прославленным защитником Невских земель и символом Божией помощи в борьбе против иноземных захватчиков. В то время, когда Петр принял это решение, продолжалась Северная война, шведы надеялись на возвращение приневских земель, волновалась из-за побед Петра I и Западная Европа. Воспоминание о победах св. Александра Невского имело большое политическое и духовное значение. Казалось, что наилучшим местом расположения монастыря могло стать поле Невской битвы, у впадения в реку Неву реки Ижоры. Это место было означено деревянной часовней в XIV в., а затем церковью в честь св. Александра Невского. По планам Петра I новый монастырь должен стать новым духовным центром всей страны, а значит, располагаться недалеко от новой столицы. Поэтому был найден участок на берегу Невы, вблизи Санкт-Петербурга, конфигурацией очень похожий на поле Невской битвы.

В журнале Петра Великого за июль 1710 г. записано: «Государь, будучи в Петербурге, осматривал места, где указал строить монастырь во имя

*Икона святого Благоверного
Великого князя Александра Невского*

¹ *Василик Владимир, диакон. Восприятие немцев и шведов в житии св. благ. кн. Александра Невского // Россия и европейский империализм / В. В. Василек. СПб.: Алатай, 2018. С. 70–71.*

Святой Троицы и святого Александра Невского»¹. Перенесение останков святого князя из Владимира в Санкт-Петербург было приурочено к годовщине Ништадтского мира. Но к указанному царем сроку перенесение не состоялось, поэтому ковчег до 30 августа 1794 г. был оставлен Петром I в Шлиссельбургской каменной церкви. В третью годовщину Ништадтского мира останки святого князя были торжественно перенесены в Санкт-Петербург, у места Невской битвы процессию встречал сам Царь Петр I. Под пушечный салют и колокольный звон рака с мощами была торжественно помещена в освященную к этому времени монастырскую церковь св. Александра Невского. Елизавета Петровна в 1743 г. учредила в честь священного события крестный ход из столичного кафедрального собора в Александро-Невской монастырь. Эта великая традиция, с перерывом в богоборческие времена, существует поныне, как и почитание подвигов, свершений и личности святого Благоверного русского князя Александра Невского.

Сделав опору на истины Закона Божия и Заповеди Христовы главным принципом своей деятельности, святой Александр первым вывел Русь на тот путь, следуя по которому, она росла и крепла год от года, превратившись в результате из сообщества маленьких враждующих княжеств в великую Православную Империю, защитницу и хранительницу Вселенского Православия.

Страна живет, пока сохраняется память о подвигах предков, продолжают и развиваются традиции и преемственные связи. Память о великих деятелях отечественной истории, сбережение исторических традиций — важнейшее условие обеспечения информационной безопасности России, сохранения ее ценностного суверенитета, фактор обеспечения государственной национальной безопасности в целом. Недаром в самые тяжкие, кровопролитные месяцы Великой Отечественной войны, в 1942 г. русский народ и даже атеистическое правительство обратились за помощью к святому Александру Невскому. Ему в церквях стали возноситься молитвы, в честь святого воина назвали танковую колонну, а 29 июля 1942 г. был возрожден воинский Орден святого Александра Невского. Святой князь стал вдохновителем новых побед Руси-России.

Примечательно, что празднование 800-летия со дня рождения князя Александра Невского приходится на следующий год после 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Два этих события, переходя одно в другое, должны содействовать консолидации общества, наглядно демонстрировать преемственность российской истории, вдохновлять на защиту и сохранение государственности и суверенитета страны.

---

¹ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. Ред. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб., 1994. С. 75.

История и современность

Владимир КРУПИН

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

*К 800-летию
со дня рождения*

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын лесничего. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. Живет в Москве.

Величие Александра Невского, святого Благоверного Великого князя, сравнимо разве только с солнцем, озарившим многострадальную Русь в XIII веке. Оплакивая кончину князя, тогдашний митрополит Киприан так и говорил: «Солнце русской жизни закатилось».

Никогда на Руси не было спокойных времен. На богатую, привольную Русь зарились и с востока, и с запада. Запад, папский престол, Ватикан, стремился сделать русских католиками, Восток грабил богатства, уводил в плен невольников. Горе нам, мы еще и сами тогда враждовали. Долго тянулись войны между суздальцами и новгородцами. Но уже и дед Александра, Всеволод, и его отец, Ярослав, проводили политику единения русских земель. К моменту прихода Александра на княжение в Новгороде междоусобная война с суздальцами стихла. Явилось небесное знамение народу: икона Божией Матери, вынесенная на городские стены Новгорода, была уязвлена стрелой, из раны потекла кровь, икона сама своею силою обратилась к упавшим пред нею людям. Именно от этого события икона стала называться Знаменской, и ей был установлен праздник.

А еще немного ранее Новгород был поражен страшным голодом, таким, что даже были случаи людоедства. И уже в добавление ко всем страданиям неслась над Русью страшная черная волна ордынского ига и неволи. Уже весь юг, Киевская Русь были под татарами. Новгород держался. Отрезанный от торговых путей Востока, он обратился к Западу. Но и Запад, немцы и Литва, вдохновляемые Ватиканом, хотели покорить богатые новгородские земли.

НЕВСКАЯ БИТВА

Всего двадцать лет было князю Александру в 1240 году, когда

*Павел Корин. Триптих «Александр Невский».
Создавался художником под грохот зениток, под слепящим светом
режущих небо прожекторов во время Великой Отечественной войны*

на Русь пришли шведские войска под командованием ярла (князя) Ульфа Фасси и зятя короля Биргера. При устье реки Ижоры, впадавшей в Неву, скопилось огромное количество многоместных судов шведского войска. Рыцари были уверены в победе. Им зачитывалась папская булла, повелевавшая захватить русские земли, обещавшая богатые прибыли. Более того, с войском шли бискупы — папские священники — для крещения русских в католическую веру.

На рассвете дня Невской битвы начальник стражи Филипп Пелгусий услышал всплеск воды: плыла лодка. И увидел он святых мучеников Бориса и Глеба, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». О видении стражника доложили князю. Александр счел чудесное явление хорошим знаком.

Силы были неравны. С малой дружиной шел Александр. Но его личность, его знатное для Руси происхождение, его набожность были вдохновляющими для войска. Красивый, высокий, чуть не два метра, приветливый ко всем, Александр объехал своих воинов. Встали на вечернюю молитву. Доносились до них крики и пение захватчиков.

Выставив охрану, дружина ложилась прямо на землю, чтобы хотя бы немного поспать. Было тепло, наступало 15 июля, день святого Великого князя Владимира, Крестителя Руси.

Ни на минуту не сомкнул глаз Александр. Вдруг поспешно подошел к нему ижорянин Пелгусий, ревностный христианин, начальник береговой стражи.

— Княже, поведаю тебе случившееся со мной. Я был ночью на берегу Финского залива. Вдруг, как в полдень, засияло солнце, я услышал шум весел и увидел ладью с гребцами и стоящих на ладье двух лучезарных витязей. Это были точь-в-точь виденные всеми нами на иконах святые страстотерпцы Борис и Глеб. Твои предки, княже. «Брат Глеб, — сказал один из них, — вели грести скорее, да поможем сроднику нашему Александру!»

Надо ли говорить, как возликовало сердце князя, какой решимости и силы он набрался от такого явления небесного заступничества.

...Битва началась утром и продолжалась весь день. И если бы не темная ночь, укрывшая остатки бегущих из Руси шведов, то и бежать было бы некому. Сам Александр бился в первых рядах. Он разбросал охрану Биргера, вызвал его на поединок и, как пишут летописи, «наложил копьем рану на его лицо». Почему же, спросит кто-нибудь, не убил, а только ранил? Но много означил этот полученный Биргером шрам. Ведь в те времена печать — клеймо на лице — накладывалось только на рабов, на невольников. Тем самым Александр показал всему миру, кто хозяин на Руси.

БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА

Отвадив шведов, Александр должен был обратиться к отражению новой угрозы — против ливонских рыцарей. Надо сказать, что Господь вразумил властолюбивых и надменных новгородцев.

Ведь они сделали все, чтобы победить шведов, но не смогли найти общий язык с князем Александром, и он покинул Новгород.

Вскоре новгородцам пришлось несладко. Ливонцы захватили Псков, вошли в новгородские пределы. С великим поклоном явились к Александру Невскому новгородские посланники.

Новгород понимал, что только Александру по силам справиться с ливонской напастью. Александр, любя Русь, сразу забыл обиды и поспешил навстречу битве.

Военный гений молодого князя подсказал ему навязать рыцарям битву на льду Чудского озера. Стояла ранняя весна 1242 года. Рыцари, одетые в тяжелые кованые доспехи, на неповоротливых, тоже закованных в броню конях шли против русской легкой конницы и пешего войска.

«В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось выехать ему на врагов, и победил он семь полков за один выезд, а и иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали они с того времени бояться имени его» (из «Сказания о житии Александра Невского»).

Хроники, описывающие битву, рассказывают, что русские войска являли чудеса храбрости и ловкости. Ратники, крестьяне, сменившие рукоятку плуга на рукоять меча, баграми — длинными шестами с крюком на конце — стаскивали железных грозных рыцарей на лед. А что такое рыцарь на льду? Это беспомощный, барахтающийся жук в доспехах. Еще был использован и такой прием, когда рыцарей теснили в груды, и весенний лед под непомерной тяжестью железного войска ломался, и холодная вода Чудского озера охлаждала пыл захватчиков.

Пятьсот рыцарей пало в битве, пятьдесят было взято в плен и проведено по освобожденному городу Великой княгини Ольги (так называли Псков на Руси — ведь именно из этих мест была святая равноапостольная княгиня).

«Ледовое побоище» — так называли Чудскую битву. Она заставила ливонцев трепетать за свое существование, уйти из города Изборска (ныне недалеко от него расположена Псково-Печерская Лавра), а папу римского заставила в бессильной ярости взирать на далекие Русские земли. И на долгое время забыть о мечте присоединения военным путем Руси к латинству.

СПАСЕНИЕ ВЕРЫ — ДОЛГ РУССКОГО

Но теперь Великому князю, победителю шведов и ливонцев, предстояла великая битва с самим собой. Он должен был смирить свой характер и пойти на мир с Востоком. Не просто пойти, а пойти на поклон в Орду за ярлыком на княжение. Александр понимал, что у Руси пока нет сил на битву с Ордой. Но и принять на себя обряд поклонения языческим богам православный князь ни за что бы не захотел. На верную смерть ехал Великий князь в Орду.

Но в Орде давно следили за возрастанием роли Александра в жизни Руси. Хан Батый, хитрый, властолюбивый, умный политик, понимал, что Александр скорее умрет, нежели изменит вере православной. Поэтому он освободил князя от поклонения языческим богам, принял его с почетом и воскликнул: «Молва не преувеличивает — ты воистину велик и славен!»

Великий хан утвердил Александра на престоле владимирском, поручив ему также всю Южную Русь и Киев. Ликованию владимирцев не было предела. Хлеб-соль вынесли горожане, хоругви и иконы — священники во главе с митрополитом Киприаном.

Казалось бы, Русь получила передышку. Воины возвращались к мирному труду. Но начались нашествия иного рода, и опять с запада. Папа римский решил, что если Русь не взять силой оружия, то можно одолеть хитростью и обманом. Прибывшее из Ватикана посольство изъяснялось князю Александру в любви и уверяло, что отец его, находясь в Орде, встретил там католического посланника — монаха Карпини и клятвенно обещал ему принять на Руси веру латинскую. И конечно, говорили посланники Ватикана, исполнил бы обещание, если бы внезапно не скончался. А ведь сын, говорили католики, обязан исполнить волю отца. Если тем более он хочет мира и спокойствия для себя и Руси. Ватикан обязуется защищать Русь от Орды. Много чего обещали сладкоголосые латиняне.

Александр ответил папским послам письменно. Ответ его был размножен и разошелся по Руси. Князь, изложив историю Ветхозаветной и Новозаветной церкви, напоминал католикам о Вселенских соборах, о Симболе веры, о единосущности Бога Отца и Бога Сына. Он не укорял римлян, желал им спасения, он говорил только то, что вера русских православна, истинна, чиста и непорочна.

Для вольного, гордого Новгорода было невыносимо платить дань татарским сборщикам. Александр и тут сумел распорядиться так, что налоги новгородцы платили князю, а тот уже сам расплачивался с Ордой. Несколько раз пришлось ему отправляться в дальний путь в Орду, получать новые ярлыки на княжение, успокаивать и новгородцев, и владимирцев, и киевлян, улаживать миром возникавшие волнения в княжествах — словом, быть постоянно в напряжении и изнурении сил душевных и физических.

«Мы платим дань, — говорил он, — но мы не изменяем Христу, мы не отдаем свою душу, она Божия. Лучше бедно жить, но хранить веру православную, нежели пойти к предателям Христа».

ОТВАЖНЫЙ ВИТЯЗЬ, СМЕРЕННЫЙ СХИМНИК

Татарские баскаки, сборщики дани, хотели напрямую грабить русских людей. Чтобы защитить своих подданных от унижений и притеснений,

Александр в который раз поехал в Орду. Там снова нашел понимание, отправился в обратный путь. Но на обратном пути разболелся, непонятная хворь овладела им. В Нижнем Новгороде он уже не смог даже сесть на коня, слег, призвал к себе священников и принял схиму: взял на себя имя монаха Алексия, постригся в монашество, то есть полностью посвятил себя Богу. Некоторые летописи говорят, что, может быть, князя отравили в Орде медленно действующим ядом, а может быть, сказались битвы, труды, изнурительная жизнь.

И всего-навсего на сорок пятом году жизни Великий князь Александр Невский отдал Богу душу в Городце на Волге.

Безгласное тело Великого князя повезли во Владимир. Митрополит Киприан, выходя навстречу траурному поезду, воскликнул, говоря плачущим владимирцам:

— Чадца мои милые! Разумейте, яко зашло солнце земли Русской.

— Уже погибаем! — восклицали русские люди.

Да, тяжелые времена ждали Святую Русь. Но она уже помнила великий подвиг святого Александра Невского. Хранимый Богом, он хранил Русь, он провидел ее великое предназначение, любил русский народ, был скромнен в личной жизни, любил жену, детей и к подданным относился как отец, строгий и любящий. Можно сказать, что он навсегда дал образец государственного мужа, человека, занимавшего высший пост в государстве, но остававшегося при этом смиренным рабом Божиим.

Более чем в двадцати битвах участвовал Великий Александр как простой воин, четыре раза ездил в Орду, при нем Русь окрепла настолько, что Орда считалась с нею и уже относилась к Руси не как к завоеванному, но как к самостоятельному государству. Мечи врагов, ножи наемных убийц отведены были от князя рукою Божией. Но сам он не щадил себя.

«Когда же было положено святое тело Александра в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из рук митрополита... И так прославил Бог угодника своего» (из «Сказания о житии Александра Невского»).

Отпевали Великого князя в соборной церкви Рождественского монастыря. Неделя уже прошла со дня его земной кончины, но тело пребывало нетленным, дивное благоухание исходило от его мощей. Говорили потом, что при огромном стечении народа, во время отпевания, когда в руки мертвого вкладывается разрешительная грамота, рука Великого князя сама, как рука живого человека, поднялась и приняла грамоту. Так Господь дал знать, что угодник Его будет прославлен.

Именно в 1380 году, в год Куликовской битвы, мощи святого Александра были открыты и обнаружены нетленными. Надо ли говорить, как это вдохновило русичей перед битвой с ордынцами?

В 1724 году Император Петр I перевез мощи святого Александра в северную столицу. Именно это послужило ее авторитетом для России. А Лавра, где и поныне почивают святые мощи, так и называется — Александро-Невская.

Дочь Императора Петра Великого Елизавета, русская Императрица, в 1753 году повелела соорудить раку (гробницу) святому Александру из чистого серебра. И не просто из серебра, а из первого русского серебра,

добытого промышленным способом. И это также означало независимость России, за которую всю жизнь боролся святой князь Александр Невский.

Некоторые авторы сравнивают Великого князя Невского с другим Александром, полководцем античности, Македонским. Но это сравнение надуманное. Македонский подчинял пространства и народы из тщеславия, расширяя границы своей империи, а Александр Невский хранил святую веру православную, оберегал Богом врученную ему Русь. И если сравнивать, то увидим, как закончили свою жизнь два Александра: Македонский погиб от пьянства и излишеств (как рассказывают легенды, был отравлен); Невский умирал, свершив дела праведные, под святыми иконами.

В Великую Отечественную войну 1941–1945 годов на средства верующих была создана танковая колонна «Александр Невский». Водителями танков были монахи Троице-Сергиевой и Александро-Невской Лавр.

Основные события жизни

1219 год — в семье князя Переяславского Ярослава Всеволодовича и княгини Феодосии родился Александр.

1222 год — маленького Александра начинают обучать ратному делу.

1228 год — отец Александра, князь Ярослав, переезжает из Новгорода в Переяславль. Мальчик вместе с братом Феодором остается на попечении бояр.

1230 год — неурожай и голод в Новгородской земле.

1233 год — смерть брата Александра — Феодора.

1239 год — князь Александр женится на княжне Александре, дочери полоцкого князя Брячислава. Построение крепости на границе Новгородской и Псковской земель.

1240 год — князь Александр с дружиной выдвигается против войска шведского полководца Биргера. 29 июля — битва на берегах Невы. Освобождение Пскова.

1242 год — битва на Чудском озере — Ледовое побоище. Заключение с немцами мира «на всей новгородской воле» (на условиях новгородцев).

Битва с литовцами при Торопце. Победа и долгое преследование неприятеля.

1246 год — кончина князя Ярослава Всеволодовича, отравленного татарами.

Сентябрь 1246 года — отъезд князя Александра в Орду. Несмотря на его отказ исполнять языческие обычаи (проходить через огонь, кланяться кусту и теням умерших ханов), Батый благосклонно принимает у себя князя.

1250 год — возвращение князя Александра в Русь.

1256 год — выдвижение шведских и немецких полков в Новгородскую землю. Их отступление: новгородцы готовили отпор. Победный лапландский (финляндский) поход дружины князя Александра.

1262 год — поездка князя Александра по делу избиения бесерменов в Сарай — столицу Золотой Орды. Хан прощает русских, соглашается освободить их от обязанности служить в татарских войсках. В это время войну с немцами ведут брат Александра Ярослав и сын Димитрий.

27 ноября 1263 года — после тяжелой болезни князь Александр скончался. До этого князь принял постриг с именем Алексий. День памяти святого Благоверного Великого князя Александра — 6 декабря.

Андрей ШЕНДАКОВ

«МОЯ МОЛИТВА ЗА ТЕБЯ, МОЙ КРАЙ...»

Андрей Игоревич Шендаков — родился в 1978 г. в г. Болхове Орловской области, поэт, публицист, доктор наук. Препо-
дает в университете. Публико-
вался во многих литературных
журналах. Лауреат междуна-
родного конкурса «Золотая
строфа», всероссийских конкур-
сов им. С. Есенина, Н. Гумиле-
ва, А. Толстого, конкурса-фе-
стиваля «Хрустальный родник»
и пр. Автор нескольких сборни-
ков стихотворений. Член Союз
писателей России с 2013 г. **Жи-
вет в Орле.**

* * *

*Я вышел в ночь — узнать, понять,
Далекий шорох, близкий ропот...*

А. Блок

Я, как и ты, свой крест несу...
Ночь пахнет скошенной крапивой,
Листвой — в темнеющем лесу,
Рекой и зябью сиротливой,
Телесной пылью городка —
Его обыденных окраин,
И теплым хлебом уголка
Избы, которой благодарен:
Тобою был я обогрет,
Твоей печалью горьковатой.
А что я дам тебе в ответ?..
К тебе нельзя прийти с доплатой.
Я вновь стихи слагать берусь,
А ты мне даришь песни — свыше.
И только грусть, ночная грусть
Твоя становится чуть ближе...
Звезда рассветная легка,
Пора уже свернуть и к дому,
Чтоб отоспаться, но пока
Судьбу не вижу по-иному:
Крапивы, хворост у реки,
С полей петляет отзвук лая,
Шаги близки и — далеки.
Иду, свой край благословляя,
Ведь я — твой сын, мой отчий дом,
Мой край ракитовый, холмистый.
Едины мы. А над холмом
Пылает свет — и путь пречистый!

* * *

Едва затеплившись, рассвет
молчит над пойменным туманом,
а в небесах, над млечным станом,
сто тысяч лет, сто тысяч лет

звезда прозрачно-голуба,
хрустальным пологом воздета,
сто миллиардов раз воспета —
Вселенной вечная раба.

О, сколько носишь ты имен,
скитаясь в толще мрака, дыма?
Словами, взглядом опалима;
не я один в твой свет влюблен.

Тебе, тебе я шлю привет,
наш путь покорен и всевышен.
Дрожит на каплях диких вишен,
едва затеплившись, рассвет...

* * *

...Твои калитки, улицы, дома,
твои мостки, восславленные храмы,
и лихолетья огненные драмы,
и благородства смертная сума,
твои пригорки, где в рассветный час
с полей ручьи ночные васильковы,
а на дверях старинные подковы —
все это пульс, который — в каждом, в нас,
о древний город, вставший на холмах,
на девяти холмах — по воле рока,
и ощутивший лютый шквал востока,
и исцеливший души через прах
далеких предков, но я вижу вдруг
в лице знакомом лик бывшего предка,
который бил врагов довольно метко,
иначе все исчезло бы вокруг:
и вал, где ныне расположен сквер
и оглашают каждый час куранты,
и дальний путь, где, может быть, Атланты
искали смысл своих незримых сфер;

«Гиперборея», — скажете; вполне,
ее найти — извечная проблема,
почти такая, как в романе Лема,
а между тем: на каменистом дне
твоей реки, мой город, вижу вновь
обломки стрел, осколки черепицы
и след веков — взлетевшей колесницы;
какую мне печаль ни приготовь —
благословляю улицы и рвы,
речной воды светящиеся мели;
что мы, о братья, сохранить сумели?
Россия, Русь, Отечество, все мы —
едины мы в победе над собой,
в любви к гробам отеческих окраин,
где дух рассветный чист, благоуханен;
о, сколько можно плакать над судьбой?
Несут рябины дробь небесных гряд.
Светла ль печаль?.. Лик преподобный светел!
Тебе, мой город, я строкой ответил:
мои стихи тебя боготворят!

* * *

Морозный воздух. Тишина.
Осенний свет благоуханен.

Листва с тропинки сметена,
В дымке неведомых окраин

Мерцают зябко фонари —
Под перелетным звездным тленом.
На крыльях утренней зари
День тлеет в зареве степенном:

Светает... С бликами коры
Сплелись наплывы тонких линий,

На предрассветные дворы
Спорхнул едва заметный иней.

И, в небо взглядом проведя,
Простившись с выветренным летом,
Легко почувствовать себя
Ушедшим — и пришедшим светом...

КОСТЕР НА БЕРЕГУ

Неугасающий костер...

И. С. Семенова

...Пейзаж таков: леса, река — рубеж,
рубеж души, земли моей старинной,
где-то мелькнет пригорок белой глиной,
то в поле станет дымка цвета беж,
а то журавль, вздымаясь высоко,
качнет ведром над худенькой деревней —
и сквозь листву повеет скукой древней
былой усадьбы, жившей нелегко;
вдоль склонов сонно стелется овес —
то в полный рост, а то совсем не густо;
к чему искать основу для искусства,
когда она — повсюду, в блеске звезд,
в земной росе у чьей-то городьбы,
к зеленым пням склонившей свои прутья;
глубок туман, в пыли, у перепутья,
легка печаль, привычен ход судьбы,
привычно все, о чем ни говори:
и вечен свет, и беспросветны мысли,
а на листве уже давно повисли
лучи вечерней пристальной зари —
в огнях рябин и вспышках синевы;
за рощей — лес, за склоном — снова поле,
то половик на старом частоколе,
то вдоль реки ухабистые рвы,
к которым боком съехала изба,
то дом кирпичный — среди сосен ярк,
то возле фермы несколько доярок;
о Боже, Боже, это ль не судьба —
любить свой край и в муках, и в труде,
и в беспросветной повседневной битве,
в самозабвенной праведной молитве,
в земле, в огне иль в дождевой воде,
с которой снова, облетев весь мир,
к знакомым окнам примыкают души,
чтоб ощутить удел прошедшей стужи
и возвратиться в солнечный эфир:
горит костер, костер на берегу
земли, России, хлынувшей Вселенной;

куда бы я ни мчался в жизни тленной —
его основу в сердце берегу!..

* * *

Храм Рождества Христова — надо мной:
мой дом в низине, у реки, за лугом,
где ходит солнце в роще полукругом
и склон холма встает почти стеной,
куда в кровавой пене на ходу
когда-то люто прыгали монголы —
и поправлял на троне свои по́лы
великий хан; гореть ему в аду!
Гореть в аду и ляхам, тем, что речь
свою несли средь ликом православных,
и тем, кто счел себя во всем за главных
не так давно, — хочу предостеречь
врагов Руси: так было, будет, есть,
что наши силы вешие крылаты,
хотя не ждем за кровь свою расплаты, —
сама собой приходит с неба месть;
мой дружелюбный и святой народ,
в своем труде ты праведен и вечен,
твоим врагам тебе ответить нечем —
они, увы, не знали тех невзгод,
которым было вольно на Руси:
бывало так, что злое попущенье
преображалось в славное служенье;
меня, о бес, ты трижды искуси,
но дай остаться сыном и отцом,
далеким внуком, истинным потомком
своих начал, в своем эфире тонком,
а быть точнее: под Его венцом —
венцом Христа, с которым светел час,
час долгожданной утренней молитвы —
почти незримой каждодневной битвы,
с которой мы едины, — много нас!
Кто жив еще, а кто — на небесах,
но связь миров с молитвой ощутима
и в тихом слове, и в круженье дыма,
и средь лучей, несущих чей-то прах.
Моя молитва за тебя, мой край,
и за твои суровые години:
не нужно мне и мира половины —
своих врагов безжалостно карай!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Из века в век, к несчастью, повелось:
враги лютуют, нас уничтожая,
и забирают крохи урожая,
и вымещают варварскую злость,

и, распиная женщин и детей,
уводят лучших безвозвратно в рабство:
молчит Европы лживое аббатство,
но ты, душа моя, молчать не смей!
Не смей молчать о подвиге людском
и не робей! В полон уйти не смея,
не раз, не два Иван рубил Кощея,
не первый раз глотает с кровью ком
родной земли — от рытвин и копыт,
от вздыбленных над бездною разрывов,
от повсеместных ссадин и нарывов,
но подвиг ратный нами не забыт!
Пушай лукаво щурится монгол,
вздыхая гниль былую из могилы,
и «трампы-меи» снова копят силы —
на всех найдется и копье, и кол;
прошел четыре огненных войны
мой прадед, дед спасал народ Кавказа:
смешна теперь фашистская зараза,
не осознавшая, увы, своей вины;
в хмельном наплыве злого говорка
соседей речь глумливо лицемерна,
но знают все: где правда, а где скверна —
правдиво в бесов бьющие века!
Владимир-князь, Евпатий Коловрат
и Дмитрий с Дона, ангел Шереметев¹ —
встают над мерзким гниlostным отрепьем,
и сотни раз бессметен Сталинград!
Бессмертный полк шагает по стране!
Крылат и долог шум летящей рати,
а вы, враги, подальше на закате
себя скрывайте в службе сатане!

* * *

«Несовершенен этот грешный мир...» —
казалось, нет обыденнее штампа,
но на столе горит над книгой лампа,
к рукам роняя солнечный эфир, —
и вырастают крылья за спиной,
а руки, вдруг наполненные светом,
благие вести с праведным ответом
возносят к небу, вспыхнув синевой:
и синь чернил, и неба синева —
каких еще искать мне откровений,
когда всегда душе понятен Гений,
а благодать всегда во всем права;

---

¹ Иван Васильевич Шереметев — предводитель русского войска в сражении с ордой под управлением хана Девлета I Гирея 24—25 июня 1555 года в окрестностях села Судбищи (Судбищенская битва).

прекрасен мир, он светом наделен
в холодном блеске вечного круженья,
чтоб мы искали смысл и отраженья
самих себя среди иных времен.

ТАЙНА

*Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.*

А. С. Пушкин, «Моцарт и Сальери»

Нет правды на Земле,
но правда есть чуть выше:
на письменном столе,
над сводом дальней крыши,

в янтарной глубине
лесной воздушной чащи —
почти на самом дне,
где бьется сердце чаще;

где огненны гонцы
и ангелы проворны;
где в россыпи пыльцы
звучат ночные горны.

Услышать их во мгле,
увы, нельзя случайно...
Есть правда на Земле,
как Бог и даже Тайна.

ВЫШЛА КНИГА

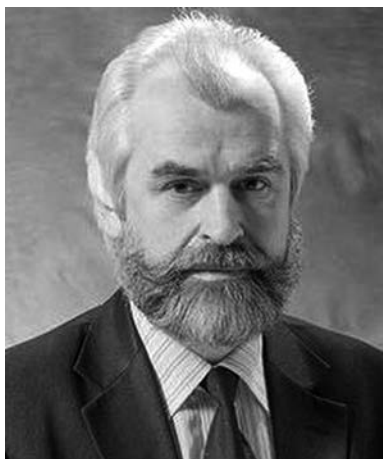
Иванов Г. В.

Старый сад. Стихотворения. — М.: Рос-
сийский писатель, 2020. — 66 с.

Геннадий Иванов — автор четырнадцати книг стихотворений, а также трех книг очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бе-
жечане». Лауреат нескольких литературных пре-
мий, в том числе Большой литературной премии
России и премии имени Ф.И. Тютчева «Русский
путь».

Пути ПОЗНАНИЯ

Александр УЖАНКОВ «РУСЬ» И «РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» В МИРОВОЗЗРЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ XI–XV ВЕКОВ

Александр Николаевич Ужанков — российский филолог, литературовед, историк культуры и литературы Древней Руси. Доктор филологических наук, профессор. Проректор по научной деятельности Московского гос. института культуры. Член Союза журналистов СССР и СП России, член Научного совета по культурному и историческому наследию РАН, член Совета по науке при Министерстве культуры РФ и др. Автор более двухсот работ, двадцати монографий и книг, многих учебных пособий. Результаты его исследований вошли в вузовские и школьные учебники. Работы автора переведены на украинский, сербский, итальянский и английский языки. Живет в Москве.

В науке, как отечественной, так и зарубежной, до сих пор не прекращаются споры о происхождении названий **Русь, русский**: варяжском, южнорусском, греческом и т. д. До конца не определены и понятия, этими словами обозначаемые. Не существует и единого мнения о формировании и значении концепта **Русская земля**. И я не ставлю перед собой целью разобрать в данной статье различные точки зрения на поставленные выше вопросы¹ и выявить (на основе уже моего субъективного мнения) более предпочтительные ответы, поддерживая ту или иную научную гипотезу.

Мне бы хотелось взглянуть на проблему, так сказать, «изнутри», глазами древнерусских писателей, то есть предпринять попытку рассмотреть генезис концептов **русь/Русь и Русская земля** в мировоззрении древнерусских книжников XI–XV вв., и попытаться выяснить, что же они сами вкладывали в эти понятия.

«...От варягъ бо прозвашася Русью...»

Наиболее часто и концептуально осознанно понятия **Русь** и **Русская земля** используются в раннем русском летописании. И связаны они с общей историософской концепцией начальной русской истории, осмысленной через призму Святого Писания и изложенной древнерусскими книжниками в «Повести временных

¹ См. обзор различных точек зрения в работах: Горский А. А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 131–137; Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 13–372.

лет». Рассмотрим, когда же впервые используется концепт *Русь* и какое понятие вкладывает в него летописец.

Древнейшая русская летопись, в недатированной части, начинает свое повествование с космографической теории расселения народов — потомков библейского Ноя праведного — после всемирного потопа: «По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю, Симъ, Хамъ, Афетъ». Симу достались восточные страны, Хаму — «яся полуденьная страна», «Афету же яшася полунощныя страны и западныя», в том числе и «реки Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Вольга». И здесь впервые летописец перечисляет народы, которые оказываются в Иафетовой части земли: «В Афетове же части седять *русь* (здесь и далее выделено мной. — А.У.), чюдъ и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдъ, пермь, печера, ямь, угра, литва... Ляхове же, и пруси, чюдъ преседять к морю Варяжскому. По сему же морю седять варязи...»¹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что летописец выделяет *русь* среди других народов, причем чюдъ упоминается в этом небольшом отрывке дважды: то в соседстве с *русью*, то в соседстве с варягами (отдельно названа *заволочьская чюдъ*). Но, что важно, летописец не отождествляет *русь* и варягов. Более того, и в дальнейшем перечислении народов «колена Иафета» *русь* и *варяги* упоминаются отдельно, как самостоятельные народы, живущие в разных местах: «Афетово бо и то колено: *варязи*, сви, урмане, готе, *русь*, агняне, галичане, волъхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочие...»² (С. 24).

Таким образом, летописец объяснил появление на исторической арене *нового народа* — *руси*, географически разместив его среди европейских народов. Далее приводится языковая идентификация *руси*. По разрушении Вавилонского столпа, разделении народов и языков, потомки Иафета «при-яша западъ и полунощныя страны. От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словене. По мнозехъ же времянех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. От техъ словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте. (...) Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех (...) Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии седоша по Десне, и по Семи, по Суле, и нарекошася северъ. И тако разидеся словенский языкъ, темже и грамота прозвася словенская» (С. 24–26).

Итак, согласно космографической теории летописца, *словенский* народ расселился на восток, дав начало восточнославянским племенам — полянам, древлянам, дреговичам, полочанам, новгородским славянам и т. д. И хотя племена были разные, у них сохранилось языковое (родовое) единство, поскольку общей грамотой была славянская: «Се бо токмо словенескъ языкъ в *руси*: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи, северъ, бужане, зане седоша по Бугу, послеже же вельняне. А се суть инии языци,

¹ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 22–24. Далее страницы указываются в тексте статьи.

² Не могу поэтому согласиться с утверждением В. Я. Петрухина что «*русь* имеет варяжское происхождение». См.: Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). С. 61.

иже дань даютъ *руси*: чюдъ, меря, весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нерома, либь: си суть свой языкъ имуще от колена Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ» (С. 28).

Очевидно, что под «словенским языком» летописец подразумевает не славянскую речь (т. е., собственно язык в нашем понимании), а единство славянских родов (племен), составляющих *русь*. Ей, *руси*, противопоставлены «инии языци», которые так же ведут свой род от колена Иафетова¹, но имеют иную, не славянскую речь. «Бе единъ языкъ словенскъ: словени, иже седяху по Дунаеви, их же прияша угри, и моравя, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая *русь*»². Симъ бо первое преложены книги мораве, яже прозвася грамота словенская, яже грамота есть в *руси* и в болгарех дунайскихъ» (С. 40).

Общность славян и *руси* подчеркивается и одним их христианским учителем — апостолом Павлом. Поскольку «словенску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо *русь*, темъ же и нам *руси* учитель есть Павелъ, понеже учил есть языкъ словенскъ и поставилъ есть епископа и намесника по собе Андроника словенску языку. А словенский языкъ и *русский* одно есть, от варягъ бо прозвашася *русью*, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словенскаяа речь бе. Полями же прозвани быши, зане в поли седяху, а язык словенски един» (С. 42).

Из приведенных выше пассажей получается, что восточнославянские племена, объединенные славянской речью, а затем и христианской верой, и представляют собою *русь*.

Я умышленно пишу слово *русь* со строчной буквы, как оно обычно и писалось в рукописях. Публикаторы летописей поднимали первую букву по своему усмотрению там, где предполагали, что древнерусскими авторами подразумевается некое государственное образование *Русь*, и оставляли строчную там, где подразумевали народ *русь*. Это вносит путаницу в понимание концепта *русь*, поскольку искажает его восприятие древнерусским книжником. Концепт *русь* несет в себе понятие языковой (позднее — и религиозной) общности библейского народа, разбившегося в ходе своего исторического развития на восточнославянские племена и вновь объединившегося после крещения в единый русский народ, пасомый православной

---

¹ Нельзя поэтому признать удачным перевод Д. С. Лихачевым приведенного пассажа: «Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане... А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, — эти говорят на своих языках, они — потомство Иафета, живущее в северных странах» (С. 29). Из перевода получается, во-первых, что Русь — это некая территория (государство), а, во-вторых, по-разному переводится термин «язык»: то как славянская речь, то как народ, хотя в древнерусском тексте подразумевается одно понятие — народ (род). В этой связи более удачным следует признать перевод О. В. Творогова: «Вот кто только *славянские народы* (выделено мной. — А.У.) на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане... А это другие народы, дающие дань Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, — эти говорят на своих языках, они от колена Иафета и живут в северных странах». (Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. СПб., 1997. С. 69). Но, как видим, разнобразия наблюдается только в переводе первой фразы.

² Из этого уточнения летописца получается, что теперь русью называются поляне как преемники целого колена Иафета, прежнее название которого ныне перенесено на одно из славянских племен.

церковью. Этим, возможно, и объясняется титул митрополита Киевского и *всѣя Руси*, т. е. всего православного славяноязычного народа даже в тот период, когда киевский митрополит окормлял православных христиан сопредельных государств — Литвы и Польши.

Стало быть, концепт *русь* для древнерусского летописца имел и более древнее и более широкое значение, нежели *словене*. Хронологически их упоминание можно выстроить в следующей последовательности: *русь* => *словене* => восточнославянские племена. *Русь* воспринимается как *библейский народ* (а не государственное образование, которое подразумевается, когда это слово пишется с большой буквы), происходящий от Иафета. *Словене* и племена — как последующие в историческом времени производные образования, потомки библейской *руси*, а, стало быть, по-прежнему — *русь*¹. Такое восприятие *руси* как библейского народа сохранится в древнерусском восприятии вплоть до XV века (см. ниже).

Характерно, что и византийцы в IX в. воспринимали *русь* как некий таинственный народ, отождествляя его с библейским народом Ros, упоминаемом в пророчествах и «Апокалипсисе». Исследовавший этот вопрос М. Я. Сюзюмов пишет: «В греческом переводе пророка Иезекииля раз встречается название Ros: “И бысть слово Господне ко мне, глаголя, сыне человекъ, утверди лице свое на Гога и на землю Магога, князя Рос”. В “Апокалипсисе” указывается, что Гог и Магог перед концом света во главе бесчисленных войск сатаны подойдут к “священному граду”. При том интересе, с каким византийцы относились к пророчествам о гибели мира, совершенно естественно, что схоластические комментаторы Библии стали искать, где же обитает этот страшный народ Ros. Большинство церковных комментаторов помещали страну Гога и Магога по ту сторону Кавказских гор, вообще куда-нибудь подальше на север, называя их гиперборейскими народностями (т. е. народами Севера) и скифами. Итак, название Ros было хорошо знакомо византийскому обществу задолго до появления русских. Опустошительные набеги русских в начале IX в. навели ужас на византийцев. К тому же созвучие названия “русь” с библейским “рос”, конечно, не могло остаться незамеченным. Невольно могла зародиться мысль, что выступивший на историческую сцену русский народ — это и есть библейский народец Ros, ужасный своим именем, связанным с эсхатологическими пророчествами»².

Посмотрим, где же географически древнерусский летописец помещает *русь*: «Поляномъ же жившимъ особе по горамъ симъ, бе путь изъ варягъ въ греки и изъ грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ёлмень озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечетъ в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское... Днепръ бо потече из Оковьскаго леса, и потечеть на полъдне, а Двина ис того же леса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же леса потече Волга на вѣстокъ, и вътечетъ семьюдесять

¹ В определенном смысле В. Я. Петрухин прав, когда говорит, что «начальная русь не принадлежала «словенскому языку» (С. 61): это «словенский язык» принадлежит руси, поскольку происходит от нее.

² Сюзюмов М. Я. К вопросу о происхождении слова Ros, Rosia, Россия // Вестник древней истории. 1940. № 2. С. 121–122.

жерель в море Хвалисское. Тем же и из *Руси* (руси?¹ — А.У.) может ити по Волзе в Болгары и въ Хвалисы, и на вѣстокъ дойти въ жребий Симовъ, а по Двине въ Варяги (варяги. — А.У.), изъ Варягъ (варяг. — А.У.) до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепръ втечетъ в Понетское море жереломъ, еже море словеть *Руское*, по нему же училъ святой Оньдрей, братъ Петровъ...» (С. 26).

Следует обратить внимание на три обстоятельства. Во-первых, летописец помещает *русь* на пути из *варяг* в *греки*, то есть, от одного народа к другому. Во-вторых, один народ — *варяги* — дал название Варяжскому морю на севере, другой народ — *русь* — дал название Русскому морю на юге, т. е. в противоположной стороне. В-третьих, через апостола Андрея, занимавшегося просветительской деятельностью по берегу Русского моря, ветхозаветная (языческая) история *руси* связывается с новозаветной — христианской историей нового богоизбранного народа *русского*.

Логика повествования летописца здесь очевидна. Коль *русь* является библейским народом, то и о ней должно быть пророчество, касающееся ее новозаветного будущего. Вот почему, отправившись путем из греков к варягам, апостол Андрей промыслительно остановился у Днепровских гор. «И заутра вѣставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: “Видите ли горы сия? — яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать”. И вышедъ на горы сия, благослови я, и постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълезъ съ горы сея, идеже после же бысть Киевъ» (С. 26).

Сказывается в истории *русских* и еще одно пророчество. Живущим в погибели по языческим обычаям восточнославянским племенам летописец противопоставляет жизнь по христианским законам уже крещеного народа. Господь не дал погибнуть *славяноязычным*, избрал свой *новый народ* и вывел его из рабства греха и хазарского владычества, как когда-то народ Моисея одарил десятью заповедями (Законом) и вывел из-под владычества фараона.

По замечанию В. Я. Петрухина, «вводная космографическая часть “Повести временных лет” завершается рассказом об избавлении славян (племени полян) от хазарской дани и власти русских князей над хазарами, подобно тому, как “погибоша еюптяне от Моисея, а первое быша работающимъ”. Таким образом, обретение полянами своей земли в Среднем Поднепровье и утверждение там власти русских князей сопоставлялось с избавлением избранного народа от египетского плена и обретением земли обетованной — будущей христианской Руси... Это отождествление Русской земли с “новым Израилем” становится характерным для русского самосознания задолго до формирования идеи “Святой Руси”»².

Так завершается недатированная космографическая история *руси* — *славяноязычного народа*, потомка племени Иафета, то есть, по сути своей — библейского народа. Хочу обратить внимание, что в этой дохронологической части «Повести временных лет» употребляется только один концепт — *русь*, и ни разу не использован концепт *Русская земля*, широко используемый

¹ Конечно, если *Варяги* пишутся с прописной, то и *Русь* следует писать с прописной; однако не было государства *Варяги*! Очевидно, что летописец указывал путь от одного *народа* к другому, а не от одного государства к другому.

² Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). С. 67.

книжниками в хронологической части древнерусской летописи. Из этого можно предположить, что в концепте *русь/Русь* отразилось особое средневековое представление о синергетическом слиянии в слове *русь* двух понятий: народа и страны (как Греки и Варяги), в которой проживает этот народ. Однако, как мы знаем, такой страны с единым институтом княжеской власти еще не было, поэтому значение *народ* в концепте *русь* превалирует.

История *Русской земли* — нового государственного образования под объединяющей княжеской властью, начинается с точной даты — 852 года, когда в царствование византийского царя Михаила «начася прозывати *Руска земля*. О семь бо уведахомъ, яко при семь цари приходиша *Русь* (народ *русь*, а не целое государство! — А.У.) на Царьгородъ, якоже пишется в лето писаньи гречьстемъ. Тем же отселе почнем и числа положимъ (...) А от первого лета Михайлова до первого лета Олгова, *рускаго* князя, лет 29...» (С. 34). То есть, ранее описанное княжение в Киеве трех братьев — Кия, Щека и Хорева — относится еще к дохронологическому периоду — космографической истории *руси*. Олег же становится *русским* князем потому, что стал князем *народа русь*. В этом акте воплотились воля и свободный выбор самого этого народа, но в нем уже чувствуется и прообраз выбора христианства при Владимире Святославиче.

Спустя десять лет от первого упоминания *Русской земли* в греческом летописании, сначала изгнав варяг за море, новгородцы опять призывают их княжить в свою землю: ««Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами». И избрашася 3 брата с роды своими, пояша по собе всю *русь* (...) И от техъ *варягъ* прозвася *Руская земля*...» (С. 36).

Приведенная цитата из «Повести временных лет», кажется, перечеркивает все сказанное прежде о двух разных народах — *руси* и *варягах*. Традиционно выражение «пояша по собе всю *русь*» переводят как «и взяли с собой всю *русь*» (С. 37). Иными словами, отправляясь в Новгородскую землю, варяги прихватили с собой и «всю *русь*». То есть, целый народ! Однако историки до сих пор не могут найти в Скандинавии следов существования ни народа *русь*, ни народа *рос*¹, поскольку такого народа там, по всей видимости, никогда и не было. А фразу из летописи правильнее было бы перевести как «покорили себе всю *русь*»² (в древнерусском языке существует выражение «поима (от *пояти*) землю или города», т. е. покорил землю или города, но не взял с собой!³).

Проведенный А. А. Шахматовым текстологический анализ «Повести временных лет» показал, что чтения об идентификации *руси* и *варягов* являются позднейшей вставкой, поскольку их нет в Новгородской первой летописи младшего извода, отразившей более ранний, чем дошедшая до нас

¹ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). С. 100.

² «Словарь русского языка XI–XVII вв.» так объясняет второе значение слова *пояти* (пояша — производное от него): «Взять себе (в свое распоряжение, владение), забрать, завладеть, захватить» и приводит в качестве примера к этому толкованию разбираемую нами фразу. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992. С. 94.

³ См.: «Батый всю землю Рускую поима» // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 344; «Ростислав же с смолянны поима въ вьлостинихъ 4 города» // Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992. С. 94.

редакция «Повести временных лет», летописный свод¹. Правда, и в Новгородской первой летописи младшего извода имеется свидетельство, что «от тех Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Русь, и от тех словес Руская земля» (Н 1 Л. С. 106). Как же тогда воспринимать эти слова летописца? Их можно понимать как свидетельство, что пришлые варяги прозвали подчиненный ими народ *русью*, а территорию ими занимаемую, *Русской землей*. То есть, приведенное выше выражение «от тех Варягъ...» можно переводить как «теми варягами, пришлыми теми, прозвались *русью*, ими прославлена *Русская земля*»².

В этой связи интересно еще одно пророчество о Русской земле, вложенное летописцем в уста пришедшего в Киев варяга Олега: «И седе Олегъ княжа въ Кieve, и рече Олегъ: “Се буди (т. е. еще будет в будущем, но не сейчас! — А.У.) мати градомъ *русьскимъ*”. И беша у него варязи и словени и прочи, прозвашася *русью*» (С. 38). Интересная деталь, отмеченная летописцем: варяги, славяне и прочие народности прозвались *русью*, т. е. стали называться *русью* в силу складывающихся обстоятельств — приходом в Киев!

Хочу обратить внимание, что определение (новый концепт) *русский* является притяжательным прилагательным, указывающим на принадлежность кому-то или чему-то. Русский князь, и города русские, и мать-столица принадлежат *руси* — народу (не территории!). То есть, доисторический библейский народ *русь* в новый, исторический период, соотносимый с новозаветной христианской историей греков (они зафиксировали его пребывание на исторической сцене), трансформировался в новый *русский* народ.

Пророческие слова Олега о Кieve как о будущей *русской* столице соответствуют греческому термину *metropolis* — мать городов, метрополия, столица³. Если же вспомнить и более раннее благовествование апостола Андрея о том, что «на сихъ горахъ восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать», — то мы получим пророчество о новой христианской столице нового христианского народа — *русского*.

Тема нового богоизбранного — *русского* — народа становится доминирующей в «Слове о Законе и Благодати» пресвитера Илариона, прочитанном в церкви Благовещения на Золотых воротах в Кieve в субботу 25 марта, на престольный праздник в канун Пасхи 1038 года⁴.

Промыслительное появление *русского народа* на исторической сцене обусловлено, по мнению Илариона, самим Святым Писанием: «Приде бо Спасъ, и не приать бысть отъ Израиля. И по еуагельскому слову: “Въ своа прииде, и свои Его не приаша”. От языкъ же (т. е. другими народами. — А.У.) приать бысть. Яко же рече Иаковъ: “И ть чаяние языкомъ”. Ибо и въ рождении его вълси от языкъ прежде поклонишася ему, а иудеи убити его искааху, его же ради и младенца избиша. И събысться слово Спасово: “Яко мнозиотъ

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 284–340.

² См. многочисленные тому примеры: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1987. Вып. 13. С. 175–178.

³ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современниками и потомков (IX–XII вв.). М., 1999. С. 176.

⁴ Ужанков А. Н. Из лекций по истории русской литературы XI — первой трети XVIII вв. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. М., 1999. С. 5–24.

Въстокъ и Западъ приидут и възлягутъсь Авраамомъ, и Исакомъ, Иаковомъ въ царствии небеснемъ, а сынове царьства изгнани будутъ въ тму кромешную». И паки: «Яко отимется от васъ царство Божие, и дасться странамъ, творящимъ плоды его». Къ ним же посла ученикы своа, глаголя: «Шедъше въ весь миръ проповедите еуагелие всеи твари. Да иже веруетъ и крѣститься спасенъ будетъ! И шѣдше научите вся языки крестящая въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, учяще а блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ»» (С. 88).

Собственно эта история христианизации народов и была описана летописцем частично в доисторической (недатированной) части «Повести временных лет», в которой упомянуто крещение славян апостолом Павлом, частично в «Речи философа», частично в рассказе о крещении языческой *руси* князем Владимиром. Совершенно очевидно, что летописец искал место крещенной *руси* — *русских* — уже среди «исторических» христианских народов.

Тем же поиском был озадачен и Иларион: «Лепо бо бе Благодати и Истине на новы люди въсиати. Не въливають бо, по словеси Господню, вина новааго учения благод/е/тъ навъ мехы ветхы, обѣтъшавъши въ иудестве, аще ли то просядутся меси и вино пролеется. Не могъше бо Закона стена удержати, но многажды идоломъ покланявшеся, како истинныа Благодати удержать учение? Нъ ново учение — новы мехы — новы языки, и обоесъ блюдется. Яко же и есть. Вера бо благодатьнаа по всей земли простреся, и до нашего языка *рускааго* доиде» (С. 88–90).

Итак, спасительная благодатная вера дошла до *русского* народа. В этом и заключается промыслительно-исторический путь распространения христианства — оно приходит на *Русскую землю*: «Тогда тма бесослуганна (бесослужения) погыбе, и слово еуагельское землю нашу осиа» (С. 94).

Особая заслуга в этом «великааго кагана нашеа земли» Владимира Святославича, который «не въ худе бо и неведоме земли владычствоваша, нъ въ *Руське*, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли». И деяния его приравниваются к апостольскому подвигу императора Константина, который «въ елинехъ и римлянехъ (т. е., в языческих народах. — А.У.) царство Богу покори», а русский князь — «въ *руси*» (С. 114).

Аналогичная оценка заслуг князя Владимира содержится и в «Чтении о Борисе и Глебе», написанном преподобным Нестором до 1088 г.¹: «Бысть бо, рече, князь въ тыи годы, володый всею *землею Рускою*, именемъ Владимиръ (...) Вчера не ведаше, кто есть Исусъ Христосъ, днесь проповедатель Его явился; вчера елинъ Владимиръ нарицающа, днесь крѣстьянъ Василий наричається. Се второй Костянтинъ въ *Руси* явился»².

Можно предположить, что с установлением института династической княжеской власти у восточных славян название доминирующего единогоязычного этноса *русь* определило в X веке и название государства с центром в Киеве — *Русь*. На такое двойственное понимание концепта *русь* вроде бы указывает инициатива Олега в 911 г. «положити ряд межю Русью и Грекы» (С. 46), т. е. заключить с Византией (а не просто греками!) межгосударственный договор, для чего и было послано князем Олегом посольство

¹ Ужанков А. Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: К истории канонизации и написания житий // Древняя Русь: Проблемы медиевистики. 2000. № 2. С. 28–50; 2001. № 1(3). С. 37–49.

² Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Птр., 1916. С. 4.

к Византийским соправителям Льву, Александру и Константину. В таком случае народы Русь и Греки олицетворяют собой сами государства. Однако, как следует из самого договора, заключен он все же между двумя народами — греками и *русью*. И здесь примечательно еще одно смысловое их противопоставление — уже по конфессиональному признаку. Прибывшие в Византию мужи свидетельствуют, что они «от рода *рускаго*» и «послани от Олга, великого князя *рускаго* (...) на удержание и на извещение от многих лет межи хрестианы и *Русью* бывшуюю любовь». И еще раз будет подчеркнуто, что прибывшие послы стремятся укрепить договором «любовь, бывшую межи хрестьяны и *Русью*» (С. 46).

В самом договоре греки фигурируют как христиане, им противопоставлены *русины*: «Аще кто убьет или хрестьянина *русин*, или хрестьянинъ *русина*, да умрет, идеже аще сотворит убийство. (...) Аще украдетъ что любо *русин* у хрестянина, или аки хрестьянинъ у *русина*...» и т. д.

Для нас весьма существенным является это противопоставление христиан-греков и язычников-руси. *Русь*, стало быть, воспринимается древнерусским летописцем как «ветхозаветный» языческий народ, но уже включенный в мировой исторический процесс контактами с византийцами.

Важно отметить, что и в XI–XII веках концепт *русь* воспринимался как народ, а не государство. Например, описывая борьбу Ярослава Мудрого со Святополком, автор «Сказания о Борисе и Глебе» замечает: «В лето 6526 приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава с Ляхы. Ярославъ же, съвкупивъ *Русь*, Варягы, Словени, поиде противу...»¹. В данном контексте совершенно очевидно, что слово *русь* использовано для обозначения этноса, и поэтому должно писаться со строчной буквы, как и варяги и словени.

«Откуда есть пошла руская земля, ...И откуда руская земля стала есть»

Уже само название древнейшей русской летописи, составленной в начале XII века в Киево-Печерском монастыре монахом Нестором, дважды использует понятие *Русская земля*: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла *Руская земля*, кто въ Киеве нача первее княжити, и откуда *Руская земля* стала есть». Здесь нет, как может показаться на первый взгляд, тавтологии. Летописец обещал рассказать, откуда пошла *Русская земля*, т. е. ее история (или происхождение) до первого киевского князя. Собственно эта часть уже рассмотрена нами: *Русская земля* происходит от библейского народа *русь* — из колена Иафетова. Остается рассмотреть становление *Русской земли* и определить самое понятие. Оно также связано с эсхатологическим осмыслением человеческой истории.

Характерны в этом плане названия древнерусских летописей, например, Новгородской первой летописи: «Временникъ, еже есть нарицается летописание князей и земля *Руския*, и како избра Богъ страну нашу на последнее время...»². Или «Софийского временника», включенного в Тверскую летопись: «Временникъ Софейскый, иже глаголется летописецъ Рускихъ

¹ *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Птр., 1916. С. 45.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 103.

князей, и како избра Богъ страну нашу на последнее время...»¹. Или самой Софийской первой летописи: «Временникъ, еже нарицается Летописецъ рускыхъ князь, и како избра Богъ страну нашу на последнее время...»².

Из приведенных примеров явствует, что понятие *Русская земля* как новой обетованной (христианской) земли формируется в процессе осмысления «последнего времени».

Стало быть, русская история осмысляется новгородскими и тверским летописцами так же, как и киевскими — как Промысл Господень перед концом света. Характерно, что и само древнерусское летописание велось до «конца времен» — Страшного суда³.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что понятия *Русская земля* и *русь* связаны в древнерусских произведениях с действиями (поступками) князей, митрополитов или святых. Князья владychествуют в Русской земле, митрополиты носят титул «митрополита Киевского и всея Руси», святые молятся пред Богом за землю Русскую.

Характерно, что в *руси* святых не было, поскольку это был языческий народ, однако, «родъ праведныхъ благословиться, рече пророкъ, и семя ихъ въ благословении будетъ»⁴, и они просияли в *Русской земле*. Заслуга в том — Владимира Крестителя, при котором (сначала язычнике, а потом христианине) и стал складываться концепт *Русская земля* как *христианская земля*: «Сущю самодръжцю въсеи Русьскеи земли Володимиру, сыну Святославию, внуку же Игореву (русский род князей. — А.У.), иже и святыимъ крщениемъ всю просвети сию землю Русьскую»⁵. А его сыновья пошли путем Христовым и стали первыми *рускими* святыми, которые ныне «ни о единомъ бо граде, ни о двѹ, ни о вѣси попечение и молитву въздае, нѣ о всеи земли Русьскеи». Но они не только стали молитвенниками Русской земли, но и связали ее со всем христианским миром, создавая уже ее новозаветную (христианскую) историю.

«О Христова угодника! — продолжает автор жития святых. — Блаженъ по истине и высокъ паче всехъ градъ Русьскихъ и вышій градъ, имый въ себе таковое скровище, ему же не тѣчнѣ ни въсь миръ! По истине Вышегородъ наречеся: вышій и превышій городъ всехъ, въторый Селунъ явися въ Русьске земли, имый въ себе врачѣство безмъздное. Не нашему единому языку тѣкъмо подано бысть Бѣгъмъ, нѣ и въсеи земли спасение, отъ всехъ бо странъ ту приходяще туне почъреплѹть ицеление, яко же и въ святыихъ евангелиихъ Господь рече святымъ апостоломъ, яко туне прияста, туне и дадите»⁶. Благодаря тому, что Господь послал таких святых целителей Русской земле, теперь она посещается стала православными паломниками со всех стран. То есть уже географически оказалась связанной со всем

¹ Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000. С. 26.

² Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 11.

³ Ужанков А. Н. «Совестные книги» Древней Руси (Русское летописание и Страшный суд) // Россия XXI. М., 1999. № 4. С. 151–177.

⁴ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Птр., 1916. С. 27.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 50.

христианским миром. Сам святой Георгий направляет слепого человека к святым страстотерпцам: « Иди къ святыма мученикома Бориса и Глеба, (...) тема есть дана благодать отъ Бога — въ стране сеи земля Русь скепращати и исцелити всяку страсть и недугъ»¹. Таким образом, в начале XI века Русская земля, в которой появляются свои христианские святые, становится оплотом православия, и это констатируют древнерусские книжники.

* * *

Наблюдения Б. А. Рыбакова над летописными определениями понятия *Русская земля* в XI–XII вв. привели его к выводу «о существовании трех географических концентров, одинаково называемых Русью или Русской землей: 1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северная земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, т. е. лесостепная полоса от Руси до верховьев Сейма и Донца; 3) все восточнославянские земли — от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря»².

Это, если так можно выразиться, чисто географическое понятие *Русская земля*. Однако выделение трех разных по величине «географических концентров» свидетельствует, что не одно чисто территориальное (географическое) понятие вкладывалось древнерусскими писателями в выражение *Русская земля*. Подразумевалось нечто более значительное и значимое, объединяющее воедино все перечисленные княжества в одно государство: исповедание единой православной веры и очерчивание территории, на которой она была распространена, возможное при четком определении всех не православных соседей. Между тем, надо полагать, такое религиозное понимание названия *Русская земля*³ появилось не сразу, а только в XIII веке.

Наблюдения А. В. Соловьева показали, что широкое понимание термина *Руси* как совокупности всех восточнославянских княжеств имело постоянное значение в двух случаях: во-первых, во взаимоотношении с западноевропейскими странами; во-вторых, в сфере церковной жизни. Он же отметил, что расширительное понимание *Руси* или *Русской земли* как всей страны было присуще периоду между 911–1132 годами. И даже смоляне и новгородцы (примечательно, что Смоленск и Новгород никогда не входили

---

¹ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Птр., 1916. С. 59–60.

² Рыбаков Б. А. Древние русы // Советская археология: Сборник статей. М., 1953. Вып. XVII. С. 29.

³ После того, как я предложил такое широкое религиозное понимание названия *Русская земля* (См.: Ужанков А. Н. Некоторые наблюдения над «Словом о погибели Русской земли» (к вопросу о написании и времени присоединения его к «Житию Александра Невского») // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 114–117), аналогичное толкование представил, спустя год, и И. Н. Данилевский: «Пожалуй, самой сильной (а для средневекового книжника — и наиболее важной) чертой, которая помимо общего происхождения, роднила народы и земли, было и остается единое вероисповедание их населения. Если именно этот признак составители “Слова о погибели” и “Списка городов” рассматривали в качестве существенного при отнесении каких-либо территорий или географических пунктов к категории “русский”, что само по себе весьма вероятно, то следует сделать вывод: под термином “русский” они имели в виду скорее всего этно-конфессиональную общность, близкую тому, что сейчас именуется термином “православный”». См.: Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современниками и потомков (IX–XII вв.). М., 1999. С. 174.

территориально в тот узкий географический ареал, который выражался в XI–XII вв. понятием *Русская земля*) в договорах с иностранцами назывались «руси́нами»¹.

В период же феодальной раздробленности, особенно со второй половины XII в., оно закрепилось преимущественно за Киевской областью². Широкое понимание названия *Русская земля* в этот период сузилось, по мнению А. Н. Робинсона, до древних границ Среднего Поднепровья, ранее населенного полянами, т. е. включало в себя бывшее Киевское княжество, Переяславльское княжество и большую часть Черниговского княжества³.

В обстановке распада *Русской земли* на удельные княжества, по мнению ученого, «само определение “русские” обычно не применялось, судя по летописям, ни к княжествам, находившимся за указанными пределами “Русской земли”, ни к населению этих княжеств, в которых жили “суздальцы”, “ростовцы”, “новгородцы”, “смоляне”, “рязанцы”, “черниговцы” и др. (по названиям столичных городов)...»⁴.

В период феодальной раздробленности, во второй половине XII в., возникает концепция самостоятельных земель — «Суздальской земли», «Смоленской земли», «Северской земли», «Новгородской земли» и т. д., и появляется «новая концепция «Руси» — «Русской земли», уже не объединявшей многие восточнославянские «земли», а противопоставляемой этим «землям»⁵.

По мнению А. Н. Робинсона, «во второй половине XII в. “широкая” концепция “Русской земли” существовала преимущественно как историческое предание, а “узкая” концепция — как обычная политическая реальность»⁶, причем не только в летописании, но и в «Слове о полку Игореве» (правда, в несколько расширительном значении, за счет северских и союзных с Игорем князей)⁷.

Интересно отметить, что понятие «Русская земля» в «Слове о полку Игореве» имеет своего антипода — понятие «Половецкая земля»⁸, точно так же, как в двух литературных памятниках XIII в. — «Слове о погибели Русской земли» и «Галицкой летописи» — «Русская земля», или просто «Русь», имела антиподами всех своих соседей — «Ляхов», «Угров», «Ятвягов» и т. д.

Если продолжить сопоставление понятий *Русская земля* в исторических сочинениях XII в. и «Слове о погибели», то мы обнаружим совершенно противоположную XII в. концепцию памятника XIII века. И это при том, что социально-историческая обстановка ничуть не изменилась, более того, дальнейшее обособление княжеств еще усилилось, как и их дробление.

---

¹ См.: Der Begriff «Russland» im Mittelalter. Von Alexander Soloviev (Genf). // Studienzur alten Geschichte Osteuropas. I. Teil. Festschrift für Heinrich Felix Schmid. Graz. Köln, 1956, S. 149–150.

² См.: Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв. М., 1980. С. 223 и прим. 18–19.

³ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси... С. 225.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Там же. С. 225–226.

⁶ Там же. С. 226.

⁷ Там же. С. 227–229.

⁸ Там же. С. 233.

Тем не менее, понятие *Русская земля* в «Слове о погибели» трактуется в самом широком смысле и включает в себя все восточнославянские земли, населенные православными людьми, в том числе и западно- и северорусские, что, опять же, роднит этот памятник с «Галицкой летописью».

Уже в самом начале ее автор, говоря о Романе Галицком, замечает: «По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца *всєя Руси*... велику мятежю воставшю в *земле Руской*, оставившима же сядве има сына его...»¹. Или в рассказе об истории основания новой столицы княжества — города Холма: «...созда град..., его же татарове не возмогоша прияти, егда Батый всю *землю Рускую* поима»². Совершенно очевидно, что выражение «вся земля Русская» использовано здесь в самом широком значении, не ограниченном ареалом Киево-Черниговских, или — шире — южнорусских земель, а подразумевает и Владимирские, Суздальские, Рязанские и Галицко-Волынские земли, то есть те земли, через которые прошли полчища Батыя.

И еще на одном примере уместно будет остановиться, поскольку он характеризует взгляды первого автора «Галицкой летописи» («Летописца Даниила Галицкого»)³.

В заключительной части своего труда, в описании поездки князя Даниила в Орду за ярлыком, он дважды использует выражение *Русская земля*: «О злее зла честь татарская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу *Рускою землею*, Киевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ си, и неми странами... Его же отецъ бе царь в *Руской земли*, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все»⁴.

Интерес представляет это указание на царство князя Романа в *Русской земле* и на владение ею его сыном Даниилом. Дело в том, что и Роман Мстиславич, и его сын Даниил Романович владели Киевом временно и непродолжительный срок, но автору, видимо, было достаточно самого факта для создания их обобщенной характеристики как «самодержцев *Русской земли*». В связи с этим хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства. Князь Даниил никогда не управлял *Русскою землею* из Киева, но только из Галицкого княжества: первоначально из Галича, а с конца 30-х годов — из Холма.

При устойчивом употреблении автором выражения *Русская земля* относительно Галицких земель, и *Русь* — *русский* — относительно жителей княжества, напрашивается вывод, что Холм как новая столица княжества становится административным центром *Русской земли* во времена владения князем Даниилом Романовичем Киевом (т. е. в первой половине 40-х годов), во всяком случае, в представлении самого автора.

Могло ли такое быть?

Как известно, к концу XII в., точнее в середине 80-х годов «Киев не только утратил свое значение столицы («матери») всех городов, но даже лишился суверенных прав в собственном княжестве. Киевского княжества

¹ «Галицко-Волынская летопись» // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 236.

² Там же. С. 344.

³ См.: Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 3. М., 1992. С. 149–180.

⁴ ПЛДР, XIII век. С. 314.

как государства более не существовало, так как городом Киевом владел в интересующее нас время (середина 80-х гг. XII в. — А.У.) один князь..., а землями Киевщины — другой»¹. В Киеве княжил Святослав Всеволодович до своей смерти в 1194 г., а Киевскими землями управлял в то же время Рюрик Ростиславич.

Практически закат былой славы Киева как центра *Русской земли* начался с его разорения в 1169 г. Андреем Боголюбским. Затем Киев часто стал переходить от одного князя к другому.

Батыево нашествие завершило этот процесс, но не только потому, что Киев был фактически разрушен до основания и истреблены его жители (Михаил Черниговский по возвращении в Киев в 1245 г. не смог даже жить в нем), а и потому, что с этого момента Киев перестал быть центром русской православной церкви — митрополичьим городом. Еще в 1239 г. (1240) митрополит-грек Иосиф покидает Киев перед угрозой монголо-татарского нашествия, а в 1243 г. князь Даниил Романович назначает «печатника» Кирилла новым митрополитом *«всех Руси»*. Именно ему, по моему мнению, и принадлежит первая редакция *«Летописца»*². Но тогда выражение *Русская земля* — в широком смысле — обретает под его пером новое звучание и значение для XIII века.

Кирилл писал свое сочинение, будучи уже названным митрополитом *«всех Руси»*. И для него, естественно, *Русская земля* не ограничивалась только Киевским, Черниговским и Переславльским княжествами. Для него *Русская земля* — это тот географический ареал, на котором проживают православные христиане. Он называл «христианами» католиков, венгров и поляков, но всегда отличал их от православной *Руси*, наравне с языческой Литвой и ятвягами. Поэтому его понятие *Русская земля* было гораздо шире устоявшегося в XII в. и включало в себя помимо традиционно называемых в XI–XII вв. центральных территорий еще и Галицкое, Волынское, Смоленское и др. княжества. Фактически он подразумевал всю территорию восточных славян, говоря о *Русской земле*. Описывая западных соседей *Русской земли*, он повествует о венграх, поляках, чехах, ятвягах, литве и немцах. Обращаю на этот факт внимание умышленно, поскольку эти же западные соседи *Русской земли* перечисляются и в *«Слове о погибели»*. И, думается, не случайно, поскольку автор использовал выражение *Русская земля* в самом широком смысле, подразумевая под ним территорию, населенную православным народом и окруженную «не правоверными христианами» — католиками и язычниками. Этот момент в *«Слове»* подчеркивается особо. Перечислив всех западных, северных и восточных соседей, автор замечает, что расположенная между ними территория была покорена «Богом крестяньскому языку», то есть христианскому народу.

«О, светло светлая и украсно украшена, земля *Руськая*! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и

¹ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси... С. 225.

² Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»... С. 150–180.

князьями грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена *земля Руская*, о прававерьная вера хрестиянская!

Отселе до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от немецъ до корелы, от корелы до Устюга, где тамо бяху тоймици поганин, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдвиги, — то все покорено было Богомъ крестиянскому языку...»¹.

Стало быть, и в понимании митрополита Кирилла, автора первой редакции «Летописца», и в понимании автора «Слова о погибели» *Русская земля* — это населенная *православным народом* земля, которую окружают неправославные народы. То есть, концепт *Русская земля* использован в этих двух памятниках в самом широком смысле: и по отношению к соседям; и в религиозном понимании.

Складывается впечатление, что если во второй половине XII — начале XIII в., т. е. в период феодальной раздробленности, концепт *Русская земля* воспринимался в узком смысле, как Киевское, Черниговское и Переяславльское княжества — Среднее Поднепровье — (т. е. подчиненные двум соправителям Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславичу как главам родов Ольговичей и Мономаховичей), то с появлением монголо-татар, т. е. внешних врагов, завоевавших Русскую землю, границы ее значительно расширились, как об этом свидетельствует «Слово о погибели Русской земли». И одновременно за ней закрепляется понятие земли православной².

Особенно заметным соединением двух понятий — *Русской земли* и христианской веры — происходит в повестях Куликовского цикла, в частности в «Задонщине»: «...Царь Мамай пришел на *Рускую землю*... Князи и бояры и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богаество, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за *землю Рускую* и за веру хрестиянскую». «И положили есте головы своя за святыя церкви, за *землю* за *Рускую* и за веру крестьянскую»³ и т. д.

Ощущая себя народом библейским, но «народом новым» — христианским, древнерусские книжники показывают причастность своего Отечества к течению Богом определенной истории.

В этом отношении характерно вступление «Задонщины», созданной в конце XIV в. или XV в.⁴: «Пойдем, брате, тамо в полунощную страну — жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися *русь православная* (весьма существенное добавление, свидетельствующее о переосмыслении в новое, уже христианское, время концепта *русь*. — А.У.). Взыдем на горы Ки-

¹ ПЛДР, XIII век. С. 130.

² Появление самоназвания как показатель сложившегося самосознания этноса всегда предполагает и осознание иноэтничного и инокультурного — «чужого» — окружения; самоназвание не только выделяет собственный «свой» народ, но и противопоставляет его другим народам», — замечает В. Я. Петрухин. См.: *Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). С. 33.*

³ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 7, 13.

⁴ *Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 307–310; Дмитриев Л. А. Задонщина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Часть 1. А–К. Л., 1988. С. 345–350.*

евския и посмотрим славного Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя — поганяя татаровя, бусормановя. Те бо на реке на Каяле одоле шародь Афетов. И оттоля Руская земля седить невесела...»¹.

Предопределенность такого развития событий для автора «Задонщины» очевидна: «А казнил Богъ Рускую землю за своя согрешения»². Очевидна она и для автора «Сказания о Мамаевом побоище»: «Попущением Божиимъ за грехы наша, от навождения диаволя въздвижеся князь от вѣсточныа страны, имянем Мамай, еллинъсый верою (т. е. язычник. — А.У.), идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьянский укоритель»³.

Однако «уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милуетъ его. Тако Господь Богъ помиловал князей русских... на поле Куликове, на речки Непрядве. (...) И помилова Богъ Рускую землю, а татаръ пало безчислено многое множество»⁴. Но и русских воинов пало немало, а потому и сетует Великий князь Дмитрий Иванович: «Братия, бояра и князи и дети боярские, то вам сужено место меж Доном и Непром, на поле Куликове на речке Непрядве. И положили есте головы своя за святыя церкви, за землю за Рускую и за веру крестьянскую. Простите мя, братия, и благословите в сем веце и в будущем»⁵.

Автор «Задонщины» часто использует рефрен «за землю за Рускую и за веру крестьянскую». Его нельзя воспринимать как литературное клише. В сознании древнерусского человека XV в. понятие *Русская земля* неразрывно было связано с христианской (а точнее — правоверной, т. е. православной) верой. Об это свидетельствует и «Краткая летописная повесть»: «...Князь великий Дмитрей Ивановичъ, собравъ воя многы, поиде противу их (Мамаея и его рати. — А.У.), хотя боронити своя отчины и за святыя церкви и за правоверную веру христьянскую и за всю Русьскую землю»⁶. И в «Пространной летописной повести» Дмитрий Иванович обращается с призывом к «брату своему Владимиру и къ всем княземъ рускимъ и воеводам: “Поидемъ противу сего оканнаго и безбожнаго, нечестиваго и темнаго сыроядца Мамаея за правую веру крестьянскую, за святыя церкви и за вся младенца и старьци и за вся крестьяны сущаа и не сущаа; възьмемъсь собою скипетръ царя небеснаго, непобедимую победу, и възприимем Аврамлю доблесть”»⁷. Не менее важно и само осмысление князем Дмитрием ратного подвига, совершающегося в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы: «Приспе, братие, время брани нашеа; и прииде праздникъ царици Марии, матере Божии Бого-

¹ Задонщина // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 7. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что издатель повести Л. А. Дмитриев «русь православную» напечатал со строчной буквы, подразумевая, видимо, под этим понятием народ, а не государство.

² Там же. С. 13.

³ Сказание о Мамаевом побоище // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 25.

⁴ Задонщина. С. 13.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Краткая летописная повесть // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 14.

⁷ Пространная летописная повесть // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 16.

родици, и всех чиновъ Госпожи и всеа вселенна и честнагоа Рожества. Аще оживем — Господеви есмы, аще ли умрем за миръ — Господеви есмы»¹. То есть, если живы останемся или погибнем за православных, в обоих случаях Господу принадлежим, в Его воле пребываем.

Промысл Господень все время ощущается древнерусскими авторами: «Господь же нашъ Богъ, царь и творецъ всеа твари, елико хочеть, ть и творить»². Но столь же важно для них понять предопределение Божие о судьбе Русской земли: «И възвыси Богъ род христианский, а поганых уничижи и посрами их суровство, яко же въ прежняя времена Гедеону над мадиамы и преславному Моисею над фараоном»³. Осмыслению Промысла Господня о новом христианском народе способствует библейская ретроспективная аналогия. Русский народ осмысляется как носитель Божественной воли.

Интересно, что освобождение *руси* от хазарской дани происходит в конце «ветхозаветного периода» — перед началом новой, хронологической истории. Освобождение Русской земли от монголо-татарской дани происходит в «конце времен» — перед ожидаемым по окончании 7000 лет (в 1492 г.) концом света.

В осмыслении «последних времен» и формируется понятие русского народа как нового исторического народа — православного, избранного Богом на «последнее время».

С падением в 1453 г. Константинополя, столицы православной Византии, не осталось больше ни одного независимого православного государства. Однако в 1480 г. *Русская земля* освобождается от монголо-татарского ига и становится независимым государством. В древнерусских сочинениях происходит не переосмысление, а закрепление понятий: концепт *русский* стал синонимом *православный*: «Того же лета (1453 г. — А.У.) взят был Царьград от царя турскаго от салтана, а *веры рускыа* не преставил, а патриарха не свел, но один в граде звон отнял у Софии Премудрости Божия, и по всем церквам служат литергию божественную, а *Русь* к церквам ходят, а пения слушают, а *крещение русское* есть»⁴.

Так к концу XV века, когда ожидался «конец света» и Страшный суд, окончательно сложилось у древнерусских книжников понимание *руси* как библейского народа, избранного Богом перед «концом времен», а *Русской земли* как земли православной, поэтому и определение *русский* становится синонимом понятия *православный*.

---

¹ Пространная летописная повесть. С. 19–20.

² Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 25.

³ Там же.

⁴ Тверской сборник // ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 15. С. 495.

Игорь АНДРУШКЕВИЧ

МОНАРХИЯ БУДУЩЕГО

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ, отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Как известно, греческое слово «монархия» в переводе означает «власть одного». Конечно, это формальное определение недостаточно для уяснения сущности того государственного строя, который принято называть монархией.

Занимаясь классификацией возможных государственных форм, уже древние греки столкнулись с вопросом: по какому признаку проводить эту классификацию? Так, у Платона мы находим перечисление пяти возможных форм государства (аристократия, тимократия, олигархия, демократия и тирания), которые отображают преобладание тех или иных имущественно-социальных групп, «богачей или бедняков». Только лишь лучший тип государства, **«аристократия»**, представляет собой форму государства, названную по признаку **качественному**, так как **«аристос»** значит «лучший», конечно в этическом смысле этого слова, а не в имущественном.

В свою очередь, Аристотель перечисляет несколько раз возможные формы правления, которые сводятся, в конечном итоге, к шести. Есть три правильные, хорошие формы: власть одного (монархия), власть немногих лучших (аристократия) и власть города или многих (полития). Параллельно им существуют три искаженные формы: тирания, олигархия и демократия. Одновременно с классификацией государственных форм, постепенно выдвигается идея, что **лучшей возможной формой является смешанный образ правления**, совмещающий в себе черты монархии, аристократии и народного правления. Эта мысль особенно ярко развита у Цицерона.

Нужно иметь в виду, что все эти классификации имеют главным образом **теоретический характер**, для того, чтобы облегчить анализ поли-

тики и государства вообще. В жизни же мы имеем налицо разного рода **смеси всех этих форм**, теоретически разделенных, но на практике неразделимых. Ввиду этого, можно бы даже было говорить, что единственно существующая форма правления это форма **смешанная**, но с преобладанием то одного, то другого вида власти. Причем нужно иметь в виду, что сама власть разделяется на несколько составных частей: исполнительную, законодательную и судебную.

Возвращаясь к монархии, необходимо вспомнить, что ей долгое время противопоставлялась республика, как противоположная ей форма правления. Однако очевидно, что такое противопоставление не охватывает и даже не ставит полностью всей проблематики этого вопроса. Во-первых, на практике есть много видов монархий и республик (так, Римская Империя продолжала называться республикой). Во-вторых, как мы уже говорили, на практике вообще нет чистых форм правления, а есть фактически только лишь формы смешанные.

Какими же конкретными признаками должна обладать **практически возможная монархия в наши дни, и в частности в России?** Прежде всего необходимо иметь в виду следующие моменты:

1. Самодержавие (т. е. монархия или власть одного, в узком смысле слова) **в чистой форме** технически невозможно, ввиду современной сложности как самого законодательства, так и исполнительно-административных процессов.
2. Участие широких народных масс во всех проявлениях современной цивилизации совершенно неизбежно.
3. Эти народные массы должны принимать участие — через своих лучших представителей — в политической жизни и в правлении.
4. Невозможно установить нормальный политический строй без существования независимой судебной власти, которая призвана гарантировать нравственность и право.

Другими словами, эта **монархия будущего** должна быть: **действенной, народной, служебно-выборной и правовой**. В этом перечислении мы уже имеем указание на две хорошие формы правления: представительство лучших и есть **аристократия** в первичном смысле этого слова, а участие народных масс в цивилизации и в политической жизни (в жизни «города»), с одной стороны, дает возможность отбора лучших, а с другой стороны, и является **«политией»**, то есть властью многих в рамках цивилизации.

«Полития» связана по смыслу и с «многими» («полИс»), и с «городом» («пОлис»), и, по-моему, по замыслу Аристотеля должна значить **«власть многих, но в рамках города, т. е. в рамках цивилизации»**. Латинское слово «сивитас» равно греческому «полис». Власть же многих, то есть народа, вне рамок города, вне рамок цивилизации, есть искаженная форма, которую Аристотель конкретно называет «демократией». Таким образом, в современной истории мы имеем дело с колоссальной натяжкой (по крайней мере), когда искаженную форму правления, «демократию», ставят на место хорошей формы «политии», искажая этим смысл и терминологию теории Аристотеля. Но это уже другая тема. Таким образом, мы уже отметили необходимость двух хороших форм правления: **политии и аристократии**. На чем же основывается необходимость третьей хорошей формы: **монархии**? Где можно нащупать актуальную и орга-

ническую, естественную связь этой формы с современной жизнью, в ее политическом проявлении?

Внимательный наблюдатель жизни как в самой России, так и во всем мире должен заметить все увеличивающуюся тягу к большей нравственности в общественных отношениях. Симптоматичен в этом отношении следующий разговор между Шулубиным и Костоглотовым в «Раковом корпусе» Солженицына:

«— Так — какой же социализм?

— А вот, какой? Загадка? Говорят — “демократический”, но это поверхностное указание... К чертовой матери с вашей ненавистью. Мы, наконец, хотим любить! — вот какой должен быть социализм.

— Так — христианский, что ли? — догадывался Олег.

— “Христианский” — это слишком запрошено. А я бы сказал: именно для России, с нашими раскаяниями, исповедями и мятежами, с Достоевским, Толстым и Кропоткиным, один только верный социализм есть: **нравственный**! Явить миру такое общество, в котором все отношения, основания и законы будут вытекать из нравственности — и только из нее!»

Этот же термин «**нравственный или этический социализм**» очень часто был слышен во время недавних событий в Чехословакии. Нечего и говорить о том, что такой «нравственный социализм» является, конечно, чем-то диаметрально противоположным «социализму не-нравственному» или же **реальному социализму**, до сих пор известному как в жизни, так и в теории. В этих требованиях «нравственного социализма» акцент стоит на нравственности, а не на социализме.

Вообще можно сказать, что применение этого слова «социализм» по отношению к политическим доктринам, известным под этим именем, тоже является натяжкой, ибо этимологическое содержание этого термина не соответствует содержанию этих учений. Социализм говорит об **общем владении, на равных началах, средствами производства**. Само же слово не имеет этого значения, так как обозначает «участие в», но ничего не намекает на бóльшую, меньшую или равную степень этого участия, и также ничего не намекает на участие «во владении», а говорит вообще об участии в любом человеческом деле или предприятии. Ортега-и-Гассет даже утверждает, что слово «**сосиус**» (от которого произошло слово «социализм») происходит от «**сэкенс**» (тут «к» превратилось в «с», как и в словах «кесарь» и «сесар»), что значит **следовать**, а не участвовать, и что это слово развилось для обозначения **соотношений между политическими вождями** Рима и их «**клиентелой**», последователями, «сэкенсами», которые буквально следовали за ними по улицам Рима, и таким образом участвовали во всех проявлениях политической борьбы, которую эти вожди вели.

Но параллельно с требованиями нравственности идут и требования **законности**, требования применения права в жизни общества.

Действительно, в государстве **нравственность должна быть гарантирована законностью**. Кто же может, в свою очередь, гарантировать законность и право? Кто может гарантировать Правду? В России кто может гарантировать Русскую Правду?

Приблизительно пятнадцать лет тому назад (в 1956 году), Эрцгерцог Отто Габсбургский, глава австрийского императорского Дома, в ряде до-

кладов, прочитанных в Мадриде, развил очень интересную мысль в этом направлении.

Учитывая современное политическое сознание широких масс, которые считают легитимной прежде всего выборную власть, Отто Габсбургский отмечает, что, однако, наряду с властями, выбранными на определенный отрезок времени, в самых даже демократических странах, существует отрасль власти, отнюдь **не выбираемой** и даже **пожизненной**. Причем, эти два признака (не-выбираемости и пожизненности) ничуть не уменьшают ни легитимности, ни авторитетности, ни функциональности этой отрасли власти. Наоборот, она находится в полной гармонии с другими, чисто выборными, властями.

Разговор тут, конечно, о **власти судебной**, которая иногда стоит даже чисто служебно выше властей выборных: исполнительной и законодательной. Судебную власть не выбирают, а **отбирают**, причем она **несменяема и пожизненна**. Мы явно имеем дело с чисто **монархическими элементами власти**, ввиду чего Отто Габсбургский и предлагает **мыслить монархическую власть в будущем прежде всего как власть судебную**:

«Демократические республики являются законодательным режимом. Авторитарные государства являют преобладание исполнительной власти. Потому что, как мы уже сказали выше, было устранено первенство судебной власти. Она была выражена в другие времена христианскими монархиями. Потому что — и это забывается слишком часто — суверен, в точном смысле слова, был всегда, прежде всего, стражем Права. Монархия — это выражение первенства судебной функции, и это первенство необходимо для будущего образования Государства... Будущая форма государства может быть только чем-то радикально новым, что оценит в первую очередь некоторые принципы вечно действительные, но одновременно порвет с ошибками прошлого и настроится на указания будущего времени. Несомненно, функция главы государства должна быть выше юрисдикции охраны права. Он также должен будет контролировать исполнительную власть, так как она призвана осуществлять указы судебной власти»¹.

Действительно, долгая подготовка, торжественность, объективность, пожизненность судебной власти лучше всего могут быть гарантированы ее монархичностью. Одновременно, такая судебная монархия, с одной стороны, будет больше всего понятна современному человеку, а с другой стороны, поставит Монарха действительно над политикой. Кроме того, можно добавить, Монарх, не занимающийся администрацией, а **председательствующий несменяемо в Верховном Суде**, будет наилучшей гарантией для осуществления самых заветных чаяний большинства современников: **незыблемости нравственных и правовых норм** и невозможности их нарушения административными (или партийными) органами.

Как раз об этом и молился еще в древности мудрый Соломон: *«Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы **судить народ Твой и различать, что добро и что зло**»* (Третья Книга Царств, 3, 9). Но, уже первый царь Израиля тоже должен был прежде всего судить: *«Поставь над нами царя, чтобы он судил нас»* (Первая Книга Царств, 8, 5). А еще до этого, военные вожди Израиля просто назывались Судьями.

---

¹ Мадридская газета «Ya», от 23-го ноября 1956 года.

В этом последнем случае, мы наблюдаем как бы двоение Верховной власти: дома она призвана судить, а во вне она возглавляет военную силу. Что эти две функции и являются отличительными признаками **Верховной власти**, говорит их повторяющееся присутствие у разных народов на протяжении истории. У римлян, с их четкой юридической терминологией, верховная власть называлась «империум». Но есть два вида империума: **«империум доми»** и **«империум милитиэ»** («Верховная власть дома и на войне»). Другими словами и возвращаясь к современной терминологии, Монарх имеет две основные функции: Верховный Суд и Верховное Командование Вооруженными Силами. Сила должна сопровождать право.

Приблизительно так и выглядела Верховная власть у истоков русской государственности: в первой русской столице Новгороде монарх прежде всего Князь-Судья (дома) и Князь-Полководец (для врагов). Летопись прямо и говорит (6370/862 год) об этой основной функции монарха: *«И не бе в них **правды**... Реша сами в себе: поищем себе князя, иже бы володел нами и **судил по праву**»*.

В Новгороде государственный строй тоже был смешанным, где наряду с элементами власти народной, **«власти многих в городе»** (вече), и целой системы властей из **«лучших людей»** (выбираемых или, по крайней мере, утверждаемых на том же вече), существует и монархическая власть Князя, которая как бы завершает и коронует всю эту структуру. Интересно, что этот смешанный народный, аристократический и монархический строй был, по-видимому, присущ вообще всем славянам, о чем нам свидетельствует политическое устройство в некоторых городах южных славян, очень похожее на устройство Новгорода. (Например, в городе Которе на Адриатическом побережье, верховные советы назывались **великим и малым вечем**. На заседание великого веча созывали звоном, как и Новгороде.)

Во всяком случае, народоправие было у славян осуществлено не позже и не хуже, чем у других современных им народов. Кроме того, я считаю, что изучение действительного положения князя в новгородском политическом строе может дать единственно возможное решение старого спора между сторонниками «норманнской» и «славянской» школ. Если Рюрик был призван Новгородом для исполнения функций арбитра-судьи и для охраны города, города который сам решал (*«реша сами в себе»*) и который не только имел свою структуру власти (вече, посадники, тысяцкие), но и свое право (ибо князя призывают не творить право, а судить по имеющемуся праву), то вопрос, **откуда был приглашен** такой арбитр, становится второстепенным.

И в дальнейшем, князь действует от имени города, «Господина Великого Новгорода», и таким образом город (Нов-Город) является общим знаменателем власти, **«полит-ней»**.

С другой стороны, до сих пор было обращено недостаточно внимания на факт весьма частого «призвания князей» у весьма многих народов, в самые разные времена. Даже в Риме, который был основан несколькими индоевропейскими латинскими родами, некоторые цари были инородцами-этрусками (как и само имя «Рим» этрусского происхождения). Тут, я думаю, и кроется коренной смысл монархии.

Дело в том, что когда мы выше говорили о **современном** политическом сознании широких масс, считающих выборную власть единственно легитимной, то мы прошли мимо самого понятия легитимности. Это тема сложная

и по смыслу, и по ее восприятию в разные времена. Но тут нельзя не указать на теорию испанского философа Ортега-и-Гассет о **монархии как единственном полноценном проявлении легитимности в политической жизни**.

Ортега говорит, что *«Государство не состоит из легитимности, которая является лишь **счастливым добавлением, удачной добродетелью**. Народам удается снабдить этой добродетелью свои государства лишь в своих лучших веках»*.

Эту счастливую добродетель Ортега определяет кратко и ясно: *«Первоначальной, прототипичной легитимностью, единственной плотной, насыщенной, был, у почти всех известных народов, **царь милостью Божией**. В чистом виде, другой легитимности нет»*. (Подчеркнуто самим Ортега.) Легитимность же выборной власти является легитимностью неполной, второстепенной. Ортега считает, что **легитимность является идеей религиозного происхождения**, ибо *«народ как таковой не может иметь иной идеи о мире, как идеи религиозной»*¹.

Фигура царя священна — «рекс сакрорум» — и царь *«не является шефом, вождем, или кем бы то ни было, по самотеку, а потому что он **имеет на это право**»*. Поэтому он и должен стоять «вне» рутины, он должен быть или призван или быть иначе выделен, помазан. Разница между полной и неполной легитимностью в том и состоит, что **носитель полной легитимной власти** должен быть к ней именно **призван, а не сам ее добиваться** (как это лихорадочно делают разного рода партийные вожди). Аскольд и Дир неплохо управляли Киевом, но они добились **сами** власти, и поэтому Олег, показывая киевлянам маленького Игоря, говорит им: *«**Вот вам ваш князь**»*. Полная легитимность не нуждается в оправданиях, неполная же оправдывается своей действенностью, эффективностью. Эту разницу Пушкин определяет словами Бориса Годунова к своему сыну так:

*Я подданным рожден, и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен,
Ты царствовать теперь
по праву станешь.*

Заканчивая на этом обзор хороших форм правления и придя к заключению о том, что желательно сосуществование всех этих трех хороших форм, остается только отметить одну предпосылку для такого сосуществования.

Когда-то в Византии была выработана теория **«симфонии»** для обозначения правильных отношений между Церковью и государством. Правда, более чем за тысячу лет до этого, у Гераклита встречается упоминание о **гармонии**, которая **невидимо преодолевает противоречия и борьбу**, ибо *«все человеческие законы питаются единым божественным законом»*. Теория симфонии была потом очень популярна в России. Однако, было бы неплохо развить и углубить эту мысль и в применении к отношениям между отдельными отраслями власти в самом государстве. Ибо для отношений между законодательной, исполнительной и судебной властями недостаточно

---

¹ «Una interpretacion de la historia universal».

одной западной теории «противовесов и тормозов» для достижения равновесия («баланс оф пауэр»). Противовесы для равновесия, это мертвая вода, которая тоже необходима, но которая остается мертвой, если после нее не добавить воды живой: **симфонии всех властей**. Симфония — это созвучие. Цицерон говорил о **конкордии**, о согласии, в наши же дни Солженицын требует большего: «Мы, наконец, хотим любить».

Лучше же всего называет своим именем эту живую воду Митрополит Анастасий: *«Знаменитой трехчленной революционной формуле — “свобода, равенство и братство”, которая по частям заимствована из Евангелия, — недостает четвертого члена — любовь: только эта последняя добродетель могла бы увенчать, как купол, эту триаду, которой без нее недостает внутреннего единства, и оплодотворить самые эти начала, придав им действительную живую силу»*. Любовь же требует религиозной веры.

Таким образом, правильное соотношение правильных властей может дать только правильная вера, положенная в основу всех человеческих отношений и общественно политических идей.

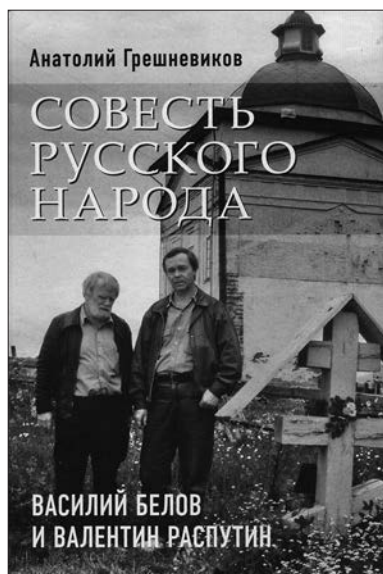
ВЫШЛА КНИГА

Грешневиков А. Н.

Совесть русского народа. Василий Белов и Валентин Распутин. — М.: Книжный мир, ИП Лобанова О.В., 2020, — 560 с.

Книга известного русского писателя, эколога, депутата Государственной Думы России 1–7 созывов Анатолия Грешневикова наполнена теплом и светом, пронизывающим всю классическую русскую литературу от Пушкина до наших дней.

И это не случайно. Его книга — литературный памятник творчеству и личностям двух великих русских писателей, без которых немыслима наша словесность XX века — Валентину Распутину и Василию Белову. Они — главные герои этой книги. И еще — Россия, любовь к которой и свела вместе всех троих писателей.

Точка ЗРЕНИЯ

**Протоиерей Геннадий
РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН**

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА КУЛЬТУРЫ. ОБОСНОВАНИЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ РУССКОЙ ШКОЛЫ

Геннадий Рязанцев-Седогин — окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член СП России, член-корреспондент Академии Российской словесности, действительный член ПАНИ, МАПП. Автор книг прозы и поэзии. Лауреат Литературной премии им. Евгения Замятина, им. Александра Невского. Протоиерей, настоятель храма Архистратига Михаила в г. Липецке, который построил тщанием прихожан и помощи Божьей. Живет в Липецке.

Эта статья в свете обсуждений в обществе проблемы отношения к традиционной культуре России более чем уместна. Двадцатилетний путь к гражданскому обществу, к свободе, демократии слишком короткий, чтобы говорить об успехах в этой области. Человек меняется слишком медленно, при условии, что он жаждет внутренних изменений! А если он живет в среде потребления и изнежен достатком, он вообще не меняется. Но, к счастью, есть опыт недавней истории, который может быть для нас поучительным. Я имею в виду русских людей, оказавшихся после октябрьского переворота в рассеянии по всему миру. Надо взглядеться в те задачи, которые они перед собой ставили, находясь вдалеке от своей исторической Родины. Это чрезвычайно важно для нас. Потому что мы оказались в похожей ситуации, правда, наоборот. Находясь в России в двадцатом веке, мы жили в оккупации и в пространстве искусственно насажденной идеологии и культуры. Теперь мы возвращаемся к своим «природным» корням, пытаемся восстановить свою национальную идентичность, вернуться к национальному самосознанию. Надо признать, что русским эмигрантам, в отличие от нас, удалось не только сохранить веру, язык, культуру, но и прославить Россию многими достижениями в области науки и искусства в Америке и Европе. Этот опыт является для нас поистине подвижническим. Он достоин и осмысления, и подражания.

Когда я начал подготовку к написанию этой статьи, я обнаружил удивительный феномен русской религиозной философии и поразился пассионарности русских философов

Николая Бердяева, Семена Франка, Льва Зандера, протоиерея Сергия Булгакова, протоиерея Василия Зеньковского, Владимира Николаевича Лосского и других. Поразился их пророчествам и предсказаниям. Они были «русским рассеянием» по всему миру. Они были хранителями русской культурной традиции за границей. Мы сейчас, представители русской культуры и Православия, оказались за границей в собственной стране.

Одной из основных «духовных задач эмиграции» было сохранение преемственности русской духовной культуры. Характерной особенностью в этой миссии было обостренное чувство национального самосознания и большое внимание к интеллектуально-духовной жизни. Показательна небольшая заметка Семена Людвиговича Франка «Новая русская философская система». В которой он, рецензируя известный учебник «История философии» Ибервега, был возмущен главой о русской философии. Ибервег утверждал, что Россия перестала существовать как культурное государство, и что философское творчество в ней прекратилось. Франк подчеркивает оскорбительность подобных высказываний для русского национального сознания и доказывает их неверность. «С таким же примерно правом, — пишет он, — можно было бы утверждать, что с концом государственной самостоятельности древней Греции прекратилась греческая философия, и на этом основании игнорировать или исключить из состава греческой философии грандиозное явление александрийской философии, которая творилась греческим духом в “рассеянии” в пределах Римской империи. И русская философская мысль, как известно, жива в русском рассеянии, не собирается погибать, и есть все основания верить, что ее традиции переживут крушение России как “культурного государства”; об этом не мешало бы знать немецким обозревателям современной философии. Но вот, из недр собственной России до нас дошли вышедшие там труды московского философа А. Ф. Лосева», — заканчивает Франк.

В эпоху кризисов и исторических переломов, а перестройка в нашей стране — это как раз грандиозный, кризисный этап истории, когда рушится старый строй жизни, в который были вовлечены все слои народа, когда ничего не осталось от старой социальной структуры общества, как современно звучат слова из программной статьи Николая Бердяева, написанные в 1925 году прошлого века: «...воссоздание жизни должно начинаться с воссоздания духовного организма народа, с изменения и укрепления религиозных верований народа. В России все определится верованиями народа, его духовным состоянием. Утопично, мечтательно, не реально строить общественные и политические планы, игнорируя и презирая народную и общественную психику, духовную направленность, определяющую верования. В России, прежде всего, предстоит колоссальная работа духовного просвещения выпавших из старого уклада, всколыхнувшихся и пришедших в движение народных масс. К этому нужно духовно готовиться. И с этой подготовкой связана первая задача эмиграции. Лишь за границей может себя выразить русская духовная культура, и могут на свободе накопиться творческие религиозные силы для грядущего национально-культурного возрождения России. И силы эти накапливаются, прежде всего, в молодежи, которая жаждет новой христианской жизни, а не реставрации старой греховной жизни. (Подлинная) религиозная жизнь в современной России есть подвиг и героизм». Разве это не программа для нас с вами? «Путь мысли

входит в путь жизни, — далее пишет Бердяев в «Духовных задачах русской эмиграции», — как один из ее определяющих моментов. Познанию принадлежит творческая роль в жизни. Русским в эпоху всеобщего смешения нужно повышение умственной и духовной культуры. Иначе они останутся безоружными в борьбе, которая происходит в мире. Для борьбы в современном мире нужно усовершенствованное умственное и духовное вооружение. И мы хотели бы способствовать выработке этого вооружения. Народные массы отпадают от Христианской веры (если иметь в виду мужскую половину общества...) и от Церкви, проходят через поверхностное полу-просвещение, через атеизм и нигилизм, интеллигенция же и высший слой культуры возвращаются к христианской вере и Церкви. Это меняет стиль Православия. Он перестает быть простецким, мужицким по преимуществу. Нужны ответы на более сложные умственные запросы, на более утонченную интеллектуальность. И мы хотели бы по мере сил отвечать этим запросам, помогать повышению религиозной сознательности». Как современно звучат эти мысли высказанные почти сто лет назад Н. Н. Бердяевым.

Нельзя не привести несколько цитат из статьи С. Л. Франка «Религиозные основы общественности», чтобы потом перейти к теме более конкретной и волнующей меня, и хотелось бы надеяться, что эта тема не оставит равнодушными и вас. Как-то мы, студенты, в начале восьмидесятых сидели в аудитории Литературного института и ждали преподавателя по предмету Античная культура. Вошла Тахо-Годи, окинула взглядом присутствующих и спросила:

— Это что, все писатели?

Нас сидело человек пятьдесят.

— Да-а... — протяжно ответили мы.

— О чем же вы будете писать, ведь все уже написано? — сказала она.

Вот что пишет Франк: «Человечество переживает в настоящее время один из тягчайших и глубочайших идейных кризисов, когда-либо им испытанных. Старые верования пришли в упадок и не имеют власти над сердцами; новой веры не видно — человечество не знает больше, к чему оно должно стремиться, для чего жить, какие начала оно должно воплощать в жизнь... На словах или в отвлеченном размышлении большинство людей как будто еще имеют какую-то веру: одни веруют в христианство, другие — в науку, третьи — в человека и т. п. Но мало у кого осталась та цельная, подлинная вера, которая узнается по ее плодам: вера, определяющая все поведение человека, выражающаяся в ясном и непосредственном понимании добра и зла, должного и недопустимого, в личной и общественной человеческой жизни. Но если в области личной жизни давнишние многовековые навыки еще оставили какой-то след в привычках, как бы инстинктивных оценках и современных людей, если мы — почему-то — и теперь убеждены, что убивать, красть, прелюбодействовать нехорошо, а любить людей, быть воздержанным, уважать чужие права и т. п. — хорошо, то в области общественных идеалов современная мысль являет картину совершенной растерянности. Последний могущественный общественный идеал, который еще так недавно волновал и зажигал сердце, — социализм — окончательно рухнул. А все другие общественные идеалы были подточены и потеряли свою жизненную силу еще раньше; никто уже не может подлинно, всей душой верить ни в “демократию” с ее “свободой” и “равенством”, ни в “про-

гресс”, ни в “просвещение”. И если многие, испытав это разочарование, как бы механически отталкиваясь от всего, что раньше почиталось “лучшим”, более “передовым” и “идеальным”, по инерции откатываются назад и хотя бы воскресить основы старой жизни, говорят о возрождении “монархии”, “о священном праве собственности”, о правомерности сословных привилегий, — то эта вера “от противного” не есть настоящая вера, не понимают, что все эти старые начала сами покоились на какой-то непосредственной вере, были плодом общего мировоззрения, которое именно и отсутствует в душах современных людей, — и что их поэтому нельзя заново сколотить из их обломков, а можно только взрастить в душах людей, для чего нужно именно соответствующее, отсутствующее теперь, зерно общей веры».

Можно многое почерпнуть в трудах русских религиозных философов, которым удалось сохранить в чистоте русскую культурную традицию, для того, чтобы сейчас, в период безыдейности и общественного неверия, вернуть ее нам для осмысления. Предложить ее нам как путь. Именно так назывался журнал, издание религиозно-философской Академии в Париже, который просуществовал почти пятнадцать лет. Русский религиозно-философский ренессанс вырастил плеяду мыслителей европейского уровня. Университеты Берлина, Праги, Софии, Белграда приглашали русских ученых на профессорские кафедры. Например, Николай Онуфриевич Лосский стал основателем чешской школы философского интуитивизма, а князь Николай Трубецкой возглавил пражский структурно-лингвистический кружок.

Мы знаем, что одной из задач реформы после 1989 года стала трансформация советской единой школы в школу «двух коридоров». Образовательная система Советской школы заключалась в принципе единой общеобразовательной школы. Эта система шла к школе как «воспитанию личности», но уже не с религией, как основой обучения, а с наукой. Конечно, от провозглашения принципа до его полного воплощения было далеко. Но метод (путь) был выбран правильно. В Советском Союзе бедная деревенская школа претендовала быть университетом и воспитателем души — вспомните фильм «Уроки французского» по В. Распутину. Мы видим, что за серьезными изменениями в жизни общества от «перестройки» до «демократии» происходят «опытные» преобразования в институте школы. На школе научно отрабатываются «новые технологии» создания нового общества. Множество программ, их вариативность стали нормой в «мозаичном» образовательном пространстве школы. Разделение детей на «нормальные» классы и классы ЗПР, профилирование и разделение классов по предметам процветает в наших школах. При этом нужно понять, что школа — одна из самых устойчивых, консервативных общественных институтов, по выражению одного современного писателя — «генетическая матрица культуры». В соответствии с этой матрицей воспроизводятся последующие поколения. Поэтому создание нового человека, для нового общества, обязательно предполагает перестройку принципиальных основ школьного образования. Школа, основанная на Православной христианской традиции, вышедшая из монастыря и университета, ставила своей задачей «воспитание личности» — личности, обращенной к Богу. Для нового общества, как мы понимаем, требуется управляемый «человек массы», воспитанный в «мозаичной культуре», которая возникла в противовес университетской. Школа создающая субъектов не дает человеку целостной системы знания, которая

учит человека свободно и независимо мыслить. Из школы должен выйти «добропорядочный гражданин, трудяга и потребитель». Для формирования этих функций и подбирается запас знаний, который раскладывает людей по полочкам. Строится человек, «человек массы», наполненный сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций. Человек самодовольный, считающий себя образованным, но образованным именно чтобы быть винтиком, так называемый — «специалист». Вот что, очень остроумно, пишет испанский философ Ортега-и-Гассет: «Специалист служит нам как яркий конкретный пример “нового человека” и позволяет нам разглядеть весь радикализм его новизны... Его нельзя назвать образованным, так как он полный невежда во всем, что не входит в его специальность; он и не невежда, так как он все-таки “человек науки” и знает в совершенстве свой крохотный уголок вселенной. Мы должны были бы назвать его “ученым невеждой”, и это очень серьезно, это значит, что во всех вопросах, ему неизвестных, он поведет себя не как человек, не знакомый с делом, но с авторитетом и амбицией, присущими знатоку и специалисту... Достаточно взглянуть, как неумно ведут себя сегодня во всех жизненных вопросах — в политике, в искусстве, в религии — наши “люди науки”, а за ними врачи, инженеры, экономисты, учителя... Как убого и нелепо они мыслят, судят, действуют! Непризнание авторитетов, отказ подчиняться кому бы то ни было — типичные черты человека массы — достигают апогея именно у этих довольно квалифицированных людей. Как раз эти люди символизируют и в значительной степени осуществляют современное господство масс, а их варварство — непосредственная причина деморализации Европы». Типичные черты мы наблюдаем в современной России.

Чем отличается выросшая из Богословия «университетская» школа, от школы «мозаичной культуры»? Тем, что она на каждом своем уровне стремится дать целостный свод принципов жизни. Здесь видна связь университета с античной школой, которая особенно сильно выразилась в типе классической гимназии. Спор об этом типе школы, которая ориентировалась на фундаментальные дисциплины, гуманитарное знание и языки, идет очень давно. Много приходилось слышать упреков еще в адрес советской школы, в которой мы все выросли. Она была построена по типу гимназии — за то, что она, дескать, дает «бесполезное в реальной жизни знание». Эти упреки — часть общемировой компании, восходящей к идеям глобализации, направленной на сокращение детей, воспитываемых в лоне «университетской культуры». С одной стороны, эти упреки — хорошо продуманная программа с отдаленной перспективой; с другой стороны — чистая демагогия. Задача школы, конечно, не в том, чтобы дать человеку навыки и информацию для решения частных практических задач, а в том, чтобы «наставить на путь». Многие ученые и философы, и богословы не уставали об этом говорить и предупреждать. «Школа не имеет более важной задачи, как обучать строгому мышлению, осторожности в суждениях и последовательности в умозаключениях», — писал Ницше. Человек массы, как правило, этого не понимает, и Ницше об этом знал. «Значение гимназии редко видят в вещах, которым там действительно научаются и которые выносятся оттуда навсегда, а в тех, которые преподаются, но которые школьник усваивает лишь с отвращением, чтобы стряхнуть их с себя, как только это станет возможным», — далее писал он. Через полвека эту мысль

продолжает В. Гейзенберг: «Образование — это то, что остается, когда забыли все, чему учились. Образование, если угодно, — это яркое сияние, окутывающее в нашей памяти школьные годы и озаряющее всю нашу последующую жизнь. Это не только блеск юности, естественно присущий тем временам, но свет, исходящий от занятия чем-то значительным». В чем же видел Гейзенберг роль классической гимназии? В том, что она передает отличительную особенность античной мысли — «способность обращать всякую проблему в принципиальную», то есть стремиться к упорядочению разнообразного опыта. Мы знаем, что А. С. Пушкин сетовал на то, что не получил классического образования, которое предполагает изучение не только европейских языков, но и древних, в частности латыни и древнегреческого. Гейзенберг пишет: «Кто занимается философией греков, на каждом шагу наталкивается на эту способность ставить принципиальные вопросы, и, следовательно, читая греков, он упражняется в умении владеть одним из наиболее мощных интеллектуальных орудий выработанных западноевропейской мыслью». Мы идем еще дальше, осваивая неисчерпаемый опыт Православия. Опыт Вселенских Отцов Церкви Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и других, получивших блестящее образование в Афинах и, при помощи мощнейшего интеллектуального аппарата эллинистической культуры, сумевших вместить и выразить учение Христовой Истины. Книга Василия Великого (архиепископа Кесарии Кападокийской, ок. 330—379) «Шестоднев» до сих пор является фундаментальным трудом по христианской космологии. Григорий Богослов (ок. 330—390), греческий поэт и прозаик, церковный деятель и мыслитель, представитель патристики, переносил в Теологию методы Платоновской диалектики. Только методы, а не само учение Платона, которое вселенской Церковью было отвергнуто. Примечательно, что отвержение это вошло в само Богослужение. Послушайте, как это звучит на Церковно-славянском языке: «Петр витийствует и — Платон умолче. Учит Павел, Пифагор постыдися. Та же апостольский богословый собор эллинское мертвое вещание погребает и совоставляет мир ко служению Христову» (Девятая песнь канона Вел. Поста).

Современная педагогика нуждается в школе для «фабрикации субъектов», которые должны заполнить, как обезличенная рабочая сила, частные заводы и заводишки, конторы и гипермаркеты. В этой школе Бог заменяется наукой, а в ум и даже организм ученика внедряется новое, нужное для заводиков и фабрик представление о времени и пространстве — разделенные на маленькие, точные и контролируемые участки. На такие же контролируемые частицы разделяется масса самих учеников — всем укладом школы, системой оценок и премий, поощряемой конкуренцией. Если обратиться к опыту Запада, куда подражательно смотрит современная педагогическая наука, то можно сделать интересные выводы. Буржуазная школа — система сложная. Здесь для подготовки элиты, которая должна управлять массой разделенных индивидов, была создана небольшая по масштабу школа, основанная на следующих принципах: 1. Давалось фундаментальное и целостное университетское образование; 2. Воспитывались сильные, уважающие себя личности, сплоченные корпоративным духом. В противовес «университетской» строилась другая система образования. Ее носитель был «человек массы». Так возникла «мозаичная культура». Элитная школа — это школа капиталистического общества, новое явление в цивилизации. Ее суть, спо-

соб организации, принципы составления учебных планов и программ хорошо изложены в книге французских социологов образования К. Бодло и Р. Эстабль. После первого издания в 1971 г. прошлого века книга выдержала около 20 изданий. В книге дан анализ французской школы, выдержки из школьных программ, учебников, министерских инструкций, высказываний педагогов и учеников. Из этих материалов следуют общие выводы о разных подходах к образованию, о том, какой тип человека «фабрикуется» при помощи той или иной образовательной технологии. Сегодня нам особенно близки и понятны выводы французских социологов, потому что в России прилагаются большие усилия по переустройству школы не в сторону «русской педагогической школы», которая воспитывала сердце ребенка и давала цельное знание о мире и человеке, а в школу по типу «школы капиталистического общества». Авторы книги пишут: «Охваченное школой население тщательно разделяется на две неравные массы, которые направляются в два разных типа образования: длительное, предназначенное для меньшинства, и короткое или сокращенное — для большинства. Это разделение школьников на два типа есть основополагающая характеристика капиталистической школьной системы: ею отмечена и история французской школьной системы, и системы остальных капиталистических стран».

В системе полной средней школы исповедуется настоящий культ книги; тогда как школа большинства не имеет книг, только тетради. Действительность в школе меньшинства познается через книгу, со всеми отклонениями, связанными с абстракцией, не минуемой при такой практике. Здесь ничего не считается слишком абстрактным. Напротив, школа большинства отворачивается от книги и от абстрактного мышления ради «изучения вещей». Именно в этом виден переход от «университетской культуры» к «мозаичной». Темы для изучения в школе для большинства выбираются таким образом, чтобы увеличить пропасть, отделяющую школу от реальной трудовой и социальной жизни. Перечень рекомендуемых для изучения проблем и ситуаций говорит о сознательном противопоставлении школы и практики, например; труд ремесленника, строительство модели самолета или парусного корабля. Никакой подготовки к реальной жизни это обучение не дает, лишая в то же время фундаментальных «абстрактных» знаний, которые как раз и позволяют «осваивать» конкретные жизненные ситуации. В учебных программах сама тема труда под запретом — труда как будто не существует, говорить о нем нельзя. Если возникает тема работника, то речь идет о садовнике, добром кондитере или, на худой конец, о старательном таджике-эмигранте, которому «хозяин» дал хорошее место. Труд мифологизирован, школа совершает первую работу по отчуждению человека от трудовой деятельности (как, впрочем, и современное искусство, заполонившее наши телеканалы — трудно вспомнить американский фильм, где героем была бы доярка или рабочий в цехе заводском). Для мальчиков и девочек в западном колледже труд — это быть дизайнером, репортером или финансистом. То же самое мы уже видим сегодня в наших «колледжах» и частных школах. С точки зрения методики преподавания в школе «второго коридора» (для массы) господствует «педагогика лени и вседозволенности», а в школе для элиты — педагогика напряженных умственных и духовных усилий. Социологи делают вывод: используемый здесь «активный метод» обучения поощряет беспорядок, крик, бесконтрольное выражение учениками эмоций

и «интереса» — прививает подросткам такой стереотип поведения, который делает совершенно невозможной их адаптацию для перехода в высшую школу, к системе, уже приучившей других их сверстников к жесткой дисциплине и концентрации внимания. Поэтому переход в «высший коридор» означает не просто усилие, а этап саморазрушения сложившийся личности — разрушение и воспринятой системы знаний, и метода познаний, и стереотипа поведения. Это требует огромных усилий воли и определенной зрелости. Не многие школьники на это способны. Что же изучают в полной школе Франции? Те произведения великих французских писателей, в которых ставятся вечные проблемы человека, где бушуют страсти, психологические и социальные конфликты, трагедии и противоречия жизни. По этим шедеврам ученики пишут сочинения, которые оцениваются в зависимости от глубины мысли юноши, поэтики его субъективного восприятия, способности к диалектическому мышлению. Здесь не обращают внимания на грамматические ошибки. Что же изучают их сверстники в неполной школе? Вроде бы ту же литературу и тех же писателей, но лишь те отрывки, в которых описаны сцены сельской природы и практически отсутствует человек, за исключением стереотипной бабушки, присевшего отдохнуть путника или безличного лирического героя. Эти отрывки полны поэтических метафор, язык их аффектирован, словарь совершенно оторван от обыденного языка (полный контраст с языком произведений, изучаемых в полной школе). По этим отрывкам ученики пишут диктанты, изложения. Они оцениваются по точности передачи текста и числу ошибок — и сам язык становится ловушкой и гарантирует массовую неуспеваемость. Что же этим достигается? Авторы книги делают такой вывод: «Сеть элитной школы производит из индивидуума, независимо от того места, которое он займет в социальном разделении труда (комиссар полиции или преподаватель университета, инженер или доктор и так далее), активного выразителя капиталистической идеологии. Напротив, сеть неполной практической школы сдвинута к формированию пролетариев, пассивно подчиняющихся господствующей идеологии... Она готовит их к определенному социальному статусу: безответственных, неэффективных, аполитичных людей.

В то время как будущие работники подвержены жестокому и массовому идеологическому воздействию, будущие господа из сети полной школы овладевают, несмотря на молодость, умением использовать все инструменты господства становящейся идеологии. Для этих детей, будущих правителей, не существует вопросов или проблем слишком абстрактных или слишком неприличных для изучения (конечно, с фильтром университетского гуманизма)».

Нужно не допустить внедрение в педагогическую систему школы «фабрики субъектов», а создавать школу, основанную на принципе школы «воспитания личности», уже не с лжепедагогической наукой как основой обучения, а с традиционно — русской педагогической школой, основанной на религиозных представлениях о мире и человеке. Нужно провозгласить принцип единой общеобразовательной школы, которая должна быть «университетом» воспитания души.

Пути ПОЗНАНИЯ

Галина СКОТНИКОВА

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД: НОВАЯ ВОЛНА СБЛИЖЕНИЯ- ПРОТИВОСТОЯНИЯ

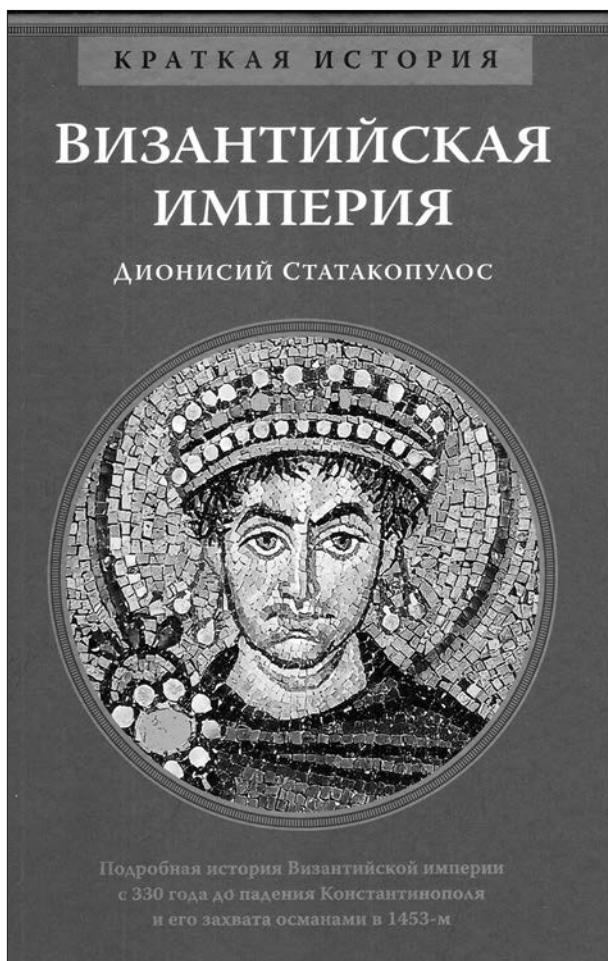
Галина Викторовна Скотникова — потомственный житель Санкт-Петербурга. Доктор культурологии, ведущий научный сотрудник РИИИ, профессор СПб института культуры. Ведет курсы культурологии, культуры и искусства Византии. Участник Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (о. Родос). Член жюри конкурса «Служение Отечеству: события и имена», проводимого Межрегиональным общественным фондом «Центр Национальной Славы России». Изучает проблемы самобытности русской духовности и культуры. В монографиях «Византийская традиция и русская культура» (2001), «Византийская традиция в русском самосознании» (2002) и в статьях исследовала проблему византизма в русской философии культуры и византиноведении, государственном и общественном сознании. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Современный западный мир открывает для себя Византию, обретая новый ключ для ее постижения. Об этом свидетельствуют прежде всего две, идущие навстречу друг другу, сильные и яркие тенденции. Византия сегодня приходит на Запад, восхищая его красотой своего несравненного искусства¹, сиянием духовного начала. Запад устремляется к ней, проявляя интеллектуальную чуткость в трудах своих профессиональных историков-византинистов, увлеченных авторов, талантливо владеющих пером.

На протяжении первого десятилетия XXI века в ряде европейских стран состоялись блестящие выставки византийского искусства. В течение второго десятилетия увидел свет ряд емких, небольших по размеру, обращенных к широкой читательской аудитории, научно обоснованных трудов, целостно описывающих историю и культуру Византии. Эти труды объединяет общее стремление преодолеть миф уничижительного отношения к византийскому наследию, нигилистическую идею, до сего дня сохраняющую свою жизнеспособность в западноевропейской культуре.

В настоящее время важно обратить внимание на новые и, как пред-

¹ Церковное искусство Византии как Богообщение, Богохваление, явилось совершенным выражением «чистой духовности», чего ни в одной художественной школе ни западного христианства, ни других мировых религий не осуществлялось. Именно так пишет лорд Джон Норвич, видный английский ученый и общественный деятель, целью жизни которого стало стремление разрушить заговор молчания («conspiracy of silence») Запада по отношению к Византии, христианской империи, исповедовавшей высшие духовные ценности: «Never in history of Christianity — or, one is tempted to add, of any other of the world's religions — has any school of artists contrived to infuse so deep a degree of spirituality in to its work». // *Norwich J. J. Byzantium. The Early Centuries.* Henguin Books, 1990. P. 28.

ставляется, благотворные для культурного самосознания народов христианской Европы тенденции, рассмотрев многосложные пути их исторических связей.

Скажем несколько слов о препятствиях к нынешнему полноценному диалогу, имеющих глубинные исторические корни. «Рим никогда не понимал Востока»¹, ибо «проблема Востока и Запада — это прежде всего проблема души»². Противостояние двух частей христианского мира уже «с IV века превратилось в пропасть. Те и другие не понимали больше друг друга, особенно западные люди, из которых даже самые ученые не знали греческого языка. Это непонимание переросло мало-помалу в ненависть, дочь невежества. По отношению к грекам латиняне испытывали смесь зависти и презрения, идущего от более или ме-

нее подавляемого чувства неполноценности. Латиняне упрекали греков в том, что они манерны, трусливы, непостоянны. Но прежде всего они обвиняли их в богатстве. Это была рефлекторная реакция воинственного и бедного варвара на богатого цивилизованного человека»³.

Однако и лучшее узнавание отнюдь не всегда ведет к сближению. Так, на византийском престоле с 1143 по 1180 гг. находился император Мануил Комнин, убежденный латинофил и деятельный поклонник Запада. Все его правление проходило под знаком увлечения западными идеалами и пренебрежения ромейскими интересами. Огромное число представителей латинского мира обосновалось в Константинополе, заняв наиболее выгодные чиновные посты. В народе накапливалось большое недовольство. Двоюродный брат Мануила I Андроник Комнин («одна из любопытнейших лично-

¹ Шубарт В. Европа и душа Востока. Пер. с нем. М. В. Назарова. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 69.

² Там же. С. 39.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада // dom-knig.com>read_228301-35 С. 35. (Дата обращения 14.08.2020)

стей в летописях византийской истории»¹ вследствие своей авантюрной биографии²) сумел расположить к себе эмоционально накаленное население, став по выражению современного ему писателя Евстафия Солунского «для большинства... дороже самого бога» или «тотчас следуя на ним»³. В столице в 1182 г. произошло жуткое избиение латинян. Греки вскоре дорого заплатили за это. Часть иностранцев, успевшая спастись, сев на суда, с ожесточением напала на ромейские селения, города и монастыри, подвергнув их грабежу и пламени. «Латиняне вознаградили свои убытки награбленными здесь, веками копившимися церковными и частными имуществами»⁴. Академик Ф. И. Успенский писал: «Событиями 1182 г., действительно, *если не посеяно, то полито зерно* (курсив мой. — Г. С.) фанатической вражды запада к востоку. С этими событиями нужно соединять и сицилийский поход 1185 г. и завоевание латинянами Цареграда в 1204 году»⁵.

В результате четвертого крестового похода Запад и Византия, тесно соприкоснувшись, еще дальше оттолкнулись друг от друга, реализовав свою неприязнь и получив для нее новые импульсы. Именно после захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г. начинает складываться, как проследживает профессор А. М. Лидов⁶, отрицательный византийский миф. Беспощадное разорение Царьграда положило конец византийскому величию: «С тех пор как стоит свет, никогда не было взято столько добычи ни в одном завоеванном городе», — свидетельствует маршал Шампани Жоффруа Виллардуэн⁷. «После латинского разорения Константинополь никогда не оправился; обедневшему царству было не под силу восстановить тысячелетние несравненные богатства, накопленные с IV и V столетий. Памятники классического искусства и святыни апостольских времен погибли или рассеялись по всем углам Европы»⁸.

Однако необходимо помнить, что действия крестоносцев в Константинополе были осуждены папой Иннокентием III, являвшимся, как известно, душой и вдохновителем этого похода и не предполагавшим столь удручающих его последствий. «Каким же образом Церковь греков, сколь бы она ни

---

¹ Васильев А. А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя / А. А. Васильев; вступ. ст., примеч., науч. ред., пер. с англ. и имен. указ. А. Г. Грушевого. Санкт-Петербург: Алетейя: Историческая книга, 1998. С. 11.

² Андроник Комнин скитался по странам Европы и Азии, неоднократно по воле императора попадал в темницу. Из одного из таких заключений он бежал около 1164 г. на север, к князю Ярославу Владимировичу Галицкому. На Руси он был принят, как свидетельствуют русские летописи, «с великой любовью», византийские источники также говорят о весьма радушном приеме.

³ Цит. по: Васильев А. А. История Византийской империи. От начала Крестовых походов до падения Константинополя / А. А. Васильев; вступ. ст., примеч., науч. ред., пер. с англ. и имен. указ. А. Г. Грушевого. Санкт-Петербург: Алетейя: Историческая книга, 1998. С. 13.

⁴ Успенский Ф. И. Последние Комнины. Начало реакции // Византийский временник. Т. 25, 1927–1928. С. 14.

⁵ Там же.

⁶ Лидов А. М. Византийский миф и европейская идентичность. Лекция, прочитанная 8 апреля 2010 г. в Политехническом музее в рамках проекта «Публичные лекции. Полит. ру».

⁷ Цит. по: Успенский Ф. И. История Византийской империи. Восточный вопрос. Сост. Л. В. Литвинова. М.: Мысль, 1997. С. 310.

⁸ Там же. С. 314.

была поражена повреждениями <...>, обратится к церковному единству <...> если в латинянах [она] видит только лишь пример бесчинств и темные дела, и уже по справедливости может питать к ним большее отвращение, чем к псам? Ведь те, кто не свои ей, но кого она считала ищущими Иисуса Христа, <...> взяли императорские богатства и взяли трофеи крупные и мелкие, но даже, что серьезнее, к сокровищам церквей и их содержимому протянули руки, похищая даже серебряные доски из алтарей и разламывая на куски, оскверняли храмы, уносили кресты и реликвии»¹. Боль о разграблении Константинополя в 1204 г. выразил в XXI в. и папа Иоанн Павел II: «Трагично, что воители, направлявшиеся, чтобы обеспечить свободный доступ христиан в Святую Землю, обратились против своих братьев по вере. Тот факт, что они были латинскими христианами, наполняет сердца католиков глубокой скорбью. Как мы можем не увидеть здесь тайны беззакония, действующей в человеческом сердце? Богу одному принадлежит суд, и потому мы вверяем тяжкое бремя прошлого Его бесконечному милосердию, прося Его исцелить раны, от которых до сих пор страдает дух греческого народа»².

У крупнейшего русского исследователя истории Византии академика Ф. И. Успенского находим следующее объяснение истоков западной ревности по отношению к Византии. Осмысливая культурное значение византизма, ученый пишет, что после 476 г., года падения Западной Римской империи, наследие всемирного римского обладания, титул императора и сама идея всемирной монархии, так же как и остатки античной, греко-римской образованности, сохранились только в Византийской империи. Особенно тяжела была для народов Западной Европы утрата идея всемирной монархии. Вследствие чего Запад «совершил два хищения»³. Первое — это коронация в 800 г. Карла Великого как попытка отнять императорское достоинство у византийских царей⁴. Вспомним, что для средневекового христианского сознания был один Бог на небе и один царь на земле. Не случайно Карл Великий, понимая нелегитимность своих притязаний, сделал предложение вдовствующей византийской императрице Ирине стать его супругой. Императрица едва не согласилась, но благодаря своим придворным, разъяснившим, что в таком случае она потеряет Империю, ответила отказом. Второе хищение, пишет Ф. И. Успенский, — церковное, связанное с изначальным юридикзмом западного мышления, проявившимся в восприятии христианского духа. Притязания Римского первосвященника на главенство, его соперничество с Константинопольским патриархом завершилось полным отделением в 1054 г. Западной церкви от Восточной.

Великая схизма 1054 г. только закрепила церковное противостояние, имевшее сильный накал в IX в. при патриархе Фотии и папе Николае.

¹ *Innokentius III. Registrum... Lib. VIII, ep. 306 // PL. V. 215. Col. 700 C. 701* (В пер. цит. — Ф. Л. Моисеев).

² *Ioan Paul I. Address to Holy Synod [of the Orthodox Church of Greece] // L' Osservatore Romano: Weekly Edition in English. 9 May 2001. P. 3.*

³ *Успенский Ф. И. Византизм и его культурное значение в истории // Успенский Ф. И. История Византийской империи. М.: Мысль, 1996. С. 38.*

⁴ В 1494 г. Запад, купив право наследования престола у племянника последнего византийского императора Андрея Палеолога, узаконил эти претензии. (См. статью В. Э. Регеля «Хрисовул Андрея Палеолога // Византийский временник, 1894. Т. 1. С. 151–158.)

Если на Западе организующим началом культуры стал романизм, но на Востоке — византизм. Жизнь Византии как живого государственного организма продолжалась с IV по XV века. Но и после 1543 г. Византия не перестает жить как отвлеченный принцип: «византизм есть исторический принцип, действие которого обнаруживается в истории народов юга и востока Европы»¹.

Как известно, само имя Византия было дано империи в XVI в. западными историками-гуманистами как бранная кличка, знаменовавшая отталкивание от ее ценностей и жизненных идеалов, названных *средневековыми*, то есть находящимися между Античностью и Новым временем, препятствующими полноценному историческому движению Европы.

Вместе с тем в XVII в. сила «византийского облучения», казалось бы, преодолела все барьеры. Напомним, что в самой Византии, подвергавшейся бесконечным нападениям врагов, вышло убеждение, что главное ее оружие составляет отнюдь не изощренная дипломатия и военная мощь, а богатство культуры, которое неизбежно покоряет все народы, имея общечеловеческое содержание. Византисты говорят о любопытном феномене: культурное влияние Византии распространялось обратно пропорционально ее государственно-политической силе².

В XVII в. увлечение византийским наследием захватило широкие круги общества, прежде всего во Франции, ставшей настоящей основательницей научного византиноведения. Ставились пьесы на сюжеты из византийской истории: «Велизарий» Ротру, «Ираклий» Корнеля, «Феодора», «Лев Армянин», «Зинон», «Алексей Комнин» и др.³. Появилась мода на собиранье библиотек греческих рукописей. В византийскую историографию XVII столетие вошло как эпоха научной «школы эрудитов». Так, например, было введено в научный оборот огромное количество источников, издано 42 тома византийских историков, создан «Словарь средневекового греческого языка»⁴.

Эпоха Просвещения XVIII века во Франции кардинально изменила восприятие Византии, во многом определив и современное отношение к ней. Именно к этому времени можно прежде всего отнести слова К. Н. Леонтьева (1831–1891), сказанные им в трактате «Византизм и славянство», о том, что Византия очень пострадала от недоброжелательства западных писателей, не желавших видеть «чем и для чего она жила», то есть игнорировавших ее идеал, и формообразующий цивилизационный принцип замкнутых на факт позитивистов.

---

¹ Успенский Ф. И. Византизм и его культурное значение в истории // Успенский Ф. И. История Византийской империи. М.: Мысль, 1996. С. 38.

² Херрин Д. Византия: удивительная жизнь средневековой империи. Пер. с англ. Л. А. Игоревского. Москва: ЗАО Издательство, 2015. С. 15.

³ Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. С. 31.

⁴ В память о его создателе, главе ученых сил Франции, в Париже существует улица Шарля Дюканжа (1610–1688). Ученый издал в двух томах in folio «Словарь средневекового греческого языка» («Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis»). Этот труд академик В. Г. Васильевский охарактеризовал как «беспримерный, над которым, казалось, должно было бы работать целое многочисленное общество ученых». (Васильевский В. Г. Обзорение трудов по византийской истории: Вып. 1. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1890. С. 139). В начале XX в. в России византисты готовились к переизданию этого труда. А в XXI в. возникла идея его дополненной публикации.

Начиная с XVIII в., тон в восприятии Византии задавали сочинения Вольтера («Опыт о нравах и духе народов»), Монтескье («Рассуждение о причинах величия и упадка римлян») и Кондорсе («Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»). Следует подчеркнуть, что «здесь мы имеем один из первых примеров сознательной, последовательной кампании отрицательного пиара»¹. Под идейным влиянием этих мыслителей, рассматривавших Византию не как самостоятельную цивилизацию, а как тысячелетнее падение Римской империи, разрушившейся вследствие влияния христианства, сформировался и талант английского историка Э. Гиббона. Будучи глубоко увлечен историей Древнего Рима и буквально страдая из-за его падения, он написал масштабный шеститомный труд «История разрушения и упадка Римской империи»², охватывающий период от конца второго века до падения Константинополя в 1453 году. Исследователь подчеркнул: «Я описал триумф варварства и религии». Это сочинение создано крупнейшим историком-европоцентристом, не признававшим за Византией самостоятельного культурного значения. И несмотря на блестящие достижения западноевропейской византистики, сделанные за последние два столетия, оно продолжает сохранять свое концептуальное мировоззренческое влияние. Труд Э. Гиббона входит в 60-томную библиотеку «Великих книг Западного мира». Как писал выдающийся английский историк Джон Бьюри, «в главном он <Гиббон> по-прежнему наш хозяин вне времени»³.

Вместе с тем межкультурные взаимодействия не осуществляются прямолинейно, являя собой непростую духовную реальность. Так, в католических соборах и сегодня звучат песнопения, начинающиеся непереуслуженными на латынь греческими словами: «Kyrie eleison» («Κύριε εἰσεὶσε λαός», «Господи, помилуй»), «Nagios a thanatos eleison he mas» («Ἄγιο αἰθάνατο, ἐλάτесе μας», «Святый, безсмертный, помилуй нас»). Красотой византийских церковных гимнов были вдохновлены несравненные песнопения Западной церкви, например, «Ave Maria, gratia plena»⁴.

Обратимся к XXI веку. Член Британской академии, дама-командор ордена Британской империи, крупный византист Аверил Камерон (Averil Cameron) свою книгу «Византийцы» («Byzantines»), опубликованную в 2006 г., открывает предисловием «Byzantium — an Absence» («Византия — Отсутствие»), начиная его словами: «Для большинства историков Византия не существует». Ученый пишет, что в историографии Ви-

¹ Лидов А. М. Византийский миф и европейская идентичность. Лекция, прочитанная 8 апреля 2010 г. в Политехническом музее в рамках проекта «Публичные лекции. Полит. ру».

² Edward Gibbon. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, 1776–1788.

³ J. B. Bury: «But in the main things he is still our master above and beyond “date”». // Encyclopædia Britannica. Дата обращения 19.08.2020. Труд Э. Гиббона неоднократно переиздавался (целиком или отдельными частями) в нашей стране, пользуясь особой популярностью в «перестроечные» годы. Он в высшей степени интересен, но с него не следует начинать, имея в виду постижение истории и культуры Византии. См.: Попов Б. Эдуард Гиббон в России // Европейский альманах. История. Традиция. Культура. 1994. С. 103–120.

⁴ Geanakoplos D. J. Byzantine East and Latin West: two worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance: Studies in ecclesiastical and cultural history. New York; Evanston: Harper & Row, 1966. P. 42.

занятия занимает неопределенное место, «никто не знает, что делать с ней»¹. Свою задачу профессор А. Камерон видит в том, чтобы помочь преодолению присущего западно-европейскому сознанию предубеждения, презрительного и высокомерного отношения к византийской культуре, способствовать введению Византии и византийцев в главный поток исторической мысли.

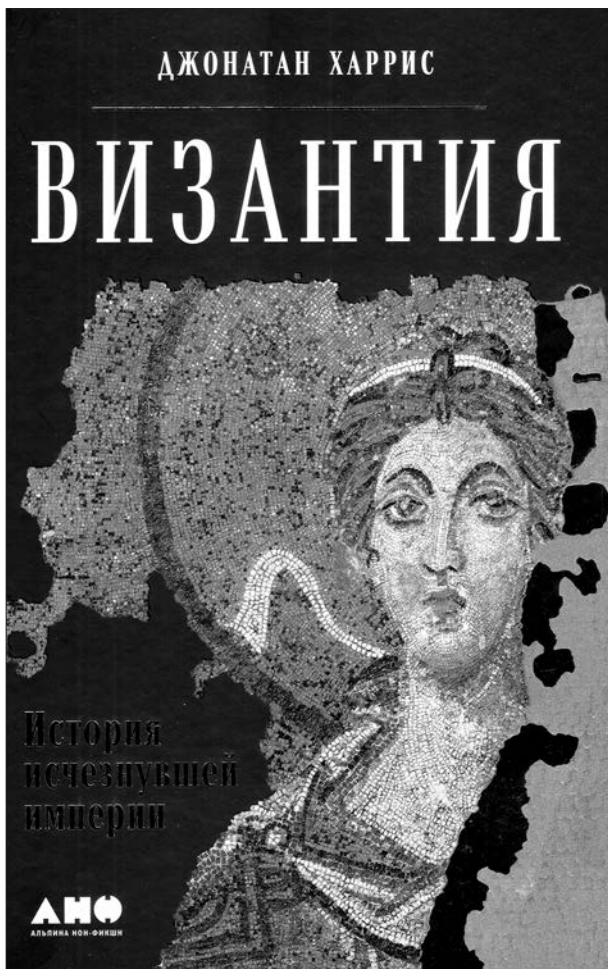
Авторы фундаментального Оксфордского издания «Византийские исследования» (2008)² пишут, что для англоязычного мира XXI столетия, как и в целом для Западной Европы, Византия является чем-то наподобие «черной дыры», по отношению к ней исполняется *damnatio memoriae* — «приговор к забвению», — истоки которого в культурном и политическом разделении Восточной и Западной Европы.

Становлению нового взгляда на Византию во многом способствовали упомянутые выше выставки ее искусства. Западные газеты писали об ошеломляющем впечатлении, которое произвели следовавшие одна за другой грандиозные выставки.

— Выставка **«Константин Великий»** (Трир: 2 июня — 4 ноября, 2007). На выставке побывало около 800 тысяч человек.

— Выставка **«Византия, 330–1453»** (Лондон, Королевская Академия Искусств: 25 октября 2008 — 22 марта 2009). Приходило по 6000 посетителей ежедневно.

— Затем в расширенном варианте (600 экспонатов) под названием **«Византия: Великолепие и Повседневность»** (Бонн, Федеральная галерея искусств (26 февраля — 13 июня 2009). Выставка вызвала огромный интерес.

¹ Cameron A. *Byzantines*. Blackwell Publishing. 2006. P. XVII–IX.

² *Jefferys E., Haldon J., and Cormack R. Byzantine Studies as an Academic Discipline // The Byzantine World. E. Jeffreys (ed.) The Oxford Handbook of Byzantine Studies. With John Haldon and Robin Cormack. Pp. xxx + 1021, ill., maps. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 4.*

Выставка, посвященная первому христианскому императору, основателю Византии — Константину Великому, была уникальной по своему масштабу. Трир, «Северный Рим», в качестве места ее проведения был выбран, разумеется, не случайно. Здесь находилась резиденция отца Константина Констанция Хлора, входившего в тетрархию¹ правителей империи, установленную императором Диоклетианом, в качестве цезаря правившего Галлией и Британией. Сам Константин Великий руководил отсюда своей первой крупной военной кампанией. Здесь в 307 г., то есть ровно 1700 тому назад (имея в виду год проведения выставки), состоялась его свадьба с Фаустой. Именно последнее событие и послужило главным формальным поводом для организации выставки, которая проходила в трех музеях. Это земельный музей Рейнланд-Пфальца, городской музей Трира и музей кафедрального Трирского собора Святого Петра (старейшего по времени своего основания при императоре Константина Великом в 320 годы).

Экспонаты были представлены двадцатью европейскими странами, 160 музеями, в том числе Музеями Московского Кремля. Значительную часть экспозиции составляли памятники из коллекции Ватиканского музея, Лувра, Британского музея. В Трире были собраны едва ли не все артефакты европейской культуры, так или иначе посвященные Константину Великому, начиная от римского оружия до картин Рафаэля и Рубенса, от фрагментов древних памятников до современных фильмов.

Часть экспонатов покинула стены родных музеев впервые, а некоторые никогда прежде не показывались публике. Были в Трире и экспонаты, созданные специально для вставки. К ним относится копия головы 12-метровой статуи Константина Великого, которую император установил в гигантской римской базилике после победы над Максенцием в знаменитой битве у Мульвиева моста, одержанной под знаком Христа. Копия создана на основе имеющихся фрагментов² с помощью компьютерного моделирования, в натуральную величину — 3 метра. Автор работы — берлинский скульптор Ядегар Асиси.

За время работы выставки на ней побывало 799 тысяч посетителей, съехавшихся не только со всей Германии, но и из других европейских стран. Это в несколько раз превысило первоначальные прогнозы музейных работников и куратора выставки профессора Александра Демантта.

Выставка получила и культурно-политическое значение, как акция, выявившая христианские корни Европы. На научной конференции, приуроченной к проведению выставки, доминировала мысль о генетической связи «Европы Каролингов» и «Европы Константина», в которой развивалась новая, римско-христианская государственность. По сути дела, происходил пересмотр прежних историософских схем, согласно которым держава Карла Великого возникла «на руинах» языческого Рима, происходило становление новой научной парадигмы историко-культурного сознания.

Обращение к образу Константина Великого символизировало христианскую идентичность Европы, ее западной и восточной части, единого *Rach Christiana*.

---

¹ В тетрархию входили два Августа: старший Диоклетиан и младший Максимин, и два цезаря: Галерий и Констанций Хлор.

² Остатки (голова, кисть руки и др.) гигантской статуи-колосса, предназначавшейся для западной апсиды базилики Максенция-Константина, хранятся во дворце Палаццо-деи-Консерватори (Plazzo dei Conservatori) в Риме. В этом здании находится большая часть экспонатов Капитолийских музеев.

О лондонской выставке «Византия, 330—1453» писали едва ли не все английские газеты, отражая впечатление, произведенное блестящей гостей Лондона — чарующей Византией. Выставка проходила в Королевской Академии искусств, сопровождалась многочисленными лекциями, посвященными византийской литургической музыке, изобразительному искусству, влиянию церковного зодчества на архитектурную мысль Европы, рассмотрению особенностей общественной жизни Византии. Ее куратор всемирно известный знаток византийского искусства — Робин Кормак (Robin Sinclair Cormack) поместил в газете «Telegraph» статью «Византия 330—1453 в Королевской Академии: приливая новый свет на Темные века»¹. Ученый отмечал, что в системе образования современной Британии под влиянием идей Гиббона Византия предстает как «Dark Ages», эпоха, наступившая после античности и предшествовавшая свету Возрождения. Непроизвольно приходит на ум название доклада академика А. А. Куника², сделанного в России еще в 1853 г.: «Почему Византия донныне остается загадкой во всемирной истории?» Несмотря на то, что с тех пор прошло немало времени, название доклада звучит чрезвычайно актуально, прежде всего в отношении западноевропейского культурного сознания. Как будто ученый прозревал, что сложный клубок проблем по-прежнему окажется не распутанным на протяжении полутора и более столетий. Приведем слова современного английского исследователя: «Византию трудно понять, невозможно познать... она может представляться непонятной, смутной и, несмотря на огромное количество трудов о ней, малоизвестной»³.

В своей статье Р. Кормак говорит, что выставка в Королевской Академии искусств побуждает думать о Византии иначе, чем Гиббон, видеть то, что взгляд историка игнорировал: культуру и искусство; осознавать, что современная Европа обладает многими чертами, унаследованными от Византии. Прежде всего — это традиция юриспруденции и христианской веры. Искусствовед подчеркивает, что Константинополь был легендарным, неправдоподобным городом Средневековья, с прекрасными садами, тенистыми парками, украшенными портиками улицами, великолепными дворцами и купольными храмами. Автор завершает статью словами послов Великого Киевского князя Владимира из «Повести временных лет», сказанными ими после посещения храма Святой Софии Великой Церкви: «Не знаем на небе были мы или на земле»⁴.

Перед посетителями выставки с очевидностью предстал тот факт, что эпоха раннего Средневековья была темным временем именно для Западной Ев-

---

¹ Telegraph, 18.10.2008: «Byzantium 330—1453: at the Royal Academy: throwing new light on the Dark Ages».

² Куник Арист Аристович (1814—1899) — «истинный патриарх византиноведения в России» (Попов Н. Г.) См.: академик *Медведев И. П.* Из истории петербургского византиноведения. Истоки и становление // *vremennik.biz* (Дата обращения 21.08.2020)

³ *Херрин Д.* Византия: удивительная жизнь средневековой империи. Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. С. 8.

⁴ Комментированные переводы основных византийских источников V—XII вв. о главном храме православного Средневековья, отражение его архитектурного образа в византийских текстах представлено в недавно опубликованном труде «Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников» / *А. Ю. Виноградов, А. В. Захарова, Д. А. Черноглазов.* СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 485.

■ Ларс Браунворт ■

ЗАБЫТАЯ ВИЗАНТИЯ, КОТОРАЯ СПАСЛА ЗАПАД

*«Западная цивилизация находится в неизмеримом
долгу перед городом на Босфоре»*

ропы, а не для Византии, где процветали искусство, наука и ремесла. Около 300 экспонатов выставки — манускрипты, иконы, мозаики, ювелирные, бытовые изделия, впервые собранные вместе после падения Константинополя, демонстрировали живую мысль, красоту, одухотворенное мастерство.

Королевская Академия искусств приложила немало усилий в организации выставки «Византия», которая оказалась самой сложной за последние несколько лет, и которая, вероятно, запомнится как уникальная, единственная в своем роде. Авторы выставки осуществили монументальную задачу, собрав экспонаты из многих стран мира — Италии, Израиля, США, Сербии, России, Украины и других. Некоторые музеи уже объявили, что больше не станут рисковать своими

коллекциями. Например, итальянцы последний раз одалживают украшенную перегородчатой золотой эмалью и драгоценными камнями икону Архангела Михаила, хранящуюся в венецианском соборе Сан Марко.

Выставка «Византия» значительно поколебала устоявшиеся представления о культурном приоритете «римского Запада» над «греческим Востоком». В прессе неоднократно высказывались мнения о скором изменении представлений англичан не только о Византии, этой древней стране, но и о современном мире в целом.

Говоря о наиболее значительных выставках, посвященных художественному наследию Византии, нельзя не сказать и об имевших место десятилетиями ранее выдающихся экспозициях, подготовленных Метрополитен-музеем искусств в Нью-Йорке (Metropolitan Museum of Art): «Эпоха духовности» («The Age of Spirituality», 1977); «Слава Византии» («Glory of Byzantium»), 1997; «Византия. Вера и власть, 1261–1557» («Byzantium: Faith and Power»), 2004. Необходимо также назвать и выставку, проходившую в Государственном Эрмитаже, — «Синай, Византия, Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века». Устроители выставки, Фонд св. Екатерины в Лондоне и Государственный Эрмитаж в Петербурге, посвятили ее Святому и Великому

монастырю св. Екатерины на Синае, основанному с VI в. императором Юстинианом Великим и являвшемуся на протяжении многих столетий, вплоть до нынешнего времени, оплотом православной духовности. Ко всем названным выставкам были подготовлены превосходные каталоги¹.

Среди крупнейших выставок византийского искусства, прошедших на Западе, выделяется по своей идее выставка 2006–2007 гг., проходившая в музее Гетти в Лос-Анджелесе, — «Священный образ и освященная земля. Иконы с Синая». Авторы экспозиции стремились к тому, чтобы приблизить зрителя к восприятию и осмыслению существования священных образов в священном пространстве².

Обратимся к англоязычным изданиям, посвященным Византии как самобытной богатой цивилизации и увидевшим свет в текущем десятилетии. Речь идет о книгах, переведенных и опубликованных в России.

Так, в 2007 и 2008 гг. увидела свет книга *Джудит Херрин* (ныне почетного профессора позднеантичных и византийских исследований в лондонском Королевском колледже) — «Византия: удивительная жизнь средневековой империи»³. Были осуществлены греческий, итальянский, японский, корейский, польский, испанский, шведский и турецкий переводы (2009–2011). В нашей стране она издавалась в 2014, 2015, 2017 и в 2018 годах⁴.

Автор поставил перед собой задачу познакомить западноевропейского читателя с «новой цивилизацией», обосновать понимание того, что «современный западный мир, развившийся из средневековой Европы, не мог бы существовать, не будь он защищен ... тем, что происходило на востоке — в Византии»⁵, показать, что в VII в., остановив экспансию мусульманских сил, «Византия сделала возможным развитие Европы»⁶. Текст книги Д. Херрин говорит о том, труд написан вдохновенным исследователем-историком, видящем свой предмет в масштабных цивилизационно-исторических координатах, любящим его и умеющим емко и ярко представить огромный фактологический материал, выделив самые важные моменты византийской истории и культуры.

¹ Age of Spirituality: Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century. *Weitzmann, Kurt*, ed. 1979. 786 p.; Glory of Byzantium: Art and culture of the Middle Byzantine era, A.D. 843–1261: [Issued in conjunction with the Exhib., held at the Metropolitan museum of art, New York, from Mar. 11 through July 6, 1997. / Ed. by *Helen C. Evans a. William D. Wixom*. [2nd print.]. New York: Metropolitan museum of art, cop. 1997. XXVIII, 573 p.; Byzantium: Faith and Power (1261–1557): [Issued in conjunction with the Exhib., held at the Metropolitan museum of art, New York, from Mar. 23 through July 4, 2004] / Ed. by *Helen C. Evans*. New York: Metropolitan museum of art; New Haven; London: Yale univ. press, cop. 2004. XXII, 658 p.; Синай. Византия. Русь: Правосл. искусство с 6 до начала 20 в.: Кат. выст. / Под ред. О. Баддлей и др.; [Пер. с англ.: Анна Конивец, Анастасия Микляева]. Синай: Фонд Святой Екатерины, 2000. 488 с.

² Рец.: *Захарова А. В.* Holy Image, Hallowed Ground. Ikons from Sinai / El. R. S. Nelson., K. Collins. Los Angeles, 2006 // Византийский временник. *Byzantina Xronika*. Т. 69 (94). М.: Наука, 2019. С. 379–385. Holy Image, Hallowed Ground: Icons from Sinai. Robert S. Nelson, Kristen M. Collins, Thomas F. Mathews, David Jacoby, Justin Sinaites. Oxford University Press. 2007. 322 p.

³ *Herrin J.* Byzantium: The Surprising Life of a Medieval Empire. Allen Lane, The Penguin Press, London, 2007; Princeton, N. J., 2008.

⁴ *Джудит Херрин* «Византия: удивительная жизнь средневековой империи». Пер. с англ. Л. А. Игоревского. ЗАО Центрполиграф. 415 с.

⁵ *Джудит Херрин*. С. 9.

⁶ Там же. С. 14.

Цель: помочь западноевропейскому человеку ответить на вопрос «Что такое Византия?», имел в своей книге и британский ученый, старший преподаватель кафедры византийских исследований в Королевском колледже Лондона, сотрудник Центра эллинистических исследований **Дионисий Статакопулос**. Автор подчеркивает, что современный исторический дискурс Запада европоцентричен. Соответственно, Византия представляется культурой не только чужой, но даже и враждебной. Его книга «Краткая история Византийской империи» была опубликована в 2014 году¹. Последовали переводы: на эстонский (AS Gripev, 2016), греческий (Patakis, 2016), турецкий (İletişim, 2018) языки. В России книга издана в 2020 г. — *Статакопулос Д. Краткая история: Византийская империя*².

В 2015 г. еще один лондонский византист, профессор истории Византии в колледже Роял Холлоуэй Лондонского университета Джонатан Харрис издал книгу «Византия. История исчезнувшей империи»³. Ее перевод в России был сделан в 2017 году⁴. Профессор Д. Харрис автор курсов для бакалавриата «Византия и ее соседи» и «Падение Константинополя».

Исследователь предлагает именно «свой взгляд» на Византию, сосредоточившись на решении главной задачи: «понять каким образом Византия просуществовала так долго, несмотря на все потрясения и вторжения, которые ей довелось пережить, и почему в конце концов исчезла столь бесследно»⁵. Книга снабжена картами, хронологией, списком императоров Византии, небольшим словарем терминов, библиографией по каждому разделу, превосходными фотографиями, фокусирующими важнейшие смыслы.

В 2016 г. вышел русский перевод книги «Забывтая Византия, которая спасла Запад» **Ларса Браунворта** («Lost to the West: The Forgotten Byzantine Empire That Rescued Western Civilization») американского в публициста, спикера и подкастера⁶ древних и средневековых сюжетов. Автор — бывший учитель истории и политологии в школе Стоуни-Брук штата Нью-Йорк, создатель 50 подкастов «12 византийских правителей». В названной книге, увидевшей свет в 2009 г., Л. Браунворт «делится с читателем восторгом открытия нового мира, пришедшего на смену Древнему Риму, мира, во многом чуждого, непонятного, а то и враждебного средневековой Европе.

---

¹ *Dionysius Statakopoulos. A Shot History of the Byzantine Empire. London. Published by I. B. Tauris, 2014.*

² *Статакопулос Д. Краткая история: Византийская империя. Пер. с англ. И. В. Никитиной. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 320 с.* Книга прекрасно издана, снабжена иллюстрациями и хорошо выполненными картами Империи и ее столицы Константинополя. Однако издание не лишено погрешностей. Например, в справке об авторе перечислены университеты, в которых он получил образование (университет в Мюнстере, Венский университет и Центрально-Европейский университет). Однако в Центрально-Европейском университете в Будапеште исследователь не обучался, а преподавал (См.: kcl.ac.uk/people/dionysios-statakopoulos/ // *Дата обращения* 24.08.2020). В аннотации к книге даны хронологические рамки существования Византии (395–1453), в то время как автор обосновывает другую начальную дату (330–1453). Именно так принято в современной мировой византистике.

³ *Jonathan Harris. The Lost World of Byzantium, New Haven and London: Yale University Press, 2015.*

⁴ *Харрис Д. Византия. История исчезнувшей империи / Пер. с англ. Н. Нарциссовой. М.: Альпина-нон-фикшен, 2017. С. 408.*

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Подкастер — лицо, создающее и распространяющее аудио-и видеофайлы (подкасты) в форме радио- и телепередач в Интернете.

...горит желанием рассказать читателю о том, что заворожило и восхитило его самого», — так пишут авторы редакционной статьи, подчеркивая, что «эта простодушная восторженность придает книге особую атмосферу, не достигаемую никаким академизмом»¹. Эта книга написана не профессиональным историком-медиевистом², а человеком, увлеченным могуществом и неувядающей красотой истории, культуры, интеллектуального строя и искусства Византии. И задача ее скорее художественно-историческая, чем строго научная. Удивленное недоумение автора, связанное с осознанием странной «забывчивости Запада» по отношению к грандиозной цивилизации средних веков, воспринявшей опыт всего Средиземноморья, породило творческий порыв к постижению ее таинственного бытия.

Сердцем культуры Византии, основной стихией жизни была вера. Ее существование в истории после 1453 г. подобно невидимому граду Китежу. Творческое наследие выдающегося отечественного византиниста академика С. С. Аверинцева позволяет сделать следующий вывод: «Византия жива и защищена от смерти неистребимым множеством христианских церквей, красотой и мудростью созданных на Востоке текстов»³.

Итак, новые книги современных англоязычных авторов, посвятивших свой талант изучению Византии, обладающих даром не только интеллектуальной, но и сердечной увлеченности, о чем свидетельствует выразительная яркость их текстов, позволяют сделать вывод об актуализовавшейся потребности западного мира — преодолеть искусственность европоцентристской парадигмы, сковывающей историческое сознание и самосознание, найти новый, адекватный метод к постижению исчезнувшей, но живой Византии, столь щедрой в своем неисчерпаемом культурном наследии.

---

¹ От редакции // *Браунворт Л.* Забытая Византия, которая спасла Запад. Пер. с англ. И. Мазуриной. М.: Астрель, 2012 (Историческая библиотека). 416 с.

² В тексте нередко встречаются неточности, скуп список литературы, на которую опирается автор, встречаются нелепости перевода. Например, александрийский пресвитер Арий (греч. Ἀρείος) назван жрецом и именован Арианом. Арианство — одна из крупнейших ересей, потрясших Византию, ариане отрицали единосущность (ὁμοούσιος) Христа и Отца, утверждая Его сотворенность, что по сути превращало христианство в одну из моральных доктрин. Широкое распространение арианство побудило императора Константина Великого созвать первый Вселенский собор (325 г., Никея).

³ *Алексей Татаринов.* Два образа (Вадим Кожин и Сергей Аверинцев в современной христианской философии) // *День Литературы*, 2007, № 08 (132).

Александр КУГАЙ

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ ВЛАСТИ КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Александр Иванович Кугай — родился в Запорожье, окончил Военно-политическую академию им. Ленина, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург). Полковник. Автор нескольких книг и многих статей. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Как говорится, если Бог решил наказать человека, то лишает его разума, если решил наказать народ — оставляет его без власти. Идея социальной нормализации — краеугольный камень библейского учения. *«Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены».* *«Посему, противящийся власти, противится Божию установлению»* (Рим. 13:2). Очевидно, данная Библейская Заповедь универсальна, поскольку охватывает все возможные властные отношения в мире, созданном Творцом. Основная идея рассказа Редьярда Киплинга «Маугли» состоит в отображении оснований власти и лидерства в животном мире. Промах Акеллы в ходе охоты стал признаком утраты легитимности его власти над волчьей стаей. Поскольку лидер — тот, кто обеспечивает выживание стаи в неблагоприятных условиях среды. Это относится к любой социальной организации — будь то семья, поселок, район, город, регион, нация, мировое сообщество.

Но если власть — есть тактический механизм социальной нормализации, то религия выступает его стратегическим фактором, как система высших — духовно-нравственных императивов, значений и смыслов, которые предписывают человеку определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, тем самым оказывая на него управленческое воздействие.

Экономическая теология как парадигма понимания настоящего времени

В последние десятилетия мы стали свидетелями развития «мега-машины» капитализма, построенного для того, чтобы извлекать, максимизировать и накапливать капитал из

максимально возможного числа людей. Новизна этого явления, связанного с цифровизацией, заключается в том, что этой «мега-машине» удастся извлекать финансовую прибыль во всех аспектах жизни. Учитывая глобальное пространство и широкое проникновение во все социальные подсистемы, включая все сферы общества, природу и личность, эта мега-машина по степени извлечения доходов затмила все, что ей предшествовало. Сегодня повсеместные операции этой мега-машины глубоко укоренились в жизнь отдельных людей и сообществ. Предпосылки этого явления возникают на заре становления капиталистического предприятия, когда оно стало проникать во все общественные отношения, включая экзистенциальные основы бытия индивидуума.

В механизмах, которые породили мировое господство неолиберальной экономической мощи, особое место занимает религиозная структура, утверждающая себя в повседневной жизни с беспрецедентной ясностью. Например, стоит задуматься о том, что механизмы создания стоимости финансового сообщества полностью зависят от системы полномочий институтов, которые сами зависят от доверия его участников. Вера в фондовый рынок гораздо важнее реальной экономической стоимости ценных бумаг, которые обмениваются. Важную роль в этом процессе, в определении того, как финансовые сообщества общаются и ведут себя, играет кредит. Его особенность не просто приписывают факту верования, но также и происхождением особой веры, оснащенной инновационной эффективностью, определяющей поведение людей в том, как они производят факты. Поэтому крайне важно выработать понимание того, какой именно тип «веры» лежит в основе мирового экономического господства, что позволит нам выявить условия, которые позволили экономической мощи капитала утвердиться в глобальном масштабе.

Основы экономической теологии как предмета исследования были заложены Максом Вебером. Влияние религии на становление капитализма Вебер выразил в терминологии «моральной бухгалтерии», осуществляющей методический контроль над протестантской аскетической практикой, делающей процесс «освящения жизни, по сути, обретением характера делового предприятия, успех которого сам по себе является признаком избранности».

Новый импульс в разработке «экономической теологии» связан с выходом в свет книги Джорджо Агамбена «Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления». К определению экономической власти Агамбена ведет богословская концепция «экономики». Греческое слово *oikonomia*, используемое в античности как обозначение сферы внутренней администрации, исключенной из политики, начало использоваться в богословском смысле отцами-основателями Церкви, во-первых, как экономика спасения, как божественный план спасти мир. Во-вторых, способ, которым Бог проявляется в Троице. Таким образом, в Агамбене возникает «Ойкономия» как стратегический оператор, посредством которого совершенство божественной власти связано с действием Бога в «невидимой руке» рынка (А. Смит), принимающей форму «провиденциальной машины» в смысле господства экономической сферы над остальными сферами общества.

Экономику и социальное управление Агамбен анализирует в метафизически-богословских терминах Троицы, как трансцендентные фигуры отношений Бога с самим собой. И если управленческая машина амбивалентна

(Царство и Правление, законодательная и исполнительная власть), то ключевую функцию выполняет в ней слава, создаваемая литургией, молитвой, гимном, возносимыми хвалящими, выражающими радость и хвалу Господу. Столь весомое значение славы в теологии, прежде всего, обусловлено тем, что она позволяет сводить воедино в рамках управленческой машины имманентную и экономическую Троицу, бытие Бога и его действие, Царство и Правление, детерминируя смысл экономики и управления. Другими словами, она позволяет восполнить тот самый разрыв между теологией и экономикой, который тринитарной доктрине, сконцентрированной вокруг формулы Троицы, выраженной в богословской фразе «*во имя (Господа) Отца и Сына и Святого Духа*», так и не удалось окончательно преодолеть, и который лишь в ослепительной фигуре славы очевидно достигает своей полноты.

Анализируя структурные отношения между символами власти религиозной и власти светской, можно заключить, что между ними происходит непрерывный обмен. Велико политическое значение тех литургических, церемониальных, славословных аспектов власти, которые всегда неизменно ее сопровождали. Почему власть, которая в основе своей есть результативность, нормативность, прагматичность, нуждается в этом элементе торжественности, бездеятельности, неподвижности, которым является слава? Исследование Дж. Агамбена показало, что все эти аспекты церемониальности, торжественности, величия власти не только являются частью прошлого, но их присутствие сильно ощутимо и в современных обществах — в форме общественного мнения и массмедиа, которые организуют и контролируют нечто такое, что можно определить как «безмолвное славословие». Моменты торжественности власти — это как раз те моменты, когда власть прославляет себя, покрывая церемониальным блеском не столько деятельность, а сколько «свою бездеятельность».

Одной из самых востребованных теорий анализа отношений между политикой и религией в современную эпоху остается «политическое богословие» Карла Шмитта. В концепции Шмитта в понятии «суверенитет», где национальное государство считается реальным политическим субъектом, во взаимосвязи между теологией и политикой присутствуют две страты. Во-первых, есть исторический пласт, и мы должны выйти за рамки одномерного исторического прочтения современности как постепенного процесса секуляризации, посредством чего модель божественного суверенитета постепенно заменяется светской моделью государственного суверенитета. Однако такая позиция видения не раскрывает историю сочетания богословского и политического во всей ее полноте. Мы можем только найти более глубокие связи между религией и политикой на структурном слое, где будет найдено соответствие между юридической конфигурацией современной политической реальности и теологических концепций. Не случайно, что работы Шмитта по политической теологии остаются популярными сегодня. Современная политика по-прежнему насыщена религиозными интересами и оживлена богословскими понятиями. На самом деле, «тезис секуляризации» современности не был реализован и многие сегодня оспаривают его основные предпосылки. Более того, учитывая кризис исторической структуры современного национального государства, у нас есть дополнительные требования, чтобы пересмотреть конкретные механизмы,

которые привели к его внутренней имплозии, в котором «чрезвычайная ситуация ... стала правилом». К тому же, с ростом аутопоэтических функциональных подсистем, формирующих друг для друга более сложные цифровые пространства обитания, отличающиеся от менее сложных традиционных коммуникативных пространств населения, социальная интеграция превращается в излишне громоздкий механизм, поскольку он «опирается на нормативные структуры жизненных миров, которые все больше и больше маргинализируются». В условиях хрупкости общественного уклада, религия, сохраняя свою системную силу, остается опорой социального порядка, его последней инстанцией.

Религия как стихийный порядок рынка и власть над жизнью

При рассмотрении структуры экономической власти относительно диалектики государства и рынка, особенно плодотворно ориентироваться на позицию одного из столпов неolibерализма Фридриха фон Хайека. Согласно Хайеку, в неolibеральном обществе происходит полная экономическая легитимация юридически-политического института. Теперь не государство, а рынок выступает в качестве легитимизирующего института. Взаимосвязь между законом и экономикой должна материализоваться «стихийным порядком рынка». Можно сказать, что внесудебное понятие *nomos* (порядок), его принципиальное несоответствие природе создаваемых людьми законов и норм и тот факт, что оно происходит из-за приостановки действия закона, приводит к полной экономической легитимации правопорядка. Иными словами, Хайек возвращает правовой дискурс государства к экономической проблеме естественности в рациональном порядке как форме «дисциплины», который спонтанен, но не наивен. Порядок — это то, что эквивалентно регулярности поведения, которое люди принимают в ответ на окружающую среду, в которой они живут. В связи с этим он говорит о «системах правил поведения», которые требуют определенных форм «дисциплины». С этой точки зрения Хайек видит «свободу» как «артефакт цивилизации». Более того, мы свободны к ограничениям своей свободы. Так понимаемая свобода есть предпосылка к тому, что все общественные порядки и сама демократическая законодательная власть определяется как «закон свободы». В основе дискурса лежит необходимость построения свободно производимого подчинения, которое не завершается насилием, возникающим от приостановления действия закона. Напротив, хотя и подпитывается тем же насилием, это подчинение требует активного, а не чисто индуцированного участия во власти. Чтобы функционировать, экономическая власть требует свободно сформированного подчинения, которым она питается.

В какой степени порядок не чужд свободно выполняемым действиям? Что он имеет в виду, когда пишет, что производится через «дисциплину свободы»? Какова роль отдельных действий в отношении к экономической власти? Являются ли действия отдельных лиц просто средством для самореализации власти? Или это производство спонтанного заказа, который это предполагает, на самом деле и есть цель действия? Или связью между средствами и последствиям объясняют все значение, которое деятельность может иметь, в связи с создаваемой людьми экономической силой?

Начиная с Аристотеля, человеческая деятельность считается свободной и структурно отличается от животного мира, потому что, вопреки поведению животных, которых инстинктивно приводят в движение внешние раздражители, на которые они реагируют, действие человека содержит в себе свое собственное начало и цель. Объектом производства — то, что греки называли Поисис (от древнегреческого: ποίσις), является «деятельность, в которой человек приносит то, чего раньше не было» — это создание продукта, который не должен быть выводим из внешних элементов. Фундаментальная характеристика человеческого действия заключается в том, что его цель лежит в себе, и в этом смысле человеческое действие является свободным. К тому же, по мнению историков культуры, воля — это христианское изобретение. Древние греки скорее говорили о силе, возможности («мóчи»), а не воле («желании»). Иначе, античный человек — который может, современный человек — есть человек, который хочет. Христианская религия — религия действия (суть христианской религии в литургии, по-гречески это слово означает «действие народа»). Здесь воля проявляет себя как инструмент разрешения догмата о всемогуществе Бога. Если Бог всемогущ, значит может совершать самые абсурдные, невысказанные вещи, скажем — воплотить Сына не в человеке, а в птице либо в земляном червяке. Для обуздания этого абсурда вводится понятие воли Бога: Бог абсолютно всемогущ, но это всемогущество ограничено его собственной волей.

Как заметил Энтони Гидденс, если Маркс исследует общество, в котором средства производства и производственные отношения экспроприированы, то Вебер рассматривает экспроприацию «средств управления». В этом смысле можно сказать, что Вебер дополняет производственные отношения Маркса отношениями господства и подчинения. Учитывая, насколько глобально распространена предпринимательская структура во всех сферах индивидуальной и общественной жизни, Вебер изображает законное господство государства и экономическое господство капиталистического предприятия как два аспекта одного и того же более широкого явления power. В любом случае на карту поставлена монополия средств, с помощью которых власть может быть осуществлена. Монополия силы, мобилизованная государством, узаконивает насилие как средство государственного суверенитета. Но закон делает связь между насилием и властью настолько сильной, что трудно провести четкое различие между средствами и целями. Насилие — это не просто средство власти, а так как сила тесно связана с насилием, насилие постоянно граничит с тем, чтобы стать самоцелью. Возникает ситуация, когда любая цель, попавшая в поле зрения государства, нацелена не более чем на рост собственной силы.

Нечто подобное происходит и в экономическом секторе. Для Вебера государство основано на монополизации насилия как средства его власти для единственной цели — его роста, в то время как капиталистическое предприятие основано на монополизации средств производства с единственной целью — увеличения собственной прибыли. Этот элемент сочетания управления средствами власти и производства, смешанные вместе с логикой накопления, роста или развития (государство или капиталистическое предприятие), является ключевым аспектом теории, которую Вебер разработал в работе «Протестантская этика и дух капитализма». В этой работе капиталистическая экономика характеризуется прежде всего погоней за прибылью

как самоцелью, которая не имеет ничего общего с удовлетворением личных интересов, индивидуальных потребностей или личного удовольствия.

В капиталистических способах производства приобретательная деятельность становится абсолютным венцом человеческой жизни, а не простым средством для удовлетворения потребностей или интересов. Можно сказать, что это — механизм, который питает «дух» капиталистической экономики. Согласно Веберу, именно в этом заключается линейная связь между целями и капиталистической революцией. Та же революция также присутствует в том, как государство производит легитимность для своих юридических полномочий. Суть этого способа господства лежит в его способности проникать в жизнь людей. Согласно Веберу, «дух» капитализма совпадает с образами жизни, которые были «выбраны» для адаптации к способам капиталистического производства. В этом обществе накопление капитала рассматривается как «призвание», которое иннервирует капитализм, делая это одновременно формой власти и формой жизни. В предпринимательской форме людей бросают в процесс извлечения ценности, путем инвестиций в свою жизнь Человек начинает жить как «человеческий капитал» или «предприятие самости». Расширяя знаменитый неологизм Мишеля Фуко «биополитика», можно заключить, как это осуществил К. С. Раджан, что экономическая сила человеческой жизни стала формой «биоценности».

Понятие власти — как можно ясно увидеть в «Политике как призвании и профессии» — центральное место в политической теории Вебера, особенно в его учении о государстве. По его мнению, современное государство — не что иное, как определенная, исторически сложившаяся на Западе структура более широкого режима власти. Диалектика между государством и властью позволяет Веберу предложить более сложное определение современной политической формы, которая поддерживает его. Правовая власть и экономическая власть — два основных полюса этого определения. С одной стороны, теория власти Вебера подчеркивает, что государство первичный политический институт в современности. Так оно и есть: вначале возникали государства, впоследствии — государства формировали нации. Государство имеет, по сути, правовую конфигурацию. Его юридические полномочия направлены на создание послушания. В то же время, власть государства не сводится к режиму господства, как «потенция» или сила, состоящая из отношения сил, которые не могут быть сведены только к правовой сфере и, следовательно, к полному подчинению закону. Власть исходит не только от насильственного господства или от легитимизации монополии на насилие, что сводится, в конечном счете, к форме внешнего судебного запрета, которому каждый должен подчиниться. Напротив, власть принимает форму самоконтроля, «интериоризируя» порядок как отличительную форму индивидуализации. Соответственно, господство будет означать ситуацию, в которой проявленная воля, команда «правителя или правителей» — призваны влиять на поведение «управляемых», но на самом деле влияют на них таким образом, что их поведение в социально значимой степени происходит так, как если бы правящие сделали содержание команды максимой их поведения для самих себя.

Хотя требование легитимности любой формы власти требует «признания», которое является «внутренним» измерением субъекта, его интериоризация не ограничивается этим. Для Вебера механизм, имеющий решающее

значение для легитимности власти, — не «признание», а «вера», существенный элемент религиозной сферы, который он тщательно исследовал с этой точки зрения. «Вера» как политический механизм состоит отчасти в признании раз и навсегда чего-то правдивого и действительного, существующего заранее, но также и в непрерывном производстве его действительности и ценности. Вера также служит ключевым источником легитимности государственной власти, легитимизирующей основой подчинения государственной власти. Вера также является источником самой концепции «Политика как призвание» и «Политика как профессия». Наконец, когда Вебер выделяет три идеальных типа господства в экономике и обществе, «вера» играет решающую роль на «харизматических основаниях». Сила веры даже действует в административной и технической форме власти. В большинстве случаев даже существование отношений господства, которые носят фундаментально правовой характер, основаны на том, в какой мере вера в законность способствует их стабильности. Око Господа всевидящее. На этом основано не только европейское право, но и исламский шариат. *«И нет творения, сокрытого от Него, но все обнажено и открыто перед Его глазами: Ему дадим отчет»* (Евр. 4:13). Без Абсолюта, который в принципе не достигим, право не работает. В этом смысле «обязанность чиновников», «специализированных чиновников», как неотъемлемая часть бюрократического господства, является «обязанностью верности». Но, прежде всего, «вера» является для Вебера основным механизмом капиталистической экономики. В конституции экономической власти «вера» является ее основанием, ее легитимность — свободный способ существования в капиталистическом обществе. Вера — это то, что иннервирует капитализм как форму жизни, поскольку капиталистическая власть не сводится к деперсонализирующей области, которая символизирует бюрократизацию как процесс управления государством; скорее она питается религиозным, активным и дисциплинированным участием в деятельности, поведении и общении каждого индивида.

Неудивительно, что в первом томе «Закона, законодательства и свободы», под названием «Правила и порядок», Хайек определяет неизбежную связь между «верой» и «властью» в качестве основы демократического консенсуса. «Закон, который в более раннем понимании предполагал, что номос (порядок, заданный религиозной традицией) должен быть барьером для всей власти, вместо этого становится инструментом для использования власти».

Вера как мост между законом и свободой

Определенные аспекты христианской религии имеют решающее значение для понимания настоящего. Ранние христианские общины установили тесную связь с «законом», который имел важное значение для понимания специфической «экономической» природы их жизни, определяющий «политический» статус входящих в него людей. Христианство с самого начала признавало в качестве Священного Писания еврейскую Библию (Танах). В этом отношении важен тот факт, что в раннем христианстве Тора (Пятикнижие), книги Пророков и Писания — это не только религиозный текст, но и юридический код. Тесная связь закона и жизни предстает как заповедь, которая имеет решающее значение для западной мысли, как особая форма

контроля над человеческой жизнью, которая одновременно устанавливает необходимость или требование ее уважать, с одной стороны, и возможность ее нарушения, с другой стороны. По этой причине еврейский опыт законопослушной жизни является одним из самых радикальных, поскольку заповедь уже содержит в себе возможность собственной приостановки. Люди не подчиняются природному закону. Эта невозможность естественного подчинения, принципиальная возможность нарушения закона становится основанием того, что закон становится источником человеческой свободы и силы.

Христианский опыт как *oikonomia* — не только в смысле богословской концепции (экономия спасения и экономия жизни Бога в Троице), но и как форма жизни в христианской общине — связана с определенной формой власти. Но с самого начала раннехристианская община создавалась через экономическую форму власти, основанную на первоначальной критике правовых структур. Эта власть должна быть не просто охарактеризована «невидимой рукой» или «провиденциализмом», на которой основано классическое представление о рынке. «Ойкономия» — скорее, и прежде всего — такой уклад общества, в котором власть должна быть охарактеризована как непрерывная и экспансивная форма управления. Как заметил главный теоретик ордолиберализма Александр Рустов, наивно полагать, что рынок может быть лишь «провиденциально» поддержан «невидимой рукой», а конкуренция и экономическая свобода будут постоянно воспроизводиться без внешнего вмешательства. Социальный рынок, *market*, фундаментально задуман как «витальная политика», «политика жизни», которая сама явно основана на христианских принципах.

Дело в том, что «вера» — это особый механизм, свойственный христианской общине как политической общине. Этот механизм превышает правовые отношения подчинения закону. Можно сказать, что христианство установило форму власти, которая проявляет свою силу за пределами явной заповеди. Исполнение закона через веру во Христа принимает форму ойкономии, потому что она одновременно предстает как свобода от ничто и полная верность закону. Другими словами, в опыте христианской жизни, чем больше человек свободен и освобожден от всех обязательств перед законом, тем больше человек соблюдает его, воплощая заповедь в жизнь. Между формой жизни и формой закона, между ойкосом и номосом есть совершенное соответствие. «Оператор» этой силы — «вера» (Вебер).

Признание осуществляется следующим образом. Павел, допустим, постоянно стремится быть признанным лидером сообщества, к которому он принадлежит. Тем не менее, его авторитет не зависит от того, что раз и навсегда признано законным. Его признание скорее от того, как власть осуществляется, приводится в действие, управляется и одобряется, поскольку это считается правильным. Индивидуальная жизнь придерживается власти через свою веру в то, что она, на основе эффективного управления, в котором в настоящее время «управляемый научно-технический прогресс сам превращается в основу легитимации», обеспечивает поступательное развитие общества и благосостояние его граждан. Власть, которая установлена здесь, является фундаментальной для современных политических учреждений, потому что сохраняет свою особую эффективность, даже когда правовые структуры современного государства вступают в кризис, поскольку «вера» — это то, к чему можно без принуждения свободно адаптироваться.

Свобода подчинения имеет решающее значение для концептуализации рынка. Лежащая в ее основе религиозная структура, в частности христианство, является механизмом, позволившим, внедряясь в жизнь отдельных людей и сообществ, утвердить экономическую мощь в глобальном масштабе.

Итак, несмотря на видимое разделение между человеческими мирскими действиями и имманентными религиозными практиками, неявный конец человеческой деятельности проявляется как сила, которая имеет самоцель, способную создавать обязательства и, таким образом, управлять индивидуальным поведением через особую форму веры. Соответственно, политическое следует понимать в соответствии с традицией, восходящей к Платону, как совокупность принципов, лежащих в основе отношений людей друг к другу и к миру, квинтэссенцию «форм обществ», исторически основанных на тех или иных духовных религиозных императивах. Отсюда политическая история России — отнюдь не дискретный процесс, а реализация принципов Православия в прямой либо в превращенной форме «Белой» Киевской и Московской Руси (симфония духовной и светской властей) — «Серебряной» (Петровской и постпетровской России) — «Красной России» — «Русского коммунизма» — «Желтой» (капитализм 90-х годов) — «Бело-Серебряно-Красно-Желтой» России (2000 г. — н. вр.). Образ правителя, восходящий к «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона, стал архетипом, который прочно обосновался в коллективном бессознательном нашего общества. На протяжении всей нашей истории судьба России была неразрывно связана с жизнью ее лидера, который являлся главным катализатором всех политических и общественных процессов.

Легитимирующая сила религии состоит в том, что она черпает свою энергию, силу убеждения из собственных оснований, воплощенных в понятиях «спасения», «греха» и «покаяния», соответствующих искупительных практиках, независимо от политики. Развитие Западно-христианской и Восточно-христианской/Русской православной цивилизаций было во многом определено тем фактом, что их культура постоянно осваивала семантическое содержание иудео-христианской традиции. Секуляризация государства и секуляризация общества — это не одно и то же. Поэтому в экстремальных ситуациях экзистенциального выбора «Человек оправдывается Верой независимо от дел Закона».

Таким образом, в условиях давления со стороны экономических императивов, которые все чаще берут верх над частными сферами жизни, удрученные индивиды все сильнее и сильнее уходят в круг частных интересов, желания — желания, и если у тебя хорошо получается верить в то, что у тебя все хорошо, то без разницы, как на самом деле обстоят дела. Сила подчинения, свободно порождаемая «верой», может питать бессмысленное стремление к прибыли, направленной исключительно на ее собственные цели. Однако, *«Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца»* (Пс. 61:11), поскольку *«Как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие!»* (Мар. 10:24).

Наконец, очевидно: в капиталистическом мире за деньги можно приобрести многое, кроме бескорыстной любви, приносящей счастье.

Точка ЗРЕНИЯ

Александр ШИПКОВ

ЛИБЕРАЛ- ПРАВОСЛАВИЕ

Александр Владимирович Шипков — родился в Ленинграде, российский политический философ, общественный деятель, социолог религии. Доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Заместитель Главы ВРНС, член СП России. Автор многих книг и статей. Награжден орденами св. блгв. кн. Даниила Московского III ст.; прп. Сергия Радонежского III ст.; прп. Серафима Саровского III ст. и др. **Живет в г. Тарусе.**

В околоцерковных кругах во второй половине XX в. начала формироваться особая социально-политическая субкультура — либерал-православие. Сегодня, как и тогда, разговор с православными приверженцами либеральных ценностей у «большой» Церкви не складывается. Это свидетельствует не только о столкновении взглядов, но и о серьезной проблеме с коммуникацией. Причина — накопление взаимных претензий. Речь идет всякий раз о том, кто виноват в этом взаимном недовольстве. О том, кто «ищет врагов».

Надо оговориться: серьезное напряжение в отношениях между группой православных либералов и широкими церковными массами возникло во втором десятилетии XXI века. Оно совпало с началом массированного информационного давления на РПЦ, развернутого в СМИ после объявления о начале московской «Программы-200» по строительству модульных храмов, введения Основ православной культуры и принятия реституционных актов осенью 2010 года. Все это, усугубленное грядущими думскими и президентскими выборами, и вылилось в мощную антицерковную кампанию.

Публичные оскорбления православных в эфире стали нормой. Окружение одного из кандидатов в президенты уже прямым текстом заявляло о необходимости борьбы с церковным влиянием в обществе — как всегда, эта цель маскировалась «отделением церкви от государства».

Был сформулирован и предложен стране заказ на глобальную реконструкцию ряда общественных норм и институтов. Все это обозначили крайне размытым термином «модернизация». Согласно авторам проекта, это игра в социальные и технические догонялки с «цивилизо-

ванными странами», которая при сохранении ущербного олигархического строя и сырьевого вектора экономики заранее обречена. «Модернизация» началась с социальных программ: мы видим, что общество пытаются поставить под жесткий контроль введением ювенальной юстиции, расслоить при помощи платных образования и медицины, секвестировать образовательные стандарты, уменьшить количество вузов, сломать пенсионную систему. При этом надо понимать, что либералы «во власти» и либералы «несистемной оппозиции» существуют в одной идеологической парадигме.

Естественно, Церковь в этой ситуации попала под подозрение, как это уже было и сто лет назад: «Она неблагонадежна!» Церковь представляется «архитекторам модернизации» одним из самых немодернизируемых институтов. Ее требовалось либо приручить и использовать, либо убрать с дороги. Попробовали приспособить к делу.

Несистемные предложили священноначалию отдать свой голос в пользу передвижных уличных майданов — даром, что их рядовые участники и вожди, торгующиеся с властью, приходили на Болотную с разными ожиданиями и требованиями. А главное — намерениями. А уж сколько открытых писем было написано в это время патриарху, сразу и не вспомнить. Из них можно составить отдельную архивную папку.

Разумеется, Церковь на баррикады не пошла. И не только потому, что это противоречит ее особой миссии в обществе, но и потому, что баррикады были вполне бутафорскими.

Церковь сохранила нейтралитет. Но лозунг «модернизаторов» был и остается прежним: кто не с нами, тот против нас. И они начали бить на поражение.

Именно в этот «удачный» момент либерал-интеллигенция выдвинула Церкви множество странных и страстных упреков, главные из которых — несовременность и авторитарность. Они говорят, что Русская Православная Церковь фактически является единственной крупной и влиятельной христианской церковью в мире, чуждой принципам демократии и прав человека.

Вместо прежней Церкви им нужна такая, которая была бы продолжением светских общественных институтов. А ее духовность должна стать продолжением «плюралистической» (на деле часто авторитарной) светской морали. В этой версии христианство призвано лишь подтверждать чужой выбор. И обязано заменить свой теоцентризм («я в системе Божьего мира») на нечто совсем иное — «Бог в моем внутреннем мире». Такой карманный «бог в душе», разумеется, ни к чему всерьез не обязывает.

Либерал-православная группа активна и не отступает. В унисон с антицерковной кампанией, развернутой либералами-антихристианами, она предъявляет Церкви требования во все более ультимативном тоне. Например, под самые выборы активизировали критику так называемого «сергианства». Этот термин был невероятно раздут и распространен как на нынешнюю церковь, так и на синодальную. Расчет строился на том, что если Сергия Страгородского удастся представить исторически некондиционной фигурой, «ненастоящим» патриархом, то и легитимность современной РПЦ окажется под вопросом. А точнее, под ударом. Игры и эксперименты такого рода, как минимум, безответственны, особенно во время внешнего давления на Церковь.

А уж когда власти отреагировали на провокацию, устроенную известными акционистками, либерал-православные заняли абсолютно светскую позицию, выдвинув ряд требований властям: мол, «художнику все можно, отпустите их, изверги, сатрапы». А когда единоверцы их не поддержали, нервные либерал-православные восплакали о том, что, мол, «Церкви больше нет», «наш дом обезлюдел». И пугнули: «Мы можем уйти».

Все это было обставлено как «исход интеллигенции из церкви». Когда не удалось «научить уму-разуму» церковное сообщество, эти люди предпочли обидеться. Понятно, что бежать и хватать их за фалды никто не стал: сами уйдут, сами и вернутся. Если захотят. Но неверную модель поведения нельзя так просто взять и сломать: пятилетний ребенок, если его игнорировать, не сразу перестанет биться в истерике. Так и с церковной либеральной ойкуменой. Но только масштаб и цена такой истерики гораздо выше.

И вот уже некоторые представители указанного лагеря откровенно нагнетают ситуацию, говоря о том, что Церковь утрачивает влияние (среди кого?). И даже о «неизбежном расколе в Церкви» — тем самым фактически призывая и подталкивая к такому расколу.

У «большой» Церкви не возникло желания начать охоту на ведьм. Хотя любые критические замечания часто воспринимались противоположной стороной именно так.

Но терпимость терпимостью, а прямой разговор до сих пор так и не состоялся. Хотя сегодня он нужен как никогда. Сама постановка вопроса: совместимы ли православие и либерализм, была бы несколько схоластической, если бы адепты либерал-православия постоянно не противопоставляли два своих равно любимых базиса: духовный и идейный. Следовательно, разговор необходим. Меньше всего хотелось бы вести такой разговор в режиме конфронтации и взаимных обвинений.

Государство проводит либеральный курс. Чиновничий произвол ничуть этому курсу не противоречит, скорее, наоборот. Либерализм может быть и часто бывает авторитарным. Например, на словах наша власть не против православия. Но при этом либералы во власти на всех уровнях мешают строить храмы, изучать в школе ОПК, тормозят введение института капелланов в армии. А главное, как могут, натравливают СМИ на Церковь и православных верующих.

А что делать православным? Ждать, пока Церковь разрушат? Если это произойдет, то не как-нибудь, а при поддержке внутрицерковных либералов, одни из которых до крайности наивны, а другие циничны до безобразия.

Как же так? — отвечают нам. В вашей позиции мы чувствуем угрозу. Мы-то ведь всегда считали, еще с 70-х годов прошлого века, и продолжаем с гордостью считать, что принадлежим к внутри-церковным либералам, защитникам религиозной свободы. А врагами Церкви всегда были и остаются большевики.

Увы, это устаревшая формула.

История не стоит на месте. Мы же хорошо знаем, как бывшие американские троцкисты вроде Пола Вулфовица превратились в записных неоконков. И это на протяжении всего одного поколения! Что же говорить, когда поколений больше одного? Сегодня с Церковью воюют не комиссары

в пыльных шлемах, а их, на первый взгляд, «толерантные» оппоненты и... последователи.

Ошибка православных заключается в том, что мы смотрим на современную ситуацию глазами нашей молодости. По привычке делим мир на нас (православных) и большевиков-гонителей. Но ведь большевики были гонителями православия не из каких-нибудь политэкономических соображений, а потому что партийный контингент состоял из богоборцев. Которым в других обстоятельствах довелось бы быть не большевиками, а скажем, эсерами или анархистами. Они шли в революцию, для того чтобы сломать православную парадигму. История так распорядилась, что сделали они это под большевистским флагом. Флаг мог быть другим. Первичны всегда глубинные мировоззренческие позиции, а не сиюминутные политические.

Сегодняшние светские либералы в большинстве своем не принимают Христа. Они борются с Ним. А значит, и с нами как членами Церкви Христовой. Это главное. Богоборцы в России сохранились (и всегда будут существовать), но за сто прошедших лет у них поменялись политические взгляды. Теперь они за «рынок» (преимущественно финансовый и сырьевой), за ВТО, за секвестр образования, пенсий, семейных ценностей — всего на свете. Даже мы с вами для них всего лишь «непрофильный актив». Но для нас важны не политические позиции, а религиозные. Так вот, по глубинной сути нынешние либералы — продолжатели богоборческого вектора большевиков.

Но то либералы светские. Церковные либералы — явление иного порядка. Все они — обычные верующие, люди с традиционным православным сознанием. Но их политические взгляды совпадают с политическими взглядами светских богоборческих либералов. И тут церковные либералы попадают в ловушку: они пытаются оправдать все, что делают светские, пытаются найти в их действиях что-то светлое и позитивное. Глубинного противоречия они не ощущают. А ведь это так просто.

Нельзя быть одновременно верующим в вопросах метафизики и морали и социал-дарвинистом (выступая за «свободную» конкуренцию, то есть естественный отбор в обществе) в вопросах социальных. Невозможно иметь две морали на разные случаи жизни — религиозную и политическую.

Политическое горение часто вытесняет в человеке горение религиозное, и возникает путаница в сознании. Просто нужно суметь в себе это разделить. Ибо сказано: «Не мир я принес вам, но меч». Это не о том мече, который вложил в ножны апостол Петр. А о том, который отделяет подлинное от шелухи и зерна от плевел.

Есть у церковных либералов еще одна черта, которую трудно не заметить. Иногда она прямо бросается в глаза. Они очень часто стыдятся своей Церкви. Осуждают ее не за реальные грехи реальных личностей или не только за них. А так, в целом. За то, что «несовременная», «замшелая», «не соответствует» требованиям времени. Не станем продлевать список — здесь может быть очень много разных «не». Лишь замечу, что время само по себе не выдвигает никаких требований, что «дух времени» делают люди, их ежедневный выбор. А люди могут быть разными. Тогда как метафизика современности (назовем так вышеназванную позицию) — просто типичное, и по-своему милое суеверие людей рационального склада. Такая разновидность стыда — не за себя, а за других, которые что-то должны «времени»,

как и ощущение себя в статусе доверенного лица современности — это в чем-то очень детские умонастроения. Дело только в том, что умонастроения эти исторически свойственны немалой части российской интеллигенции.

Вместо гражданского долга ими овладевает гражданский стыд.

Стыд может быть только личным — за свои поступки, а не за несоответствие чьих-то мнений. Митрополит Антоний Сурожский неоднократно касался этого вопроса. Он говорил: я принадлежу к поколению, которое избрало верность Русской Православной Церкви Московского Патриархата в момент ее гонения. В момент, когда быть верным Московскому Патриархату в эмиграции считалось неприличным, едва ли не политической изменой. Именно поэтому митрополит Антоний не мог позволить себе уйти под другую юрисдикцию. Он чувствовал себя частью Церкви, и как бы плохо ей ни было, этой частью оставался. Антонию не было стыдно за своих единоверцев. Обидно — могло быть, но эта боль души требует не осуждения, а помощи. Точно так же благодарные дети не стыдятся своих родителей, а помогают им в беде. Именно это качество берегут в себе русские церковные люди. Даже позор по причине неблагоприятных поступков клириков они готовы разделить и пережить. А уж вопрос об императивах современности, о требованиях светского общества и вовсе не может быть причиной стыда. Как сказал кто-то из классиков, прогресс сиюминутен, он сам себя отрицает. Его требования меняются как перчатки. Церковь же говорит о вечном — в этом ее основание. Быть министерством по духовным делам она, разумеется, не должна и не может. Движение в эту сторону наблюдалось в синодальный период — и опыт оказался не слишком удовлетворительным. Стыд очень важное и нужное чувство для христианина — но когда он возникает по отношению к себе.

Однако либерализм требует все время предъявлять Церкви требования не изнутри, а со стороны. Соблюсти идейный и политический дресс-код, уступить политкорректности и прочим «правилам хорошего тона». Поскольку эти настойчивые требования невыполнимы (да и попросту не по адресу), либерал мучительно краснеет и терзается. Он не знает, как ему совместить свою совесть и критерии гражданского вкуса. Он готов верить и искренне верит. Но чтобы вера была, так сказать, от кутюр — с томиком Улицкой в руках. И он верит несмотря ни на что — и испытывает вечное внутреннее раздвоение. Неготовность разделить с Церковью поношение — это, конечно, серьезная трагедия для души христианина. Но таков уж исторический код русской интеллигенции. Об этом ложном стыде не раз говорил Достоевский. Например, описывая людей, подобных Степану Верховенскому, который полюбил «гражданскую роль» и жил «воплощенной укоризной» отчизне. Этим людям трудно преодолеть раздвоенность, но рано или поздно они делают свой выбор между религиозным и политическим. Выбор этот на самом-то деле прост. Ведь Христос сказал: «Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда приидет во славе Своей и Отца и святых Ангелов» (Лк. 9:23–27).

Наталья ПУШКАРЁВА

«У БОГА НА НЕВИДИМЫХ РУКАХ»

Пушкарёва Наталья Александровна — родилась в с. Кондинское Шатровского района, окончила Курганский гос. университет, позже аспирантуру, историк, философ. Работает преподавателем философии в Курганском гос. колледже. Обладатель звания «Преподаватель года — 2017», член СП России. Автор двух поэтических сборников, многих публикаций в периодической печати. Лауреат Межрегиональных фестивалей православного творчества. Член совета Ассамблеи народов Зауралья. **Живет в г. Кургане.**

* * *

Святки. Вечер. Избы лубяные.
Ко Крещенью стал мороз крепчать...
Едет сельский поп на старой «Ниве»
Бабку перед смертью причащать.
Носит по колдобинам машину,
Треснутые стекла дребезжат.
Вдоль дорог
с пугливостью мышинной
Бесы перемерзшие брюзжат.
Застлан путь земной,
не виден Млечный.
Замело и хаты, и дворы.
Теплится лишь тайна
жизни вечной —
Господа бесценные Дары.
Сел мотор в заснеженной трясине.
Слева — поле,
справа — мерзлый лес.
За сугробом с яростью крысиной
Скалит зубы победивший бес.
Видно, не увидит бабка неба...
Но фигура в рясе,
приглядишь,
Выгребает колесо из снега,
Как у смерти
вырывает жизнь.
И пока заходится от крика
Царства Божья жаждающих толпа,
Пишет ангел
в самой главной книге
Имя того сельского попа.

БЕЗДОМНЫЙ АНГЕЛ

*Ангелу-хранителю взорванного
храма святой великомученицы
Параскевы Пятницы в селе Кон-
динское Шатровского района*

Все подвержено тленью и смерти,
Но молва по деревне бежит,
Что развалины взорванной церкви
Кто-то каждую ночь сторожит.
До утра не смежает ресницы,
Но лишь только забрезжит заря —
Поднимается белая птица
С обезглавленных стен алтаря.
И в назначенный час полуночный
Появляется вновь над селом,
Обнимая священные мощи
Своим сильным широким крылом.

Время много безвестного прячет,
Но судачат о том старики,
Что слышали, как жалобно плачет
Ночью птица у сонной реки.
И в кающем туманом рассвете
Кто-то вторит ей с дальних полей...
Видно, много у древней Исети
Полегло православных церквей.
А еще говорят, что на Пасху
У разбитых церковных оград
Кто-то красит багряною краской
Уцелевший иконный оклад.

Но врагу на закате не спится,
Точит ненависть сердце до ран.
И не раз вездесущий денница
Покушался на сломанный храм.
Но незримы небесные битвы.
Вы слышали ночную грозу?
Это Ангел-хранитель с молитвой
На свою заступает стезю.
Полыхнет ли огнями зарница,
Упадет ли раскатами гром —
Знать, опять одинокая птица
Защищает разрушенный дом.

МАТЕРЯМ СВЯЩЕННИКОВ

Лидии Ивановне Лобовой, маме моего духовника

Я вижу словно сотканных из света
Седых старушек
    в выцветших платках.
То матери священников, от века
Качающие Церковь на руках.
От них тепло,
    как от свечей пасхальных,
Их сердце верой чистою горит.
И Матерь мира с тихою печалью
На них с икон намоленных глядит.
Они плывут по ангельской дорожке,
Их лики светлы и шаги легки.
Мне кажется,
    что вот еще немножко, —
И души оторвутся от земли.
Зачем им взлеты горделивых башен,
К чему им пыль палат земных царей?
Они стоят молитвенно на страже
Своих служащих Правде сыновей.
Как велика их внутренняя сила,
Как неподдельна Божья благодать!
Хотела бы и я такого сына
Во славу Церкви Русской воспитать.
Мне не прорваться
    к этой выси новой,
Когда святые с ними говорят.
О матери, поставившие Слово
Превыше званий, денег и наград!

И каждый раз,
    когда под небом грозным
На Крест восходит новый иерей,
Я чувствую, как трескаются гвозди,
Врезаясь в руки этих матерей.
Вдали от трасс и сказочных доходов
У Бога на невидимых руках
Лежит земля,
    откуда все мы родом —
Деревня, утонувшая в снегах.
Там ветры в избах задувают свечки,
А ночью в трубах воет и гудит.
Там мать моя возле беленой печки,
Крестясь и плача, в темноту глядит.
Там редки и собаки, и соседи,
Дворы по пальцам можно перебрать.
Мы все оттуда, но никто не едет
Деревню из-под снега выгребать.
Там солнце в рукавицах с окаемкой
Да санный след витой на берегу...
Я скоро брошу барахло в котомку
И по сугробам к маме побегу.
Но вязнут ноги в каше у подъезда,
И лифт меня пытается зажать.
По ходу дела это бесполезно —
От суеты пытаться убежать.
Ну ничего, хотя грехи и тяжки,
Зари рассветной у окошка жду.
Я птицей вырвусь из многоэтажки
И в снежный пух деревни упаду.

ЖУРАВЛИ

Мне в дождливую осень во вдовьей постели не спится,
Поднимается жаркий туман где-то в устье реки.

И всю ночь журавли — одинокие грустные птицы —
Собирают на крылья росинки с горячей щеки.
Значит, время теперь все в душе по местам расставляет,
Журавлиными криками пашню под снег бороня.
А быть может, земля подо мною уже остывает
И к иным берегам осторожно толкает меня.
Ну так что ж, я приму этих птиц перелетных как данность,
И свое умирание тоже покорно приму.
Ничего не поделать. Свою первозданную радость
Я уже подарить не смогу никогда никому.
Я отныне навеки повенчана с бабьей тоскою,
Мои знойные зори в студёные травы легли.
Так зачем, как перину, взбивая туман над рекою,
В мое сердце летят, и стучат, и кричат журавли?

НА ПРАЗДНОВАНИЕ НОВОГО ГОДА

Кривлялся дьявол на экране,
Шипел на блюде жирный гусь.
Налив гранёные стаканы,
Под Новый год гуляла Русь.
Все настезь — шубы, души, сени.
В загул пустился люд мирской.
И русский снег топтали тени
Извечной пляски бесовской.
А с высоты, блестя слезою,
На неминуемый конец
Смотрел Рождественской звездою
Разочарованный Отец.

ПОЭЗИЯ

Екатерина ИГНАТЬЕВА

«ВЕК, ПРЕЛЬЩЕННЫЙ ИЗМЕНЧИВЫМ ТОРГОМ...»

Екатерина Юрьевна Игнатьева — родилась в г. Приозерске Ленинградской области 27 мая 1990 года. По образованию — юрист. Принимала участие в конференции молодых писателей Северо-Запада в 2011 году. Автор нескольких книг поэзии. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

НА СЛОМЕ СТОЛЕТИЙ

Стали ритмом фальшивых мелодий
Все минуты на сломе столетий,
И отчаянье слухами водит,
И монетами звонкими метит
Прямо в сердце, — утрюмо, недужно,
Изнурая подкожную нежность...
Облака проплывают недружно.
Улыбаются люди небрежно.
Век, прельщенный

изменчивым торгом,
Скороспешной потерей дурманит, —
То притянет к себе, то отторгнет,
Промышляя изысками маний...

СТАРИК

Живет в глухой деревне
Простой один старик,
В своей избушке древней
Среди старинных книг.

Доволен скудной пищей,
Не ведает забот.
Он в жизни толк не ищет,
Былого не клянет.

Пускай хмельная малость,
Весна пустилась в пляс.
Давно иссякла младость,
Как воск, истаял час.

И в чем же Божья милость?
Что в жизни удалось?
А просто так случилось,
Что нелегко жилось.

* * *

В пыли придорожной,
на краешке лета
Цветок без названья
цветет незаметно.
Для взглядов унылых,
шагов торопливых
Живут лепестков голубых переливы.

Ветрами измученный тянется стебель
К высотам размашистым:
«В небо взлетел бы!»:

Там с утренним воздухом зорька возрастает,
В закате раскосом день ясный растает...

Но накрепко в землю
вцепившись корнями,
Цветок лепестки голубые роняет.

* * *

Любви вершин и взглядом не объять —
Ее массивы
Осилить можно, но нельзя понять —
Откуда силы.

Нам восхождение это не забыть...
Сказать вернее?
Любить непросто, но любимой быть
Еще труднее.

* * *

Он — «прости!»,
а я — «прощай!».
Этот стиль
нас украшал.
Вместе — в гору,
и с горы.
Верить — впору,
до поры...

Стаял лед
хрустальный фраз —
В первый раз —
в последний раз.
Что сбывалось,
то сбылось:
Нам — не вместе,
нам бы — врозь.

* * *

Два сиянья у медали —
Оборотных стороны:
Та, которой не видали,
Та, в которой не видны.

Гул столетий раздается,
Грозы горечи, кручин...
Не спеша посеет солнце
Благосклонные лучи.

В суете ассиметричной
Времени размытый лик,
И мелькает многоличье
Нераспознанных улик.

А подброшенных монеток
Недопрошенный ответ —
Канет в тьму и сгинет где-то.
Да и нужно ли — на свет....

* * *

Захлебнувшись слезами,
ребенок, взъерошен,
Плакал так неумно
и так тяжело:
«Я — хороший!», и с новой силой —
«Хороший!!».
Глазки синие влагой соленою жгло.

Детство выцвело,
                        стало — доверчивым прошлым,
Вязкой памятью лет, и опять — почему? —
Вдруг захочется крикнуть порой:
«Я хороший!» —
И друзьям, и врагам, и себе самому.

* * *

Вы только не плачьте —
                        я тоже не плачу.
Я тоже борец
                        за простую удачу:
За ясное солнце,
                        жестокую бурю.
Я тоже не верю
                        в победу другую!

Мне в миг расставанья
                        пожать бы вам руку.
Но поздно!
Уже совершилась разлука.
И рано:
                        еще не закончена встреча.
Казалось, был день...
Оказалось, вечер...

* * *

Не говори: «Любви безмерны грани»,
Не говори: «Всего сильней она».
Когда беда неожиданная нагрянет,
Любовь молчит, ранима и бледна.

Ты помоги ей, собери крупички
Мечты заветной, устремляясь в бой,
Скажи: «Я уйду за счастье биться!».
Любовь в ответ: «И я пойду с тобой!».

ПРОЩАНИЕ С ПЕТЕРБУРГОМ

Ты доволен судьбой —
Той, которой не знал,
И теперь не узнаешь, быть может.
Оглянись, друг, постой:
Кем ты был и кем стал
Посреди петербургских прохожих?

Жил себе, не робел,
Перед долей крутой
Нрав являя то гордый, то кроткий...

Словно песню напел
О заветной, о той,
Что длинней нашей жизни короткой.

Сладок звук, а слова
Горячи и горьки:
Ты не понял судьбу, не приветил...
То ль была — не была...
Только град у реки
При разлуке особенно светел.

Родная РЕЧЬ

Андрей АНТОНОВ

О РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЖИЗНИ БЕЛАРУСИ

Андрей Витальевич Антонов — родился в Ленинграде. Образование высшее техническое и юридическое. Работал в правоохранительных органах, адвокатуре. Участвовал в резонансных гражданских и уголовных процессах. Автор книг стихов и прозы, многочисленных публикаций по общественно-политической, правовой и исторической тематикам. Вице-президент Петровской академии наук и искусств, зам. председателя Российско-Белорусского братства, член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Территория современной Беларуси располагается на землях, которые издревле считались западнорусскими. Не зря словарь Брокгауза и Эфрона утверждает, что великорусы, белорусы и малорусы-украинцы — три русские народности.

Поэтому позвольте совершить некоторый исторический экскурс. Территория Беларуси в древности была заселена славянскими племенами. В том числе союзом племен кривичей, основной ареал расселения которых — Витебская, Могилевская, части Минской и Гродненской областей, а также российские области — Смоленская, Псковская. В средние века на территории Белой Руси, как всем известно, располагались древнерусские княжества. Наиболее известные из них — Полоцкое, Туровское, Пинское, Витебское.

С XIII века белорусские земли входят в состав Великого княжества Литовского, полное название которого — Великое княжество Литовское, Русское, Жемайтское (Жамойтское). Что, к сожалению, малоизвестно сегодня в России. Государственным языком Княжества, как и древнерусских княжеств, был русский язык того времени.

Жемайтия — территория на северо-западе современной Литвы, жемайтов славяне называли жмудью. А термин Литва мог возникнуть от наименования земель славянских племен лютичей. Лютва — Литва. Кстати, самоназвание лютичей — вильцы, велеты. Отсюда, видимо, и название города Вильно (современный Вильнюс), переданного Литовской ССР только после 1940 года, рек Вилия и Вильня, на которых стоит город. Топонимика Беларуси — названия населенных пунктов, географических объектов в подавля-

ющем большинстве имеют русское происхождение. А ведь это тоже языковое пространство.

Первой столицей Великого княжества был город Новогрудок (Новый городок), заложенный в середине XI века князем Киевской Руси Ярославом Мудрым в западных землях кривичей. Ныне райцентр в Гродненской области. А старое название Гродно — Городня, такое чисто русское название. В Русской историографии XIX века Княжество часто называли Литовско-Русским государством. Наряду с Московской Русью можно говорить, полагая, о Литовской Руси.

К XV веку в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемайтском сформировался западнорусский литературно-письменный язык, на котором было написано множество текстов — Статуты (Сборники законов) XV века, три Статута и Трибунал Великого княжества XVI века, документы государственного архива, различные юридические документы.

Известный в Беларуси просветитель Франциск Скорина, или, как еще его называют, Георгий Франциск Скорина, уроженец Полоцка и трудившийся в XVI веке не только в Западной Руси, но и в других славянских странах, издавал свои книги на русском языке. Униатский архимандрит XVII века Атаназий Селява, обращаясь к православным, писал: «Перед унией (Брестской церковной унией 1596 года) был Скорина, еретик-гусит, который печатал для вас в Праге книги по-русски». Что характерно, один из наиболее известных трудов Георгия Скорины называется «Библия руска». В хрониках Университета г. Падуи на севере Апеннинского п-ва, где он продолжил обучение, Г. Ф. Скорину именуют русином. Не белорусином, не великорусином, а именно русином.

Заключение Люблинской унии между Великим княжеством Литовским, Русским и Жемайтским и Польским королевством в 1569 году, образование федеративного государства Речи Посполитой привело к значительному сокращению использования западнорусского письменного языка в официальной сфере. Польская шляхта, католики пребывали в этой Федерации в привилегированном положении. Русское население находилось фактически под их гнетом.

Но после раздела Речи Посполитой в конце XVIII века русский язык возвращается в государственное делопроизводство. В тоже время русский язык со своими региональными особенностями, наряду со сформировавшимся диалектным белорусским языком, продолжал быть языком сельского населения.

После создания 1 января 1919 года БССР, первоначально она называлась Социалистическая Советская Республика Белоруссия, и вхождения БССР в состав Советского Союза в 1922 году, русский язык становится одним из государственных языков Республики. Период марионеточной созданной на германских штыках Белорусской народной Республики с марта по декабрь 1918 года не стоит описывать, поскольку общественно-политическую жизнь тогда контролировала немецкая оккупационная администрация.

В советское время русский язык используется в делопроизводстве, на нем в быту, на производстве разговаривает значительная часть жителей Белоруссии. Правда, в 20-е годы прошлого века, во исполнение политики партии о развитии национальных республик, начала проводиться белорусификация Республики, в данном случае внедрение командно-административного языка.

тивными методами в государственную и общественную жизнь белорусского языка. Но уже в 1930-е годы этот процесс сворачивается.

В смутное время перестройки 26 января 1990 года Верховный Совет Белорусской ССР объявил белорусский язык единственным государственным, русский язык получил статус «языка межнационального общения». Была принята Государственная программа, предполагавшая вытеснение русского языка из всех сфер жизни белорусского общества к 2000 году.

К середине 1994 года в Республике осталось всего 5 % русских школ, 31 % составляли школы, в которых обучение велось на двух языках, и 64 % школ были чисто белорусскими. Опросы населения тогда показывали, что абсолютное большинство жителей хотело возвращения русскому языку статуса государственного языка.

После избрания на пост Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, в 1995 году был проведен общенациональный референдум. 83 % жителей Республики сказали «да» русскому языку, как государственному. И он вновь получил статус государственного языка, что отвечало историческим и культурным реалиям страны. Сегодня в Республике два государственных языка белорусский и русский.

Если в России один государственный язык русский, как язык государствообразующего народа, то в Белоруссии, условно говоря, государственное двуязычие, что, повторяю, конкретно отвечает интересам всего населения. Это «двуязычие» закреплено в Конституции Республики Беларусь, действующей с 1995 года.

Сегодня русский язык чрезвычайно востребован в Белоруссии. Его можно слышать повседневно во всех городах и малых населенных пунктах Республики. Согласно переписи населения 2009 года русским языком в быту пользуются более 70 % опрошенных. А на «трасянке» смеси русского с белорусскими диалектами разговаривают 90 % населения. На сегодня, думаю, эти цифры возросли. На мой взгляд, а я многократно бывал в Беларуси, русским языком там пользуется более 90 % населения.

Русский язык, как и белорусский, очень близок белорусскому народу. Из 18 театров в Беларуси 14 являются русскоязычными. Русский язык использует в своей практике подавляющее число библиотек, музеев, клубов. В 2016 году около 80 % всех изданных книг и брошюр в Республике были изданы на русском языке.

Русский язык широко используется в СМИ. При этом белорусские газеты часто печатают в своих номерах одновременно материалы на русском и белорусском языках. Такое доброе соседство двух очень родственных языков. Русский используется в рекламе, деловом обороте. Многие белорусские писатели, поэты пишут на русском. Среди них — Николай Чергинцев, Вячеслав Бондаренко, Тамара Гусаченко, Петр Буганов, Андрей Геращенко и другие.

В то же время среди белорусской творческой общественности нередко раздаются голоса «о необходимости уважения и следования родной белорусской мове». Были, конечно, и среди чиновничества лица, которые показывали «следование белорусской мове» в ущерб русскому языку, пытаясь при этом проводить «белорусификацию» учреждений культуры. Но эти тенденции не характерны для всего белорусского общества.

Я бы отметил, что в Республике, в целом, существует такое дружелюбно-конструктивное взаимодействие великорусского (в современном по-

нимании русского языка) и белорусского языков. Хотя, если разобраться, являются ли эти языки самостоятельными. На мой взгляд, более уместно считать их наречиями русского языка. Ведь, повторю, белорусы, малорусы-украинцы и великорусы составляют единый русский народ.

Кстати, лидеры так называемой современной оппозиции в Беларуси, устраивавшие там погромы и протесты, белорусы стали называть их «протестунами», призывают лишить русский язык статуса государственного. Чем лишний раз показывают свою оторванность от белорусского общества.

Также отмечу, что в 2011–2012 годах 90 % студентов белорусских вузов обучались на русском языке. Согласно статистике министерства образования Беларуси в 2016/2017 учебном году в 1–11-х классах школ Республики 87 % школьников обучалось на русском языке.

В заключение. В декабре 1999 года создано Союзное государство Беларуси и России. И 2 апреля — день подписания первых соглашений о Союзе в 1996 и 1997 годах отмечается как День Единения народов Беларуси и России. Так что наше в значительной степени языковое единство, не говоря уже о кровном, культурном и историческом, поможет нам более эффективно развивать и крепить наш Союз.

ВЫШЛА КНИГА

Седов Н. Н.

«В атаку первой шла любовь...», Кубань. 2020.

Прошло несколько дней, как я прочитал книгу кубанского поэта Николая Седова «В атаку первой шла любовь...», а она меня не отпускает, держит при себе каким-то особым, отдельным вниманием к литературе, к жизни, неожиданностью ее содержания... В ней нет авторского эгоизма по отношению к собственной значимости, а есть трогательное, нежное отношение к Родине и фронтовикам, живым и павшим...

Книга Николая Седова — это не литература для наслаждения, это реквием памяти павшим и живым. Это гимн русскому характеру!

Понятно, что всю книгу Николая Седова «В атаку первой шла любовь...» не пересказать, но очень рекомендую, если вдруг доведется ее найти, прочесть! Там есть все: и любовь, и правда жизни, и слезы, и радость!

Низкий поклон Николаю Николаевичу Седову и издателям за подвиг памяти. За подвиг любви.

Сергей Котькало

**Анатолий
ГРЕШНЕВИКОВ**

НРАВСТВЕННЫЕ ВЕРШИНЫ

Анатолий Николаевич Грешневиков — депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета ГД по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Народный депутат РСФСР. В 1993 г. — активный защитник Верховного Совета. Писатель. Журналист. Член СП России. Автор 28 книг. Лауреат премии Союза журналистов СССР и др. Награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом св. благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом преподобного Сергия Радонежского за восстановление памятников истории и культуры, русских православных святынь и др. Почетный работник Росгидромета. **Живет в п. Борисоглебский, Ярославской обл.**

В разгар рабочего дня заходит ко мне в кабинет Валерий Хайрюзов.

— Можно на вашем видеке фильм посмотреть? — сходу задает вопрос.

— Какой? — интересуюсь я.

— О природе, о Байкале, о Сибири. Я сам, между прочим, его снял.

— Если о Байкале, то давай, показывай.

Мой помощник Николай взял у Валерия диск, вставил в видеомагнитофон. Но техника неожиданно подвела, не стала почему-то показывать фильм.

Ждать, когда помощник разберется с техникой, у меня времени не было. В эти минуты меня ждал Сергей Бабурин. У нас во фракции менялся руководитель, и по договоренности с Бабуриным я должен был подписать соответствующие документы о выборе Шестакова.

— Я отлучусь минут на десять, а вы пока налаживайте видеомагнитофон, — предложил я. — Вернусь, посмотрим фильм.

Войдя в кабинет Бабурина, я увидел, что тот разговаривает с кем-то по телефону. Оказывается, собеседником был Валентин Григорьевич Распутин. Из отрывочных фраз я уловил, что речь шла о создании музея писателя Николая Гоголя, о восстановлении первоначального облика его могилы, а также о недавно вышедшей книге Распутина «Сибирь, Сибирь...».

В какой-то миг Бабурин повернулся ко мне, широко улыбаясь, и сказал в телефонную трубку.

— Ко мне как раз заглянул наш общий друг, Грешневиков Анатолий Николаевич. Я не смогу, извиняюсь, быть на презентации. Командировка. Попрошу Анатолия Николаевича, он наверняка будет в Москве, придет к вам и поздравит...

Бабурин вновь пронзил меня пристальным взглядом и закивал головой, давая знак, что отказ не принимается. И тотчас, не давая мне времени на раздумья, ответил за меня:

— Он согласен. Передаю ему трубку.

Застигнутый врасплох, не до конца понимающий, куда мне следует идти, я взял трубку и стал слушать не менее растерянного Валентина Григорьевича. Из разговора стало понятно, что у писателя на днях будет проходить творческий вечер, и он приглашает нас на него, а так как в Иркутске вышла его новая книга о Сибири, то он ее презентует и подарит нам.

— Спасибо за приглашение, постараюсь обязательно прийти, — поблагодарил я Распутина и пошутил: — Только у меня к вам встречное предложение. Бабурина за его вечную занятость надо наказать. Обещанную книгу ему вы не подписываете, дарите мне и нашей библиотеке в Госдуму. Пусть Сергей ходит туда и читает.

— Хорошо, — сказал Распутин, поняв шутку. — Там у нас от писательского союза есть еще просьба подтолкнуть правительство — нет никакой работы по подготовке к юбилею Гоголя. Все-таки дата большая — 200 лет.

— Время еще, видимо, не подошло. Юбилей-то через год.

— Боюсь, на раскачку время все уйдет. Меня с Саввой Ямщиковым включили в оргкомитет, а он еще только один раз собирался.

Договорившись о совместных действиях по подготовке юбилея Гоголя, я вернул трубку Бабурину.

— Когда хоть он все успевает? — спросил меня в конце наших дел Бабурин.

— Сам удивляюсь, — ответил я, поражаясь энергии Распутина. — Его на все хватает, ему до всего дело есть. Писателей в стране десятки тысяч, а беспокоится о том, как мы встретим юбилей Гоголя, он один.

— В Сербии война, а он не боится — едет с нами в самое пекло — в Косово, защищает сербов. В Государственной Думе идет борьба против принятия Земельного кодекса, он не стоит в стороне — тоже борется, выступает, объясняет людям, что кодекс узаконивает разделение села и страны на богатых и бедных. Смело пишет, что политика нынешнего правительства ведет к тому, что богатые становятся богаче, а бедные остаются бедными. Я давно заметил, как он всегда умеет держать данное слово... Сказал — сделал. В той же Сербии, на встрече с президентом республики Сербской поэтом Радаваном Караджичем он обмолвился мне, что надо бы издать в России его книгу, а еще отметить его талант и славянское подвижничество Шолоховской премией. И что же? Проходит время, и мы с тобой едем в Дом писателей на вручение Караджичу этой важной премии.

Я сразу вспомнил тот торжественный день. Караджич был ошеломлен не только премией и вниманием, но и тем огромным отрядом русских писателей и деятелей культуры, которые пришли поддержать его и выразить слова глубокой и искренней любви. Важность события могли оценить в то время лишь немногие, ведь против православной Сербии американские назовские жандармы настроили всю Европу, и такие ее лидеры и защитники, как Радован Караджич и Радко Младич, считались преступниками. Понимая абсурдность, незаконность таких нападок, угроз и оценок, наши великие русские писатели Валентин Распутин, Василий Белов, политик Сергей Бабурин пошли на то, чтобы сломать лживые западные стереотипы, развенчать

фальшивую пропаганду и возвысить подвиг сербских героев. Нам с Бабуриным, Распутиным и Беловым удалось тогда пообщаться с Караджичем, получить от него в подарок по сборнику стихов и договориться о следующей поездке к нему на фронт. И мы приедем... Правда, в нашей команде будет лишь Василий Белов. Болезнь Распутина не позволит присоединиться к нам.

Вспомнил я и другое, то, с каким почтением и уважением относились большие наши писатели к депутату Госдумы Сергею Николаевичу Бабурину, как они, восхищаясь его бесстрашным поведением и патриотическим служением Родине, стремились пообщаться с ним. И тот с распростертыми объятиями, открытой сибирской душой встречал Леонида Леонова, Александра Панарина, Юрия Бондарева. Шли к Бабурину толпами. Он был не просто популярен в народе, с его мнением считались, ему доверяли... В таких многочисленных беседах повезло поучаствовать близко и мне. Благодаря Бабурину, я познакомился и стал общаться с Игорем Шафаревичем, Александром Зиновьевым, Леонидом Решетниковым и другими. Первые рабочие встречи с Валентином Распутиным произошли опять же в кругу Бабурина. Подружил нас, сблизил наши мировоззренческие позиции другой человек — замечательный писатель и отважный летчик Валерий Хайрюзов. Это с ним я хаживал в дом Распутина попить и чаю, и коньячку, и поговорить по душам. А первая серьезная встреча-беседа произошла с участием Бабурина, который пригласил меня поехать с поздравлениями с днем рождения к Валентину Распутину. Тогда он не только заставил меня найти в магазинах столицы нужный подарочный альбом русских художников-передвижников, но и усадил за столом меня рядом с писателем и певицей Татьяной Петровой.

Уходил я из кабинета Бабурина с мыслью о неисчислимых добрых делах Валентина Распутина во славу нашего Отечества. А когда пришел в собственный кабинет, то услышал от ждавшего меня Валеры Хайрюзова неожиданное предложение.

— Слушай, Толя, не работает у тебя видеомэгнитофон, поехали к Распутину домой, там посмотрим мой фильм, — его твердый голос разнесся по всему пространству кабинета.

— Без приглашения?! — опешил я. — Как можно?!

— К Распутину можно. Я его предупреждал.

Надо же такому случиться?! Только что я у Бабурина говорил с Распутиным, вспоминали потом его дела, а тут опять разговор о нем.

— Так мы едем или не едем?

— Какой разговор?! Если ты договорился, то едем. Но я тогда должен сбегать в магазин. Без гостинцев я к хорошим людям не езжу, а уж тем более к Валентину Григорьевичу. Халявщиков со студенчества терпеть не могу.

Я купил бутылку коньяка в коробке, набор шоколадных конфет и букет белых роз. Цветы, конечно же, предназначались жене писателя Светлане Ивановне, к которой я все больше испытывал уважение за ее домашний уют, гостеприимство и трепетное, заботливое отношение к мужу-труженику.

Дверь квартиры нам вышел открывать сам Распутин. Однако она почему-то долго не поддавалась ключу. Когда все же распахнулась, Валентин Григорьевич сжал нас в своих объятиях, расцеловал. И, не дав возможности сказать добрые приветственные слова, сходу спросил меня.

— Как в Думу, тяжело войти, двери сразу открываются?

— В Думе они лучше открываются, — рассмеялся я, приветствуя шуточный радостный настрой писателя. — Заходишь сразу, никакой техники... Вы же бывали у нас?! С погодой вот гораздо все хуже. У меня на родине в Борисоглебе — снег идет, а здесь, в Москве, — дождь.

Только я решил снять ботинки, опершись спиной о стенку коридора, как хозяин скомандовал нам:

— Не снимайте обувь, проходите так.

Мы отказались идти в переднюю комнату обутые. Тогда Распутин дал нам тапки. В коридоре появилась озабоченная Светлана Ивановна. У нее, оказывается, гости жили из Иркутска — родная сестра с мужем, поэтом Владимиром Скифом. Вручив ей цветы и пакет с коньячным набором, я пошутил, заимствовав фразу из известного комедийного фильма:

— Главное, не перепутать: цветы — женщине, мороженое — детям, то есть мужчинам.

— Мороженое люблю и я, — отозвалась Светлана Ивановна, то ли не поняв шутку, то ли, наоборот, приняв ее всерьез.

Владимир Скиф перебил наш разговор.

— Помню-помню вас по Иркутску, — сказал он, двигаясь ко мне с распростертыми руками. — Вы на фестиваль «Сияние России» приезжали, хорошо выступали...

— Проходите в зал, не стойте в дверях, — скомандовал Валентин Григорьевич.

В большой просторной комнате нас ждал стол, накрытый домашними яствами. Прежде чем сесть за него, я подарил Распутину свои книги, сказав о каждой несколько слов.

— Это сборник очерков «Хранитель русского лада» посвящен Василию Белову, нашим с ним поездкам по Сербии, в село Варницы — на родину преподобного Сергия Радонежского, ко мне на родину — в поселок Борисоглебский, в древний Углич, в самобытный город краеведов Мышкин, и, конечно же, в известную вологодскую деревню Тимонику, где и вы не раз гостевали. Эта книга посвящена краеведческому подвигу писателя из Мышкина Владимира Гречухина. Ему удалось создать мальчишескую краеведческую республику, пройти с экспедициями по всем древним русским регионам, собрать уникальные коллекции прялок, икон, книг, колоколов, ключей и прочей крестьянской утвари. Вместе со своей краеведческой республикой он открыл десяток музеев в городе, создал народный театр, реставрировал церковь, сохранил усадьбу Тютчева, ввел для подвижников орден Мыши.

— О Мышкине мне много говорил Василий Белов, — перебил меня Распутин. — Хвалил вашего Гречухина.

— Да, мы с ним ездили туда, он выступал в библиотеке, знакомился с музеями.

— Особо ему понравились, кажется, старые мельницы.

— Он просил меня сфотографироваться на их фоне.

— Подари мне такой снимок.

— Хорошо.

— Белов звал и меня поехать в Мышкин к Гречухину.

— В чем же дело? Только скажите, и я вас туда отвезу.

— Сейчас нет времени.

— Жаль. А этот сборник «Любитель природы» вам знаком. Несколько номеров я вам уже дарил, в один из них вы давали свою статью.

— Его я часто читаю, смотрю. Весьма интересный и талантливый сборник.

— Это коллективный труд. Я собрал многих авторов из разных сел области — учителя, лесники, краеведы, библиотекари, школьники.

— Теперь мне надолго хватит читать твои книги, — признался Распутин, положив их на полку рядом стоящего шкафа. — А я вот тебе и Сергею Бабурину, как обещал, припас свою книгу о Сибири. Подпишу потом...

Разговор за столом вновь зашел о плохой работе правительства над подготовкой юбилея Гоголя. Развить тему не дал Валерий Хайрюзов.

— Давайте сразу кино посмотрим, — предложил он.

— Согласен, — поддержал Распутин. — Кто включит видеомagnитофон? Я не умею с ним обращаться.

Наступило минутное замешательство. Хайрюзов пытливо смотрел на Распутину, а Распутин — на меня. Скиф подозрительно глянул на Хайрюзова: мол, ты принес фильм, ты и включай. Но так как никто не знал и не умел запустить диск на видеомagnитофоне, то Валентин Григорьевич позвал с кухни жену. Хозяйка пришла и моментально, к нашему общему мужскому стыду, наладила работу техники.

Фильм длился около сорока минут. В героях его ходил сам автор — летчик Валерий Хайрюзов. Красоты Байкала захватывали дух. Душистая мгла лежала мягкой пеленой над озером. Шаманы без излишней торопливости и наигранности, свойственной некоторым из тех, кто стремился не обычаи блюсти, а в концертах поучаствовать, вели среди природы свои подлинные обрядовые заклинания. Они истинно правдоподобны. Пусть мелодии бубен забывают их причудливые и строгие слова, но им веришь, их слушаешь. Вместе с ними переживаешь за умирающую, гибнущую от рук нерадивого человека окружающую природу. Переживаешь за ребенка и мертвую женщину, оказавшихся в числе пострадавших из-за нарушений законов природы. Вместе с автором ты осознаешь, как хрупка экосистема священного озера, ты чувствуешь, что если человеку безразличны растения и птицы, то ему незачем беречь и Байкал. Он ему нужен лишь как потребителю, браконьеру. Душа таких людей мертва и потому не испытывает чувства благоговения перед обрядами шаманов, просящих защитить природу.

— Сюжет с мальчиком и погибшей женщиной ты нарочно внес в фильм? — спрашивает Распутин автора, первым начиная обсуждение. — Придумал, видимо!?

— Да, — соглашается Хайрюзов. — Это заказ. Я его вмонтировал, втиснул в фильм. Но такое было когда-то.

— Здесь он не нужен, — делает строгий вывод Распутин. — Он чужой.

Приуныв от неожиданных и важных замечаний Валентина Григорьевича, я сразу расхотел вступать в обсуждение, тем более, фильм мне понравился своей как гражданской озабоченностью, так и поэтикой, к тому же автор в такие минуты нуждался в поддержке.

— Авторский текст озвучивать надо было не актеру, а тебе самому, — продолжал спокойно и уверенно рецензировать фильм Распутин. — Ударение на слове «скиты» неправильно сделано. Старика, директора аэропорта

и его жену я узнал. Мы встречались. Не нужно, чтобы часто появлялись в картине красивые буренки...

— Фильмы, режиссура, конечно, не моя стихия, — хладнокровно отозвался на замечания Хайрюзов. — Когда шла работа, то осознавал, как трудно делать фильм. Сейчас сам вижу, как много шаманства. Я вставил, чтобы разбавить сюжет, казаков...

— А вообще ты — молодец, хороший фильм сделал, — заключил Распутин. — О Байкале можно сотни картин снимать, и все они будут разные, как само озеро. Мне показалось, что это фильм-предчувствие какой-то беды, которую нужно остановить, а человечество к спасению не готово. Фильм — вроде как пророчество...

При этих теплых словах Распутина я понял, что зря переживал за серьезный характер обсуждения; у двух сибирских писателей, сидящих передо мной, давно сложились такие дружеские, доверительные отношения, что они считали обязательным говорить правду. И только в таком случае они понимали друг друга.

— Всякий раз встречаясь с Байкалом, вы не поверите, я испытываю какое-то необычное ощущение, будто озеро связывает меня с космосом, — делится сокровенными мыслями Хайрюзов.

— Так ты же летчик! — поддерживает его Распутин. — Тут как раз и твои ощущения, и все редкие природные явления на озере — все они, может быть, обусловлены энергопотоками из космоса?!

— В разное время, находясь на одном месте, я не узнаю Байкал, он задает вопросы: чем вызвано фотосвечение вод? как живет главный чистильщик озера — вислоногий рачок эпишур? кто и каким образом причудливо изогнул реликтовые листовницы?

— Придется еще один фильм снимать.

— Мне уже в этой кинокартине хотелось увидеть и небо над Байкалом, затянутое волнистыми облаками, и скалистые островки, иссечение вод, но задача была — заставить человека подумать о будущем Байкала.

Этот разговор не мог не расшевелить и меня, эколога, одного из авторов закона об охране озера Байкал. Тем более, Светлана Ивановна успела в эти минуты добавить к закускам горячее блюдо с мясом, с шикарным рулетом. Валентин Григорьевич откупорил бутылку коньяка и разлил по бокалам.

По предложению Распутина, мы выпили за встречу и продолжили начатую беседу о Байкале.

— Я, как и вы, поражаюсь его биологическому многообразию, природной неповторимости, — вступил в разговор я. — Только показывать красоты озера сегодня — это для художников, но не для писателя, публициста, политика, общественного деятеля. Меня коллеги-экологи неустанно снабжают тревожной информацией. Сорок лет вблизи берега Байкала находится склад древесной коры. Сотни тысяч кубометров влажных отходов гниют и вместе со сточными водами попадают в озеро. Кроме губельного ЦБК, на озере и его притоках работают сотни предприятий, отходы которых также попадают в озеро. Бытовые стоки незаконных строений на побережье стали едва ли не самой основной опасностью для чистоты Байкала. Буквально за несколько дней экологи обнаружили около 600 строений на его берегу. Согласен с вами — Байкал явление космического масштаба. Сегодня он —

и геополитика, и футурология, и культура. Говорят, во время осенних ветров и страшных бурь волны его поднимаются на шесть метров!

— То правда, — кивает Распутин. — Байкал непредсказуем.

— Вот и человек непредсказуем, — сокрушаюсь я. — Говорит о любви к Байкалу, а по сути добывает его. Поймать осетра, который полвека назад здесь водился вместе с омулем и сигом, уже невозможно, это из области фантастики. А мы, здоровые люди, надеемся уже не на собственные силы, а на чудо, вот придет добрый дядя и выгонит с этой земли хищников, которые присосались к богатому озеру-море. Хотя зарубежные специалисты, особенно из Америки, уже повадились ездить сюда, шпионить, вести с помощью американского космического челнока «Шаттл» дистанционное зондирование и радарную съемку, то есть выведывают информацию о природных ресурсах региона, в том числе Бурятии, где их, кстати, и задержали с двумя спецприборами для определения с высокой точностью координат на местности. Было возбуждено уголовное дело. Американцы отrekliсь от аппаратуры и быстро сбежали.

Беспокойство за Байкал, его беды и беззащитность, затягивали нас в долгий разговор. Как всегда, Распутин восхищал меня своими знаниями, поражал его острый, патриархальный склад ума, налитанный сибирской почвой, от которой он никогда не отрывался. Он с детским любопытством вещал нам историю древних мифов, сложившихся на байкальском острове Ольхон, разъяснял археологические находки, сделанные на полуострове Хорин-Ингри и напоминающие череп медведя, звал посетить озеро Нуку-Нур, приотлившееся в скальной воронке. Порой его суждения и оценки напоминали речь крупного ученого. Кто, как не званый академик, мог так дотошно и точно поведать нам о малоизвестных обитателях Байкала — полупрозрачной голомянке и бычке-желтокрылке, об сказочно красивых рачках-бокоплавах. Их там насчитывается, оказывается, 255 видов — треть всех видов из пресных озер мира. Если Валерий Хайрюзов знал про существование одного веслоногого рачка-эпишура, благодаря которому прозрачность воды составляет сорок метров, то Распутин «рассекречивал» жизнь десятка рачков, всяких моллюсков, новых видов водорослей типа циклохена и урагинавольвакса. Я попытался сказать несколько слов о пагубной роли известных водорослей-спирогир, но писатель махнул рукой, мол, эта информация устаревшая. Зато он сам поведал о том, что многие неизвестные водоросли Байкала значительно крупнее тех, что живут в мировых водоемах с пресной водой, и происходит сей рост за счет низкой температуры воды.

Спас наше сообщество защитников Байкала от научно-познавательных рассуждений неожиданный возглас Владимира Скифа, предложившего выпить за мать-природу...

— Предлагаю тост, в первую очередь за Байкал, — громко выпалил он, всем видом показывая, что пора менять тему дискуссии.

— А во вторую очередь? — переспросил, улыбнувшись, Хайрюзов.

— За русский лес! Зря, что ли, его защищает Грешневиков?!

Мы выпили, закусили, и стали говорить ни о чем, так — о всяких житейских делах. Кто поругал кинозвезд, десятки раз выходящих замуж. А кто посокрушался на рост коррупции в стране. Когда пришла очередь для третьего тоста, то я решил поднять здравицу за хозяина. Но только

моя рука потянулась к бутылке, как Валентин Григорьевич перехватил ее и сказал:

— Давай лучше я сам тебе налью.

Тут я вспомнил зачем-то глупую присказку:

— Хорошо, наливайте. Из ваших рук, как говорят у нас ярославцы, приму даже яд.

Но Распутин и не удивился, и не возмутился сказанному. Лишь добавил:

— Везде так говорят. У нас в Сибири тоже. И на посошок наливают, и стремленную подают. В общем, как у всех.

Тост за Распутина, который хранит верность традициям русской классической литературы, я поднял, встав из-за стола. Сказал несколько добрых слов о том, что для меня и для народа в целом он давно является символом русской национальной литературы, он смело и неуклонно идет навстречу трудным жизненным вопросам, чем всех удивляет, а в героях его чудных книг светится правда народной жизни. От чтения возникает ощущение боли за многострадальную Россию. Не каждому писателю дано погрузиться в правду народного характера, выкованного веками нашими предками, передать колоссальное богатство душевного мира простого русского человека, а Распутину Бог дал такой дар. И он его не растрчивает впустую. Его повести и рассказы побуждают размышлять о роли человека в делах общества. И я живу в ожидании, сможет ли этот человек-читатель уловить импульсы национального русского сознания, посылаемые Распутиным. Еще мне нравится его скромность, и в то же время его редкая открытость, готовность помогать людям. Мы только что с Бабуриным говорили, сколь много доброго сделал Валентин Григорьевич. В этой связи можно пожелать такому русскому богатырю только одного — долгих лет жизни и творчества.

Вослед моему тосту похвальные слова в адрес хозяина сказал и Валерий Хайрюзов. Он вспомнил, как они ходили вместе за грибами, набивали объемистые горбовики спелой жимолостью, как Валентин Григорьевич вскапывал грядки у себя в огороде и сажал огурцы с картошкой, как угощал деревенским молоком.

Чтобы в дальнейшем не вести ничего не значащие бытовые разговоры, я решил спросить мнение Распутина о только что прошедшем на телевидении фильме «Остров». Попал в точку. Писатель его смотрел, у него сложилось о нем неординарное впечатление. Мое отношение к фильму было самое противоречивое, что не давало возможности сказать даже самому себе — он хорош или плох. Чтобы сделать правильный и однозначный вывод, мешали крайности. С одной стороны, режиссер Лунгин призывает задуматься о вечном, о грехе, о душе, которая в мире погони за деньгами и житейскими благами подвержена невероятным испытаниям. С другой стороны, и в монастыре жизнь идет таким чередом, что о вере и чистоте помыслов мало кто беспокоится. Не зря настоятель этого монастыря отец Филарет дает совет освободиться «от всего наносного, от ненужных привязанностей». Такой совет настораживает. Что может быть наносным в строгом следовании заповедям Божиим? О каких «ненужных привязанностях» идет речь, если распорядок и жизнь монахов сотканы из постоянного молитвенного служения?! Фильм не дает однозначных смысловых ответов. Видно лишь, что монахи частенько враждуют и грешат. А история православия знает пример того, как освобождение «от всего наносного, от ненужных привязанностей»

привело к трагическому церковному расколу. Реформатор-западник Никон и старовер-русофил Аввакум не пожелали тогда отказаться от собственных «привязанностей», и по великой России прокатилась гражданская война.

Мои сомнения не развеялись, а наоборот, укрепились после того, как кинодрама «Остров» режиссера Павла Лунгина получила премию России «Ника». Ранее фильм завоевал Гран-при фестиваля «Московская премьера». Еще картина была удостоена российской кинопремии «Золотой орел» в номинациях «Лучший фильм года», лучшие сценарий, режиссерская и операторская работа, лучшие мужские роли первого и второго плана.

Распутин легко и разом развеял все мои сомнения. Дискуссия о фильме Павла Лунгина «Остров» даже не получилась.

— Дьявол, как известно, живет в деталях, — сказал Валентин Григорьевич. — Почему фильм мне не понравился? Во многих деталях режиссер не точен, мягко говоря. Много в фильме нежизненно. В монастыре по-другому живут, там другие отношения... Настоятель не пойдет к монаху. Режиссер же живописует эту сцену. Есть некая субординация, скажем так. Есть строгость. Но нет грубости такой, как в фильме. Монахи зачем-то рисуются.

— Мой отзыв еще хуже, — вклинила свое слова в нашу беседу Светлана Ивановна. — Фильм вообще не понравился.

— Одно вранье в деталях. Зачем монах, например, сапоги сжег?! Зачем монах непродуманно направляет женщину ехать во Францию искать мужа? А вдруг бы та поехала!

— Какую же задачу выполнял режиссер?

— Мне это самому непонятно. Знаю одно: и писатель, и режиссер должны возвышать душу человека, звать его к высоким нравственным и духовным высотам. Без стремления писателя и режиссера дать герою возможность стать человеком, взять нравственную высоту — без этого нет ни культуры, ни искусства. Еще Лев Толстой в статье «Что такое искусство» писал: «Безнравственность в искусстве — это все равно, что развратная женщина». Что тут скажешь?..

— Правильно сказал Шукшин: «Нравственность есть правда», — заметил я. — Но некоторые правильные вещи и в «Острове» звучат. В одном эпизоде речь идет о православной аскезе — тема для нынешнего времени, когда на пути к духовному возрождению страны столь много препятствий, очень злободневна. Но именно это многими православными иерархами в штыки воспринимается.

— Конечно, ты прав, говоря о православном аскетическом образе жизни, — живо согласился Распутин. — Это надо осуждать, особенно барство. Я тут из телепередачи узнал, что Потанин за три миллиона долларов пригласил на свою вечеринку какого-то певца. Это правда?

— Не слышал. Могу узнать.

— Ни к чему. Я благодарен и ему, и тебе за помощь в строительстве нашего храма.

— Достроили?

— Да.

— У Потанина много интересных проектов по книгоизданию, поддержке провинциальных музеев, театров, университетов. По его предложению мне, кстати, доводится ездить по регионам и вручать потанинские стипен-

дии лучшим студентам. В отличие от Абрамовичей и Ходорковских, он тратит значительные средства на русскую культуру. Хотя есть и загадки, недоразумения. Недавно его заставили за бешеные деньги купить «Черный квадрат» Малевича. Позорная, конечно, сделка. Точно известно только одно, то, что совершена по рекомендации свыше... Со своим напарником, возившим девочек в Куршавель, он, как известно, расстался. Загадочная, в общем, личность.

— Что нового в Думе? — задает Распутин неожиданный вопрос, переводя разговор в иную плоскость.

Под обсуждением фильма «Остров» была поставлена точка. Вопросы, на которые я ждал ответы, были даны. Отношение к режиссеру Лунгину с того дня у меня стало настороженным, недоверчивым. Присматриваясь к его творчеству в дальнейшем, я понял и правоту Распутина, и свое противоречивое к нему отношение. Режиссер оказался конъюнктурщиком, русофобом, идейным фальсификатором истории и, к сожалению, талантливым. Почему идейным? А потому, что ведет недостойными и лживыми фактами войну против правильной идеи, подменяет настоящую идею фальшивой. Таким насквозь лживым вышел его фильм про царя Ивана Грозного.

— В Думе царит тоска, — отвечаю я писателю. — Многие депутаты не ходят на работу. Пришли к нам на днях сотрудники строительных организаций, жалуются на коррупцию, говорят, что если раньше в год строили двенадцать домов, теперь — три. Строить мешают законы. Про грабительский Лесной кодекс и говорить не приходится. Все мои выступления в защиту леса — как мертвому припарка. Не хотят возвращать управление лесами с нищих регионов на федеральный уровень. Хозяином в лесу как был не лесник, а арендатор-хищник, так и остался. Я передавал вам свой недавний доклад, где констатировал, что лес впервые в нашей стране стал убыточен. Туго идут дела с поправкой в закон об охранный зоне Байкала.

— Со скрежетом, — дополняет меня Хайрюзов. — Я вижу, когда бываю в Думе, с каким скрежетом идут хорошие поправки. Даже вокруг Байкала не могут найти компромисса...

Светлана Ивановна принесла с кухни чайник, разлила густую ароматную заварку по чашкам. Предложила попробовать мороженое. Но я скромно отказался, хотя мороженое люблю.

— А помнишь, Валентин, каким чаем с морошкой ты угощал меня на своей даче?! — глубокомысленно задается вопросом Хайрюзов.

Распутин согласно кивает, широко улыбается.

— А меня Анатолий Онегов научил заваривать травяной чай, — вспоминаю я. — В основе заварки — кипрей, потом несколько щепоток зверобоя, мяты, ромашки.

— Онегова знаю, тонкий писатель, — дает Распутин положительную характеристику моему давнему учителю, писателю-натуралисту, давно поселившемуся в моих родных борисоглебских краях, в деревне Гора Сипягина. — О природе он раньше хорошо писал.

— Он и сейчас пишет — о жизни пчел, о лекарственных растениях.

— Я тут с удовольствием перечитывал страницы из книги Солоухина «Травы», — признается Распутин.

— Это из того собрания сочинений, что я вам подарил? — спрашиваю я.

— Да-да. Шикарное собрание сочинений. Это ты сделал великое дело, что пробил Солоухинское собрание. Толя Заболоцкий говорил, что вы с ним и памятную доску Солоухину на его доме водрузили. Правда, с трудом.

— Заболоцкий подсчитал — семнадцать лет вешали эту доску. Ганичев мешал...

— Знаю-знаю, но не будем трогать Ганичева. Он своими делами пусть занимается.

— Но вы же знаете, что Заболоцкий вновь собрался уходить из Союза писателей в знак протеста против Ганичева.

— Я его отговорил. Ганичев нужен сейчас. Мы с тобой говорили на эту тему. Пока он председатель, вхож к нашему Патриарху, Дом писателей на Комсомольской у нас не отберут. А за Солоухина все же тебе огромное спасибо. Много добрых дел ты сделал.

— Да что вы, Валентин Григорьевич! — махнул рукой я. — Мне за вами не угнаться. Мои дела против ваших мало что значат.

— Ну, не говори так.

Я с гордостью стал перечислять по памяти известные мне подвижнические подвиги писателя: активное участие его в делах государственной важности — открытие музея Православной культуры и Преподобного Сергия Радонежского; направление в 1987 году письма в политбюро о передаче, вопреки указаниям Яковлева, церкви разрушенной Оптиной Пустыни; защита газеты «Сельская жизнь»; поддержка видеофильма молодого режиссера Сергея Зайцева «Погибли за Францию» об экспедиционном корпусе русских, отправленных в Первую мировую войну на спасение Франции; спасение дубов и усадьбы Толстого «Ясная Поляна»; поездка на чеченскую войну в составе агитбатальона и получение медали «За укрепление боевого содружества». А скольким русских талантливым писателям Валентин Распутин дал путевку в жизнь, поддержал и надежным словом, и напутственным предисловием! К примеру, дружеские вступительные слова были написаны к двухтомнику сибирского поэта Михаила Вишнякова, к книге литературного критика Валентина Курбатова «Подорожник», к роману Юнуса Чуяко «Сказание о железном Волке», вышедшем в Майкопе...

Владимир Скиф не дал мне продолжить перечисление тех книг, предисловие к которым написал Распутин, давая тем самым им высокий знак качества.

— Нельзя ли мне раздобыть собрание сочинений Солоухина? — попросил он, услышав о подаренных книгах.

— Пишите адрес, я вам вышлю, — пообещал я.

— Вот спасибо-то!

Хайрюзов отвлек уже самого Распутина. В Иркутске готовился сборник местных писателей о городе, составителем которого он был сам, потому пришлось просить Распутина дать ему тоже какой-нибудь материал.

— У меня ничего нет, — скромно отозвался Валентин Григорьевич.

— Дайте отрывок из только что вышедшей книги «Сибирь, Сибирь...», — наседали с уговорами Хайрюзов.

— Отбери сам, что понравится...

— Давно не общался с Валентиной Сидоренко? Что с ней происходит, не могу понять, я ей про книгу, а она давай всех критиковать...

— Груба она. Плохо себя ведет... Со мной месяц не здороваются. Но она талантлива, читаема. Правда, грубость и злость переходят и в творчество, а это надоедает.

Они продолжили разговор о книге про Иркутск. Мешать не хотелось, и я стал вспоминать, каких деятелей культуры и искусства поддержал в трудную минуту своим авторитетом Распутин, либо не давая им уйти в забвение, либо спасая их от чиновничьего произвола.

Сразу на память пришли статьи Распутина о творчестве как известных писателей и поэтов, таких, как Василий Белов, Сергей Залыгин, Семен Шуртаков, так и мало раскрытых, но не менее оттого талантливых, к примеру, Виктора Будакова или Николая Зиновьева. Повсюду Распутин отмечает в своих собратях по перу одну дорогую для него характеристику — народность, то есть следование народным отечественным традициям. О книгах Сергея Залыгина он так размышляет: «В них Залыгин не просто художник, каким полагается быть любому писателю, а художник мысли. Притом мысли народной, вникающей в коренные вопросы бытия. Его герои, мужики, много философствуют и делают это настолько умно, естественно и увлекательно, что мысль, переключаясь и подхватываясь, в сюжетном своем движении получает собственную драматургию, которой нельзя не отдаться всем сердцем. Пожалуй, никто до Залыгина не писал у нас с таким знанием дела о народной организации дела». И к Шуртакову он подходит с той же мерой ответственности: «Все книги Семена Шуртакова удивительно добры той негромкой и неяркой добротой, которой, по его убеждению, светится сердце народное».

Книги коллег Распутин не ставит на дальнюю полку, в надежде когда-нибудь прочесть, а читает сразу. Таковы и воспитание, и коренная суть дружбы. Писателю Виктору Будакову, подарившему ему свою новую книгу, он пишет: «Твоя “Честь имею...”», надеюсь, проживет во мне не месяцы, а годы и годы». Ради поддержки друзей у него находятся и время, и средства, и здоровье. Он едет в Минск поддержать поэта Владимира Некляева, на Кубань — высказать слова восхищения дирижеру казачьего хора Виктору Захарченко, в Белгород — презентовать любимый журнал «Наш современник». Он всю жизнь помнит, что сибиряк, что корни у него деревенские, и потому изо дня в день, из года в год думает, как прославить малую родину, что полезного сделать для нее — открывает Дни русской духовности и культуры «Сияние России», патронирует Всероссийский театральный фестиваль имени Александра Вампилова, помогает Общественному фонду «Возрождение Тобольска», добивается увековечивания памяти известного журналиста и издателя Геннадия Сапронова, выпустившего в свет в Иркутске массу книг и подарившего их широкому российскому читателю произведения Астафьева, Вампилова, Распутина, Курбатова и т. д.

Чувство родины для Распутина самое сокровенное и дорогое. Понимание важности возрождения народного характера, народных промыслов, народных традиций стало важной составляющей его многогранной творческой деятельности. Только такие народники-почвенники, как Распутин, отложат все дела и бросятся поддерживать и сочинять гимн народным мастерам. Мне надолго врезалась в память статья Распутина «Берестяная Русь Евгения Ушакова», опубликованная в нашей «Парламентской газете». Одно дело — полюбоваться, к примеру, историческими картинами и панно из

бересты, другое дело — оценить глубину народных традиций и праведность заповедного мира народного умельца, который рушится на глазах, но который можно спасти. Распутин выступает спасителем. Он пишет: «Издавна считалось, что тот, кто работает с деревом, — будь то плотник, столяр или мастер в народном промысле — человек добрый, мягкий, напивавшийся преображенным солнышком от материала своей работы. Это же качество, если судить по Евгению Ушакову, надо переносить и на художника, который “пишет” кусочками бересты, складывая из них “картину”. Береста сама по себе, от одного прикосновения к ней, вызывает чувство сродни ласке, точно ты прикасаешься к коже живого существа. Ушаков, проживший немалую жизнь, прошедший войну, испытавший невзгоды, улыбчив, спокоен, талантлив, ладен и внутренне, и внешне, так и кажется, что это от дружбы с нею, с берестой, с березками».

— Когда вы все успеваете? — спрашиваю я Валентина Григорьевича, закончившего беседу с Хайрюзовым.

— Разве все успеть?! — слышу уклончивый ответ. — Много чего не успеваю сделать. Раньше не пропускал концерты ни Георгия Свиридова, ни Владимира Федосеева, сейчас до Малого театра не доберусь.

— Так я и поверил. Любите вы наговаривать на себя. Только что нас с Бабуриным напрягали, чтобы мы обязали правительство достойно встретить юбилей Гоголя.

— Святое дело. Нельзя замотать подготовку к празднованию.

За окном квартиры Валентина Распутина уже вовсю гуляла свирепая зимняя ночь. С подписанными книгами писателя я, счастливый и довольный, шел бок о бок с Валерием Хайрюзовым по московским дворам и улицам к ближайшему метро.

— Скажи честно, как тебе мой фильм, понравился? — спросил он неожиданно.

— Тема человека и природы раскрыта у тебя удачно, талантливо. Можешь не переживать. И шаманы-буддисты к месту там, их чувство природы вызывает доверие. И за Байкал ты вступился вовремя. Тут Распутин прав. Я вообще иду вот, а сам под впечатлением от встречи с этим великим тружеником. Посмотри, насколько он русский во всем — и творец, и хранитель, и боец, и созидатель. Один человек, а ведь на все его хватает.

Спустя год в газете «Известия» была опубликована статья «Мы должны мыслить по-русски», подписанная Игорем Золотусским, Василием Ливановым, Валентином Распутиным и Саввой Ямщиковым. Все они были членами оргкомитета по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения Н. В. Гоголя. Для меня эта публикация стала и напоминанием об обещании Валентину Распутину. И сигналом к действию.

Прочитав статью несколько раз, я догадался, что над ее содержанием крепко поработал сам Распутин. В каждом абзаце чувствовалась его смелая, уверенная правота и наступательность. Некоторые предложения хотелось зачитать вслух тому, кому они были адресованы, — Владимиру Путину.

«В своем письме президенту (ответом на которое и стал указ о праздновании юбилея Гоголя) мы просили о помощи в устройении двух вещей: в создании музея Гоголя и восстановлении первоначального облика его захоронения. На могиле Гоголя в Свято-Даниловом монастыре на “голгофе” стоял

бронзовый крест. Когда прах Гоголя в 1931 году перенесли на Новодевичье кладбище, исчезли и крест, и “голгофа”. А в 1952 году на их месте вырос бюст Гоголя работы лауреата пяти Сталинских премий Н. Томского, укрепленный на колонне с надписью золотыми буквами: “Великому русскому художнику слова от Советского правительства”. Советского правительства давно нет, а памятник этот до сих пор стоит, попирая завещание покойного, в котором сказано: “Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном”. Завещание это может прочесть любой читатель в книге Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями”.

Гоголь был человеком искренне верующим, и над его могилой должен стоять крест. И это будет не нововведение, а восстановление исторической справедливости. В Министерстве культуры РФ также считают, что могила Гоголя должна обрести первоначальный облик. Поддержала это мнение и комиссия по сохранению культурного и духовного наследия при Общественной палате РФ (глава комиссии — митрополит Калужский и Боровской Климент). Но тут восстало Москомнаследие (руководитель — г. Шевчук). Оно твердо резюмировало: памятник Н. Томского — “объект культурного наследия”, и его нельзя сносить. Но мы ведем речь не о сносе памятника, а о его переносе в любое достойное место столицы и о выполнении воли Гоголя.

Впрочем, чиновникам в Москве и Санкт-Петербурге нет дела до этой воли. Для них закон — их своеволие и безнаказанность перед лицом на-другательства над памятью гения русской литературы. Комитет по культуре г. Москвы считает, что Гоголю достаточно двух мемориальных комнат при городской библиотеке № 2, находящейся в доме, где он жил и скончался, а Петербург, вторая древняя столица, еще более суров. Председатель комитета Санкт-Петербурга цинично отвечает: список желающих иметь музеи в городе Петра велик, и Гоголь не значится в этом списке.

Что сказать об этих оппонентах Гоголя? Поистине это “беспачпортные бродяги в человечестве”, как называл таких деятелей Белинский.

Стыдно, что никто из нынешней культурной “элиты”, самой присвоившей себе это звание, и слова не скажет о посмертной судьбе Гоголя. Ни госпожа Волчек, ни господин Табаков, ни господа Фокин, Захаров, Сокуров и Пиотровский. Ни руководители творческих союзов Ганичев, Сидоров и Михалков. Можно, не преувеличивая, сказать: за год до юбилея Гоголя юбилей провален. Будет шум вокруг его имени, будут пляски и фейерверки, но все тут же испарится, как растворяется в воздухе любой, даже громкий шум.

Не будут учреждены гоголевские стипендии для студентов гуманитарных вузов.

Не будет издана летопись жизни и творчества Гоголя.

Не будет выпущено для массового читателя полное собрание его сочинений.

Не будет музея.

Не будет возвращен первоначальный облик могиле Гоголя.

Зато варварски на наших глазах уничтожена усадьба “Абрамцево”, столь же важная в судьбе Гоголя, как Украина, Петербург, Москва и Рим. При вступлении в должность ее новый директор заявил сотрудникам, что и сам дух мракобеса Гоголя будет изжит из Абрамцева.

Стоит поблагодарить за это чиновников и ту свободу без границ, которая привела страну великой культуры к духовному обнищанию».

Только Распутину с его русским духом и русским характером было по силам бросить вызов власти, упрекнув их в духовной нищете, и вывести в письме такую трагическую концовку.

Я сразу откликнулся на эту статью. Депутатские запросы ушли и в правительство, и в Генеральную прокуратуру с требованием выполнить всю намеченную программу празднования юбилея Николая Гоголя, а в усадьбе Абрамцева навести должный порядок, рассмотрев при этом вопрос об увольнении глупого директора.

В запросе Владимиру Путину говорилось:

«Представители культурной общественности страны озабочены ситуацией, складывающейся в связи с предстоящим празднованием 200-летнего юбилея Н. В. Гоголя, особенно обращая внимание на то, что при кажущейся насыщенности мероприятий, планируемых к юбилею, без должного внимания остались одни из ключевых вопросов, связанных с увековечиванием памяти писателя. Речь идет, прежде всего, о создании музея Н. В. Гоголя, восстановлении первоначального облика его захоронения, судьбе усадьбы “Абрамцево”, где жил и творил великий русский писатель.

Чиновники различного уровня фактически “заматывают” решение этих вопросов, выдвигая надуманные причины. В частности, Москомнаследия стоит на позиции сохранения на могиле Н. В. Гоголя существующего памятника, причисляя его к объектам культурного наследия. Комитет по культуре Москвы противится созданию музея, мотивируя тем, что, дескать, в столице и так есть две мемориальные комнаты писателя при библиотеке, находящейся в доме, где он жил и умер. Усадьба “Абрамцево” вообще скоро оставит о себе только воспоминания.

Замечу, что все это происходит при том, что сами члены оргкомитета по подготовке и проведению празднования юбилея, И. Золотуский, В. Ливанов, В. Распутин, С. Ямщиков, категорически возражают против такого подхода. Однако их голос не слышен. Свою позицию они изложили в открытом письме к Вам, опубликованном в газете “Известия”, однако ситуация кардинально не изменилась. Непонятно, по какой причине столь важное событие фактически отдано на откуп чиновничеству, которое свою точку зрения считает единственно верной!?

Н. В. Гоголь был не только великим писателем, но и великим патриотом. Именно поэтому, не теряя времени, необходимо решить все delicate вопросы, связанные с празднованием, необходимо учесть при этом и позицию упомянутых выше членов оргкомитета. Поэтому прошу Вашего внимания к обозначенной проблеме с тем, чтобы она была решена».

Вместо председателя правительства Владимира Путина мне ответила заместитель министра культуры России А. А. Голутва.

«В соответствии с письмом Аппарата Правительства Российской Федерации, — пишет она. — Минкультуры рассмотрело Ваше обращение относи-

тельно подготовки к празднованию 200-летия со дня рождения Н. В. Гоголя и сообщает следующее.

Идея создания первого в России музейного комплекса, объединяющего мемориальные комнаты Н. В. Гоголя и посвященные ему экспозиционные помещения, на базе Московской центральной государственной библиотеки — мемориального центра “Дом Гоголя” инициирована правительством Москвы и поддержана учеными-гоголеведами, литературной и музейной общественностью России.

Концепция создания данного государственного учреждения культуры города Москвы рассмотрена и одобрена с учетом состоявшегося обсуждения в Минкультуры России на втором заседании оргкомитета по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения Н. В. Гоголя.

В настоящее время правительством Москвы прорабатывается вопрос о переезде библиотеки в здание № 7 по Никитскому бульвару, которое сейчас освобождают арендующие его предприятия. В здании № 7а, где Н. В. Гоголь провел последние годы и где находятся мемориальные комнаты писателя, будут воссозданы интерьеры XIX века.

По вопросу об изменении внешнего облика захоронения Н. В. Гоголя на Новодевичьем кладбище в Москве Минкультуры России поддерживает позицию Московской Патриархии: “...восстановление первоначального облика захоронения Н. В. Гоголя видится заслуживающим поддержки”.

Могила Н. В. Гоголя, включая надгробную композицию, постановлением Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 года отнесена к числу памятников истории и культуры государственного значения и в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ от 25 июня 2002 года включена в Единый государственный реестр объектов культурного наследия в качестве памятника федерального значения.

Вопросы создания музейной экспозиции в Гоголевском центре и изменения внешнего облика захоронения Н. В. Гоголя на Новодевичьем кладбище в Москве стали предметом обсуждения на межведомственном совещании в правительстве Москвы, в ходе которого была достигнута договоренность о дальнейших действиях по подготовке празднования юбилея писателя».

Подошла праздничная дата, и в Москве был открыт долгожданный музей «Дом Гоголя». На могиле писателя, на черном пьедестале, появился православный бронзовый крест.

— Знаешь, кто и что помогло нам достойно встретить 200-летие Гоголя и вернуть его месту захоронения первоначальный вид? — спросил меня при встрече Валентин Распутин.

— Решительность Ваша, и ваших единомышленников, — сказал я.

— Гоголь нам всем помог. В его завещании, которое вложено в уста главного героя замечательного произведения «Тарас Бульба», говорится, что нет ничего святее в мире, чем Родина, братство и товарищество.

Евгения ШЕСТАКОВА

ПРИТЯЖЕНИЕ

Евгения Васильевна Шестакова, вдова поэта Юрия Шестакова — родилась в 1953 г. в Ленинграде. В 1977 г. окончила Ленинградский Технологический институт им. Ленсовета, в 1985 г. — филологический факультет Ленинградского Педагогического института им. А. И. Герцена. Более 40 лет работает в школе № 260 Адмиралтейского района г. Санкт-Петербурга. Является автором многих методических разработок и статей на педагогические темы. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Летний полдень. Ни ветерка. Тишину нарушают лишь стрекотание кузнечиков да жужжание пчел и ос. Два жаворонка, сидящие неподалеку на ветке высокой сосны, о чем-то громко, но мелодично переговариваются. Высокое голубое небо без единого облачка. Такое ощущение, что оно пристально наблюдает за нами.

Мысленно разговариваю с Юрочкой, глядящим на меня со страницы раскрытой книги, изящно сделанной из черного мрамора, из которой вырастает православный крест с образом Георгия Победоносца. В его добром взгляде читаю ответы на мои порой несуразные вопросы.

Когда-то Юра беседовал «про бытие, что с Вечностью слилось...» со своим дедушкой на кладбище, в Богословке. А теперь я люблю с ним «...по душам негромко помолчать» здесь, на новом кладбище, в Даймище, в деревне Рождественского уезда Гатчинского района, что в 70 верстах от Петербурга.

Деревня эта старинная. Найденные здесь археологами курганы относятся к XI—XIII векам. Протянулась она по левому берегу реки Оредеж.

Считается, что название ее происходит либо из старославянского «дамъ, дамь», что означало «дать, позволить», либо из водского слова «tammi» — «дуб» (священное дерево у прибалтийско-финских народов). В 1704 году в числе других поселений деревня *Дамища* была пожалована Царем Петром I наследнику престола, Царевичу Алексею Петровичу. В народе существует несколько трактовок названия деревни, связанных с именем Петра I. Будто, навещая эти места, Петр воскликнул, увидев женщину, «Вот так дамища!» или, увидев постройку, «Во домище!»

Красивейшие места привлекали в свое время внимание высочайших

Памятник поэту Юрию Шестакову на кладбище в д. Даймище

особ. Медеплавильный завод, находящийся в трех километрах от Даймища, принадлежавший купцу Чикину, посещали Императоры Александр II и Александр III, Великий князь Константин Константинович Романов. Бывали в этих местах А. Майков, Ф. Шаляпин, А. Куприн. В разное время отдыхали на дачах художник Кузьма Петров-Водкин, который написал здесь свою знаменитую картину «Купание красного коня» (1912 г.); поэт Игорь Северянин, композитор Дмитрий Шостакович и другие. Эта деревня не раз становилась местом съемок нескольких художественных фильмов. Здесь Юра вместе с оператором «Леннаучфильма» А. Плахотой снимал фрагменты своего фильма «Два дома».

В старой части деревни еще остались крестьянские дома, украшенные резьбой. Местами видны булыжники мостовой, сохранившейся, как говорят, еще с петровских времен.

На противоположном берегу Оредежа, как раз напротив Даймища, находится Батово, бывшее Батовское имение Рылеевых (усадьба не сохранилась). Здесь в сентябре 1795 г. родился будущий поэт и один из организаторов декабрьского восстания 1825 года Кондратий Федорович Рылеев.

Более полувека назад моему отцу, инвалиду войны, дали в Даймище, недалеко от Рылеевского моста, в том месте, где плавно вьется река и по ее берегам возвышаются величественные ели и сосны, маленький участок земли в шесть соток. (Кстати, на противоположном берегу у того же моста лежит валун, у которого, по воспоминаниям В. Набокова, состоялась дуэль между К. Ф. Рылеевым и А. С. Пушкиным.) И так сложилось, что место это стало неотъемлемой частью нашей петербургской жизни. Здесь, в

маленьком домике, каждое лето с моими родителями отдыхали наши дети. Часто сюда приезжал Юрин отец и, пока позволяло здоровье, мама. Надо отметить, что наши родители были очень дружны. Когда проездом или просто отдохнуть приезжал Юра, многочасовые посиделки у костра, размышления о смысле жизни вовлекали в водоворот разговоров и споров наших друзей и родных. Юра всегда был душой компании.

А в минуты уединения, обычно осенью, он писал. Здесь совсем иное ощущение времени, оно будто замедляется. Он творил, сидя на скамейке напротив домика, куда часто из-под куста сирени выползал колючий ежик, а любимый кот внимательно наблюдал за своим хозяином. Осень навевала на Юру грустные мысли. Неторопливые прогулки по лесным тропинкам меж нарядных золотистых деревьев да отдых на камушке на берегу реки их скрашивали.

В жаркие летние дни он любил поплавать в Оредеже. Летом 2010-го, купаясь в реке, Юра вынырнул без нательного крестика...

ОГОНЬ КОСТРА

Нет, весь я не умру.

А. С. Пушкин

*Огонь свободен от оков древесных,
опавших обезволенно золой,
и легкий дым костра в лучах небесных
раскованно клубится над землей,
и к облакам возносится крылато,
где беспредельно может он летать...
Дай Бог, телами отгорев когда-то,
и нам совсем бескрылыми не стать.*

1998

ПРОБУЖДЕНИЕ

*Горит окно горячей синевой,
как будто просыпаюсь я весной.*

*И так внезапно на небесном фоне
кленовых листьев мертвые ладони*

*слились, как будто осень и весна,
смешение реальности и сна,*

*тождественность рождения и смерти
перед лицом бесстрастной горней тверди.*

ЛЕДЯНОЙ ОГОНЬ

*На листве осенней
при закате дня*

*заиграл румянец
смертного огня.*

*И студеным утром
лег в мою ладонь
пятипалой формы
ледяной огонь.*

*В нем прожилки — будто
линии судьбы.
Может быть, счастливым
он когда-то был.*

*А теперь напомнить
про не вечность тел
отпечаток жизни
мне в ладонь слетел.*

СВЕТОТЕНИ

*Под робким солнцем в день осенний
с холодным ветром в унисон
трепещут солнечные тени
кленовых пятипалых солнц,
струящих золотистый сумрак...
И образ мыслится безумный:
что там, за Солнцем, проявило
свой лик сверхновое светило,
творящее слепящий день
и Солнца золотую тень!
Но только безначальный Свет,
Которого превыше нет,
дает в молитвенной тиши
узреть и свет, и тень души...*

2007

* * *

*Холодно стало мне,
как никогда не бывало,
хоть разгорается осень
с пронзительной силой,
и никакая другая
вот так не пылала,
зелени жизнь
ослепительно так не слепила.*

*Лики рассветные зорь
с каждым днем все бледнее,*

*тучи бегущие
все тяжелей и суровей,
взоры вчера еще трепетных луж
стекленеют,
гроздь рябины
подобны свернувшейся крови.*

*Не потому ль эта осень,
как бред неминуций,
душу мою наполняет
печальной тревогой,
что никогда я, как ныне,
порою плакучей
ближних своих
не терял так безудержно много?..*

2009

Когда все близкие вместе — это самые счастливые времена:

*Счастливое время продлись,
покуда до вечной разлуки
родители, дети и внуки
в едином пространстве сошлись.*

*Река Оредеж, на берегу которой
находится д. Даймище*

Сейчас наши родители покоятся на одном кладбище здесь, в Даймище. Может, именно поэтому незадолго до смерти Юра попросил похоронить его рядом с ними.

Мы оказались в таком золотом треугольнике: Рылеевская усадьба в Батово; дом-музей «Станционного смотрителя» — первый в стране музей литературного героя в Выре; музей-усадьба «Рождествено», тесно связанный с именем Владимира Набокова. А в основании этого треугольника тот самый тракт, ныне Киевское шоссе, по которому тринадцать раз проезжал А. С. Пушкин, направляясь в Михайловское и останавливаясь на Вырской почтовой станции.

РОДСТВО

*Так вышло, что в судьбе моей два дома:
мой город, где в гранит одето небо,
моя деревня, где все так знакомо...*

И если там я больше года не был,
 становится и грустно и неловко.
 На родину приеду я опять,
 но не смогу в деревне Богословка
 о невских берегах не вспоминать.
 И взлетную стремительность проспектов
 невольно с широтой сравню — степною,
 где я родился,
 где могилы предков...
 Я связан кровно с курскою землею.
 Но если там, где помнит все о детстве,
 о том, еще соломой крытом крове,
 земля мне —
 мать,
 то Ленинград —
 отец мне:
 по доброте,
 по строгости,
 по крови...
 что в снег лилась,
 отхлынув от лица
 блокаду прорывавшего отца.

1984

Среди пологих лугов, полей и лесных посадок, на берегу реки Орлик расположилось село Богословка. Попадая сюда, не удивишься красоте этих мест: желтые нивы, яркие пышные вишневые и яблоневые сады... Люди, взрастившие эти сады, открытые, добрые, красивые...

Домик станционного смотрителя в деревне Выра
 Гатчинского района Ленинградской области

Музей-усадьба В. Набокова в Рождествено

КУРСКОЕ СОЛНЦЕ

*Моя степная родина!
Дорожный гул столбов,
луга за ними — в родинках
обветренных цветов.*

*Моя земля исконная,
где редок тени дар,
где, курским солнцем кованный,
был крепок мой загар.*

*Учила степь ходить меня,
и в жизни до сих пор,
к просторам тем любовь храня,
я не ищу опор.*

*Единственной и твердою,
зовущей в поля,
да будет мне опорой
российская земля!*

С теплотой храня память детства, на свою малую родину, Юра приезжал ежегодно. Сначала это были поездки на мотоцикле. В качестве «штурмана», как он шутливо говорил, побывали двоюродный брат Виктор, сын Ярослав и даже я.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Дождь прошел.
И солнце я замечу —
в тусклых тучах
заспанно возникло...
Как река,
бежит шоссе навстречу
под журчащий рокот
мотоцикла.
Или снится,
или в самом деле
бесконечно тянется
дорога...
Вот и полдень близок,
а до цели
мне еще так тягостно
и много.
Но пытаюсь вновь
приободриться,
представляя,
что вот скоро въеду
я в свою деревню —
лица, лица...
И помчусь,
как в детстве,
прямо к деду:
мимо огорода
тропкой долгой,
луга —
с недокошенной травой...
Скину шлем уставшею
рукой
и к земле,
такой щемяще-колкой,
крепко-крепко
я прижму щекой...*

с. Богословка, 1984

Позже, уже на машине, он приезжал сюда с друзьями-писателями. Ежегодные экспедиции по литературным, духовным, историческим местам России обязательно включали заезд в Богословку, где всех ожидало радушие со стороны Юриных родных и интересные встречи с односельчанами.

Село Богословка — одно из древнейших сел Губкинского района Белгородской области. Край этот имеет свою уникальную историю. В начале XVIII в. эти земли за службу получил князь Мышецкий. В слободе строится деревянная часовня во имя святого апостола евангелиста Иоанна Богослова — отсюда и название — Богословка.

*Часовня Иоанна Богослова в селе Богословка
Губкинского района Белгородской области*

В пойме реки Орлик расположен родник Иоанна Богослова, другое его название — «Серебряный источник».

* * *

*Не потому ль так просторны для зренья и слуха
наши исконные реки, леса и поля,
что для широкого вольного русского духа
не по размаху любая другая земля?*

*В реку большую соборная сходится сила —
из родников небольших, неприметных в природе, —
так и Великая наша — Большая Россия —
черпает силу из малых — у каждого — родин...*

Здесьние места являются родиной Владимира Федосеевича Раевского, поэта, публициста, участника Отечественной войны 1812 г., близкого друга А. С. Пушкина. В. Ф. Раевский вошел в историю как «первый декабрист», так как был арестован первым из членов тайных декабристских обществ, почти за четыре года до восстания на Сенатской площади. Именно А. С. Пушкин предупредил его о грозящем аресте.

В 50-е гг. XIX в. Владимир Гаврилович Раевский, двоюродный брат Владимира Федосеевича, построил на окраине села, на левом возвышенном берегу р. Орлик новый дом и заложил сад с ландшафтным парком. Здесь-то и остановился летом 1858 г. Владимир Федосеевич Раевский, прибывший в

родные места после тридцатилетней сибирской ссылки. Во время событий гражданской войны только это поместье не пострадало, так как Раевские пользовались уважением среди крестьян за доброе к ним отношение.

В 1995 г. в Богословке, в доме Раевских, был открыт Мемориально-культурный комплекс В. Ф. Раевского, где разместились музей первого декабриста, библиотека, музыкальная школа и Дом ремесел.

В сентябре 2014 г. по приглашению Губкинской администрации приехала на Шестаковские чтения и наша делегация из Петербурга: поэты Андрей Ребров, Галина Ильина, Лилия Старикова и я. Гостеприимный прием, насыщенная программа Чтений...

При въезде в Богословку стоит въездной знак в виде небольшой арки, которую венчает купол с православным крестом — словно врата в храм... Здесь нас радушно встретил глава местной администрации Глухенко Иван Николаевич.

Почитают и ценят творчество Юрия Шестакова. В память о нем в Богословке на месте, где стоял дом, в котором Юра родился, стоит памятник в виде стены дома.

А сколько уникальных мест вокруг Богословки: известный монастырский комплекс в Холках; город Губкин, жемчужина Курской магнитной аномалии, где находится крупнейший в мире и самый богатый по запасам полезных ископаемых карьер Лебединского горно-обогатительного комбината; Прохоровское поле, где в июле 1943 г. произошло самое крупное танковое сражение Великой Отечественной войны.

У ПРОХОРОВКИ

*Поутру по огненному знаку
пять машин КВ ушло в атаку.*

Сергей Орлов

*О жизни и о смерти
до утра
дождь говорил
на языке морзянки...
Работали в тумане трактора,
а чудилось —
в дыму гремели танки.
Лучом пронзило мглу,
и предо мной
сверкнул пейзаж,
как снимок негативный...
Мне жутко миг представить за броней,
которую прожег
кумулятивный!
Я думал, сталь
надежнее земли,
но в сорок третьем здесь пылало лето:
и сталь, и кровь беспомощно текли,
расплавившись,
и были схожи цветом.*

Музей В. Ф. Раевского в селе Богословка

*Наверно, мир от ярости ослеп:
чернело солнце,
мерк рассудок здравый,
когда в той схватке
с диким воем
степь
утюжили стальные динозавры.
Огромные, железные, они,
друг друга разбивая и калеча,
скрывали там,
за хрупкостью брони,
трепещущее сердце человеچه.
Земля и небо —
в звездах и крестах!
И раны кровоточат, и мозоли.
В эфире жарко,
тесно, как на поле, —
звучит «Огонь!» на разных языках,
на общечеловечьем —
крик от боли!
И где-то здесь,
среди бугров
и ям,
сквозь смотровую щель шального танка
ворвался полдень
и, как белый шрам,
остался на лице у лейтенанта...*

*Войны не зная,
понимаю я,
что в том бою должна была решиться
судьба России и судьба моя:
родиться мне на свет
иль не родиться,
и встать ли мне однажды до утра,
за Прохоровку выйти спозаранку,
где бродят тени опаленных танков,
где их родные дети — трактора —
былое поле битвы пашут мирно...*

1985

Богословка... Даймище...

Если сопоставить эти два места, нетрудно заметить сходства, которые их роднят. Река Орлик — река Оредеж; места, связанные с декабристом В. Раевским — усадьба декабриста К. Ф. Рылеева; оба места косвенно или напрямую связаны с именем А. С. Пушкина. Богословка находится рядом с богатейшим месторождением железной руды, а недалеко от Даймища в XIX веке на Медеплавильном заводе выплавляли медь из самородной руды, которая находилась на дне местных болот. Во время Великой Отечественной войны в этих местах шли кровопролитные бои, которые сыграли огромную роль в ее исходе.

ДВА ПОЛЮСА

*Южный и северный полюсы
тела магнита
не развести,
коль судьбою однажды свело...
Так и в сознание моем
неразрывно сокрыты
северный город
и южной России село.*

*Дороги мне Петербург
и моя Богословка,
реченька Орлик
и морю родная Нева...
Призрачный сумрак,
зовущийся ночью условно,
оневесомил
чугунных оград кружева.*

*Ну, а в краю,
для меня колыбельном, старинном,
сумрак ночной
удаётся садам перевозмочь:*

*У въездного знака в с. Богословка.
Слева направо: поэты А. Ребров, Г. Ильина, Л. Старикова; Е. Шестакова и
Глава богословской территориальной администрации И. Н. Глухенко, 2014 год*

*светится в лунных лучах
по холмам и долинам
вишен цветущих
душистая белая ночь.*

*Зря темнота из кустов
на цветение зарится:
сочный огонь созревает
под влажной листвой,
чтоб над землею взметнулось
вишневое зарево,
напоминая
густую зарю над Невой!*

ДВЕ СТОЛИЦЫ

*Слава Богу, так случилось,
что вошли в мою судьбу
Петербург и Богословка,
Богословка — Петербург.
Петербург — столичный город:
стольный град России всей,
Богословка же — столица
малой родины моей.*

*Знаю я, что в Богословке —
жизни всей моей исток,
в Петербурге — продолженье
всех моих путей-дорог.
Две столицы, две любви,
езжу я туда-сюда:
на родные две столицы
у меня одна судьба.*

2004

*Ничего в жизни не бывает случайно.
А нам Всевышний даровал свободу
Передвиженья, выбора пути...*

Юрий Шестаков, находясь в поле двух полюсов, следуя «за незримо Ведущим», за свой «нетленный отрезок» земной жизни оставил богатые плоды.

Будучи талантливым человеком, он десять лет возглавлял секцию поэзии Союза писателей России. Мастер Слова, он с любовью вел занятия своего детища, Литературной мастерской при Союзе писателей, которая ныне носит его имя. Вокруг него собирались творческие люди, друзья, ученики. В их душах он оставил свет своей души.

Для семьи он был, есть и будет тем духовным стержнем, на который можно опереться и нужно ориентироваться.

Село Богословка. Памятник на месте дома, где родился поэт Ю. Шестаков

*...стремимся душами своими
узреть нетленной жизни свет
сквозь брэнной жизни быстротечность,
впадающей потоком лет
в свой океан, чье имя —
Вечность...*

Соприкасаясь с произведениями Юрия Шестакова, невольно попадаешь в силовое поле его таланта. Оно способно влиять на благодарного читателя до такой степени, что у него, читателя, появляется энергия и даже порой посещает творческое вдохновение. Такое состояние проявилось у десятилетнего мальчика, юного поэта, Ивана Гуменника. После прочтения книги Юрия Шестакова «Земное притяжение», он написал стихотворение.

Иван Гуменник

ЗЕРКАЛЬНЫЙ МИР

*Мир состоит из множества зеркал.
Кораблик-месяц с высоты спустился,
Одевшись в полыхающий металл,
И к горизонту неба устремился.*

*Как будто отраженья в зеркалах,
Все множатся отсылки и повторы.
И облака в пурпурных небесах —
Как пенных волн заснеженные горы.*

*Законов нержавеющей каркас!
Они стройны, надежны, неуклонны.
К Земле я притянусь в который раз,
И камень в озере в который раз утонет.*

*И каждое негромкое добро,
На зеркалах Вселенной отражаясь,
Двоясь, дробясь, стократно повторяясь,
Нам будет много раз возвращено.*

Стихи Юрия Шестакова останутся в истории русской поэзии и всей русской литературы. Поэт, находясь в постоянном поиске истины, обретает бессмертие в Слове:

*...ищу в душе своей тот вечный компас,
что верный путь укажет мне к добру...
Найду его — вовеки не умру!*

Виктор ПОТАНИН

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ

*Из новой повести
«НА СЕМИ ХОЛМАХ»*

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, Литературный институт им. М. Горького; работал в областной газете Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

Эти страницы попали ко мне совершенно случайно, и я их не ждал. Но умные люди говорят, что все случайности в нашей жизни давно предопределены, но кто это делает — они не знают, не ведают. И я тоже не знаю, хотя и догадываюсь. Да и как не догадаться, когда постоянно слышишь: на то, мол, была Божья воля, так Господь повелел. Вот и мне, наверное, Господь повелел — внимательно прочитать эту рукопись и по возможности что-то исправить, добавить. Конечно, все исправления я делал бережно, аккуратно, ведь эти странички написал Семен Петрович Стародумов — мой школьный учитель. Добавлю только, что это был мой самый любимый учитель.

И вот моя работа закончена, но я не выпускаю ее из рук, точно боюсь потерять. И на душе — беспокойно, тревожно, как будто в руках у меня — завещание очень дорогого для меня человека, и что делать с ним, пока не решил. Но потом проходит минута, другая, и я приказываю себе — надо успокоиться, надо, надо. И мои мысли уводят меня к началу...

А началось все это месяца три назад, в очень холодный, дождливый вечер. Тогда в ограду моего деревенского домика зашла Анна Михайловна Стародумова — наш бывший директор школы. Она зашла как-то робко, смиренно и спросила тихим, упавшим голосом:

— Можно к вам?.. Я ненадолго. — И это уточнение почему-то обидело, и я промолчал. А, впрочем, чего обижаться, ведь давно знаю — какие скромные, деликатные люди наши учителя, и я стал думать об этом и продолжал молчать. Но она мое молчание истолковала по-своему и заговорила опять:

— А вы не пугайтесь незваных гостей. Ведь это Сенечка, наш дорогой Семен Петрович, меня к вам направил. Правда, сам он уже на том берегу, а я вот, грешная, задержалась...

И тут я ее перебил:

— А можно пояснее? А то я не пойму... — Спросил я торопливым и нервным голосом. До сих пор не могу простить себе этот тон. Ведь она даже вздрогнула от моих слов и головой покачала. А потом, видно, взяла себя в руки и решительно поднялась на крыльцо. И вот она уже в моей комнате, и я смотрю, как она снимает с плеча рюкзачок, а потом достает оттуда аккуратную картонную папочку, обклеенную прозрачной и липкой бумагой. Все это, конечно, для прочности, для сохранности, и я уже — весь внимание. И потому тороплю:

— Ну что у вас?

А она опять покачала головой:

— Наберитесь терпения, я все нынче делаю медленно, мне ведь через годик уже — семьдесят семь. Две семерки, говорят, сильно нехорошо. Но ничего, — переморщимся. Да и Сенечка всегда утешал — это, мол, пред-рассудки, пустое... Ой, простите меня, отвлекаюсь. Как говорится, заехала не в ту колею... — И она еще что-то мне сообщает, а сама в это время раз-вязывает у папки тесемочки, а там — целая кипа тетрадок. И она бережно раскладывает тетрадки по моему столу и как-то истово, облегченно взды-хает:

— Ну вот, теперь все. Правда, почерк у Сенечки очень мелкий, убори-стый, но, надеюсь, поймете.

— А что надо понять? — Быстро спрашиваю ее, и снова в голосе у меня нетерпение. И она это чувствует:

— А вы не волнуйтесь, не нагружайте себя. Это я должна переживать и ночей не спать. Что я делаю, признаюсь, ведь Сенечку-то мне никогда не забыть. Да что уж — сами, поди, понимаете. А мы на днях и сороковины отвели, всей школой помянули своего дорогого учителя. И вот я к вам со-бралась, и сердечко мое стучит, шлет приказы, и я в какой-то растерян-ности, да, да. Ведь как вы к этому отнесетесь?

— К тетрадкам вашим? А что там?

— Ох, какие мы нынче стали деловые, сердитые. Но все же выслу-шайте старуху, не перебивайте, а то обижусь... — Она замолчала, поджала губы. А глаза... Ох, эти глаза! Они прямо смотрят в упор, изучают. И я не сдержался:

— Не говорите загадками! Мы же люди — свои или как?!

— Свои-то свои, но я же вам принесла работу. Ведь Сенечка пожелал, чтоб эти тетради вы со всей строгостью прочитали и что-то лишнее убрали, почистили. Одним словом, улучшили. Вы же всю жизнь служили в газетах, так что со словом на «ты»...

И тут я ее перебил:

— Лучше бы к слову обращаться на «вы», так что...

Но договорить она мне не дала и стала переубеждать:

— Не скромничайте, не надо. Я же про вас много знаю. Да и Сенечка говорил, что у вас в классе были лучшие сочинения...

— Неужели лучшие? — Я рассмеялся. — Правда, с той поры прошло уже тысячу лет. Но Семена Петровича я никогда не забуду. Это был наш

любимый учитель литературы... — И не успел я договорить, как она вся встrepенулась, даже встала со стула:

— Вот и ладненько, замечательно, значит, я к родне своей зашла, не ошиблась. Ведь эти тетрадки писались долго-долго — не один год. Начнете читать и сразу поймете — здесь вся наша Сосновка, вся, вся, как на блюдечке. А сколько судеб, характеров! И я хочу, чтобы вы их полюбили и протянули руку...

— Хорошо, хорошо... Но только успокойтесь и не волнуйтесь. Я отложу все срочные дела и займусь вашими тетрадками. Может, в них притаилась будущая книга. И мы ее выпустим и посвятим памяти нашего дорогого Семена Петровича...

И тут она меня прервала и положила свою ладонь на мою:

— Как вы хорошо сказали — выпустим книгу! Но только у меня есть вопрос. Сенечка назвал свою работу — «На семи холмах». Как это вам — одобряете?

— Но при чем здесь холмы?

— О, Господи! Вы, наверно, забыли, что наша Сосновка стоит на семи холмах. Каждый школьник это знает, а вы... — Она обиженно поджала губы и замолчала. И я снова стал ее успокаивать:

— Простите мою забывчивость. Постараюсь исправиться... — Я улыбнулся, и лицо ее посветлело, и она заговорила уже совсем тихо, спокойно:

— Правда, у Сенечки было и другое название. Всего из одного слова, да, да — всего из одного, но это же сиротливо? Да и название грустное — «Последние». Ну как?

— Пока не знаю, подумаю...

— Ладно, подумайте. Да и не буду вас торопить. А мы с Сенечкой говорили об этом ровно за неделю до его кончины. Тогда же родилось и поручение — отнести эти тетрадки вам... — Она замолчала, и тут же меня напугал какой-то новый и необычный звук — то ли дверь стукнула, то ли форточку распахнул сквозняк. Но нет-нет, я ошибся, — это заплакала моя гостья, и оттого эти звуки. И я опять попросил:

— Прошу вас — все-таки успокойтесь.

Она затихла, а потом тихо-тихо сказала:

— А у меня к вам еще вопрос.

И я почему-то вздрогнул:

— Какой вопрос?

— Об этом нельзя в двух словах. Ведь нынче же за все платят, и это, наверное, справедливо. А вы будете работать над текстом, а значит — тратить себя. За это, конечно, положены денежки. Но я боюсь об этом даже заикаться, ведь вы же учились у Семена Петровича и вдруг обидитесь на мои слова, так что...

И тут я ее перебил:

— Так что забудем про деньги. А за рукопись не волнуйтесь, — она в надежных руках. И я завтра же открою эти тетрадки. Договорились?

— Конечно, спасибо великое. Я даже не ожидала... — Она улыбнулась. И улыбка была такая родная, хорошая. А потом моя гостья еще что-то сказала, но я не расслышал. Хотел ее переспросить, но она уже вышла в ограду. Так и закончился тот холодный дождливый вечер. А потом побежали дни один за другим, и я как будто сроднился с теми тетрадками. И вот

работа закончена, но Анна Михайловна еще об этом не знает, и на душе у меня почему-то тревожно и ходят тучки, но отчего, почему? А впрочем, зачем эти вопросы, ведь я знаю на них ответы — просто за эти месяцы я действительно сроднился с этими страницами и стал жить их жизнью. А иногда даже кажется, что все это мы написали вдвоем — я и Семен Петрович. Да, да — это правда. Ведь Сосновка — это и моя деревня, и все люди в рукописи — мои земляки, а то и родня. Правда, родня — очень серьезное, очень чуткое слово. И в наших деревнях — через дом роднятся. Но если уж назвал кого-то родней, то надо рассказывать об этом очень точно, исповедально. Но, конечно, эти тетрадки — не дневник и не стенограммы, и потому я изменил все имена и фамилии, к тому же этого хотел и Семен Петрович. И все же не стану сердиться на тех, кто эти страницы назовет дневником, — ну и пусть, не буду разубеждать. Хотя дневник — это прежде всего факты, события, а здесь много всяких разговоров, воспоминаний и даже фантазий. Убежден, — Семен Петрович был большой мечтатель, может даже, в душе — настоящий поэт. И такое видим даже в названиях. К примеру, самая первая глава называется — «На семи холмах». Чем не название для поэмы! Правда, сама глава начинается очень просто, без всяких эмоций. Но эта простота сразу завораживает и проникает в душу. Вот и сейчас я открыл тетрадку и не могу оторваться. И мне уже кажется, что со мной начал разговор очень близкий, очень родной человек. И какие простые слова: «Наша Сосновка стоит на семи холмах. Так моя бабушка Катерина говаривала, и такое я слышал еще в детстве. Правда, я никогда в это особо не верил, да и глаза не видели эти холмы, но только надо ли доверять глазам. Может, и были когда-то эти холмы, но за многие годы все вокруг изравнялось, превратилось в заливные луга. И теперь только возле Тобола, рядом с обрывистым берегом, можно различить какие-то возвышения, но и то, если хорошо приглядеться. Наверное, это последыши и осколки от тех давних холмов, наверное, так. Ведь все вокруг нынче так быстро меняется, куда-то исчезает, проваливается, а то и засыхает прямо у нас на глазах. Иногда мне кажется, что и наша Сосновка тоже доживает последние годы. И придет такой день, когда на месте деревни окажется только голая степь, пустота. И такой день уже близок, и я чувствую — нет нам спасения. Но все равно губы шепчут: «Господи, милосердный Господи, спаси нас, помоги. И если не будет твоей помощи, то все мы станем последними на нашей родной земле...» И еще мне хочется что-то сказать, но в голову лезут самые тяжелые, черные мысли. Целый день они меня мучили и пытали, а к ночи сделалось еще хуже. Я не мог заснуть, попытался даже читать своего любимого Бунина, но и он не принес успокоения. И тогда, в середине ночи, я вышел на крыльцо, — может, хоть здесь спасение. И я прав оказался, — спасение наконец-то пришло. И это была метель. Она началась как-то внезапно, точно вырвалась из чьих-то объятий. Над головой у меня что-то грохало и скрипело, — это ветер терзал мою железную крышу. Я хорошо знал эти звуки. После них всегда начинается снежная метель или ливень. Но сейчас на улице март и потому летит снег, и куда ни взглянешь — везде белая мгла. А я все еще стою на крыльце и дышу уже полной грудью. Это и есть мое спасенье — покой. Даже не хочется заходить в дом, но начинаю мерзнуть, — я ведь в одной рубашке. Так что не надо гусарить. И вот я уже в комнате, и здесь все повторяется, — мне опять грустно,

тоскливо. Но что поделаешь, — в деревне за мной часто ходит тоска. И все мысли в одном направлении — мне постоянно кажется, что все лучшее в жизни уже за спиной и все уже прошло, миновало, а впереди только мрак, пустота. И нервы постоянно натянуты, и ты вздрагиваешь от любого шороха, звука. И такое, наверное, у многих. Ведь в деревне слышней звук осенних дождей, слышней и топот одинокой лошади за окном, слышней и плач ребенка, отставшего где-то от матери. Особенно тяжело зимой. Выйдешь на улицу, а там — пустота, безлюдье, и вот уже это одиночество становится нестерпимым и тебе хочется, прямо до боли хочется услышать чей-то живой голос или увидеть чьи-то глаза, но все тщетно, напрасно, — все люди, наверно, куда-то уехали и уже никогда, никогда сюда не вернуться. И тебе так тоскливо, хоть рви на себе рубашку. Вот и сейчас со мной творится что-то похожее, и я думаю — как же мне жить дальше, как не сойти с ума? Как же, как?!.. О, Господи, прости меня за эти вопросы, ведь уныние — это грех, и грех неохватный. Но я обещаю тебе, Отец наш, — быть другим, совсем измениться. Я по-настоящему обещаю, к тому же так хочется быть сильным, удачливым, уверенным в жизни. Я сейчас думаю об этом, а сам вспоминаю, что в молодости я мечтал написать историю нашей Сосновки. И написать бы так, чтобы мне поверили, оценили, ведь на моих страничках жили бы, горевали и радовались самые дорогие люди — мои земляки. Шли годы, мелькали недели и месяцы, а эта мечта так и жила во мне, не увядала. Вот и сейчас мне хочется написать о самом простом и скромном человечке — молодой учительнице Наташе Степановой. Мне даже имя ее нравилось и притягивало какой-то необъяснимой силой. И я часто его произносил про себя: “Ах, Наташа, Наташа! Сколько света в этом слове”. Ведь так же звали и мою первую учительницу в родной Сосновке. Ее, Натальи Максимовны, конечно, уже нет на земле. Но это, конечно же, неправда, пустые слова. Вот и сейчас я пишу о ней, вспоминаю и рассказываю о ней, как о живой. Да и как же иначе, ведь для меня она — вечно живая. Я даже слышу ее голос, ее частое и нетерпеливое покашливание, но особенно часто вижу ее глаза, в которых столько тепла. И это тепло притягивало многих, в том числе и меня. Вот и сейчас мне вспомнилась одна из наших последних встреч. Это случилось весной, на календаре уже значилось — конец мая. И все уже цвело, зеленело, но особенно буйствовала черемуха и наши пойменные луга. Взглянешь на это — и сразу почувствуешь: есть же, есть все-таки Бог. Иначе кто бы придумал эту земную, великую красоту. И в такие минуты хочется думать и мечтать о чем-то добром, хорошем, но особенно хочется поговорить с очень близким, родным человеком. И такой друг был у меня — моя дорогая учительница Наталья Максимовна. Вот к ней я тогда и направился, а сейчас вспоминаю...

Дом ее стоял в школьном саду. И еще издали, за сто метров от дома, я слышал густой запах цветения. Так и есть: в саду вовсю цвели яблони, вишни, ранние цветы каких-то южных сортов. Белое, неоглядное море цветов. А навстречу мне уже спешила хозяйка:

— Ну подойди же, Сеня, поближе, не бойся. Я хоть на тебя посмотрю, хоть твою рубашку потрогаю. — Она громко заплакала, потом сказала как бы про себя, осторожно, но я все равно понял каждое слово: — Вот бы мне такого сына! Вся бы жизнь пошла по-другому. — И потом еще тише добавила: — Но теперь уже поздно об этом...

Да, с семьей у нее ничего не вышло. Мужа взяла война, а детей не осталось. Потому и сидело всю жизнь в ней одно желание, одна цель, одна страсть — эх, был бы сынок! И мне ее было жаль и сейчас тоже жаль: состарилась, сжалась в комочек, как веточка без воды. И руки подрагивают, и глаза отцвели, видно, тяжело жить на пенсии, тяжело... И в этот миг она меня прервала, как будто мои мысли услышала, как будто кто-то ей подсказал:

— А я в прошлом году опять в школу вернулась. Дали полставки, а мне и за глаза. Мне бы и это не нужно — лишь бы в школе, лишь бы с ребятами...

— Значит, опять на круги своя?

Она улыбнулась:

— Как видишь — опять...

Этих вопросов было много, и у меня не закрывался рот. Моя рубашка взмокла от пота — в комнате стояла густая липкая духота. А потом мы пили чай, и я опять отвечал на ее вопросы. На улице начался уже сильный жар, и мы пошли искать прохладу в саду. Наталья Максимовна чувствовала себя здесь хозяйкой: она осторожно подправляла сучья у яблонь, сокрушалась, что прокалилась земля. И я не утерпел и спросил:

— Вы здесь за главного садовника?

— Ох, не хвали. Да и в школе нет ни главного садовника, ни второстепенного. Когда-то, помнишь, у нас трудились две юннатские бригады, и ребята многое знали, умели. Даже помидоры сдавали в сельпо и на те деньги оборудовали спортзал. Теперь все заглохло. И у моих коллег только одно на уме — побольше заработать, урвать... Ну, ладно, извини старуху. Расквакалась, старая жаба... Но я, знаешь, люблю здесь возиться. Это как будто и мой сад, а ты, вижу, не веришь?

— Ну почему же?... — забормотал я в ответ, а глаза мои уже зацепились за елочку. Она казалась странной и непривычной среди своих соседей — яблонь, смородины, густых зарослей домашней малины. Она походила на рассерженного ежика — такие же колючие вздыбленные иголки, такая же непокорность судьбе. И моя спутница, перехватив мой внимательный взгляд, сокрушенно вздохнула.

— Полить бы надо Наташу. Руки никак не доходят.

— Елку зовут Наташей?

— Правильно. Догадался. Но это не я, восьмиклашки прозвали. У них была учительница Наташа Степанова. Она елочку и принесла, посадила. Как-то на школьный субботник привезли много саженцев — всякую малину, смородину. А Наташа где-то выкопала чудесную елочку и посадила... Ее и называли так — Ната, Наташа. В честь той, которая посадила. Только через год молодой педагог уехала — и сразу елочку срубили под корень. Вот так, милый мой. Ребята обиделись, и кто-то схватил топорик... Подростки бывают очень жестокими.

— Но как же? Она ведь растет! — И я показал глазами на елочку.

— О-о! Это уж я сама новую посадила. Да и верю, что вернется обратно к нам Наташа Степанова. Сейчас ведь из города побежали люди. Назад к природе, к детству, к тоске своей...

— Почему к тоске?

— Да я так. Оговорилась немножко... Впрочем, если о Наташе, то она — именно от тоски убежала. Так что пройдет тоска, пройдет молодость, — она и вернется. А эта елочка будет ждать ее и дождется. Я лично верю...

— А где теперь-то ваша беглянка?

— А тебе интересно?.. Ну если интересно — садись тогда рядом на лавочку и слушай старуху. — И она стала рассказывать мне, а я ее рассказ передаю своими словами.

— Наташа жила в большом городе...

Но, наверное, наш город Курган не такой уж и большой, и небоскребов в нем нет, и метро построят только в другом столетье. Но я пользуюсь сейчас обозначениями Натальи Максимовны. Она так и начала свой рассказ, что родилась Наташа в большом городе и была единственной дочкой у любимых родителей.

После школы поступила в педагогический, потому что мечтала поехать в деревню. Да, в деревню! И такое случается. Живут люди в городе, а все мысли — в деревне. И кажется, что там другой свет, другой воздух и другая вода, и везде степь и просторы, самые чудесные добрые люди. Вначале все так и было. Наташа приехала к нам в конце весны, в самую благодать, когда кругом все цвело, зеленело, когда ночью не смолкали соловьи над Тоболом. Поселилась она у Натальи Максимовны, потому что она давно ждала какого-нибудь постояльца — одной-то жить тяжело и можно оглохнуть.

Поселилась Наташа, и для хозяйки начался праздник. Кончилось ее одиночество, отступили и мрачные думы. Каждый вечер они занимались теперь бесконечными чаепитиями — и начались длинные семейные разговоры, признания. Господи, как хорошо, как все по-родному... И смотрела хозяйка на свою квартирантку, и душа ее замирала от радости: какая, мол, Наташа видная, большеглазая, какие брови высокие, соболиные, а щеки чистые, как у ребенка. И все это принадлежит теперь ей одной, Наталье Максимовне. По крайней мере так она думала, убеждала себя.

Появилась у них и музыка. Наташа привезла с собой мандолину и часто пела под нее романсы с красивыми чувствами. “Я встретил вас, и все былое...” — выводил ее голос, немного глуховатый, надтреснутый, и эта трещинка-то особенно выделялась при пении. И хозяйка часто не выдерживала — плакала, и в голове сразу поднимались молодость, и погибший муж, и горькие военные годы, и еще что-то, такое же горькое и тяжелое. Но все равно верилось, что жизнь еще не закончилась, что еще сбудутся многие ожидания.

А в сентябре начались парные дожди. С утра льет, а в полдень солнышко, и такое теплое, яркое, как будто стоит разгар лета, а не сентябрь. И от этих дождей пошли белые грибы и маслята, а следом вылезли тугие рыжики и грузди. И сразу же в доме запахло лесом: Наташа солила, мариновала. Ее спрашивали, где она научилась этой премудрости. Она только смеялась, отшучивалась — на свете, мол, не без добрых людей...

И в школе тоже ее полюбили. Дали литературу в восьмых и девятых, и девчонки-ученицы бегали за ней как за любимой подружкой: вместе ходили в кино и на танцы и даже пели песни под ее мандолину. Именно в эти дни и появилась в школьном саду пушистая елочка, которую называли Наташей.

А потом наступила зима. И сразу пришла тоска. К тому же Наталья Максимовна заболела. До утра в доме — свет и кругом запах лекарства,

едких горьких пилюль. Теперь утром приходится рано вставать, чтобы приготовить завтрак, вскипятить самовар, теперь и мытье и стирка — всё на Наташе, а ведь прежде она даже на мать не стирала, а теперь выпало — на чужих... И какая тоска! В кровати — больная, изнуренная годами старуха, а за окном — снег, снег, куда ни оглянешься — тот же снег. Госпо-оди! Какая тоска! И никакой личной жизни, совсем никакой. А ведь еще недавно казалось, что она встретит здесь самого любимого, дорогого, того, который снился часто ночами, но тот парень не встречался. Только колхозный агроном Савельев бросал на нее прямые и откровенные взгляды, а вечерами, в клубе, за полчаса до сеанса, играл на пианино что-то, как плач лесной птицы. Он играл как бы для всех, желая, чтобы люди отвлеклись на музыку и скоротали до кино время, но Наташа-то знала, что играет он только для нее, для нее одной, — и это тоже злило, пугало. А в голове уже билось — да как же он смеет! — такой тяжелый, нескладный, такой толстый молчун... Однажды она прошла совсем близко возле этого пианино и увидела, очень близко увидела, как надувались и опускались агрономовы щеки, как по-бычьему налилась его шея, а пальцы рук напоминали сардельки. А потом Савельев поднял глаза, и она увидела, какие белые, пороссячи у него ресницы. О Боже, спаси меня от него, ведь он желает со мной познакомиться, а может, и провести весело вечерок...

А потом у мандолины лопнула какая-то главная струна — и нет запасных. Да и играть-то теперь зачем, ведь хозяйка все еще не вставала с постели, наверно, надолго привязалась болезнь. Но только начнет Наташа ее успокаивать и утешать, так сразу та вскинет глаза и скажет очень тихо, но все же решительно:

— Ты, Наточка, меня не жалеи. Мне уже никто не поможет. Видно, старость пришла.

И в школе тоже что-то случилось: ей перестали верить коллеги — не влюбились за что-то. Может, за то, что Наташа предложила как-то всю месячную зарплату перечислить в Фонд мира. Ее спросили: какая причина? Она ответила, что во многих странах идут войны и столкновения, потому везде много бездомных сирот. Коллеги переглянулись, и кто-то сказал чуть слышно, вполголоса: “Ох и выскочка... Сумасшедшая”. И все это относилось к ней, к ней одной. И с тех пор в коллективе стали воспринимать ее не серьезно. И... пришло безразличие. Оно плавало, переливалось в бесконечных снегах за окном, в длинных и бестолковых разговорах в учительской, оно стояло где-то внутри, под самым горлом стояло — тугим круглым комком. И протолкнуть его вниз нельзя, и столкнуть с дороги нельзя. И только во сне, когда застывала воля-сознание, приходила надежда. Она и заставляла ее прислушиваться ко всем голосам и звукам, заставляла вглядываться в лица всех встречаемых — не окажется ли там отгадка — как жить, как надеяться... А иногда тоска становилась совсем невыносимой, от нее прямо раскалывалась голова. И тогда Наташа надевала пимы и теплую шубу, подвязывалась потуже пуховой шалью и уходила куда-нибудь в степь, чтобы только подальше, чтобы только не видеть никого и не слышать. И там, в степи, посреди снежного океана, в этом бесконечном белом пространстве, она часто плакала — но о чем, почему? Наверно, эти слезы были все-таки не от горя, а просто от молодости, от неутоленной силы, но все равно они приносили облегчение. А потом в ее девятих по литературе стало сразу двое

отстающих, и опять в этом обвинили только ее и даже просили изменить эти оценки — натянуть как-нибудь, проявить милосердие... Но Наташа оценок не изменила. Директор школы стал поглядывать на нее сурово и покачивать головой, и в этом покачивании она прочитала намек — нужно срочно подавать заявление. И она подала — директор сделал удивленное лицо:

— Нас же не поймут в районе — в конце года, перед экзаменами, и уходит словесник... Нет, не могу. А впрочем, давайте так: поработайте до июня, и я вам все подпишу, честное слово. — И, немного подумав, снова добавил: — Даже с удовольствием подпишу, не беспокойтесь.

Последние его слова, конечно же, перебор. И после них она выбежала за дверь и зарыдала. К ней подошла преподаватель истории Нина Акимовна. Она подошла совсем близко и крепко сдавила плечо:

— Не везет, гадство, хорошим людям... — И сразу поморщилась — наверно, самой не понравилось это слово «гадство». И после этого, немного подумав, сказала уже очень убежденно, серьезно: — Хорошему человеку никогда не везет. И не нужно ему приезжать ни в какие деревни. Тут народ озлобленный, особенно в последние годы.

— Но почему?

— А потому, детка, что тут у нас колхозная жизнь. А если по совести, то и не жизнь совсем, а нищета и канава. И оттого кусаем друг друга, что не знаем хода из этой канавы...

Наташа заплакала еще сильнее, а Нина Акимовна стояла рядом, и в глазах у нее — тупая печаль....

А вечером Наташа пила чай с хозяйкой. Той стало лучше, помогла какая-то лечебная травка, а может быть, само здоровье вернулось. Так ведь бывает, в жизни всякое бывает. Об этом же и заговорила хозяйка:

— А ты бери пример с меня. Я вот помирать хотела, а поднялась. И опять чаек дую, сахарком хрумкаю. Так что не горюй, Наташа, и не скучай, а запомни пословицу: все проходит, и это пройдет... Одно худо — нет у меня продолжения. И детей не случилось, да и в школе мы с Ниной Акимовной, выходит, — сиротки последние. И учим, значит, не так и в голове — не то. Да что уж — не будем плакать, рыдать. Это ведь большой грех. Да и жизнь все равно рассудит по-своему и заровняет все кочки, и все на свете пройдет. Ты не согласна?

— Да, пройдет... — повторила за ней Наташа.

И потом за весь вечер — ни слова.

Но что горевать — вот уже и оседают сугробы, вот уже и побежала вешняя снеговая вода, и в школе тоже началась суматоха. Прошел один отчетный педсовет, за ним вскоре — другой, и на обоих ругали Наташу. Но она уже не отчаивалась и не плакала. У нее даже нашлась и защитница. После последнего педсовета, к примеру, к ней подошла все та же Нина Акимовна и повторила опять свои же слова:

— Не везет, гадство, хорошим людям. А ты не унывай — держи хвост морковкой.

Наташа в ответ засмеялась, а смех резкий и обижающий. Нина Акимовна даже отпрянула:

— Ну, милая, я к тебе с добром, а ты нос от меня...

И на это Наташа обиделась:

— Вы продавщицей не работали, Нина Акимовна?

— Что такое? Не поняла?..

— Лексикон-то ваш — ой-ой-ой.

— Ну, вот, выходит, не угодила. А я ведь старуха уже, а на старых губу не дуют. А вообще-то, милая, если не нравится, то поезжай.

— А куда? — усмехнулась Наташа.

— Свет велик. И везде хорошо, а у нас, видно, плохо.

“Свет велик, свет велик...” — наверно, сто раз повторила эти слова Наташа, прежде чем дойти до ограды, прежде чем успокоить сердце, прийти в себя. А дома обо всем рассказала хозяйке. Та слушала ее молча, а потом наклонилась к ней близко-близко и поцеловала незаметно в висок:

— Ах, Наташа, что мне делать? Так, что ли, в песне поется? Значит, уедешь скоро... Знаю, чувствую, что уедешь. И напрасно я радовалась, и напрасно ночами молилась за тебя, за себя. Мне никогда не везет. Только показалось солнышко — и уже закатилось.

Так и вышло: Наташа уехала. Сбылись предчувствия ее хозяйки, сбылись... А уезжала она в самом начале июня, когда цвела сосна в канун Троицы, когда в школьном саду все зеленело, благоухало, когда пришли длинные соловьиные ночи, когда девчонки-девятиклассницы не ложились спать до утра... Ее никто не провожал, кроме хозяйки. Да и та пришла к самому отправлению автобуса, минута в минуту. И вот загудел мотор, обдал Наталью Максимовну бензиновой гарью, — и за стеклом какое-то мгновение еще дрожало, переливалось лицо Наташи, а потом и эти блики исчезли. И все исчезло... И сделалось старой так горько, невыносимо, что она чуть не упала на дорогу. Но каким-то усилием воли удержала себя, а то бы конец ей, если б упала...

Но упала не она, а другая. Ровно через день после отъезда молоденькой учительницы кто-то пробрался в сад и срубил елочку, которую звали Наташей. Об этом сразу узнала вся школа, да и разве скроешь такое. Много дней шло дознание, расспросы. И больше других старалась Наталья Максимовна: выведывала у всех школьных хулиганишек, поинтересовалась даже у школьной сторожихи тети Веры, но никто ничего не знал и не видел. А потом прошла неделя, другая, и вот уж месяц прошел, а потом случились в школе уже другие события и другие дела. И только Наталья Максимовна ничего не забыла, и когда наступила снова весна, она посадила новую елочку. Еще лучше прежней, еще пушистей...

— Зачем тебе это? — Напустилась на нее подруга Нина Акимовна. — Она хоть пишет тебе?

— Не пишет почему-то, не пишет.

— Да ты хоть знаешь, куда она драпанула?

— В Курган, наверно, к родителям. А вообще-то, не знаю.

— Вот именно, голубушка, что не знаешь, а лезешь. А чего хлопотать об ней — свет велик, — подытожила свои слова Нина Акимовна, а потом тихонько добавила: — Жаль мне тебя, дорогая. Как сестра ты мне, а что толку. Не везет в нашей деревне хорошим людям...

И мне тоже тогда стало жаль Наталью Максимовну. Я выслушал этот скорбный рассказ о Наташе и начал вздыхать, утешать мою дорогую учительницу:

— Не печальтесь, не надо. Некоторые люди просто не ценят добра и живут для себя. И особенно — молодые.

— Зря ты. Зачем кого-то винить? Это мы, учителя, больше всех виноваты. Ведь на каждом уроке поем на все голоса, убеждаем, что жизнь — это праздник, великая радость. А потом человек вышел из школы, оглянулся по сторонам — где она, радость? Нет ее, совсем нет, а кругом только горе, страдание.

— Вы мрачно настроены, Наталья Максимовна.

— Может, и мрачно. Но ведь про Бога тоже забыли. Все мы атеисты с ружьем... — Она грустно улыбнулась и, минуту помолчав, опять продолжала: — А если Бога не видим — значит, надо искать его, надо строить в душе. А мы только ищем праздники, разные там КВН...

— Вы о молодых опять?

— Да ладно уж... — Она устало махнула рукой, а потом стала уводить меня на другие темы, на другие воспоминания, — и вдруг у нее сверкнули глаза: — Но все же она вернется. Я верю, я чувствую. По крайней мере, хоть на могилку мою придет.

— Но вы уж про то не узнаете.

— Узнаю, непременно узнаю. — И она взглянула на меня так ясно, так обжигающе, что я зажмурился. Какая вера, какая надежда в этих глазах. Да и разве можно так верить людям, так любить их и так надеяться. На это способны только учителя.

— Но почему она даже не напишет? Да и где она сейчас — свет велик... — повторил я полюбившиеся слова.

— Придет день — и напишет. А потом и сама придет. Обязательно придет... — Она опять взглянула на меня своим детским обжигающим взглядом, и глаза ее блеснули, переливались, как у маленького человечка, который думает еще, что земля плоская, как пол в его детской комнате, что все люди на свете очень милые и хорошие, что все, абсолютно все на свете сбывается — самое светлое, самое дорогое, желанное, — просто нужно очень-очень желать. Нет, я не могу больше вынести! Какие они все-таки чистые, какие наивные, эти сельские учителя. Инопланетяне какие-то, честное слово. А ведь они коллеги мои, мои братья и сестры.

— А вы в НЛО верите, Наталья Максимовна?

Она не ответила, то ли не поняла вопроса, то ли не одобрила шутку, да мало ли что. Но все равно образовалось молчание, и я понял, что пора уходить... Я в последний раз посмотрел на елочку. Она стояла чистая, ослепительно пушистая в свете летнего дня.

“Прощай, Наташа, прощай. И расти высокая и красивая, радуй людей”, — сказала моя душа. А вслух получилось совсем другое:

— До свидания, Наталья Максимовна. Я скоро опять вас навещу.

...Но я не сдержал свое слово, я зря обещал. Да и заели разные дела. Сколько раз соберусь — то какой-нибудь телефонный звонок отвлечет или семейные поручения. И опять казню себя и говорю — навещу, мол, ее на следующей неделе. Но опять что-то срывается, что-то выходит не так. И вот уже пришло это время, когда не нужно мне волноваться и беспокоиться, ведь Натальи Максимовны уже нет на земле... Но, простите меня, я, наверно, не прав, конечно, не прав, потому что этих волнений совсем не убавилось, потому что порой так защемит сердце, так заболит оно, — и сразу встанет в глазах моя дорогая учительница и ее слова зазвучат в ушах: “По крайней мере, хоть на могилку мою придет...” Это сказала она о Наташе

Степановой, но сейчас мне кажется, что это сказано обо мне. И сразу станет тяжело, одиноко, так тяжело, хоть плачь. Ведь и моя жизнь на исходе, да и старость уже никто не отменит. А потом... Да, да, а потом посмотришь в окно, а там твоя родная улица, твои родные дома, переулочки... Посмотришь внимательно — и осудишь себя, усмехнешься — а что, собственно, ты загрустил, запечалился, ведь жизнь твоя еще продолжается и много-много еще дней впереди. А самое главное — жива еще твоя Сосновка, твоя милая Родина и так хочется, чтобы жизнь ее никогда не кончалась. А может быть, так и будет, ведь стоит она на семи холмах и это, наверное, на века. А впрочем, кто-то сейчас усмехнется — какой, мол, наивный этот Семен Петрович, рассказывает нам какие-то были, и сам в них верит. Да, верю, очень верю, потому что я такой же сельский учитель, как и Наталья Максимовна. И все наши учителя — такие чистые и наивные, даже наивней детей, потому что у них такая душа. А где душа — там и свет, там и солнышко. А оно светит вечно».

ВЫШЛА КНИГА

Скоробогачева Е. А.

Русский Север — сокровище Руси. Живопись, архитектура, декоративно-прикладное искусство. Монография. СПб.: Петрополис, 2020. — 300 с.

Рецензенты: Г. В. Скотникова, доктор культурологии, Е. П. Яковлева, доктор искусствоведения.

Русский Север рассматривается автором монографии как хронологическое, географическое и, прежде всего, уникальное художественное пространство, сокровищница старины, со времен Древней Руси хранящая нашу исконную самобытность. Ключевой раздел книги посвящен иконописи и декоративно-прикладному искусству старообрядцев Русского Севера, ставшего корневой системой русского национального искусства. Показана глубинная сила обращения к истокам, роль художественной преемственности, одухотворившей отечественное изобразительное искусство второй половины XIX в., рубежа XIX–XX вв. (творчество И. Я. Билибина, А. А. Борисова, В. М. и Ал. М. Васнецовых, К. А. Коровина, М. В. Нестерова, Н. К. Рериха, В. А. Серова и многих других), определившей вершинные достижения современной живописной культуры. Специальное внимание уделено творчеству Ильи Сергеевича Глазунова, выдающегося художника России, щедро служившего ей своим даром.

ПОЭЗИЯ

Николай НАЛИВАЙКО

«ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ, КАК ПОСЛАНЬЕ, Я ДОЛЖЕН ВНУКАМ ПЕРЕДАТЬ»

Николай Петрович Наливайко — родился в Киеве, поэт, член СП России. Окончил ЛИИЖТ, мастер спорта. Автор девяти книг стихов, составитель сборников, стихотворения печатались во многих петербургских альманахах и журналах. **Живет в Санкт-Петербурге.**

УЛИЦА ЗОДЧЕГО РОССИ

Помню, в детстве «Волшебную улицу»
Я впервые увидел в кино.
Здесь над нею и небо не хмурится...
Вдоль Фонтанки —

античный канон:

Двадцать два — двадцать два —
двести двадцать...

Эта магия чисел ясна
Петербуржцам,
былым ленинградцам —
Высота, ширина и длина...
Золотое сечение Росси!
Городской заповедный уют.
Новый Питер безмерно разросся,
Но хариты *здесь* тайно живут...

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ КАРИЛЬОН

Над Петербургом грянул полдень!
Дымок окутал бастион. —
Былой задор на что-то годен,
А я вдруг слышу карильон...

Из лучезарной колокольни,
Где ангел шпиль облюбовал...
Зазвон небесный с эхом дольным! —
Не звон — малиновый хорал.

Мне слышен шелест песнопений
Низколетящих облаков,
Плывут озвученные тени
Из глубины немых веков.

Я полагал — мне мало цвета...
В чем ожидание мое?
На то — всю жизнь ищу ответа,
А неумолчный карильон,

Очистив слух от пыльных шумов,
Одушевил и вдохновил...
Меня как будто бы задумав
Возвысить в вере и любви...

* * *

Как слово «Родина» смущает
«Демократический» Инет!
Глобализация съедает,
И для нее Отчизны нет...

Но дух родной непоглощаем,
Пока душою горд народ,
И называют русским краем
Страну, в которой он живет...

Издревле в «Плаче Ярославны»?
В повествованиях псковитян?..
А может, миром Православным
Высокий образ изваян?

Так где она — душа России?
Наверно, в Пушкине, Толстом...
А может, в плачущей стихии
Навзрыд — березовым дождем...

Родной мелодии звучанье —
О волжских зорьках пела мать...
Любовь к Отчизне, как посланье,
Я должен внукам передать...

* * *

На что так похож Елисеевский дом?
Жена говорит — на флакончик с духами,
А дочка — на торт, как-никак гастроном,
По мне — на волшебный фонарь... вечерами.
И вправду, под крышей мерцает фойе —
Там движутся тени загадочных мимов...
Я в сквере напротив стою в забытье —
Припомнился вдруг легендарный Акимов
И тот театральный былой Ленинград,
Премьерный восторг и букеты фиалок.
Хоть Питер сценический тоже не жалок,
И девушки любят вечерний наряд,
Да жаль, не осталось былых театралок...

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

В Москве и в странах самых дальних
Вчера прошел Бессмертный полк,
Как крестный ход. Исповедальный...
Тот звон победный не умолк!

И что сейчас объединило
Всех нас и тех, кто вне страны?
Какая праведная сила
В сердцах трепещет с той войны?

Кто так задумал?! Может, вместе
Мы захотели вспомнить тех,
В ком стойкость стала делом чести?
Война — за Родину — не грех!

Портреты воинов носили
По свету...
Через небеса
Смотрели в сторону России
Герои — с гордостью в глазах.

* * *

Подоблачный дуб — вдохновенье природы,
Растущее въяве, с живыми корнями —
Он стоек, высок и ветвист.
Ветра признают, осеняют восходы
Его геральдический лист.
Стоять бы таким же простым восклицаньем...
Проникнуть и мне бы в объятия неба,
Дышать бирюзовой весной.
Взойти у дороги, расти ожиданьем,
Землей утоляясь родной...

НОЯБРЬ

Недужный ноябрь и сутул, и простужен.
Он статью не вышел — не то, что октябрь,
Он милости просит в предчувствии стужи,
И солнца тяжел для него канделябр.

А я — словно ждал этой осени поздней.
Тиха оголенная стройность деревьев.
Молчание жизни — куда уж серьезней...
Пожух, отлетел позолоченный блеф.

Ноябрь — не фигура, ноябрь — настроенье,
Моя отрешенность от прожитых лет...
Усталой природы умиротворенье...
Меня пригревает молитвенный свет.

НЕИЗБЫВНОЕ

Памяти Есенина

Не знаю, что меня задело?
Стоит рябинка под окном,
Да как-то робко зазлела
В канун свиданья с октябрём...

И вновь припомнился Есенин,
Хоть верь — ни верь —
                                всю ночь листал!
Ты говоришь — несовременен?
Строка наивна и проста?..

Ворчишь, что слишком все знакомо
И что тебе он нынче мал...
В стихах зачитанного тома
Я «неизбывное» вбирал...

Ничто не тленно, не напрасно —
К утру в разбуженном дворе
Пылал «костер рябины красной»...
Меня — он все-таки согрел...

* * *

Моей душой Земля согрета,
А мысль летит быстрее света.
Есть во Вселенной кто похожий?
Шедевр я маленький, но Божий!
Тогда же в чем я не уверен,
Коль угодить Ему намерен?
На удивленье всем Вселенным
Кажусь себе несовершенным...

Наталья ПЕТРОВА

ДУША ОБОРОНЫ

Наталья Георгиевна Петрова — историк и писатель. Окончила исторический факультет МГПИ им. В. И. Ленина. Преподавала в школах Москвы и педагогическом университете. Основная сфера интересов — отечественная история. Автор биографий Скопина-Шуйского и Нахимова в серии «ЖЗЛ», обе книги стали лауреатами конкурса изданий «Просвещение через книгу», награждена медалью «Элита образования». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Двадцать пятого января 1855 года в Севастополе был праздник — отмечали 120 дней с начала осады города. Армии четырех государств, два из которых — Британия и Франция — самые могущественные в мире, имевшие колонии во всех уголках земного шара, уже четыре месяца топтались на небольшом клочке земли под названием Севастополь и не могли взять его. Не помогали ни штуцерные ружья, ни винтовые корабли, ни железные дороги. Это можно и нужно было праздновать. В Михайловской церкви отслужили благодарственный молебен и в приподнятом расположении духа вернулись на позиции.

Нахимов, однако, предостерегал защитников города от шапкозакидательских настроений и одновременно пытался убедить командование действовать более решительно. Но командующий сухопутными и морскими силами в Крыму князь А. С. Меншиков вел себя так, будто его в Севастополе и не было; и начальник севастопольского гарнизона барон Д. Е. Остен-Сакен тоже редко давал о себе знать, и добровольное отстранение от дел двух первых лиц города лишь добавляло проблем. А ситуация и без того была непростой: по-прежнему сохранялась опасность захвата рейда и города, остро не хватало боеприпасов.

Нахимов рискнул написать Меншикову письмо, предложив по-новому расставить батареи: «...мы будем иметь возможность в случае необходимости действовать с высот и тем облегчать наши усилия на пунктах, наиболее угрожаемых неприятелем». Это письмо — яркое свидетельство его напряженных отношений с главнокомандующим, однако необходимость экстренных мер перевешивала все обиды, потому он считал необхо-

димым добавить, что причина появления письма — «только искреннее желание быть полезным в деле». Нахимов по-прежнему мог только предлагать — полномочий распоряжаться в городе и в порту он не имел.

Первого февраля Меншиков, наконец, подписал приказ о назначении Нахимова помощником начальника севастопольского гарнизона, а уже спустя два дня тот послал ему новую записку, где представил анализ ситуации в Севастополе. «Первый период бомбардирования кончается, средства наши наполовину уже истощились», положение флота показывает «наше настоящее ничтожество на Черном море»: без винтовых кораблей, с одними парусными «не можем быть страшны на море, по крайней мере, в продолжение нескольких лет». Остается сам Севастополь — «враги наши знают цену этому пункту и употребят все усилия, чтобы завладеть им».

Нахимов видел две опасности для города: первая, — если войска неприятеля прорвут оборону и вторая, — если неприятельские корабли займут рейд. В первое Нахимов не верил — и четыре месяца обороны тому доказательство, второе было очень даже возможно. На кораблях оставалась половина команд — остальные защищали бастионы и батареи; часть пушек тоже отправилась на бастионы; на иных кораблях вообще не было вооружения. Если же неприятель прорвется на рейд, можно потерять и город, и флот, «а без Севастополя нельзя иметь флота на Черном море». Он предложил затопить оставшиеся корабли, чтобы не дать возможности захватить город с моря. Нахимов, помня данное ему Меншиковым прозвище «боцман», не преминул заметить: «Может быть, ваша светлость найдете в этом изложении односторонний взгляд моряка, но, тем не менее, я уверен, что Вы отдадите справедливость прямодушию, с которым оно писано».

Предложение обсудили на военном совете, и 6 февраля командирам кораблей были отданы приказания о подготовке их к затоплению. Швартовались они носом к Северной стороне, работы производились «быстро и тайно». В ночь на 13 февраля между Николаевской и Михайловскими батареями были затоплены «Двенадцать апостолов», «Святослав» и «Ростислав», вместе с ними пошли ко дну фрегаты «Кагул» и «Месемврия», 16 февраля — фрегат «Мидия».

Теперь можно было перенести все внимание на укрепление холма, называемого севастопольцами Кривая пятка. Эта пятка хоть и была кривой, однако положение имела самое выгодное: тот, кто занимал высоту между Малаховым курганом и Килен-балкой, имел возможность вести обстрел практически всей Корабельной стороны. Французы называли холм лирично — Mamelonvert (Зеленая гора) или просто Mamelon (Сосок), потому что формой он напоминал женскую грудь. Чтобы завладеть холмом, обе стороны приложили немало сил, англичане даже заключали пари, кто раньше возьмет Mamelon — русские или французы.

Нахимов распорядился поставить напротив Килен-балки три парохода — «Владимир», «Херсонес» и «Громоносец», чтобы они артиллерийским огнем поддерживали позиции. Через Килен-бухту навели мост, по которому батальоны Селенгинского и Волынского полков перешли на Корабельную сторону. Замыкающие еще шли по мосту, а авангард уже стучал кирками и лопатами по каменистой севастопольской земле, насыпая редуты в 400 саженьях от французских позиций. Удивившись такой «наглости», французы 12 февраля атаковали недостроенный редут; но огонь пушек Малахова курга-

на и пароходов не позволил его захватить. Вновь построенный редут назвали по имени полка Селенгинским, через неделю рядом с ним появился еще один именной — Волынский. Теперь Кривую пятку было захватить непросто.

Восемнадцатого февраля из города уехал главнокомандующий Меншиков, как было объявлено — «на лечение». Но Николай I уже подписал Указ о его отставке. Временно исполнять его обязанности остался барон Остен-Сакен, он-то и назначил Нахимова командиром порта, помощником начальника гарнизона и временным военным губернатором Севастополя. Однако моряки давно считали Нахимова истинным руководителем — как они говорили, «душой обороны». Новые должности мало что изменили в жизни Нахимова: он так же с раннего утра объезжал верхом батареи и редуты, наведывался в госпитали и на рейд, потом обедал, отдыхал, во второй половине дня совершал еще один объезд, а если было беспокойно, то и третий. Только теперь у него были полномочия.

Его первый приказ в новой должности предписывал беречь людей: «...я считаю своим долгом напомнить всем начальникам священную обязанность, на них лежащую... озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без дела, но даже прислугу у орудий и число людей для неразлучных с боем работ было ограничено... Заботливый офицер... всегда отыщет средство сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности». Касалось это не только нижних чинов, но и офицеров: «...жизнь каждого из них принадлежит отечеству и... не удалство, а только истинная храбрость приносят пользу ему...»

Этим же приказом от 2 марта Нахимов запретил вести частую пальбу и тратить зря порох и снаряды, нехватка которых ощущалась все явственнее: «никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдать офицера», допустившего пустую трату боеприпасов. Но беспорядочная пальба продолжалась, и через два Нахимов вновь издал приказ беречь порох и снаряды, стрелять лишь во время неприятельских атак.

В те дни армейские офицеры и гражданские чиновники удивлялись четкости, ясности, логичности и быстроте хозяйственных распоряжений Нахимова, явно свидетельствовавших о его административном таланте. Не удивлялись лишь моряки. Заботясь о команде своего корабля, затем об эскадре, Нахимов приобрел немалый опыт; теперь его «эскадрой» был весь город, о снабжении, питании, лечении и обмундировании которого он и заботился. Единственное, чего он боялся — бумаг и отчетности, говорил, посмеиваясь, что после войны его, верно, предадут суду за всякого рода превышения власти.

В те дни он был серьезен и даже угрюм. Артиллерист А. И. Ершов вспоминал: «Речь была отрывиста, но вместе с тем ясна... иногда одного меткого слова его достаточно было для уразумения самого сложного обстоятельства... Адмирал был выше среднего роста, но держался немного сутуловато. Сложенный плотно, лицом румяный, он казался совершенно здоровым». Суровость его и отказ высказывать свое суждение о чем-либо, кроме морского дела, ставили в тупик и отталкивали многих армейских офицеров, даже умных и проницательных. Но при личном коротком знакомстве он открывался, бывал мил, весел, остроумен, чрезвычайно заботлив и внимателен. Особенно ярко эти качества проявились в заботе о больных и раненых.

Больше, чем штуцерные пули и ядра, ряды защитников Севастополя выкашивали тиф, дизентерия и цинга. На этих трех неприятелей работали гнилая вода, разлагающиеся трупы лошадей, недостаток хинных порошков и скудная еда. В первые дни обороны остро не хватало лекарей, не были заготовлены в достаточном количестве перевязочные материалы, врачебный инструмент, койки. Впервые это ощутили после сражения на Альме.

Князь Барятинский вспоминал, как в день затопления кораблей Корнилов направил его во флотские казармы на Южной стороне, куда привезли раненых солдат. Едва он вместе с фельдшерами и медиками, собранными со всех кораблей, вошел в казармы, в нос ударило такое зловоние, что заслезились глаза, закружилась голова, и стало невозможно дышать. Представшая перед ними картина заставила содрогнуться даже выдавших виды флотских лекарей: на голом полу лежали несколько сотен раненых, которым никто не оказывал помощь, — у двух армейских медиков давно закончились перевязочные средства. У некоторых несчастных раны не только загноились, но и покрылись червями; между живыми лежали покойники, уже разлагающиеся. «Несмотря на эти ужасные страдания, было слышно мало криков, только стоны. Лица у многих просияли при виде помощи, им посланной... Раненые крестились и благодарили». Князь приказал немедленно отделить мертвых от живых, вызвал священника для отпевания и отдал приказ хоронить покойников на ближайшем кладбище.

Позже для захоронения выберут кладбище на Северной стороне, и унтер-офицера, перевозившего покойников на лодке, с горьким юмором назовут Хароном¹. В некоторые дни лодки не могли вместить тела, и тогда их грузили на баркасы.

Одну из таких погрузок наблюдал на Графской пристани протоиерей Петропавловского собора А. Г. Лебединцев. Свою матушку с малолетними детьми он отправил в Николаев, а сам провел всю осаду в городе, пока в августе 1855 г. снаряд не разрушил храм. По распоряжению архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия Лебединцев вел дневник и отправлял отчеты в Симферополь. Наверное, трудно было удивить болью и смертью священника, который 11 месяцев осады изо дня в день исповедовал и причащал раненых и увечных, отпевал умерших. Но увидев, как грузили тела на баркас — ряд за рядом, головами к бортам, ноги к ногам, — не выдержал даже он: «Третьего ряда я не дождался, не могши смотреть на невиданное... Были здесь и наши, в серых шинелях, их немного, большею частию это были французы — одни в синих мундирах и панталонах (народ рослый), другие в синих мундирах и красных панталонах (народ помельче, это, говорят, стрелки или штуцерные)».

Вернувшись из казармна адмиральский корабль, Барятинский застал Нахимова в каюте Корнилова. Оба адмирала, услышав рассказ флаг-офицера, с трудом могли поверить, что раненые солдаты могут быть в полном смысле слова брошенными. «Адмирал Нахимов, известный своею доброю душою и любовью к своим подчиненным и питавший всегда беспредельное уважение к высоким качествам и христианскому терпению наших нижних

---

¹ Харон — в греческой мифологии перевозчик душ умерших через реку Стикс в царство мертвых. Было принято в рот покойнику класть мелкую монету (обол) для уплаты Харону.

чинов (он часто говорил про них: «Это святые-с!»), пришел в большое волнение и вдруг, как будто вспомнив о чем-то, с радостью бросился на меня и сказал:

— Поезжайте сейчас в казармы 41-го экипажа, скажите, что я приказал выдать сейчас же все тюфяки, имеющиеся там налицо, и которые я велел сшить для своих матросов; их должно быть 800 или более. Тащите их все в казармы к армейским раненым».

Матросы привезли тюфяки в казармы, положили на них раненых, и те «радовались и даже шутили». Поистине безгранично терпение русского человека, можно только повторить вслед за Нахимовым: «Это святые!».

Потери, и не только боевые, несли все армии, воевавшие в Крыму, смерть не разбирает, кто перед ней — «цивилизованные» или «варвары». Дождь со снегом, ветер с дождем, соленая питьевая вода, отсутствие дров для ее кипячения, — все это сильно прореживало ряды не только обороняющих Севастополь, но и осаждавших его. С сентября 1854 г. по сентябрь 1855-го английская армия потеряла в боях 239 офицера и 3323 солдат, небоевые потери за то же время — 61 офицер и 15 669 солдат. В первые месяцы осады из каждой сотни «томми» умирали 39 человек. Но англичане на своих больных и раненых не экономили, и уже к концу войны эти показатели сильно уменьшились: умирал один из семидесяти человек, тогда как во французской армии каждый день умирали 100 человек и еще 200 — во время транспортировки в Константинополь. Когда французский врач спросил английского командира парохода, сколько на нем поместится раненых и больных, тот ответил: «Англичан 700 человек, а французов — 1500».

В Южной русской армии ежедневно заболевали 15 человек из тысячи, больше было раненых и убитых во время обстрелов.

В ноябре 1854 г. в Крым отправился с командой медиков профессор Петербургской медико-санитарной академии Николай Иванович Пирогов. Дорога, по которой они ехали в Севастополь, была, по определению профессора, пригодна разве что для «гимнастики брюшных внутренностей». Из Симферополя в Севастополь — это всего 60 верст — ехали по жидкой грязи две недели! По той же дороге везли в Симферополь раненых: «В вязкой грязи, толкаясь по рытвинам, спускаясь с гор и поднимаясь на горы, тянулись ряды телег и арб, нагруженных сеном, сухарями и ранеными; по 2 и по 4 человека на телегу скучены были раненые защитники Севастополя». Выживших на этой жуткой дороге привозили во временный госпиталь в Симферополе, рассчитанный на 300 коек. Пирогов нашел там 360 раненых, которые были свалены, «как собаки», в центре палат лежали покойники. Профессор в сердцах написал: «...горькая нужда, славянская беспечность, медицинское невежество и татарская нечисть соединились вместе в баснословных размерах».

Точно такую же картину увидела сестра милосердия мисс Флоренс Найтингейл в английском лагере под Балаклавой: раненые лежали на голой земле, в мокрых палатках, без всякой помощи, вместе тифозные, холерные, с гнойными ранами и после ампутаций. Прибывшие вместе с ней сиделки и сестры милосердия делали все возможное в тех условиях: налаживали работу госпиталей, кормили и поили, дежурили по ночам. Сама Флоренс получила прозвище «дама с лампой», поскольку по ночам обходила палаты с больными и ранеными.

Н. И. Пирогов был человеком дела, резким, порой грубым и отзывы о современниках оставлял далекие не комплиментарные. Но чтобы сдвинуть с места неповоротливое колесо медицинской администрации, нужен был именно такой характер. Первым, с кем он встретился в Севастополе, был главнокомандующий Меншиков. «Мумия» и «скупердяй» — самые мягкие прозвища, которыми его наградил хирург. Меншиков после Инкермана не вникал в дела, все адресовал Нахимову. С ним и встречался Пирогов, ему и высказывал свои предложения и требования по устройству госпиталей.

После приезда Пирогова госпитали разместили во всех пригодных для этого местах, даже в Екатерининском дворце рядом с Графской пристанью и Дворянском собрании.

В научно-практической деятельности Н. И. Пироговым многое было совершено впервые: от создания целых отраслей науки (топографической анатомии и военно-полевой хирургии) и первой операции под ректальным наркозом (1847) до первой гипсовой повязки в полевых условиях (1854) и идеи о костной пластике (1854). В Севастополе он впервые осуществил на практике сортировку раненых.

У входа в Дворянское собрание стояли ряды носилок, при тусклом свете фонарей, под крики и стоны врачи проводили первичный осмотр и давали распоряжения: «на стол», «на перевязку», «в дом Гущина» или «Инженерный». Первую группу составляли безнадежные больные и смертельно раненые — они поручались заботам сестер милосердия и священника. Ко второй категории относились тяжелораненые, которым требовались срочные операции, — они проводились прямо на перевязочном пункте в доме Дворянского собрания, иногда оперировали одновременно на трех столах, по 80-100 больных в сутки. В танцевальной зале Дворянского собрания, где еще недавно гремела музыка и пары лихо неслись в мазурке по натертому до блеска паркету, теперь проводили ампутации, и паркет покрывался коркой засохшей крови; там, где раньше стучали бильярдные шары, теперь разместили корпию¹ и бинты, вместо шуток и смеха были слышны лишь команды хирургов и стоны раненых. В третью группу определялись те, чьи ранения были средней тяжести, — их можно было оперировать на следующий день. Четвертую группу составляли легкораненые, которые после оказания помощи отправлялись обратно в часть.

Называя войну «травматической эпидемией», Н. И. Пирогов был убежден, что «не медицина, а администрация играет главную роль в деле помощи раненым и больным на театре войны».

С профессором Пироговым приехали лучшие молодые хирурги, главный перевязочный пункт на Южной стороне возглавил профессор Киевского университета Х. Я. Гюббенет. Не всегда врачи и сестры милосердия выходили победителями в борьбе со смертью, но сколько жизней было спасено благодаря их труду!

Нахимов каждый день приходил в госпитали. Его адъютант рассказывал, как одному матросу во время посещения Нахимова отнимали ногу.

— Ваше превосходительство! — проговорил он.

— Чего тебе нужно? — спрашивает адмирал.

---

¹ Корпия — нащипанные из тряпок льняные нитки, которые употреблялись прежде вместо ваты.

— А ведь это они нам за Синоп отплачивают?
— Правда, за Синоп.
— Ну, уж и задал же я им Синоп! — ответил матрос, сжимая кулак.
Другой, весь обожженный, кричал Нахимову:
— Ваше превосходительство, вы меня не узнали?
— Да тебя трудно, братец, узнать! У тебя все лицо сорвано.
— Я форс-марсовый с «Двенадцати апостолов». Явите милость, позвольте опять на батарею!
— Да как же тебе идти в таком виде?
— Нет, уж позвольте! А не то в халате уйду!
Нахимов уважил его просьбу, bravому матросу сделали маску на лицо, и он отправился на позицию.

Надо заметить, матросы редко соглашались уходить в госпиталь, просили оказать им помощь и оставить на позициях. Если вспомнить описания госпиталей в начале осады, их можно понять, но за время обороны, благодаря усилиям Пирогова и Нахимова, многое изменилось в лучшую сторону.

Записная книжка Нахимова полна заметок, связанных с госпиталями, и рядом с каждой записью значок «=», означавший «сделано». Попросили медики лодку — появилась запись: «Шлюпку в распоряжение сестры милосердия», пожаловались на плохое качество воды — «Колодцы очистить и осмотреть, как в южной, так и в городской»; не хватало лекарств — «Пирогову или Гюббенету освидетельствовать или проверить аптеки»; понадобилась кипяченая вода — «Чайники для раненых».

По весне появились чесотка и цинга, а в книжке Нахимова — новые записи: «Сказать Васильчикову, чтобы осматривали, когда есть чесоточные и цинготные — нет медика на отделении», и новые приказы: «Об устройстве бань для личного состава», «О снабжении личного состава сушеной зеленью», «О запрещении пользоваться нелуженой посудой»; объявление выговора офицеру за выдачу его команде всего по одной рубашке. Нахимов знал по опыту морской службы: лучшие средства для борьбы с чесоткой и цингой — опрятность, чистота и хорошее питание.

«Нахимов теперь сидит также дома, в городе, нездоров, но здесь все, и именно морские, говорят о нем, как он того заслуживает, — с уважением», — писал Пирогов жене. До начала января 1855 г. Нахимов жил на корабле, потом простудился и переехал в город. Когда заболел сам Пирогов, Нахимов прислал ему из библиотеки «много разных книг». Виделись они часто, обсуждали новости из Петербурга, смеялись, читая письмо общего друга В. Даля, который подобрал для севастопольцев знатную русскую поговорку: «Наши кишки тонкия, да долги, хоть жилимся, да тянемся».

Особой заботой Нахимова была помощь раненым. Доктор Гюббенет вспоминал, как в госпиталях ему случалось видеть у раненых офицеров лакомства, иногда труднодоступные в осажденном городе. На расспросы доктора ответ всегда был один: «Прислал Нахимов!» Когда весной 1855 г. Тотлебен был ранен штуцерной пулей в бедро, Нахимов отправил ему подушки и варенье, каждый день справлялся о его самочувствии и присылал прекрасные крымские левкои. Своего раненого адъютанта Шкота он приказал перевезти на Северную сторону и передал на личное попечение Пирогова. Раненого командира батареи лейтенанта Ф. Титова Нахимов взял к себе домой и сам ухаживал за ним, так что его квартира тоже превратилась

в лазарет. «...при тяжком бремени должностных занятий, под самым градом бомб, герой наш находил время повиноваться благородным побуждениям своего нежного сердца!» — не устал повторять Гюббенет.

Помогал Нахимов и семьям раненых и убитых, для чего вместе с Г. И. Бутаковым создал комитет, в который поступали пожертвования. Практически все свое жалованье — 2208 рублей серебром в год — он, по свидетельству адъютантов, раздавал нуждающимся.

«Сегодня, — писал Великому князю Константину Николаевичу из Севастополя чиновник особых поручений Б. П. Мансуров, — я присутствовал [при том], как к вице-адмиралу Нахимову по его приказанию приводили жену матроса... Войцеха Сойки, молоденькую и, кажется, беременную женщину, которой бомба оторвала правую ногу; она благополучно выздоровела и уже ходит на костылях». Нахимов приказал перевести ее мужа в Николаев, «собрал им до 80 руб[лей]] сер[ебром] и сам напутствовал их наставлением и благословением в дорогу. Отрадно было видеть выражение глаз Войцеха Сойки и жены его, когда они прощались с Павлом Степановичем, оба они совершенно покойны насчет своей участи».

Нахимов, как и Пирогов, считал, что ежедневно обстреливаемый город — не лучшее место для госпиталей, поэтому предлагал оставить в Севастополе лишь перевязочные пункты, а госпитали переводить по возможности в Николаев — Севастополь был в осаде, но не в блокаде. Туда же он пытался эвакуировать и женщин, особенно по весне, когда сильные обстрелы возобновились.

Как случилось, что женщины и дети остались в городе? — Кто-то из жительниц Севастополя не мог уехать из-за болезни детей, кто-то был на сносях, а кому-то и ехать было некуда. К тому же никто не был готов к печальному итогу сражения на Альме и стремительному отступлению армии в сентябре. Флаг-офицер Корнилова князь Барятинский вспоминал, как в день первой бомбардировки в центре города, на Екатерининской улице, услышал женские голоса — это были жены адмиралов Новосильского и Панфилова. Дамы остановили князя, чтобы спросить совета: как им следует поступить, если начнется штурм города, — спрятаться в подвале дома или остаться наверху? Князь затруднился с ответом и поскакал выполнять срочное поручение Корнилова.

Если жены адмиралов оставались в городе, что уж говорить о женах матросов? Тех называли не иначе как «матроски удалые». Разлучаться с мужьями и сыновьями они отказывались наотрез, и никакие приказы на них не действовали. Нахимов отдавал распоряжения об их эвакуации в марте 1855 г., потом в мае, потом махнул на них рукой и... приказал поставить жен моряков на довольствие; отныне им давали паек и выплачивали 15 копеек серебром на семейство. Для сравнения — один день содержания рядового обходился казне в 18 копеек.

Одной из первых, кто пришел на помощь раненым, была знаменитая Дарья Михайлова. В отличие от богатой английской аристократки Ф. Найтингейл, она была бедной сиротой. Чтобы купить лошадь и телегу, девушка продала все свое имущество, погрузила на телегу бочку с водой, нарезала чистых тряпок и поехала к раненым. После приезда Пирогова Дарья Севастопольская работала в госпитале, по окончании войны была награждена медалью и получила деньги на приданое.

Как написал в донесении в Петербург чиновник Мансуров, «по непонятному упрямству и странной беспечности здешние жены отказываются оставлять своих мужей и пепелища своих домов и так привыкли к бомбам и ракетам, что не помышляют об опасности». Вряд ли можно привыкнуть к обстрелам. Но для матросов и солдат много значили приготовленные дома горячие обеды, постиранные рубахи, да и просто вид родного лица.

Не только женщины, но и дети привыкали к войне, игры у них были особые, севастопольские — в «бондировку». Одни мальчишки зарывались в грядки — это были французы; другие сидели в кустах, изображая союзный флот; третьи располагались у забора — это севастопольцы. Девочки тащили «раненых» на перевязочный пункт, где обвязывали тряпками и удерживали тех, кто сопротивлялся: «Ранен ты, Егорка, ранен!»

Случалось, метание камней друг в друга сопровождалось такими воплями, что разгневанные матери и квартальный надзиратель силой растаскивали нападавших, а потом секли ревущих «Рагланов» и «Канроберов». Остряки добавляли, что «Меншиков» при этом кричал: «А меня за что? Я ничего не делал в Севастополе!»

Подростки, оставшиеся за старших, зарабатывали на войне. Был приказ собирать и приносить пули (их отливали из свинца), платили по четыре рубля за пуд, — так в иной день приносили до 120 пудов!

На один из пунктов, где их сдавали, каждый день приходил мальчик лет двенадцати с мешочком пуль.

— Где же ты их собираешь? — спросил его офицер.

— На Театральной, ваше благородие.

Эта площадь, простреливаемая неприятельскими штуцерами, была самым опасным местом в городе, ее называли «долиной смерти» и старались обходить стороной. Выяснилось, что отца мальчика убили на бастионе, мать лежит больная, он среди братьев и сестер самый старший, ни денег, ни хлеба в доме нет, вот он и нашел способ кормить семью.

— Как думаете, четыре фунта будет? — спросил он офицера, взвешивая мешочек на ладони.

— Даже больше, — ответил офицер, забирая мешочек. — Вот тебе деньги, беги в лавку за хлебом и неси домой.

Конечно, оставались в городе и женщины, о которых священники говорили, что «их сам дьявол задержал», а офицеры именовали «всех цветов камелиями» или «травятатами». В записной книжке Нахимова есть и такая запись: «Девку выслать по этапу в деревню».

Но были и те, кто приезжал в Севастополь, оставляя в столицах комфорт, благополучие и покой, как сестры милосердия Крестовоздвиженской общины. Их Меншиков тоже встретил неласково, спрашивал Пирогова, похихикивая, не придется ли теперь в госпиталях открывать отделение для сифилисных больных. С их приездом появились не болезни — смертельные исходы, но не среди защитников Севастополя, а среди богатеющих на поставках в армию чиновников и откупщиков, «бесстыдников», как назвал их в одноименном рассказе Н. С. Лесков. Так, в госпитале Херсона, куда эвакуировали раненых из Севастополя, не хватало лекарств и перевязочных материалов. Сестры начали проверку, довели дело до суда, и аптекарь, не дожидаясь его решения, застрелился. Попробовали они больничный куриный суп; по бумагам выходило, что в него положили 90 кур на

360 человек, как у самой хлебосольной хозяйки — курица на четверых. Но вкус у супа был такой, будто куры туда и не залетали, — только крупа и вода. Тогда сестры взялись хозяйничать сами, кур стало уходить на треть меньше, а суп получался наваристый. Сестры воевали с хищениями, как солдаты на передовой, — насмерть. Если бы не их мужество и не поддержка Великой княгини Елены Павловны, «так больные лакали бы помой... и лежали бы в грязи», говорил Пирогов. Он называл сестер не иначе, как «нравственным контролем нашей хромой госпитальной администрации».

*Адмирал Нахимов.
Художник Филипп Москвитин*

Они ассистировали на операциях, делали перевязки, раздавали лекарства, поили и кормили тех, кто не мог это делать сам, дежурили по ночам. Терпеть капризы раненых, грязь, вшей, холеру, вид гноя и крови было нелегко. Во время одиннадцатимесячной осады, когда, по признанию офицеров, все уже порядком «особачились», присутствие сестер милосердия заставляло оставаться людьми. Порой их ласковое слово приносило раненым больше помощи, чем лекарство, а заботливое прикосновение облегчало умирающему переход в мир иной.

Они ассистировали на операциях, делали перевязки, раздавали лекарства, поили и кормили тех, кто не мог это делать сам, дежурили по ночам. Терпеть капризы раненых, грязь, вшей, холеру, вид гноя и крови было нелегко. Во время одиннадцатимесячной осады, когда, по признанию офицеров, все уже порядком «особачились», присутствие сестер милосердия заставляло оставаться людьми. Порой их ласковое слово приносило раненым больше помощи, чем лекарство, а заботливое прикосновение облегчало умирающему переход в мир иной.

Пришлось Нахимову бороться не только с неприятелем, но и с поставщиками и откупщиками. Еще в ноябре он писал в Николаев Н. Ф. Метлину, известному своей честностью, о безобразиях в интендантстве и просил его содействия в снабжении Севастополя.

В Южной армии мука, сухари, крупы, сахар и прочие запасы были в достаточном количестве, заключались контракты на поставки свежего мяса, зелени и водки, которую выдавали как «винную порцию», трудность состояла в том, чтобы доставить продовольствие в Севастополь. Поставщики жаловались на нехватку подвод, плохие дороги и недостаток всего необходимого в самом Крыму. В английской и французской армиях наблюдалась такая же ситуация с поставками, тоже не хватало транспорта. Англичане смогли решить проблему, только построив весной в Балаклаве железную дорогу от своего лагеря до порта, после чего все необходимое стали доставлять морем из Константинополя.

А Нахимову пришлось воевать, чтобы в Севастополе не было голода. По бумагам и на словах всего было вдоволь, но Нахимов бумагам не верил: «...тут есть, несмотря на наше бедственное положение, какие-то грязные расчеты». Он выходил на проверку солдатских и матросских котлов, точно в крейсерство, не позволяя ворам запускать в них руку, как раньше не позволял туркам приближаться к кавказскому побережью. Он сам пробовал варево солдат и матросов и пришел к выводу, что солдатская еда хуже,

после чего появилось его распоряжение: сало не срезать, чтобы не уменьшать мясную порцию. В мирное время сало шло на смазку колес, теперь — в котел. Записная книжка Нахимова испещрена записями о масле, соли, мясе и крупе, чтобы сухари были съедобными, их решили печь в городе, поэтому появились записи о сухарных заводах, печах, дровах и угле.

Особенно тяжело шли дела с подрядчиком Диковским, который повышал цену на мясо, но получив деньги, мясо не поставлял. Тогда Нахимов обязал Диковского платить неустойку за неисполнение контракта. Когда и это не помогло, последовал новый приказ: поскольку «от почетного гражданина Диковского... нельзя ожидать исправности» поставок мяса, начальники всех отделений имеют право забрать у него деньги, чтобы самостоятельно расходовать их для покупки провизии. Вряд ли офицеры ходили к поставщику в одиночку и без оружия.

Была и другая беда — когда удавалось привезти мясо в Севастополь, оно уходило на сторону — его продавали частным лицам. Чтобы пресечь махинации, Нахимов приказал бить рублем: «...предупреждаются все <...> начальники как сухопутного, так и морского ведомства, что если открыто будет, что провиант продан частному лицу, то с этого лица будет взыскано штрафа по 1 рублю серебром за каждую четверть...».

Боролся адмирал и с водочными откупщиками: «...претензии о водке», «...водку продают», «...о водке откупщика», «...не отливать никому водки, а давать тем, кто пьет» — это из его записной книжки. О том, насколько выгодно было поставлять водку в армию, говорит такой факт: Евзель Гинцбург во время войны держал в Севастополе винный откуп, а после войны основал в Санкт-Петербурге собственный банкирский дом — крупнейший в России.

Вторым фронтом можно назвать войну Нахимова и Метлина за снабжение Севастополя, и действия там увенчались успехом — голода в осажденном городе не было.

В Севастополь приезжали не только сестры милосердия — выпускники кадетских корпусов писали прошения о переводе в действующую армию, было много добровольцев и волонтеров. «Как-то совестно жить в Петербурге, когда герои тут умирают за отечество», — говорил молодой офицер Владимир из «Севастопольских рассказов», написанных 26-летним поручиком артиллерии Львом Толстым. Сам Толстой, как и герой его рассказа, приехал в Севастополь добровольцем в ноябре 1854 г., и был там до конца, то есть разделил вместе с защитниками все тяготы многомесячной осады. Он воевал на самом опасном участке — 4-м бастионе, и за проявленную храбрость был награжден орденом Святой Анны 4-й степени. Сегодня на 4-м бастионе стоит памятный знак с барельефом писателя. По свежим впечатлениям от увиденного он написал «Севастопольские рассказы», их напечатали в журнале «Современник» еще во время войны. Литературный талант автора и репортажная точность описания событий, особенно в первом рассказе «Севастополь в декабре месяце», сразу сделали рассказы знаменитыми среди читающей публики.

Находиться на 4-м бастионе полтора месяца и не видеть Нахимова было невозможно, однако Толстой о нем не упомянул, как, впрочем, и о других руководителях обороны. Это можно объяснить тем, что целью писателя было показать повседневную жизнь Севастополя, чтобы сквозь обыденность читатель увидел главное — природу подвига защитников города.

Всех, кто приезжал в Севастополь, непременно ждало разочарование: у защитников было не найти суетливости, энтузиазма, готовности к смерти и даже решительности — все относилось к происходящему вполне буднично. «Вглядитесь в лица и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны главные черты, составляющие силу русского — простоты и упрямства». Война и перенесенные страдания лишь добавили новые черты к этому национальному портрету: «сознание своего достоинства и высокой мысли и чувства», их отметил писательский взгляд, способный сквозь бытовую оболочку повседневных событий проникать в суть вещей.

Эти строки написаны зимой 1854/1855 года, когда Нахимов был еще жив. И пусть на страницах «Севастопольских рассказов» для него не нашлось места — не беда. Нахимова, Толстого, и всех севастопольцев той зимой объединяло главное: убежденность в том, что Севастополь взять невозможно.

Литература и источники:

1. *Нахимов П. С.* Документы и материалы. В 2 т. / Под ред. В. С. Соболева. СПб., 2003.
2. *Ершов А. И.* Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1891.
3. Воспоминания кн. В. И. Барятинского. М., 1905.
4. *Пирогов Н. И.* Севастопольские письма. СПб., 1899.
5. *Лебединцев А. Г.* Из дневника священника в осажденном Севастополе. М., 1908.
6. Статья профессора Гюббенета // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 1. Приложение.
7. *Толстой Л.* Севастополь в декабре месяце // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 2. М., 1979.

Павел КРЕНЕВ

КАК РОССИЮ-МАТУШКУ ДЕЛИЛИ

Павел Григорьевич Кренев (Поздеев) — родился в д. Лопшеньга. Окончил Ленинградское Суворовское училище, затем факультет журналистики ЛГУ. Служил в ленинградских властных структурах. Долгое время состоял на военной и государственной службе России на высших должностях, являлся сотрудником Администрации Президента РФ, был Полномочным представителем Президента России в Архангельской области. Секретарь Союза писателей России. Печатался в журналах: «Нева», «Ленинград», «Наш современник», «Москва», «Родная Ладога», «Север», «Вертикаль» и др. Является лауреатом Всероссийских литературных премий. Кандидат юридических наук. **Живет в Москве.**

«Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» Такой заголовок драмы Маккоя Хораса вполне подошел бы и к нашему историческому очерку. Эта подзатасканная фразочка, как никакая другая, точно характеризует то удручающе трагическое для России положение, в котором страна оказалась после Первой мировой войны в результате октябрьского переворота 1917 года и чудовищной неразберихи последующих лет. Россия не стояла на коленях, она валялась в грязи царившего хаоса, была ослаблена сериями подлых предательств со стороны собственных вельмож и недавних союзников, бунтами некогда верного ей населения. Не в силах была остановить террор, грабеж и насилие над народами, населяющими ее гигантские территории. От былого величия некогда могучей империи ничего не осталось. Изнуренная тяжкими бедами, выпавшими на ее долю, страна долго еще ковыляла во времени и в пространстве, словно возвращающийся с войны израненный солдатик с пустой котомкой и на костылях, с трудом волоча простреленные ноги...

Великая держава, оставшаяся без попечения батюшки Царя-самодержца, изорванная изнутри интригами доморощенных яacobинцев — прозападными политическими партиями, влачила теперь действительно жалкое существование.

Возглавившее Россию Временное правительство окончательно завело страну в тупик. Ее традиционно славная и победоносная армия была деморализована идущими сверху вредоносными приказами, порой противоречащими друг другу. Например, правительственный приказ № 1, устранявший в войсках подчинение командирам, ввергнул армию в хаос и произвол. Всем теперь командовали избранные на солдатских

сходках солдатики, как правило, наиболее оголтелые крикуны и болтуны. И это предопределило поражения на Германском фронте: солдаты не обучены руководить войсками, они, как правило, не видят дальше собственного окопа. Поэтому русская армия быстро растеряла приобретенную в боях инициативу и перешла к массированному отступлению. На фоне бестолковых приказов и орудовавших в войсках провокаторов-революционеров армия оказалась в обстановке полной деморализации.

Как теперь совершенно очевидно, Председатель Временного правительства А. Керенский, являясь членом тайного общества, в угоду Соединенным Штатам Америки, Франции и Англии умышленно разваливал руководящие звенья государства и Армии. Его усилия и были направлены на то, чтобы разрушенная Россия попала как трофей в руки именно этих стран через посредничество Льва Троцкого, их откровенного агента, гражданина США. Этот умелый и ловкий политический интриган, по планам Америки и Англии, и должен был возглавить захваченную Россию после Керенского.

Пресловутый Приказ № 1, разрушивший русскую армию, не являлся какой-то нелепостью или случайностью, а был издан целенаправленно и злонамеренно. Вот как характеризует его известный ученый, митрополит Петрозаводский и Карельский Константин, любезно предоставивший мне такие вот научные сведения:

«Разумеется, как и у любого другого текста, у Приказа № 1 были свои творцы. Традиционно соавторами приказа считаются двое. Первый из них — Овсий Моисеевич Нахамкис, выступавший под политическим псевдонимом Юрий Михайлович Стеклов, профессиональный революционер, 1873 г. рождения. Второй из соавторов Приказа № 1 — Николай Дмитриевич Соколов, 1870 г. рождения, — присяжный поверенный, меньшевик-интернационалист и масон (ложе “Великий Восток”). 27 февраля 1917 г. Соколов стал одним из организаторов “повстанческого штаба”. Еще один из инициаторов создания Приказа меньшевик Иосиф Гольденберг объяснял позже причину появления Приказа: “Приказ номер один — не ошибка, а необходимость... В день, когда мы “сделали революцию”, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались и приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство”. Начались братания с врагом, русские солдаты покидали окопы и сам фронт»¹.

Но агрессоры не вполне учли, что на роль руководителя России Германия и ее сателлитами давно уже готовился другой, не менее изощренный игрок по имени Владимир Ленин.

Данный исторический очерк повествует о том, как на полях политических, боевых и террористических сражений столкнулись в битве за сказочно богатую страну — Россию — две страшные силы: Антанта — Соединенные Штаты Америки вкупе с Англией и Францией, с одной стороны, и Германия с Австрией и Турцией — с другой. Как уничтожали друг друга в несправедливых боях эти силы, как взаимно ненавидели друг друга.

И был этот бой зубодробительным, скуловыворачивающим, смертельным.

---

¹ Константин (Горянов), митрополит. Чаша Господня и чаша бесовская. СПб: Родная Ладога, 2019. С. 363.

Не мудрено, ведь добычей их должен был быть удивительно лакомый кусочек — наша Матушка Россия.

Первый основательный толчок к тому, чтобы занять прогерманскую позицию, Владимир Ленин получил летом 1895 года. Тогда он, разуверившись в эффективности нарождающейся российской социал-демократии — шумно-бестолковой, крикливой и инертной, — уехал в Германию и Швейцарию учиться уму-разуму у европейских революционеров. Плеханов встретил его тепло, много чего поведал и отправил обратно с чемоданом запрещенной в Российской империи литературы. Сразу после перехода границы молодого, необстрелянного конспиратора, естественно, арестовали и отправили в ссылку в село Шушенское.

В силу объективного лимита материала конспирологического характера о тайных методах деятельности «вольных каменщиков» среди заграничных групп российских революционеров, нам теперь сложно искать и находить причинно-следственную связь происходивших тогда событий, однако, известно, что еще во время контактов с Плехановым на Ленина вышел видный масон Виктор Адлер, человек банкиров Ротшильдов, крупный деятель австрийской и международной социал-демократии, ведающий кадровой работой на фланге российских революционеров (родственник Александра Керенского, девичья фамилия матери которого — Адлер). Он-то и передал начинающего «карбонария» Ленина в руки изощренного интригана, политика и бизнесмена, тайного осведомителя немецких спецслужб Александра Парвуса, бывшего одессита, которого в родном славном южном городе именovali от рождения Израилем Лазаревичем Гельфандом.

Парвус был поистине гениальной личностью. Он успешно сочетал качества продвинутого коммерсанта, преуспел на этом поприще и был весьма и весьма богат. Кроме того, этот крупный телом человек был известен как яркий оратор, полемист и публицист. В круг его близких связей входили все руководители европейских социал-демократических обществ. Именно Парвус создавал и придавал системность русской партийной эмиграции.

Люто ненавидел Россию.

Был он известен еще и тем, что значительная часть партийных денег, проходящих через его руки, таинственным образом куда-то улетучивалась. И все вокруг понимали: то таинственное место именуется карманами господина Парвуса. Все знали это, но помалкивали, потому как он был незаменим в качестве центральной консолидирующей фигуры европейской социал-демократии.

Влияние Парвуса на создание заграничного антироссийского блока левых партий и германского правительства, насыщение этого блока необходимыми финансовыми и другими материальными средствами на начальном этапе его зарождения было поистине безгранично. Оно и сыграло решающую роль в создании предреволюционной обстановки в России.

Весной 1915 г. Гельфанд-Парвус направил в германское правительство свой меморандум с совершенно определенными установками: *«Русская демократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства. Германия со своей стороны не добьется успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны, до тех пор, пока русская империя*

не будет раскола на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров».

К меморандуму прилагался план тайных мероприятий, который пришелся по душе рейхсканцлеру Германии Теобальду фон Бетман-Гольвегу, министру иностранных дел Готлибу фон Ягову и самому кайзеру. МИД Германии в том же году выделил Парвусу 62 млн марок на реализацию этого плана.

Предложенные Парвусом мероприятия предполагали консолидацию всех антироссийских сил: большевиков, анархистов, меньшевиков, социалистов-революционеров в единый блок, который должен был управляться правительством Германии.

В швейцарском Циммервальде состоялась конференция с участием представителей всех этих партий. Задачей ее являлось объединение антироссийских партий, выработка единой их стратегии.

Высокой эффективности деятельности Гельфанда-Парвуса в зарубежных эмигрантских кругах содействовало его сотрудничество с немецкими спецслужбами и контакты на высоком уровне в правительстве Германии. Кроме того, Парвус состоял в масонской ложе *«Иллюминаты»* — родоначальнице понятий *«Мировая революция»* и *«Перманентная революция»*, которые были впоследствии подхвачены и внедрялись как стратегические установки в международное революционное движение Львом Троцким, также участником данного масонского направления. В эту ложу Троцкого привел именно Парвус. Впоследствии лозунг *«Перманентной революции»* превратился в движущую силу вредоносной деятельности Троцкого в период пребывания на государственных постах в России. Он и приобрел в истории наименование «троцкизм».

Теперь историография ленинских почитателей стыдливо повествует о якобы незначительной роли плутоватого Парвуса в становлении Ленина, как крупнейшего революционера. Однако же, надо сказать честно: никто на первоначальном этапе не оказал столь мощного воздействия на формирование его популярности и узнаваемости, кроме Гельфанда-Парвуса; никто, как он, не ввел его в самые тайные, сокровенные закоулки эмигрантской жизни, не помог в обретении чрезвычайно полезных связей в спецслужбах Германии, в масонских и правительственных кругах, не снабдил финансами, не вывел на прямую дорогу с минимальными препятствиями и ошибками.

Ленин и Крупская на первом этапе жизни в Германии жили на даче Парвуса под Мюнхеном и в общении с ним наработывали много чего полезного. По настоятельной просьбе германского правительства и при его поддержке, Парвус оказал неоценимое содействие в деле обеспечения закордонной партийной жизни Ленина необходимыми финансами.

В 1915 г. он под протекторатом Германии создал в Копенгагене коммерческое предприятие под названием *«Торговая и экспортная компания, АО»*, в которую сопредседателем-акционером, с одновременным исполнением обязанностей управляющего компании, включил ближайшего сотрудника Ленина Якова Фюрстенберга (Якова Ганецкого). Фирма, опирающаяся на немецкий капитал, приносила колоссальные прибыли, так как в военных условиях проводила широкие торговые операции с ведущими европейскими государствами, участвующими в мировой войне: Россией, Германией, Данией, США, Турцией, Францией. Большие суммы, по согласованию с Германией, через Ганецкого (10 %) шли напрямик Ленину. Стоит сказать:

Германия, принимая самое деятельное участие в этих сделках, заботилась о том, чтобы их агент Ленин действительно зарабатывал при этом большие деньги, которые должны были пойти затем на развал Российской империи. Для этого создавались оптимальные условия.

Например, упомянутая фирма Парвуса получила право торговли стратегическими товарами для реализации их на мировом рынке: оружием, никелем, вольфраmistым железом, хромистым железом, электролитной медью, оловом, свинцом и т. д.

Известно: немецкий промышленник Стиннес, по просьбе германского правительства, выплатил через подставные банки Ленину два миллиона рублей на финансирование антигосударственной издательской деятельности в России. Часть этих сумм ушла в 1916 г. на выпуск Максимом Горьким социал-демократической газеты *«Новая жизнь»*.

О роли немецких денег, потраченных на расширение возможностей большевистской прессы, свидетельствует, например, письмо министра иностранных дел Германии фон Кюльмана немецкому Кайзеру от 3 декабря 1917 г.:

«Только после того, как большевики получили от нас постоянный поток средств по различным каналам и под разными этикетками, они оказались в состоянии создать свой главный орган — “Правду”, вести энергичную пропаганду и заметно расширить первоначально узкую базу своей партии».

Близкий Ленину человек, шведский финансист Олаф Ашберг, к концу 1916 г. превратился в непосредственного банкира большевиков, стокгольмский банк которого *«Ниа-банкен»* долгое время оставался основным проводником германских денег, питавших партийные структуры Ленина. Кроме него, в финансовых операциях в пользу Ленина участвовали и *«Германский нефтепромышленный банк»*, банк *«Дисконто-Гезельшафт»*, *«Русско-Азиатский банк»*, банк *«Гаранти-Траст»*, *«Сибирский банк»*, *«МакГрегор Грант»*, банкир из Гамбурга Макс Варбург и другие финансовые структуры, действовавшие под руководством германских чиновников.

В целом, глубоко законспирированная цепочка передачи немецких денег в Российскую империю для использования их структурами Ленина выглядела следующим образом:

— целевые финансы от германского правительства аккумулировались в акционерном банке *«Дисконто-Гезельшафт»*;

— оттуда на неких легальных основаниях направлялись в стокгольмский банк *«Ниа-Банкен»* Олафа Ашберга под видом платежа за поставленные товары;

— затем, также на финансово-казуистических, но резонных основаниях направлялись в *«Петроградский Сибирский банк»*, которым пользовались большевики.

Посредниками в организации данных банковских операций выступали Александр Парвус (Гельфанд), Карл Фюрстенберг (Яков Ганецкий), его родственница Евгения Сумерсон, адвокат Мечислав Козловский — все сугубо доверенные лица Ленина. После октябрьского переворота Ленин назначил Козловского наркомом юстиции.

Еще одним серьезным каналом финансирования Ленина было организованное Парвусом и Ганецким под протекторатом Германии участие большевиков в сделках по продаже медикаментов (1914–1917 гг.) с позиций

Германии, в которых нуждались все воюющие стороны. Покупателем и пользователем этих медикаментов, естественно, оказалась, прежде всего, немецкая армия, т. е. противник России, но эта моральная сторона меньше всего волновала Ленина и большевиков. На этих сделках они заработали миллионы рублей, которые пошли на *«раскрутку»* ленинской партии и на разрушение Российской империи.

Постоянно участвуя в политической борьбе, начав обладать значительными финансовыми средствами, Ленин постепенно стал избавляться от услуг Парвуса. Его дурные наклонности (вороватость, безапелляционность, излишняя пронырливость и др.) раздражали Ленина, налагали негативный флер и на него самого. Он хотел бы избавиться от его опеки, ставшей, в конце концов, уже не нужной. Наконец, такой случай представился.

Парвус, не изменяя своим привычкам, украл большую сумму у Максима Горького. Тот легкомысленно поручил ему забрать в издательстве гонорар за изданную за рубежом книгу *«На дне»* и передать ему. Однако своего гонорара Горький так и не увидел, за что крепко осердился на Парвуса. Ленин, старый друг Горького, в свою очередь также осерчал на Парвуса... После этого ни Горький, ни Ленин с Гельфандом-Парвусом старались больше никогда не встречаться, хотя тот очень к этому стремился.

Читателям может показаться странным и нелогичным то, что Парвус, находившийся потом в нерабочих отношениях с Лениным после их размолвки, тем не менее, продолжал какое-то время помогать группе Ленина и добывать для них деньги. Ситуация простая: он верой и правдой служил правительству Германии, которое считало Ленина верным своим агентом. Расставание с Лениным привело бы к расставанию и Парвуса с германским руководством и с германскими спецслужбами, на которые он работал, подорвало бы и коммерческие возможности Парвуса. А на такие жертвы он пойти не мог, потому как всем этим чрезвычайно дорожил.

С учетом этого, Парвус не мог бы прекратить работу по содействию Ленину, даже если бы этого захотел.

Вся дальнейшая работа зарубежных революционных сил Российской империи проводилась уже под руководством самого Владимира Ленина. Все выделяемые и зарабатываемые денежные суммы проходили через него лично. В результате такой реорганизации финансовые дела русских революционеров упорядочились, подрывная работа в России активизировалась. В Копенгагене под руководством немецкого посольства был создан центр, координирующий финансовые операции антироссийских сил и распределяющий средства между ними. Были налажены каналы переправки денег революционным подпольщикам в Россию.

Созданная схема действовала затем следующим образом. Каналы финансирования проходили через нейтральные страны. Основной канал был организован через Швецию. От одного из главных финансистов Ленина, Макса Варбурга, деньги поступали в шведский *«Ниа-банк»*, руководимый Олафом Ашбергом — другим финансистом Ленина. Оттуда при посредничестве большевиков Красина и Ганецкого переправлялись в российские банки. Всю схему финансовых махинаций курировал Шляпников — как и Красин, сугубо приближенный Ленину человек, участник самых тайных ленинских операций.

Большевистские кружки в России начали регулярно получать немецкие деньги для выплаты зарплат партийцам, для организации «эксов», рабочих стачек, выпуска и распространения подпольной литературы...

Сам Ленин резко увеличил тираж своей швейцарской газеты «Социал-демократ», возросли тиражи переправляемых через границу листовок, выросла оплата агентам за распространяемые в Российской империи антиправительственные материалы, в разы выросло количество их распространителей...

Наиболее стабильные, организованные Лениным денежные потоки пошли в Россию из Германии и Австрии через Румынию, где цензура действовала не столь жестко. Крупные суммы направлялись во Францию, в Париж, где начала издаваться большевистская газета «Наше слово». В ней стали печататься революционеры, составившие впоследствии костяк советского правительства: Ленин, Троцкий, Чичерин, Урицкий, Лозовский, Антонов-Овсенко, Луначарский.

За оказанные услуги по организации финансирования большевистской партии, за личную преданность Ленин после Октябрьского переворота назначит Якоба Фюрстенберга-Ганецкого заместителем директора Центрального банка России.

А после смерти самого Ленина Иосиф Сталин, до деталей представлявший роль Ганецкого в организации финансирования подрывной деятельности ленинских структур, распорядился расстрелять этого, одного из последних свидетелей сделок большевиков с кайзеровской Германией, приведших, в том числе, и к большевистскому перевороту, и к гражданской войне, и к поражению Российской империи в Первой мировой войне. Как говорится, концы в воду...

У нас в запасе еще много свидетельств и доказательств сотрудничества большевиков и лично Владимира Ленина с нашим врагом — кайзеровской Германией до октябрьского переворота. Это большой и подробный материал. Однако мы до более подходящих времен оставим эти сведения и перейдем пока на не менее актуальные темы, говорящие, например, о том, что и после переворота Ленин, возглавивший советское правительство, теснейшим образом вплоть до своей смерти сотрудничал с Германией.

Итак, в апреле 1917 г. Владимир Ленин во главе группы из тридцати двух российских революционеров в закрытом, с наглухо закрытыми шторами вагоне арендованного в Швейцарии поезда пересек несколько европейских границ и через Германию и Швецию прибыл в Петроград. При посредничестве того же Парвуса вся поездка была организована и профинансирована германским Генеральным штабом.

Целью заброски этой таинственной группы, а также и последующих «пассажиров», отправленных Германией в Российскую империю другими поездами, было, конечно же, только одно: как можно сильнее ослабить противника на последнем этапе войны и на максимальные сроки оттянуть военное поражение. Забрасываемая немцами агентура должна была подрывной работой окончательно разрушить слабеющую русскую армию, вывести Россию из войны и в дальнейшем обеспечить захват российских территорий.

Вся картина произошедших впоследствии событий убедительно показывает: поставленная немецкими военными кругами задача была большевистским правительством успешно выполнена.

Германия в дальнейшем весьма эффективно использовала Ленина и его правительство в своих целях. Одного только Брестского договора, заклю-

ченного между Россией и Германией 3 марта 1918 г., достаточно, чтобы осознать, насколько эффективны были мероприятия Германии, как страны, победившей на тот момент Россию в войне, направленные на то, чтобы всемерно воспользоваться результатами этой победы.

В соответствии с этим договором российская сторона отдавала немцам Бессарабию, Эстонию, Латвию, Литву, огромные территории Беларуси, Украины, Польши, угольные, железорудные и нефтяные месторождения Кавказа... Практически весь запад России.

В последующий затем период германская сторона, испытывающая лимит времени, вследствие наступательных действий со стороны войск Антанты, тем не менее, стремилась в полной мере использовать победное преимущество, не останавливаясь перед лицом крупных финансовых затрат ради разграбления России.

Убедительно свидетельствует об этом, например, текст циничной, но вполне объективной служебной записки заместителя министра иностранных дел Германии адмирала фон Хинтца, направленной в военное ведомство, уже публиковавшейся в ряде источников. Вот некоторые выдержки из этой записки:

«Политично использовать большевиков до тех пор, пока они еще что-то могут дать... Пока что мы не имеем оснований желать скорого конца большевикам, пока не надо стремиться организовать его. Большевики — крайне плохие и несимпатичные люди, но это не мешало нам навязать им Брест-Литовский мир и постепенно отнимать у них землю и людей еще сверх того. Мы выбрали из них, что могли, наше стремление к победе требует, чтобы мы это продолжали, пока они еще находятся у руля... Чего же мы хотим на Востоке? Военного паралича России. Его большевики обеспечивают лучше и основательнее, чем любая другая российская партия...»

«Неужели мы должны отказаться от плодов четырехлетних боев и триумфов только для того, чтобы избавиться наконец от дурного привкуса, что мы использовали большевиков? Ведь мы делали вот что: мы не работали с ними, а эксплуатировали их. Это политично, и это политика».

Установившиеся отношения сразу же начали активно поддерживать и развивать деловые круги Германии, что также работало на авторитет большевистской власти, на ленинский авторитет. Посол России в Германии Иоффе регулярно сигнализирует в Москву: *«Директор Дойче-банка навещает нас часто...», «...Крупновский директор Брун созывает деятелей германской тяжелой промышленности на встречу в Дюссельдорфе, чтобы обсудить проникновение английского и американского капиталов в Россию и то, как этому можно противостоять со стороны германского капитала».*

Иоффе сообщает: в начале июня в Германии принимается решение о создании синдиката, который хотел бы взаимодействовать с российскими транспортными предприятиями. Он сообщает также о натиске на российское посольство немецких банков, желающих первыми заключить выгодные контракты с Россией и разместить свои активы в различных ее деловых сферах.

Ленин лично контролирует эти интеграционные процессы и всячески им содействует.

В письме от 14 августа 1918 г. он сообщает послу в Швейцарии Берзину, через которого осуществляются финансовые манипуляции:

«...Берлинцы пришлют еще денег. Если негодяи затянут дело, пожалуйста официально мне. Ваш Ленин».

Большие усилия и огромные финансовые издержки пришлось понести Германии, чтобы удержать у власти большевиков и самого Ленина. Эта ситуация хорошо прослеживается, например, из письма статс-секретаря германского правительства фон Кюльмана от 7 апреля 1918 г. послу Германии в Москве Карлу Гельферигу:

«Используйте, пожалуйста, крупные суммы, поскольку мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы большевики выжили... Мы не заинтересованы в поддержке монархической идеи, которая воссоединит Россию. Наоборот, мы должны пытаться предотвратить консолидацию России, насколько это возможно. И с этой точки зрения мы должны поддерживать крайне левые партии».

Первый немецкий посол в Советской России, заступивший на этот пост в апреле 1918 г., граф Вильгельм фон Мирбах-Гарфф уже в первом письме в германское министерство иностранных дел с тревогой сообщает о необходимости срочной передачи денег Ленину *«в связи с возможным креном интереса большевиков к Антанте»*. Мирбах считает: необходимы крупные финансовые вливания в Россию, чтобы удержать у власти правительство Ленина.

«При сильной конкуренции Антанты, — сообщает он, — требуется около 3 000 000 марок в месяц».

В Германии Мирбаха поддержал статс-секретарь Министерства иностранных дел фон Кюльман. В письме руководителю германского Казначейства графу Редерну он с тревогой пишет:

«Пока что удалось удержать большевиков от перехода в фарватер Антанты. Но каждый день может принести новые неожиданности. Эсеры полностью отделились Антанте, и она пытается подорвать власть большевиков с помощью чехословацких батальонов... Возможно, что дело дойдет до свержения большевиков... Мы должны будем пытаться сделать все возможное, чтобы уберечь большевиков от иной ориентации. Это стоит денег, возможно, больших денег».

Граф Мирбах сообщил, что ему теперь потребуется для расходов в этом отношении 3 млн марок в месяц. Следует, однако, предположить, что в случае переворота при определенных условиях потребуется вдвое больше.

...Поэтому необходимо, чтобы секретарь Казначейства Рейха предоставил в распоряжение новый фонд. Его при вышеизложенных условиях нельзя оценивать цифрой ниже 40 миллионов.

Берлин, 5 июня 1918 года».

Тема противодействия Антанте слишком актуальна для Германии, поэтому в срочном порядке, уже 11 июня граф Редерн дает положительный ответ о выделении денег правительству Ленина:

«Его Превосходительству господину статс-секретарю Министерства иностранных дел фон Кюльману

Лично

Дорогой Кюльман!

На Ваше письмо, которым Вы мне присылаете записку относительно России, я заявляю о своей готовности согласиться с заявкой, представленной без указания оснований, о выделении 40 млн. марок на цели, о которых идет речь.

Граф Редерн».

26 июня посол Германии в России граф Мирбах получает под № 430 уведомление об исполнении его просьбы:

«Запрошенная месячная сумма предоставляется... Прошу в особенности противодействовать влиянию Антанты всеми способами... Кюльман».

Итак, мы, на наш взгляд, убедительно показали: как до, так и после октябрьского переворота большевистская власть в России во главе с Владимиром Лениным установила прочное финансовое, деловое и политическое сотрудничество с кайзеровской Германией. Стоит лишь отметить: в наших руках имеется еще много других доказательств, свидетельствующих о сотрудничестве Ленина с этой страной, что некоторыми исследователями почему-то необоснованно оспаривается. Вероятно, из конъюнктурных политических соображений.

Из приведенных материалов видим мы и то, что на всех этапах взаимодействия с Россией немецкая сторона находилась в жестком противоборстве с финансовым и политическим влиянием Англии и Соединенных Штатов Америки, которые с не меньшим хищническим упорством стремились завладеть национальными богатствами нашей страны и пытались одолеть Германию в битве за Россию, чтобы иметь приоритетное право беспрепятственно ее грабить. Ожесточенная, как правило, тайная битва эта, начавшаяся в послереволюционный период, продолжалась то с возрастающим, то слегка затухающим упорством как внутри, так и за пределами нашей страны, вплоть до начала Второй мировой войны. Потом он переросла в открытую фазу и закончилась окончательным поражением Германии.

Итак, очевидно: в рассматриваемый нами период Россия, ослабленная разрушительной борьбой внутренней революционной оппозиции, не смогла противостоять боевым действиям войск кайзеровской Германии и потерпела военное поражение. Весь этот период Германия безраздельно властвовала как на военном, так и на политическом поле и диктовала России свои условия. В результате наша страна понесла огромные материальные потери.

Было бы странно и нелогично, если бы страны, бывшие в войне союзниками России (Америка, Англия и Франция), не воспользовались этой выгодной для них ситуацией. На их глазах с геополитической сцены уходили совсем недавно великие империи — Российская, Германская и Австро-Венгерская, из года в год бывшие соперниками для США и Великобритании в экономических и политических войнах. Ведь на полях только что прошедших великих битв всегда можно хорошо пожить. Это давняя, верная привычка всех мародеров.

И Соединенные Штаты вместе с Англией ринулись грабить недавнего союзника — Российскую империю. Но на начальном этапе им сильно мешала на пути этих устремлений Германия, подписавшая с Россией мирный договор. Эту помеху надо было устранить.

С этого момента начинается смертельная схватка этих стран с Германией за пока что не разграбленные национальные богатства России.

Мы помним: у Германии в России был свой доверенный человек — Владимир Ленин, который, скорее всего, неохотно и вынужденно тянул на

немцев лямку, даже отстоял навязанный России катастрофический для нее Брестский договор. У Антанты агента такого уровня на первых порах не было. Она искала его, и она его получила.

Так вышло: именно в рассматриваемый нами период в Америке оказался Лев Давидович Троцкий собственной персоной. В начале 1917 г. он за революционную, анти-испанскую деятельность был выслан из Испании и переехал с семьей в США.

В этой стране он был приветливо встречен публикой, т. к. там проживали его многие родственники, например, родной дядя — брат матери — Абрам Животовский, один из крупных американских банкиров. Он помог племяннику вписаться в деловые, политические и государственные круги Америки. Троцкий начал работать в популярной американской прессе, стал активно заводить новые связи.

Немудрено: с самого начала пребывания в Америке на него обратили внимание политические круги этой страны, предполагавшие получить выгоды от происходящих в России разрушительных процессов. Проведенная спецслужбами работа по изучению личности Троцкого показала — на него можно положиться как на человека, способного к самым серьезным политическим и провокационным действиям. Было принято решение о направлении его в этих целях в Россию.

Анализ той ситуации показывает: на Льва Троцкого правительственными кругами Америки были возложены задачи по созданию условий для государственного переворота в Российской империи, последующего внедрения в органы управления страной и созданию для США оптимальных условий грабежа национальных российских богатств. Инструктаж Троцкого проводил лично президент Америки Вильсон, который вручил ему американский паспорт. Так Лев Троцкий стал гражданином США.

27 марта 1917 г. он на пароходе «Христианиа-Фиорд» вместе с семьей и группой подготовленных американской стороной эмигрантов из Российской империи отбыл через Норвегию в нашу страну.

Имеются интересные документы, которые свидетельствуют: на Льва Троцкого американская сторона возлагала самые широкие и чрезвычайно важные задачи, вплоть до перехвата власти в стране и работе впоследствии на Соединенные Штаты. Основанием для подобных устремлений являлось то, что возглавлявший Временное правительство России Александр Керенский был внедрен на этот пост американскими кругами и по завершении полномочий должен был передать нити управления Россией именно Троцкому. Вот поэтому сам президент Америки оказал такие почести Льву Давидовичу, лично вручив ему американский паспорт и снабдив большой суммой денег. Следовавший на том же пароходе в Россию широко информированный посланник США в Германии Уильям Додд утверждал позднее: его близкая связь — председатель финансового комитета Демократической партии США Чарльз Крейн, друг и сторонник президента Америки Вудро Вильсона, *«много сделал, чтобы вызвать революцию Керенского, которая уступила дорогу коммунизму»*. Ясно: под «коммунизмом» здесь подразумевается демоническая фигура Льва Давидовича Троцкого.

4 мая 1917 г. Троцкий пересек на поезде российско-финскую границу (напомним, что к этому времени Финляндия, в соответствии с Брестскими договоренностями, уже не являлась частью России) и прибыл на станцию

Белоостров. Вместе со встретившей его делегацией от Петроградского Петросовета он прямо со станции отправился на его заседание. И там сразу же стал членом этой организации с совещательным голосом — депутаты помнили: именно Троцкий создавал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов еще в 1905 году. Так начался стремительный взлет Троцкого в российских властных кругах.

С этого момента началось то затухающее, то вновь ярко возгорающееся противостояние Ленина и Троцкого как крупнейших международных агентов, представителей враждующих государств — Германии и Америки, схватившихся в смертельной схватке на территории России.

Как всем известно, ни тот, ни другой не вышли живыми из пламени этой схватки, погибли оба.

Троцкому не повезло с соперником: он вступил в борьбу за власть с абсолютно циничным противником, не церемонящимся в выборе средств при достижении поставленной цели — с Владимиром Лениным. Поэтому именно он, а не Троцкий правдами и не правдами вырвал право возглавить первое советское правительство — Совет Народных Комиссаров и, хотя в некоторых случаях формально, но полнолично возглавлять страну. В этом ему, в первую очередь, способствовало то, что Ленин на протяжении продолжительного времени писал статьи, в которых разъяснялась его политика и которые широко распространялись агитаторами в массах. Троцкий столь широкую работу по пропаганде своих идей не проводил. Имя Ленина поэтому было более известно русскому населению, чем имя Льва Давидовича.

Естественно, Лев Троцкий, в стремлении выполнить задачи, поставленные американскими спонсорами, предпринимал усилия для победы над политическим соперником. Однако в прямой, лобовой политической борьбе против Ленина у него для победы было крайне мало шансов: *«вождь пролетариата»* в короткий срок сумел сформировать вокруг себя довольно сильную и сплоченную группу единоверцев-партийцев, с которой сторонникам Троцкого было не справиться в идейных схватках. Сам он оказался в проигрышной ситуации и был не в силах выполнить задачу своих американских руководителей по нейтрализации Ленина как агента Германии и создании для Соединенных Штатов оптимальных условий для разграбления России.

Полагаю, что именно тогда, в начале 1918 г., у ленинской оппозиции, руководимой из-за океана, возникли планы по физическому устранению Ленина с политического поля.

Первое покушение на него было совершено 1 января 1918 года. В этот день Ленин выступал в Михайловском манеже перед солдатами, уезжавшими на фронт. В районе Семиониевского моста через Фонтанку в него стреляли подряд 12 человек. Автомобиль был изрешечен пулями, однако Владимир Ильич не пострадал. Понятно: собрать столько террористов одновременно для выполнения боевой задачи могла лишь армейская или правоохранительная структура. Напомним — военным ведомством на тот период руководил Троцкий, а Всероссийской Чрезвычайной Комиссией — его сподвижник и единомышленник — Феликс Дзержинский. Стрелявших задержать не удалось. Да и как их можно было найти, если организаторами поиска были люди Феликса Эдмундовича, отнюдь не заинтересованного в реальных результатах?

Случались и другие острые моменты, когда по автомобилю, в котором проезжал Ленин, из укрытых мест открывалась револьверная стрельба. Од-

нако имена стрелявших остались неизвестными. Таких случаев было несколько.

Острейшая, изощренная провокация против Ленина и России была организована 6 июля 1918 года. Она имела целью подорвать потенциал всей страны, привести ее к военной и экономической разрухе и, тем самым, устранить Ленина как ее руководителя. Одновременно тяжелый удар наносился и по уцелевшим после мировой войны остаткам военной, политической и экономической мощи Германии.

В этот день в Москве в возрасте 47 лет был убит германский посол в России граф Вильгельм Мария Теодор Эрнст Ричард фон Мирбах-Гарфф в московском просторечии обыкновенно именуемый — посол Мирбах. Это был представитель одного из самых богатых и знатных дворянских родов Германии, издревле подчинявших Прибалтику и насаждавших в ней прогерманские порядки. Он входил в высшую элиту Германии.

В России посол установил прямой контакт с первыми лицами советского правительства, включая самого Ленина, и успешно выполнял чрезвычайно важные для Германии функции, демонстрируя при этом реально дружеское отношение к России и ее руководству.

Посол фон Мирбах работал весьма и весьма эффективно и, тем самым, мешал Антанте и Соединенным Штатам в их антироссийской экспансии, его усилия тяжело отражались на результатах деятельности американской агентуры. Это и предопределило его судьбу.

Террористический акт совершили два верных «солдата» Льва Троцкого и Феликса Дзержинского — сотрудники ВЧК Яков Блюмкин, начальник контрразведывательного отдела и фотограф-чекист Николай Андреев. Под заинтересовавшим Мирбаха предложением (нахождение в русском плену племянника графа и проявление заботы по отношению к нему) они были допущены в здание посольства и убили самого посла. После чего под покровительством Дзержинского оба бежали на Украину. (Более подробно об этих событиях можно прочитать в моем историческом очерке «*Мятеж, которого не было*»¹.) Безусловно, террористы-чекисты были заочно якобы приговорены к смертной казни, однако вскоре Яков Блюмкин был назначен руководителем секретариата и начальником охраны Троцкого и долго работал в этом качестве. В 1929 г. за тайные встречи и переговоры с находившимся в опале у Сталина Львом Троцким Блюмкин был расстрелян. Перед смертью он выкрикнул: «*Да здравствует вождь мирового пролетариата Лев Давидович Троцкий!*»

Провокация эта, как теперь вполне очевидно, была до деталей продумана прозападными единомышленниками — Троцким, Свердловым и Дзержинским, и имела несколько перспективных вариантов развития, которые, по их стратегическим замыслам, должны были привести к нейтрализации Ленина и созданию благоприятной геополитической ситуации для Америки. На практике все произошло несколько иначе.

Брестский мирный договор между Германией и Россией, подписанный в начале 1918 г., хотя он и был во всех отношениях «*похабным*», не до конца уничтожил люто ненавидимые Америкой страны — Россию и Германию. По замыслу американских прагматиков, начатый процесс ликвидации этих

---

¹ См. журнал «Родная Ладога». № 2, 2017. С. 50.

государств, как соперников Соединенных Штатов, должен был быть закончен. Тем не менее, они неожиданно для Антанты и Америки прекратили войну между собой, хотя этому, как только мог, противостоял представитель Америки Лев Троцкий, участвовавший в переговорах.

С точки зрения организаторов теракта, коварное убийство столь видного дипломата не могло не закончиться возобновлением и эскалацией старого конфликта, новой войной, в которой обе страны должны были погибнуть. Нам представляется: по логике так и должно было произойти, но и Россия, и Германия выдохлись в тяжелейшей, изнурительной Первой мировой войне, обе стояли на краю экономического коллапса. Обоим странам было не до войны. Тем более, Германия уже начала получать ощутимые, назначенные Брестским соглашением дивиденды как победитель России.

Известная военная мудрость гласит: после кровавой битвы на поле боя приходят мародеры и делят легкую добычу. В случае полного взаимного разгрома и окончательной гибели России и Германии, они бы стали легкой добычей Америки — к этому их готовил заброшенный в Россию диверсант, гражданин Соединенных Штатов — Лев Давидович Троцкий. Задача эта во многом была реализована, и Соединенные Штаты впоследствии с лихвой воспользовались бедственным положением России, вынужденной в тяжелейших условиях восстанавливать свой потенциал. Однако многих стратегических целей Америка не достигла.

Представляется очевидным: если бы задуманная схема сработала и произошла бы новая война между Германией и Россией, то для Троцкого и его людей была бы решена задача по устранению Ленина как политического соперника. В любом случае — живой он или мертвый, Владимир Ильич прекратил бы деятельность как руководитель страны. Как можно руководить тем, чего нет? Деньги на восстановление разрушенного хозяйства ему бы никто не дал, так как все деньги у Америки, а она стала бы субсидировать только того, кому доверяла — Льва Давидовича Троцкого, а не Ленина. Да и не стала бы Америка ни тогда, ни теперь поднимать Россию. Она оплатила бы лишь расходы на выкачивание и транспортировку в Соединенные Штаты национальных российских богатств. Владимир Ленин остался бы у разбитого корыта.

Однако на тот период нейтрализовать Ленина Льву Троцкому и Соединенным Штатам не удалось, также, как и посадить на российский трон полностью проамериканское правительство.

Полагаю: изложенные факты достаточно ярко высвечивают накал борьбы, развернувшейся в 1918 г. между ставленниками Германии и Америки — Лениным и Троцким за приоритетное право этих государств безраздельно владеть Россией и ее достоянием.

Тем не менее, 1918 г. был богат на события, еще более откровенно свидетельствующие о том высочайшем уровне цинизма и всепобеждающей готовности во чтобы то ни стало убить Ленина, убрать его с дороги, которые были продемонстрированы Троцким и его сторонниками в конце августа того же года.

Итак, 30 августа состоялось вооруженное покушение на жизнь Председателя Совета народных комиссаров России В. И. Ленина.

Сейчас, ретроспективно рассматривая те события, стоит лишь удивляться, почему цель убийства Ленина не была достигнута, ведь теракт был достаточно хорошо подготовлен.

В российской, да и в мировой историографии покушение на Ленина традиционно выглядит довольно незамысловато: член партии правых социалистов-революционеров (правых эсеров) Фаина (Фанни) Каплан, исходя из собственных революционных взглядов и чувства мести к *«предателю дела революции»* Владимиру Ленину, сорвавшему созыв Учредительного Собрания, совершила попытку его убить. Для этого она якобы подстерегла его после выступления перед огромной толпой рабочих московского завода Михельсона и в одиночку несколько раз по нему выстрелила из пистолета. Тяжело ранила его, но Ильич выжил, а террористку Каплан судили и приговорили к смертной казни. Эту версию знал в СССР каждый школьник, в том числе и автор этих строк. Никто и никогда не называл имен заказчиков преступления или же изучал происшествие более глубоко, так как все заранее было ясно: по Ленину стреляла одиночная террористка Каплан, идейный враг!

По прошествии многих лет, в тот момент, когда я занимался научной работой, связанной с историей отечественных спецслужб, мне довелось познакомиться с некоторыми документами, связанными с теми событиями и более глубоко вникнуть в обстоятельства этого дела.

Открылись занятные вещи!

Оказалось: эта красивая молодая (27 лет) женщина — Фанни Ефимовна Каплан, как она осталась в российской истории, носила другое настоящее имя — Фейга Ханмовна Ройтблат и являлась совсем не одинокой террористкой, а была подготовлена для выполнения боевого задания по убийству Ленина целой группой опытных партийцев, часть из которых также присутствовала в осуществлении теракта.

На этом следует остановиться подробнее.

До этого эпизода она уже имела некоторую террористическую практику, правда, неудачную.

В 1906 г. она, будучи тогда модисткой-белошвейкой и одновременно анархисткой, вместе с любовником Виктором Гарским (Яковом Шмидманом) готовила теракт в отношении генерал-губернатора Киева Владимира Сухомлинова, но, по несчастливой случайности, взрыв бомбы произошел прямо в номере гостиницы *«Купеческая»* (улица Волошская, дом 29. До революции — гостиница и публичный дом, после — общежитие красных командиров), где любовники проживали. Осколками Каплан была ранена, у нее были повреждены глаза, руки и ноги. Сбежавший любовник не оказал помощь Фанни, и она попала в полицию. За попытку совершения теракта была приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Отбывала наказание в тюрьме Акатуйска (1906–1917 гг.), где познакомилась со многими революционерами, в том числе с Марией Спиридоновой, лидером партии левых социалистов-революционеров. Под ее воздействием отошла от анархистов и пришла к эсерам.

От пожизненного заключения ее освободила Февральская революция. В дальнейшем любовником Каплан был младший брат Владимира Ленина Дмитрий Ульянов. Он организовал для нее отдых в Евпатории, в санатории для бывших политкаторжан. Там Фаина познакомилась с окружением Якова Свердлова, в том числе с его ближайшим другом детства — Владимиром Загорским (настоящее имя — Вольф Михелевич Лубоцкий), секретарем Московского городского комитета РКП(б). (Его именем впоследствии будет

назван город Сергиев Посад.) По некоторым данным, Загорский также состоял в интимной связи с Каплан.

В Москве, по рекомендации Дмитрия Ульянова, она проживала у подруги Анны Пигит, племянницы владельца фабрики «Дукат» Давида Пигита на Большой Садовой улице в доме номер 10, в пятой квартире (сейчас этот дом именуется «Домом Булгакова»).

К моменту покушения на Ленина Фаина Каплан была знакома с самим Свердловым, а также и со Львом Троцким.

Уже само по себе наличие таких связей может предполагать ее ангажированность в каких-либо политических действиях в пользу данных лиц. Было бы странно, если бы они не пытались использовать ее активность и увлеченность революционной борьбой в своих интересах.

Итак, 30 августа 1918 г. террористка-эсерка Фанни Ефимовна Каплан на московском заводе Михельсона совершила покушение на жизнь В. И. Ленина. Давайте проследим, как это было, и сделаем свои выводы.

В те горячие дни утверждения советской власти все члены ленинского правительства были обязаны выступать на митингах среди рабочих коллективов. Именно 30 августа выступления были отменены, так как в этот день в Петрограде был убит террористом Леонидом Канегиссером Председатель Петроградской ЧК Моисей Урицкий, и все боялись продолжения террористических актов. Тем не менее, Свердлов настоял, чтобы Ленин выступил, сославшись на то, что «Владимир Ильич не должен демонстрировать перед контрреволюцией свою трусость». И Ленин поехал.

На территорию завода Фанни Каплан доставили руководитель Боевого отряда эсеровской партии, в котором она состояла, Григорий Семенов со своей сожительницей, тоже террористкой Лидией Коноплевой. Они еще раз проинструктировали Каплан, проверили состояние оружия (пистолет Браунинг образца 1900 г., калибра 7,65 мм) и потом находились среди работников завода.

Еще одна вопиющая «странность» со стороны организаторов мероприятия заключалась в том, что Ленину не была выделена официальная охрана. Этого не могло быть ни в коем случае, потому как охрана выделялась всегда и всем, но вот Ленину ее не предоставили. Организацией выделения охраны и контролем за этим занимался надежный друг детства Свердлова Вольф Лубоцкий-Загорский, секретарь Московского горкома партии. Здесь он почему-то оплошал... Поэтому Каплан действовала свободно, ей никто не мешал.

Это большой вопрос для истории.

Огромное количество историков заявляет: Каплан не могла в данном случае быть террористкой и стрелять в Ленина, так как она, якобы, была практически полностью слепой «*после изнурительных условий каторги*» и как молодая женщина «*не умела пользоваться оружием*».

Позволю себе не согласиться ни с тем, ни с другим утверждением.

Да, зрение ее сильно ослабло от контузии, когда в 1906 г. в ее руках взорвалась бомба, которую они вместе с любовником-террористом Виктором Гарским изготавливали, чтобы убить киевского генерал-губернатора Сухомлинова. Однако, как мы уже упоминали, по возвращении с каторги, по рекомендации другого любовника — Дмитрия Ульянова, ей в городе Харькове сделал операцию лучший офтальмолог России Леопольд Гиршман.

Операция состоялась настолько удачно, что после нее Каплан свободно, без очков работала с документами и штатно трудилась на руководящей работе в одном из государственных учебных учреждений. (Была директором курсов по подготовке земских служащих.) Я видел ее почерк, относящийся к 1918 году. Он плохой, как у многих людей, но вполне четкий и ровный. Так что надо забыть эту глупую историю со слепотой и осознать: Фанни Каплан была вполне зрячей, когда стреляла в Ленина.

Что касается пистолета, из которого она будто бы не умела стрелять, то горе-исследователи забывают: Фанни Каплан была профессиональной террористкой и умела прекрасно стрелять из всех видов оружия. Надо учитывать то железное обстоятельство, что три пули из четырех, выпущенных Каплан, попали в цель. Точно такой же пистолет «*Браунинг*» был у нее изъят после случайного взрыва бомбы в гостинице «Купеческая» в 1906 году. Нельзя же допустить, что революционерка носила его просто так, как игрушку, которой не умела пользоваться.

Известен и такой факт: незадолго до покушения на Ленина состоялись тренировочные стрельбы эсеровских боевиков на выездном полигоне. По свидетельству видного эсера Петра Соколова, из всех участников этих стрельб Фанни, стреляя из своего пистолета, заняла первое место, попав в мишень четырнадцать раз из пятнадцати возможных.

Существует много данных о том, что пули, выпущенные Каплан, были начинены сильно действующим ядом кураре. Этот яд, как известно, индейцы Америки всегда использовали для охоты на слонов. Начиненная им стрела или копье убивает любое животное. Однако воздействия яда на организм Ленина впоследствии не было обнаружено. Это может говорить о том, что информация о самом наличии яда могла оказаться ложной, или же, как утверждают специалисты, при движении пули в стволе пистолета она сильно нагревается, и яд, находящийся в пуле, просто сгорает.

Теперь об участниках преступления.

Это история удивительного вранья, которым обросла вся ситуация и фигура Фанни Каплан, повествующая о том, что она была террористом-одиночкой и в этом качестве всего лишь мстила Ленину за разгон Учредительного собрания.

Дело в том, что красивая молодая женщина Фанни была далеко не единственной участницей этого теракта, и, представляется нам, остальным фигурантам было глубоко наплевать на сердечные воззрения Каплан. Им нужно было только выполнить задачу — убить Ленина.

Давайте назовем тех, кого удалось установить как участников. Назвав их, обозначив их роли, мы вплотную подойдем к главным вдохновителям и организаторам этого гадкого мероприятия — Льву Троцкому и Якову Свердлову.

1. Друг детства — Владимир Михайлович Загорский (настоящее имя Вольф Михелевич Лубоцкий) — в жизни — самый доверенный и близкий человек Свердлову. На момент покушения — секретарь Московского городского комитета большевистской партии. Он, как представитель городской партийной власти, отвечал за саму процедуру проведения встречи, за организацию ее, включая детали. Ленин был его руководителем по партийной линии, и Загорский обязан был быть при нем. В его функции входило открытие и завершение встречи, обеспечение наличия руководства завода, пу-

блики и т. д. Основное, что он обязан был сделать, — выставить для Ленина охрану и создать условия надежной безопасности первого лица страны. Но именно эту главную задачу Загорский не выполнил. Таким образом, Загорский своей преступной бездеятельностью способствовал успеху покушения. При Ленине совсем не оказалось никакой охраны. Если говорить прямо, он бросил Ленина и подставил его под пули. Вероятно, такая задача перед ним и ставилась главными организаторами, и он эту задачу выполнил.

2. Боевик из числа правых эсеров рабочий Александр Протопопов. Его роль в этом деле не вполне понятна. Вероятнее всего, он был *«на подстрелке»* при проведении мероприятия. На другой день 31 августа был расстрелян ведомством Дзержинского без суда и следствия. Скорее всего, он ассистировал Каплан, также стрелял в Ленина, произведя один выстрел в него — ведь потом была найдена еще одна, четвертая гильза. Его убрали как участника покушения и опасного свидетеля, который слишком много знал.

3. Рабочий Новиков — также эсеровский боевик и, по всей вероятности, завербованный агент ВЧК. Сыграл роль провокатора. Когда началась стрельба, ушел с территории завода и угнал карету, ожидавшую Каплан. Поэтому она не смогла быстро покинуть место покушения и была захвачена. Скорее всего, это было сделано с целью не допустить бегства Каплан с завода и поймать ее с поличным, на месте преступления. Чекисты контролировали нахождение ее на заводской территории и не допустили попытку скрыться. Это было сделано для будущей компрометации партии эсеров, в которой Фанни Каплан состояла, в глазах общественности, как партии террористов, посягнувших на жизнь вождя, и расправы над этой партией. Впоследствии свои замыслы чекисты реализовали. Таким образом, покушение Фанни Каплан осуществлялось под контролем ведомства Дзержинского и было использовано в целях уничтожения политических противников — партии правых социалистов-революционеров.

4. Рабочие Жидков и Козлов — вооруженные боевики отряда Григория Семенова. Участвовали в мероприятии. Роль их не установлена.

5. Сотрудники службы наружного наблюдения ВЧК (так называемая «наружка»). Они, несомненно, присутствовали на митинге и при дальнейших событиях. Эти сотрудники и в то время, и сейчас, всегда, в любом случае присутствуют при публичных выступлениях главы государства. Именно эти негласные сотрудники ВЧК, вероятно, отследили маршрут движения Фаины Каплан до улицы Большой Серпуховской и с помощью агента — помощника военного комиссара 5-й московской пехотной дивизии Степана Батулина, который якобы случайно обнаружил террористку, задержали ее. Каплан, убегая, была вынуждена остановиться на улице в ожидании трамвая, потому как карету ее угнали.

6. Григорий Семенов. Эта персона — ключевая в понимании всей ситуации и тайных пружин ею двигавших. Он был руководителем Боевого отряда Партии правых социалистов-революционеров, в котором состояла и Каплан. Примерно весной 1918 г. он, исходя из анализа имеющихся документов, был вместе ссожительницей Лидией Коноплевой, также участницей группы, завербован ВЧК и состоял в ее агентурной сети. Регулярно поставлял информацию о деятельности эсеров, об их планах и политических акциях.

Деятельность Семенова и Коноплевой в качестве негласных сотрудников ВЧК принесла серьезные результаты. В результате тайной агентурной рабо-

ты этой пары в интересах Чрезвычайной Комиссии, провалились все значимые антиправительственные мероприятия эсеровской партии. В 1921 г. их приняли в большевистскую партию, а в следующем, 1922 г. они участвовали в открытом, публичном разоблачении правых эсеров и в состоявшемся над ними судебном процессе. Их показания и выступления на процессе сыграли главную роль при определении меры наказания каждому из подсудимых.

Семенов и Коноплева также, как и другие правые эсеры, понесли наказание за террористическую деятельность, и это было опубликовано в советской прессе. Однако на следующий же день наказание с них двоих было снято, как с *«раскаявшихся в своей преступной антисоветской деятельности»*, снята была и сама судимость.

Теперь давайте перейдем к самому интересному в истории с негласными сотрудниками ВЧК Семеновым и Коноплевой. Хотим показать, на кого же они в конечном итоге так старательно работали, стремясь чужими руками убить руководителя советского государства В. И. Ленина?

Как-то так странно получилось, что уже в самое ближайшее время после судебного процесса два этих бывших эсеровских террориста были приняты на службу в Наркомат обороны страны, которым в тот период руководил сам Лев Давидович Троцкий. И сразу же попали в элитное его подразделение — внешнюю военную разведку. Оба сразу получили командирские звания. У Коноплевой служба там не очень удалась, она впоследствии вполне удачно трудилась на преподавательской и государственной службе, а вот ее сожитель — Григорий Семенов преуспел на работе и заслужил в тридцатые годы генеральские ромбы.

Скажите мне, дорогие мои читатели, мог бы разве простой террорист и провокатор в те времена дослужиться до генерала ВЧК — НКВД, не имея покровительства со стороны Троцкого?

Конечно бы, не мог. Но эсер Григорий Семенов проявил столь усердное рвение, работая на врага России, своего патрона Льва Давидовича, что тот в ответ хорошо за него порадел. Тем более, Семенов наверняка предал не только Фаину Каплан, но и многих других...

Расплата все равно приходит, и тридцать седьмой год это доказал и все поднапортил, прервав и удачные карьеры, и сами жизни Семенова и Коноплевой.

Какие еще нужны доказательства, чтобы утверждать, что за всей инсценировкой покушения на убийство Ленина в августе 1918 г. стоял Лев Троцкий, а значит и Соединенные Штаты, агентом которых он являлся?

А красивая молодая женщина просто стала инструментом и игрушкой в суровой и безжалостной мужской игре.

Сначала Фани Каплан привезли на Лубянку. Допрашивали ее любимые палачи Троцкого Яков Петерс и Виктор Кингиссеп. Она во всем призналась. Дзержинский, по указанию Троцкого, контролировал каждое слово, попадающее в протокол. Поэтому там не оказалось никакой конкретики, которая бы указывала на опасные для Свердлова и Дзержинского обстоятельства, в протоколе фигурировали только общие фразы, подтверждающие вину террористки. В протоколах нет данных о сообщниках, о подпольной работе, о партии правых эсеров. Говоря объективно, Фанни вела себя на допросах в ВЧК достойно, ни о ком не сказала плохо, никого не сдала. Она была идейной террористкой.

Потом Свердлов забрал ее к себе и спрятал в кремлевских застенках: она два дня провела в подвалах под Большим кремлевским дворцом. Ее никто не допрашивал, так как в этом совсем не было необходимости. Ее чекисты долго «вели» перед тем, как спровоцировать на преступление, и все о ней знали.

Конкретной работой с ней по отработке деталей покушения на Ленина от имени партии эсеров, как мы уже отметили, занимались два человека — Григорий Семенов и его сожительница Лидия Коноплева. По поручению ВЧК, они и спровоцировали Каплан на покушение, благо, долго уговаривать террористку им не пришлось: она к убийству Ленина давно была готова. В свою очередь, Семенов и Коноплева обещали ей всяческое прикрытие и защиту в случае неудачного разворота событий.

Покушение на Ленина от имени правых эсеров было выгодно для единомышленников — Дзержинского, Троцкого и Свердлова по двум причинам. Во-первых, ликвидировался основной соперник Троцкого — Ленин и, следовательно, Соединенных Штатов, во-вторых, всю вину за этот теракт можно было списать на правых эсеров, которые сильно мешали большевикам на политическом поле, и расправиться с ними. Что и было сделано, причем с большим успехом.

Покушение Фанни Каплан развязало руки ненавистникам России — Свердлову Троцкому и Дзержинскому послужило стимулом для еще одной их кровавой провокации. Уже 2 сентября Свердловым в стране был объявлен «Красный террор». Репрессиям подверглись сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Все это совершалось для устрашения и запугивания населения, которое в основной своей массе не приняло советскую власть.

О том, что ленинские сторонники прекрасно осознавали реальную, провокационную роль Соединенных Штатов и понимали, «откуда дует ветер», свидетельствует такое вот высказывание Николая Ивановича Бухарина. Вот что он писал о Фанни Каплан: «Узколобая фанатичная мещаночка, которая, может быть, искренне считает, что Ленин погубил Россию, которая, может быть, действительно не понимает, что ею водила рука тех, кто разъезжает по пятой авеню Нью-Йорка после деловых разговоров по улице банкиров Волл-стрит».

Думаю, что и другие единомышленники из ленинской команды во всем разбирались не хуже его.

Форму казни предложил Яков Юровский, царевубийца, руководивший расстрелом Царской семьи и недавно приехавший в Москву из Екатеринбурга. Как известно, своих жертв он сжег и теперь посоветовал Свердлову совершить с Фанни Каплан то же самое.

День 3 сентября был в Москве пасмурным и прохладным. Падал с неба мелкий и холодный дождик самого конца лета, намочил ей непокрытую голову.

Она не знала, куда ее ведут, но понимала, зачем... Перед самой смертью она повернула красивое лицо к небу, зажмурила глаза. И дождь омыл ее бледную кожу... Небо было мрачное и пустое, на нем не было Бога, потому что она не верила в Него.

Бог не ждал ее на небе.

С какими мыслями эта запутавшаяся женщина, Фейга Хаимовна Ройтблат — таково настоящее ее имя — уходила из жизни? Трудно сказать. Но,

наверное, в мыслях ее не было ничего радостного. Ей нечем было подводить итоги прожитых лет. Все высокие революционные устремления оказались пустышками, все, за что она бралась ради кажущейся общественной пользы, — все пошло прахом, не принесло пользы никому.

Вот и покушения не получилось. Ей сказали: Ленин, ненавистный ей Ленин, этот предатель дела, за которое она боролась, остался жив.

На сердце лежали только тоска и разочарование. Ей совсем не хотелось жить.

Мужчины, которых она любила, предали ее. Даже тот, ради кого она жила все дни каторги — Виктор Гарский, которого она узнала как мужчину еще с пятнадцати лет, покинул ее совсем недавно. А она ради встречи с ним, по прошествии одиннадцати лет вынужденной разлуки, обменяла любимую теплую вещь — шерстяную шаль, подаренную Марией Спиридоновой, на кусок дорогого мыла с одной только целью: чтобы от нее в моменты любви исходил нежный запах. Запах этот так нравится Виктору...

Теперь у нее ни любимой шали, ни любимого человека... Зачем жить, когда все так омерзительно.

Комендант Кремля, бывший кронштадтский матрос Павел Мальков, бесцеремонно развернул ее спиной к себе, и она потерянно тихо спросила: «Зачем это?».

Он выстрелил ей в затылок.

Около гаражных ворот стояла железная бочка, в которой раньше варили смолу. Бочку подкатили к телу Каплан, поставили «на попу», и двое солдат-латышей бросили в ее жерло труп. Головой вниз. Вылили сверху ведро бензина на безжизненное тело и подожгли.

...От удушливого запаха жареного человеческого мяса, который вперемешку с бензиновой гарью, стелился над гаражами кремлевского Боевого автомобильного отряда, пролетарский поэт Демьян Бедный, стоявший рядом и глазевший на всю процедуру, потерял сознание.

Мы рассказали вам довольно много о развернувшейся в послереволюционной России тайной борьбе двух непримиримых флангов — прогерманского и проамериканского. И это лишь малая часть из тех неистовых и безжалостных сражений за власть над поверженной в войне страной.

Как видим, явного перевеса в этой борьбе не было ни у кого, хотя, когда совсем ослабла и также была побеждена Германия, Америка сильно покуражилась над Россией и вывезла за бесценок из нашей страны сотни тонн золота, накопленных страной драгоценностей, церковных и музейных шедевров, других национальных богатств.

И Россия этого никогда не забудет.

Так продолжалось, пока их всех не победил самый гениальный интриган-государственник XX в. Иосиф Сталин. Не будучи русским, он всем нашим врагам напомнил, что такое Матушка Россия и как уважительно к ней нужно относиться.

В этой истории мне представляется важным представить и осознать высокий градус ненависти и страстей ей сопутствующих. Посмотрите только: в борьбе за власть Ленин не считался ни с какими жертвами, цинично не испытывал и малой доли уважения к стране, которая его родила. Пользуясь чужими деньгами, опираясь на непонятые и не принятые Россией иноземные политические химеры, он разрушал все в нашей стране — исто-

рию, культуру, национальные традиции, последовательно уничтожал сам народ.

А его бывший близкий сподвижник Яков Свердлов, ничтоже сумняшеся, убивал самого Ленина, невзирая на то, что тот был руководителем государства и продвинул его самого во власть, убивал также и народ страны, в которой появился на свет. И он, как и Ленин, не усматривал в этом своем поведении ничего экстраординарного: для него это была обычная политическая «многоходовка», в подготовке и проведении которых он был великий мастер. А задействованные, в том числе и погибшие в ней, люди, были для него всегда обыкновенным использованным «человеческим материалом».

В то, что к подготовке к покушению на Ленина очевидно причастен Свердлов, мне ясно не только из фактов, уже приведенных в очерке, но и из тех, о которых хочу сказать дополнительно.

Так, о встречах глав государств с народом, об их времени и месте никогда не объявляется публике заранее. Это железный закон обеспечения безопасности охраняемых лиц и тогда и теперь. Поэтому странно и необычно выглядит ситуация, когда 30 августа 1918 г. на завод Михельсона в Москве, где состоялась встреча Ленина с рабочими, отсутствовала его чекистская охрана (Лубоцкий не обеспечил), но зато прибыла целая группа хорошо подготовленных террористов-боевиков из Боевого отряда партии эсеров с задачей убить Ленина. По установившейся тогда практике, список предприятий, где должен был выступать Ленин, готовил друг детства Свердлова Вольф Лубоцкий (Загорский). Свердлов держал под контролем и эти списки, и сами выступления. Никто другой не знал, где и когда будет выступать Ленин. Следует также напомнить, что Боевая эсеровская группа фактически действовала под контролем единомышленника Свердлова Феликса Дзержинского, так как ею руководил агент ВЧК Григорий Семенов.

Покушение на Ленина, по свидетельству очевидцев, состоялось около 23 часов вечера, а воззвание ВЦИК, подписанное Свердловым, в котором сообщалось об этой «гнусной провокации контрреволюции», появилось в 22 часа 40 минут. Получается, что Свердлов подписал это воззвание до состоявшегося покушения, будучи уверенным, что оно уже произошло.

Еще один интересный исторический факт. Свердлов, как только услышал по телефону, что на заводе Михельсона раздались пистолетные выстрелы, немедленно занял кабинет Ленина, уселся в его кресло и начал руководить страной. На мой взгляд, это говорит о том, что у заговорщиков во главе с Троцким был готовый план на случай смерти Ленина и роль его «сменщика» должен был выполнять именно Яков Свердлов.

В завершение рассказа — загадочная история. Примерно через неделю бывший любовник Каплан — Виктор Гарский (Яков Шмидман) вдруг прибыл в Кремль и уверенной походкой пришел к Свердлову, как к старому другу. Он пробыл у него долго и вышел из кабинета чрезвычайно довольный встречей. Радоваться было чему: этот картежный шулер, вор и террорист вдруг получил крупную руководящую должность в системе государственного снабжения России.

Чего бы это значило? — спрашиваю я сам себя. И какова была его роль во всем этом, не до конца распутанном деле?

Ответа я пока не знаю...

Михаил ЗАРУБИН

ВЫНУЖДЕННАЯ ОХОТА

Быль

Михаил Константинович Зарубин (1946–2021) — родился в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавлял 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др.

В доме тихо. Мерное тиканье стареньких настенных часов с маятником в виде двух металлических, с облупившейся краской шишек смешивается с внешним, обычно не проникающим в помещение шумом. Слышно как за стенами гулко скрипит под собственной тяжестью замороженный до твердости белоснежного мрамора снег. Зима, наверное, решила поупражняться в умениях человеческих — хотела показать, что и она может быть скульптором. Снегу наморозила горы, но красивой скульптуры из него сделать не смогла. Только нагромодила на скалах крыш да на резных наличниках окон ледяные сосульки, похожие на включенную бороду заспанного Деда Мороза. От этого своего творческого бессилия, видимо, зима в эти дни и лютовала, и злилась, замораживала все что ни попадя.

Мишка Карноухов, десятилетний мальчишка, вольготно устроился на лежанке русской печки. Мать подстелила под него ватное одеяло, которое прикрывало рассыпанное для сушки зерно. Кирпичи сохраняли тепло еще от вчерашней топки и хорошо прогревали и зерно, и одеяло, источавшие несравненный запах летнего солнечного дня. Этот запах не только услаждал обоняние мальчишка, но навевал воспоминания, которые превращались в мечты о будущем лете, о его радостях и урожайных сладостях. Мишка нежился в тепле материнской заботы в уверенности нескончаемого счастья жизни.

В доме из-за закрытых для сбережения тепла ставен царил полумрак. Мишка разжег керосиновую лампу и, положив книжку в световое пятно, стал читать. Кот Васька, уверенный, что теплое место на лежанке должно принадлежать только

ему, недовольно жмурился и выгибал хвост. Васька никогда не лазал по столам, не лез в постель, но обожал тепло. А лежанка всегда была теплой. Кот не любил делиться им даже с Мишкой, но в самые холодные дни смирял свою кошачью гордость и подползал Мишке под бок.

Но две недели делить лежанку со своим хозяином Васька явно не желал. Он открыто, строя недовольные гримасы и жалобно мяукая, выражал свое недовольство и, казалось, всем своим видом говорил: «Мишка, когда ты уйдешь с лежанки? Это мое место!»

Но Мишка никуда уйти не мог, ведь все эти две недели стояли сильнейшие морозы. Занятия в школе отменили, велели детям сидеть по домам. Мишка, хоть и не боялся холода и простуды, но соблюдал наказ школьного руководства, и только по нужде выскакивал во двор. Да еще и затем, чтобы восхититься окружающим пейзажем, который изменился до неузнаваемости. Нет, что ни говори, а все-таки зима — если не скульптор, то живописец точно. Мальчик с трудом, больше по наитию, узнавал окрест. Все вокруг было окутано млечной туманной пылью, похожей, как показалось Мишке, на Млечный путь, который он видел на картинке в учебнике. Однажды, открыв дверь и шагнув на деревенскую улицу, он ошел и, ухватившись за скрипучую калитку, отпрянул назад от неожиданности нового пейзажа. Улицы не было, только угол соседского сарая выступал черной кочергой из непроглядного марева, по которому, казалось, медленно плыли крыши деревенских домов, амбаров, баней.

Стоял день, но солнца на небе не было, оно вдоль предполагаемого горизонта расплылось белой горизонтальной светлой полосой, изливающей на обледенелые окрестности сумеречный болезненный свет. Все в пределах видимости дрожало, переливалось померкшими красками, казалось, природа судорожно кашляла. Это ощущение усугублялось зловещими аберрациями окружающего пространства: светлые полосы пересекались мерцающими темными, распространяющими сине-серые полукружия.

Голые деревья будто бы уже не дышали. Под белой ледяной коркой, облепившей стволы и ветви, они были похожи на мраморные надгробные памятники. А уж различить их породы было просто невозможно. Где тополь, где береза?

На работу мать уходила рано, дойка колхозных коров начиналась за светом. Утром возвращалась домой, готовила немудреный завтрак и будила Мишку. Мальчику не хотелось покидать теплое место, но мать настойчиво просила сына умыться, взбодриться, почитать учебники. Он был послушным сыном. Нехотя спускался с печи, обжигая ступни о холодные, почти ледяные половицы, и исполнял все наказания матери.

— Мишаня, не морозь пятки, надень валенки, — Анна чувствовала и пыталась смягчить все ощущения и переживания сына.

— Ну где они? — бурчал в ответ заспанный Мишка.

— Наверное, у печки стоят. Не сердись, родной, помни, что ты в доме главный мужчина. Хозяин.

Вняв словам матери и вспомнив, что с вечера оставил валенки у дверей, утешая ее, ответил:

— Найду, мама. Я помню, где вчера разулся.

Сунув ноги в охладившиеся за ночь валенки, Мишка побежал в куть¹. Брызнув пару пригоршней воды на лицо, юркнул за стол. Мама ухватом достала из печки чугунок, в нем пшенная каша, на краях чугунок подтеки подгоревшего молока, на столе — в большой металлической чашке сочная брусника, оттаявшая ото льда, и несколько ломтей хлеба. Мишка проголодался, с жадностью набросился на простую, но сытную и очень вкусную деревенскую еду.

— Ешь, роднулька, — говорит мама, поглаживая по голове жующего сына. Мишка уплетает, как говорится, за обе щеки, запивая еду теплым парным молоком. Утолив голод, начинает разговор.

— Мам, а как там на улице?

— Ох, и не спрашивай, мороз трещит, похоже, отпускать не собирается.

— Как же так, мама, дедушка Трофим ведь говорил, что морозы больше двух недель не стоят.

— А что, две недели прошло?

— Прошло. Это я точно знаю.

— Значит, скоро холода спадут, — с надеждой ответила мать.

— Мама, я прочитал в одной книжке, что мороз лучше, чем жара. При такой же температуре с плюсом мы бы не выжили, от жары спасения нет. А в мороз нас печка греет.

— Мороз лучше? Не знаю, не знаю, может, это шутник написал, — Анна недоверчиво покачала головой.

— Да нет, вроде врач сказал. Он доказал, что морозы положительно влияют на человека.

— Понятно, то-то ты вторую неделю сидишь на печке.

— Наверняка, мама, он не слышал про наши морозы. Не знает, что это такое.

— Думаю, он слышал, но на себе не испытал.

— А еще он сказал, чтобы не замерзнуть, нужно на морозе улыбаться и смеяться.

— Эва, чего придумал! При нашем морозе пять минут поулыбаешься, и улыбка так застынет, что щеки надо будет на печи отогреть. Ой, Мишка, читаешь ты что не попада. Я тебе без всякого врача скажу, что сильный мороз — это всегда испытание для человека. Ведь чтобы тело согреть, много чего человеку надо.

— А надо-то что, мама? Я и не знаю. Мне ничего дополнительного не надо.

— Во-первых, нужна специальная теплая одежда, голову обязательно тепле нужно держать и ноги тоже. Во-вторых, еда особенная.

— Какая такая особенная?

— Еда вот такая, какую ты сейчас ешь, она крепость организму придает. Да еще чай с молоком, да кусочек хлеба с медом, да сала хотя бы пластик. Только тогда человек готов с морозами сражаться.

— А конфеты?

— Конфеты и шоколад при жаре нужно есть, — с назидательной интонацией говорила мать.

— Так до лета далеко. Я не дотерплю.

---

¹ Куть — кухня.

— Ну что поделаешь, Мишенька, терпи. А я тебя вот что сейчас попрошу: я на дойку побегу, а ты наноси дров и к галанке¹, и к русской печке, пусть подсохнут, завтра хлеба печь надо, поэтому галанку вечером топить будем.

— Хорошо, мама, все сделаю. Но я вчера, когда дрова брал, заметил, что маловато их осталось, в эти морозы много уходит поленьев.

— Да, Мишенька, много мы истопили. Буду просить бригадира, чтобы лошадь дал, съездим мы с тобой на сухостой у Малой речки. Подзапасемся.

— Но там же болото? — удивился мальчик.

— В такие морозы любое болото застынет, табун лошадей пройдет, не провалится.

— Про морозы я забыл, — Мишка, улыбаясь, звонко хлопнул себя ладошкой по лбу.

— Выйди на улицу, Миша, сразу вспомнишь. Ладно, поел, уберешь все со стола, теплая вода в печке, промой посуду.

— Все сделаю, мама.

Было видно, что Мишка развеселился, поручения по дому, грядущая поездка за дровами придавали смысл его теперешнему бездельному существованию.

Морозы отпустили скоро, прав оказался дед Трофим, хотя поболее двух недель издевались они над таежной деревенькой. Но ход времени неумолим, никому не подвластно повернуть его в свою сторону. И холода, как им и полагалось по неизбывным земным законам, сдались, ослабили свою когтистую хватку. Белое, затруднявшее дыхание, застилавшее глаза марево постепенно исчезло. Солнце победоносно заняло полагающиеся ему для этого времени года позиции, выглядывает каждый день. От его лучей искрится снег и радуются люди.

В школе открылись двери, и опять начались уроки.

В субботу, придя со школы, Мишка сел ужинать с мамой. За едой они любили обсудить дела насущные. А когда еще, если оба были заняты и в течение дня, бывало, даже не виделись.

— Миша, на завтра бригадир дал мне коня и разрешил съездить за дровами.

— А кто доить коров будет? У них же выходных не бывает, — пошутил сын, воодушевленный грядущим маленьким приключением.

— Кто — кто? — грустно ответила Анна, — конечно, я. Утром пораньше сбегая и вечером, когда вернемся, к дойке поспею.

— Я с тобой, мама, поеду.

— Конечно, куда я без тебя, — женщина в благодарность, как маленького ребенка, нежно обняла своего умного, серьезного сына.

В воскресенье мать с сыном, запрягая на конном дворе коня в сани, увидели братьев Петуховых. Младший был ровесником Мишки, а старший Иван учился в девятом классе. Считался уже почти взрослым.

— А вы куда? — настороженно спросил Мишка Вовку.

— Мы за дровами.

---

¹ Галанка — небольшая голландская печь, применяемая в России с восемнадцатого века.

— С что ли у вас весны заготовки остались?

— Не знаю, надо у Ивана спросить, — вяло ответил своему приятелю Вовка.

Иван, услышав разговор мальчишек, ставя коня в оглобли, не поворачиваясь к ним, уточнил:

— Нет у нас ничего на заготовках. Мы вместе с вами, Мишка, отправимся на Малую речку за сухостоем.

— Вот здорово! — радостно закричали в один голос Мишка с Вовкой.

С конюшни отправились все вместе, сани на полозьях, подбитых пластинами, легко катились по деревенской улице. День был солнечный. Дышалось легко. Мальчишки ликовали. Доехав до прясла, закрывающего дорогу на околицу, Анна остановила своего коня.

— Иван, ты подождешь нас? Мы сейчас домой заедем, инструмент возьмем, — сказала она.

— А мы сразу все взяли, — радостно пояснил Вовка. — И пилу с топором, а еще и ружье.

— Здорово! Тогда нам ничего не будет страшно, — с улыбкой ответила Мишкина мать.

— Теть Нюра, мы вас ждать не будем, а потихоньку поедем, вы нас догоните, — решил нетерпеливый Иван.

— Хорошо, Ваня. В случае чего, ждите нас в домике у Малой речки.

Из дома вырваться быстро не удалось. Чтобы собрать инструмент, на это время много не потребовалось, но в хлеву поросенок сделал подкоп и перебрался на половину, где жила корова. Она начала гонять неожиданного крикливого гостя. Когда Мишка с матерью появились в хлеву, крик стоял такой, что им показалось, что кто-то забрался в хлев и прямо там режет поросенка.

Пока поймали нарушителя, навели порядок, задержались изрядно. Поэтому до леса добирались одни.

У избушки увидели розвальни и впряженного в них коня.

— Чего это они, распрячь поленились? — удивилась мать.

— А зачем, мама?

— Пусть бы сена поел, — резонно заметила жалостливая женщина.

В избушке сидел один Вовка, он пытался затопить печку, которая сопротивлялась и нещадно дымила.

— А где Иван? — спросила мать.

— Он за речку пошел, выбрать сухостой.

— Давно ушел? — насторожилась Анна.

— Да как приехали, сразу и пошел.

— Ружье-то взял хоть?

— Нет, только топор.

— Маловат он еще чтобы одному по лесам в мороз ходить, — огорченно сказала знающая таежные законы женщина. — По одному здесь не ходят.

Потом подтянула ремень на телогрейке, поправила на голове платок, встряхнула рукавицы и строго приказала мальчишкам:

— Не выходите из избушки, ждите нас с Ваней. Я мигом.

Анна спустилась к Малой речке, пошла по следам Ивана, но вскоре заметила параллельную с небольшим отставанием от Ивана цепь следов. Женщина остановилась, внимательно взгляделась: след свежий, но это не соба-

чий след, да и откуда здесь собака? — подумала Мишкина мать, вздрогнув. Это Волк! кроме волка быть некому. Она развернулась, по тяжелому снежному покрову побежала обратно в избенку. Распрягла лошадей, поставила их в крошечный сарайчик, бросив охапку снега. Мишка и Вовка удивленно смотрели на нее.

— Мама, мама, ты чего так запыхалась? Что-то случилось? — завокнулся Мишка, знавший каждый мамин жест, каждый вздох.

— Пусть лошадки отдохнут, сынок.

— А зачем в сарай-то? Им же ничего не грозит.

— Целее будут. Давайте разговоры прекратим, попробуем вместе покричать. Может, Иван уже на подходе.

Команда «дровосеков» встала в ряд, и все дружно несколько раз прокричали в сторону болот:

— Ива-а-ан! Ива-а-ан! Ива-а-ан!

Эхо далеко разнеслось по зимнему лесу, отразилось от ледяных стволов, как от зеркал, поплутало по раскидистым ветвям таежных деревьев-великанов, белкой взлетело на их вершины. Но ответа не было. Они покричали еще. Анна почувствовала неладное и решила:

— Так, ребята, он не откликается. Я пойду, поищу Ивана, по следам это не трудно сделать, а вы ждите нас, затопите печку. Мишка, в наших саниках возьми полешки, я их на конюшне припасла, для растопки клочок сена положите. Чай вскипятите. Сынок, в нашей торбе¹ заварку найди.

— Тетя Нюра, я пойду вместе с вами, — попросился Вовка.

— Нет, никто со мной не пойдет, — неожиданно жестким тоном сказала Анна и добавила: — А где ваше хваленое ружье, Вова? Оно мне может пригодиться.

— В углу стоит, — указал в нужном направлении испуганный паренек.

— Патроны есть?

— Не знаю, тетя Нюра, Иван собирал. А вы что, стрелять будете? — округлив глаза от неожиданности ситуации, полушепотом спросил Вовка.

— Вряд ли, так, для острстки, — махнув рукой, проговорила молодая женщина. Торопливо проверяя заряды, она неодобрительно покачала головой.

— Вот охотнички. Вова, посмотри в рюкзаке, может, там патроны есть?

— Нет, там ничего, тетя Нюра, кроме ломтя хлеба, это я точно знаю. Я сам видел, как Ванька ружье заряжал, а патронташ дома оставил, сказал, зачем тяжесть таскать, — чуть не всхлипывая, понимая драматичность ситуации, ответил паренек.

— Ну хоть ружье зарядил, и то хорошо. Я пошла, ребята, — решительно проговорила Анна. — Из избушки без особой надобности не выходите. Если меня к вечеру не будет, возвращайтесь в деревню.

— Мама! — с ужасом воскликнул Мишка. — Ты чего надумала? Не ходи, Иван сам найдет.

— Все хорошо будет, я вернусь. Не волнуйтесь. Думаю, что Ванька заблудился, надо ему помочь.

Анна оглянулась. У крючковой изгороди, будто осиротевшие, два паренька жалостно смотрели ей вслед.

---

¹ Торба — заплечная сумка без каких-либо отделений.

— За что мне такое наказание? — подумала женщина. — Но и человека спасать надо. Бог поможет, не оставит нас в беде.

Анна вспомнила, что лет пять из ружья не стреляла. Брала оружие в руки, когда еще муж Степан жив был, на уток охотились вместе. За приятными воспоминаниями молодости Анна не замечала трудности снежного пути.

Примерно через каждые пятьдесят метров она останавливалась и долго, протяжно кричала.

— Ва-а-ня-я, Ва-а-ня-я... — Но ответом была только звенящая тишина.

Анна заметила, что на второй поляне сушняка было больше, молодая поросль осины заняла все свободные места. После очередного крика она вдруг услышала стук палки по дереву. Звук доносился от большой, наполовину обгоревшей ели. Это прибавило женщине силы, она ускорила шаг, благо помогал крепкий снежный наст, который не проваливался под ее тонким, легким даже в зимней одежде телом.

У ели след Ивана обрывался, но волчьих следов было много. Стук повторился, он доносился с высоты. Анна, подняв голову, обомлела, увидев Ваню на дереве.

— Ваня, Ваня, ты чего там сидишь? — радостно закричала женщина, — спускайся быстрее. Там дети одни в избушке.

Иван пытался что-то сказать, однако, было видно, что от волнения или испуга ему не удалось вымолвить ни слова. Он стал спускаться, головой показывая Анне на молодую поросль ельника, находящегося в двадцати метрах от них.

Она не увидела, но сердцем почуяла — там прячется волк. Долго не раздумывая, сняла с плеча двустволку, стала внимательно вглядываться в кустарник и поросль. Ветки не шевелились, значит, голодный хищник сейчас так же внимательно, не шелохнувшись, наблюдает за ней. Ему достаточно нескольких молниеносных прыжков, чтобы напасть на свою добычу. Ружья он, видимо, не боялся. Останавливало зверя только то, что Иван шумно слезал с дерева, ставшее ему на несколько часов защитой.

Говорить он по-прежнему не мог, только хрипел. Знать, сорвал от крика голос. Волк, видимо, потерял терпение, в кустах показалась его голова, как две синие смертоносные молнии сверкнули волчьи глаза. Анна прижала спиной к ели подростка и скомандовала.

— Тише, не суетись. Идет.

Волк, действительно, стал медленно выходить из кустарника, в своей отчаянной злобе он перестал ощущать опасность, которая могла исходить от людей. Анна, не раздумывая, чуть прицелившись, сделала выстрел. Жалобный вой зверя свидетельствовал, что пуля достигла цели.

— Неужели попала? — торжествуя, сказала женщина. Иван с болезненной улыбкой закивал головой.

— Иди вперед, горе-дровосек, — скомандовала она, — только от меня далеко не отходи, будь рядом.

Хрупкая женщина и паренек-подросток стали потихоньку отходить от ели, защищавшей их. Стоять нельзя, надо двигаться, понимала Анна. Не зная о состоянии хищника, чувствуя, что он, даже раненый, может продолжить преследование добычи, она внимательно осматривалась по сторонам.

Добравшись до вырубki, женщина и подросток побежали короткими перебежками. Командовала Анна. На минутных остановках она, придерживая за плечо Ивана, осматривала округу. Потом приказывала:

— Иван, бежим.

Анне бежать было трудно от волнения, дышать приходилось открытым ртом, морозный воздух обжигал горло. Ледяной пот, стекавший со лба, попадал в глаза. Стал пониматься ветер, с веток деревьев слетал снег, затрудняя видимость.

Добравшись до речки, Анна у кустов вновь увидела волка, за ним по снегу тянулся бурый след, значит, он ранен. Но не смертельно. «Плохи наши дела», — мелькнула тревожная мысль.

— Ваня, какой заряд в патронах?

Молодой человек пожал плечами, дав понять, что не знает.

Анна подняла ружье и стала прицеливаться. Зверь заметил это и, уже имея опыт, стал отступать, он занял наблюдательную позицию в кустарнике, что означало, что от своего намерения поживиться хищник не отступится. Анна с Иваном осторожно сделали несколько шагов вперед, тут же голова волка появилась в просвете молодой сосновой поросли. Рычание свидетельствовало о его неколебимой решительности.

— Чего же он к нам пристал, бешенный, поди? — тихо, только для себя, сказала Анна, укрепляясь в осознании того, что отступать некуда, что придется вступить в бой.

— Так, Ваня, становись со мной рядом, а я попробую прицелиться да зацепить его хотя бы дробью. Кто же на волка охотится дробью, это же не утка, — опять сама с собой посовещалась Анна и просчитала дислокацию.

— Ваня, как только он завоюет, беги к речке, а я за тобой.

Иван в знак согласия закивал головой.

— Без моей команды не трогайся с места, — строго добавила Анна.

В эту минуту волк на удивление безбоязненно вышел из кустов. Только здесь она разглядела своего противника.

«Достойный, — подумала женщина. — И красивый. Зачем же ты свою смерть здесь ищешь, животное? Жалко тебя, глупого. Поживился бы белкой, зайчишкой. А ты на беззащитного пацана решил напасть».

Анне было жалко этого смертоносного хищника. Серый, со светлой подпалиной на спине, с поджатым хвостом и опущенной головой, с капающей из пасти то ли слюной, то ли кровью, он производил впечатление подрубленного, но не сваленного кедра.

— Точно, бешеный, — утвердилась Анна в своем предположении. — Потому и один.

Но делать было нечего, она подняла ружье, волк посмотрел на женщину в упор, прижал уши, напрягся, присел. В его глазах вновь промелькнули две смертоносные синие молнии. До прыжка оставалась секунда. Опередив зверя, Анна нажала на курок.

Звук выстрела был оглушительно громким и почему-то продолжительнее обычного. Волк подскочил на снежном насте, словно кто-то подкинул его, и упал на бок. Судороги пронзили его тело.

Анна сильно толкнула Ивана в спину:

— Быстро, бегом, к избушке. Быстрей... — на этом слове ее голос как будто пресекался. То ли от напряжения комок слез перекрыл гортань, то ли иссякли силы.

Но бдительность Анна не потеряла. Не отрывая глаз от раненого, но как будто еще живого и смертельно злого волка, не поворачиваясь к нему спиной, с ружьем, в котором не осталось патронов, она медленно стала продвигаться по уже протоптанному следу. Сделав несколько шагов, женщина вдруг увидела мужичка. Ей в ужасе померещилось, что это Мишка. Через мгновение с облегчением поняла, что ошиблась. Это был «мужичок с ноготок» или, как его все в деревне называли, Коля-маленький, деревенская достопримечательность. Большеголовый мужик лет пятидесяти, но ростом метр с кепкой. Жил в избушке на огороде у Августины, рядом с домом Петуховых. Жил — это громко сказано. Основное время обретался в лесу, имел свое зимовье и лесную охотничью делянку. В деревне появлялся в случае надобности — шкурки в сельпо сдать да припасы купить.

— Коля, — надрывно закричала Анна, — ты как здесь оказался?

— Ну что, Нюра, напугал тебя волк? — миролюбиво пробасил Коля.

При этом росте голосом он обладал глубоким, проникновенным, настоящим мужским. Как говорится, с певческой формантой. Ему бы в опере петь. Да где там, на пропитание бы добыть. У каждого своя судьба.

— Напугал, — выдохнула это короткое слово охотница поневоле.

Анна опустила ружье, казалось, даже не обрадовавшись своему спасению.

— Хорошо, что не стая волков, — попытался ее подбодрить Николай.

— Хорошо, Коля, хорошо, — слезы навернулись на глаза хрупкой женины, которая невероятным усилием воли, любви, сострадания, умения защищала жизнь ребенка и свою собственную.

Коля подошел к лежащему волку, пошевелил его стволом своего ружья.

— Все, кранты, пулю я ему саданул прямо в сердце.

— Так это ты стрелял?

— Я. А кто же еще? — самодовольно пробасил мужичок.

— А я думала, что — я. Я ведь тоже стреляла, — оживившись, попыталась отстоять свое преимущество Анна.

— Ну дробь для него только злости добавляет, не смертельна. Если только в глаз попадаешь. Ты бы с ним, даже раненым, не справилась, Нюра.

— Господи, Коля, счастье-то какое, — она обняла своего спасителя, почуяв, что от него пахнет настоящим порохом.

— Ребятне спасибо скажи.

— Какой ребятне? — не поняла Анна.

— Мишке с Вовкой, кому же еще.

— А они-то причем?

— При всем! Молодцы! — усмехнулся Коля. — Иду я по Илимю на своих камусных¹, вижу издали над избушкой дымок вьется, а на угоре двое парней зажженными факелами машут. Свернул я, оказывается Мишка твой и Вовка Петухов на помощь зовут. Побежал по вашим следам, а за речкой волчьих следы увидел. Сразу понял, одиночный, видимо, больной и голодный. Выстрел твой услышал, смекнул, что тут волка ждать надо, и прав оказался. И пулю ему вовремя всадил.

— А я не поняла, что это ты стрелял, Коля. Наверное, наши два выстрела слились в один.

---

¹ Камусные лыжи — с нижней ходовой стороны подбиты комусом, шкуркой, снятой с ног лося.

Коля не отвечал, только пристально, с наслаждением смотрел на молодую красивую женщину, с растрепавшейся пшеничного цвета косой, любуясь ею, радуясь ее спасению, понимая, что сегодня подарил ей жизнь. Может, он, никчемный, маленький, и появился на этот свет, чтобы совершить именно это доброе дело.

Действительно, неисповедимы пути Господни. Сколько одновременно сложилось чудесным образом условий для чудесного этого спасения. Не в возможностях это человеческих, но и без силы души человеческой такие дела не делаются. Любовью оказались связаны все участники этого трагического приключения. Любовью и спаслись.

Наконец Коля ответил:

— А кто еще мог стрелять, других-то никого и не было, — и ярко покраснели его щеки. Анна, заметив это, только и сказала:

— Спасибо, Коля. Я пройду к избушке. Там дети одни.

— Иди, иди, Нюра, я посмотрю зверя, — ответил охотник с явным сожалением, что надо прощаться.

— А чего его смотреть? Убили и слава Богу!

— Сейчас посмотрю, убили ли. А то еще бед наделает.

— Думаешь, живой?

— Нет, конечно, но посмотреть надо, Нюра.

Анна только сейчас почувствовала полное бессилие, и физическое, и эмоциональное. Усталость парализовала ее, но она понимала, что надо идти, что там, в избушке, дети одни, что волк в этом лесу не единственный. Кто знает, что еще может случиться?..

Анна, с трудом переставляя ноги, цепляясь то за какой-нибудь куст, то за концы своего платка, спавшего с головы на плечи, не замечая холода, медленно пошла к избушке. Она была уверена, что это Бог спас ее. А значит, она еще нужна на этом свете, нужна своему Мишке, двум своим дочерям, своей деревне, своим коровкам, которых непременно надо вечером подоить. Нужна Богу, чтобы возносить Ему молитвы о спасении.

Увидев мать, Мишка, спотыкаясь о ледяные наросты, падая, мгновенно поднимаясь, помчался к ней. На бегу он кричал, ладошкой размазывая слезы по щекам:

— Мама, мама! Ты жива! Коля спас вас!

Анна остановилась, увидев бегущего сына, и тоже, как ей показалось, закричала. Но голос ее был тихим, еле различимым, таящим в стужающих сумерках.

— Миша, Миша! Куда ты бежишь? Я здесь, родной. Я здесь.

Она шла, пошатываясь, сил ускорить шаг не было. Сердце не успокаивалось, оно все еще бешено колотилось, будто испуганная птичка хотело выпрыгнуть из груди. Анна остановилась, обвела взглядом мир, который несколько минут назад могла оставить навсегда. А мир был прекрасен. Окрест все переливалось, искрилось, казалось, снежное покрывало земли было соткано из алмазных нитей. Ветки кустарника, осин, трепетных берез нежились в пушистом инее. Картина прекрасная, но безжизненная. Все погружено в зимний сон, по законам природы длящийся до весны.

Солнце, с утра отправившееся на свою извечную службу, взобравшееся в полдень до высшей точки над Красным Яром, сейчас тоже заметно устало,

склонилося к Качинской сопке, как красна девица к молодецкому плечу. Еще несколько минут, и скроется оно за Шальновским хребтом. И окутает мир пологом ночь, и канет в вечность, в историю, точнее, в деревенскую историю, этот день. Будут о сегодняшних событиях говорить односельчане, а через годы вспоминать мальчишки, участники невероятного приключения.

«Да, быстро прошел день, — подумалось Анне, — а дров не набрали. Придется ехать домой пустыми».

Встряхнувшись от оцепенения, охватившего ее, женщина медленно пошла навстречу сыну. Мишка с размаху уткнулся в телогрейку матери. Шапка слетела с его головы. Нос оказался подозрительно влажным.

Анна наклонилась, подняла шапку, пригладила взъерошенные волосы сына, нахлобучила на него серую, с протертыми наушниками от длительной носки шапку, утерла его нос концом своего платка.

— И шапка уже тебе мала, Мишка, — невыразительным тоном отметила мать.

— Ничего, мама, еще поносим, еще в самый раз, — сказал утешающим тоном сын, прижимаясь к своей любимой маме.

— Ванька прибежал к вам? — устало продолжала Анна разговор.

— Прибежал, он голос сорвал. Говорить совсем не может.

— Я знаю. Пойдем, надо ему помочь.

— Помочь, а как?

— Пойдем быстрее в избушку, я расскажу, — немножко оживилась Анна. Заботы и тяготы всегда были ее жизнью.

— А Коля-маленький где? — поинтересовался Мишка судьбой спасителя.

— Он к волку пошел.

— Так вы же убили волка?

— Убили сынок, убили.

— Ты, мама? Да?! — настойчиво допытывался сын, не понимая, что Анна совершила самое главное дело — не испугалась зверя, не побежала, не подставила ему свою спину. А встретила врага глаза — в глаза. И этим уже победила. И своей грудью закрыла мальчишку.

— Не знаю, Миша, скорее Коля-маленький его застрелил. Да важно ли это — кто сделал последний выстрел. Мы победили, все победили. Если бы вы с Вовкой не помогли, я бы одна не справилась.

Мишка взял мать за руку и бережно повел к избушке. На пригорке возле домика виднелись две фигуры. Это же братья Петуховы, — не сразу сообразила Анна.

В избушке было тепло, даже жарко, железную печку ребята от многочасовой протопки накалили до красна.

— Миша, Вова, вы чего это, пожар сделать хотите? — строгим тоном проговорила Анна.

Сын, опустив голову, оправдывался:

— Нет, мама, тепло хотели сделать.

— Ты же не маленький, знаешь, как печку топить, нам еще пожара не хватало. Хватит, даже щепки в печку не кидать! — приказала Анна.

Ваня попытался что-то ответить, но раздался только хрип.

— А ты, Иван, помолчи, — вздохнув, велела парню Анна. — Для тебя сейчас главное молчать. Это твое лучшее лекарство. Шарфик есть?

— Есть, есть, тетя Нюра, — хватаясь за шарф на своей шее, затараторил Вовка.

— Тебе он самому нужен. Я у Вани спросила, — продолжала Анна разговор строгим тоном.

— А Ванька шарфы не носит, — пояснил Вовка, протягивая Анне свой шарф.

— Нечем гордиться. Вот поэтому у него горло слабое, и голос сорвался. Наверное, часто болеет.

Анна взяла из Вовиных рук шарф, подошла к Ивану, оттянула воротник его свитера, помассировала тонкую ребячью шею и бережно обмотала ее шарфом. Шарфик был небольшой, хватило только на один оборот. Анна аккуратно подоткнула кончики, подняла воротник свитера, так что Ваня не мог вращать головой. Потом села на лавку, положила руки на колени и устало спросила:

— Миша, а что у нас с чаем?

— Чай на печке. Все готово.

— А чем заварили?

— Травой и листьями смородины.

— Сними чайник с печки и на пять минут вынеси на улицу, чтобы остыл.

— А зачем?

— Ване сейчас горячий нельзя. Лучше, конечно, чай с молоком да с медом. Ну да выбирать не из чего, пусть пьет, что имеется.

Ваню напоили чаем, но голос не появился, хрип только усилился.

— Ничего, Ваня, дома мать долечит. Все будет хорошо, скоро поправишься. У нас с вами день к закату клонится, домой поедет? — Анна вопросительно посмотрела на ребят.

Ванька и Вовка согласно закивали головками.

— А может, дрова заготовим? — подбадривая всю компанию, спросила Анна.

Ребята затрясли головами, не соглашаясь с этим беспощадным предложением.

Деликатно постучался в дверь избушки Коля-маленький. Улыбаясь, зашел внутрь.

— У-у-у! У вас тут красота какая! Тепло, чаем пахнет. Полейте мне кто-нибудь на руки водицы, я шкуру с волка снял, пока он теплый был, — пробасил умелый охотник.

— А зачем? — спросила Анна.

— Как зачем? Сдашь, премию получишь.

— Я?!

— Да, ты. Нюра, ты ведь его убила, а я только немного помог, — сказал бывалый таежник, скромно отводя глаза в сторону.

— Нет, это не я.

— Ты. Ведь в патроне пуля жиган¹ была. Ты разве не знала?

— Нет, Коля, не знала. Ружье не мое, оно вот этих ребятишек, — Анна показала рукой на Ивана с Вовкой. Было заметно, что женщина начинает

---

¹ Жиган — самодельная тяжелая пуля для стрельбы из гладкоствольного ружья.

приходить в себя, зарумянилась, согрелась теплом от печки и заботами мальчишек, взбодрилась странным спором, кто убил волка.

— Так вот, пуля попала прямо в злобное волчье сердце, — театрально произнес Коля.

— Господи, прости меня, — перекрестилась Анна.

— А я ему хребет перебил, тоже хорошего мало, но живой бы был, еще мог наброситься.

— Ну, мама, ты даешь! — вскричал восхищенный Мишка, — это же надо попасть волку в сердце!

Анна ничего не ответила, только ласково погладила сына по голове, обратившись к своему охотнику-спасителю:

— Коля, а ты как здесь оказался, у тебя же охота?

— Да, охочусь я далеко отсюда, мое ухोजье¹ за Качинской сопкой. В ноябре я ушел туда. И все было нормально. Но уже месяц мучаюсь от зубной боли.

— Надо было травки попить, Коля, — по-матерински заботливо и нежно проговорила женщина.

— Чего я только не пил, Нюра, много снадобий перепробовал. Но она, эта боль проклятушая, то затихнет, то появляется неожиданно днем или ночью. словно иголками тычет в уши и в виски. Есть вообще невозможно, только в рот чего возьму, уже все ноет. На улице немного успоаивается. Вся десна опухла и воспалилась, зубы шатаются. Оставил я собаку Мишке Черемных и домой пошел. Думаю, в больницу надо, сам я не вылечусь.

— Правильно, Коля, поехали вместе. Теперь мы тебе помогать будем, — обрадовалась Анна возможности хоть как-то отблагодарить своего спасителя.

— А вы-то, поди, за дровами приезжали?

— За дровами, не за волком же, — улыбнулась Анна. — Это вынужденная охота была.

— Да, плохо бабе без мужиков, — Коля с сожалением покачал своей большой головой, похожей на голову доброго медведя.

— Да что ты, Коля, глянь, у меня мужиков трое! — развеселилась женщина, показывая распростертыми своими объятиями на ребят, притихших у печки.

— Конечно, мужики, но много время нужно, чтобы им подрасти, чтобы волка не испугаться, чтобы как надо подготовить такое несложное, казалось бы, дело, как поездку за дровами. Много ошибок наделали твои мужики.

Сказав это, Коля вновь покачал головой, а потом еще несколько секунд с отрешенным взглядом продолжал качать ею: то ли от своей зубной боли, то ли от сожаления о несостоявшемся походе за дровами, то ли от осознания, что он, как мужик, как защитник, оказался не нужен ни одной женщине в деревне.

Анне стало его жалко, она несколько минут не прерывала его глубокую страдальческую задумчивость. Потом резко встала и приказала командирским тоном:

— Все. Запрягите лошадей, мужички, едем домой. Уже смеркается. У меня там коровки еще не доенные.

---

¹ Ухोजье — охотничье угодье.

Коля-маленький тоже очнулся. Встал с лавки. Лучисто улыбнулся.

— Нюра, вы же мимо кулиги¹ едете?

— Да, мимо ее родимой.

— Я там летом на опушке видел две сосны сухих, на дрова в самый раз.

— Так не успеем, Коля, солнышко уже спать отправилось.

— Попробуем, Нюра. Запрягай лошадей, а я печку затушу, а то, не дай Бог, сторит избушка. Она еще многим людям понадобится.

Домой кони побежали легко, с охотцей. Только одна лошадь, везущая Колю-маленького, Анну и Мишку, странно и часто всхрапывала, словно пугалась чего-то.

— Что с ней? — спросила женщина.

— Да это она чувствует запах волка, шкура его на наших санях. Кони не мы, далеко зверя чуют, — пробасил Коля.

Анна ничего не сказала, только выразила удивление своими большими синими глазами. Ярко голубые при солнечном освещении, они в сумерках приобретали цвет вечернего неба и превращались в два глубоких озера души.

Сухие сосны оказались рядом с дорогой, тропку к ним протоптали быстро. Коля прикинул, куда упасть дереву, чтобы не перекрыть проезд, и попросил Мишку помочь, сделать вдвоем запил. Анна всполошилась, стала убеждать охотника, что сама все сделает. Коля улыбнулся и ласково произнес:

— Нюрочка, еще успеешь попилить, найдется и для тебя дело, а мне с Мишкой удобнее, у нас рост одинаковый.

Женщина одобрительно махнула рукой, но было видно, что она была рада такой редкой в ее жизни мужской заботе.

После запила Коля ловко отработал топором, получился хороший надрез.

— Иван, — скомандовал Коля-маленький, — быстрее сюда с пилой.

С улыбкой посмотрев на Анну, пригласил и ее в свою бригаду:

— Вот сейчас, Нюра, твоё время.

Коля наметил место, где нужно было пилить. Мишку и Вовку отогнал к лошадям, чтобы попрiderжали их, животные от испуга могли сигануть. Сосна упала в намеченное место, и ребята дружно стали обрубать ветки. У Анны в глазах читался испуг. Она робко спросила:

— Коля, а нас за эту сосну не привлекут?

— За что привлекать, за сухостоину? Ох, Нюра, Нюра, голубка ты моя, — вдохновенно пропел Коля-маленький.

— После войны, если колоски с земли собирали, и за то садили в тюрьму. А тут дерево! — Анна грациозно изобразила высокое это дерево своими гибкими как у балерины руками.

Коля хотел было взять женщину за руку, но постеснялся.

— Успокойся, я на себя грех возьму, у меня такая жизнь, что, наверное, в лагере лучше будет.

— Да что ты, Коля, даже не думай об этом. Я просто так спросила. Прости меня, глупую, — расстроилась Анна.

Коля, казалось, не слышал ее, вглядывался в верхушки деревьев.

---

¹ Кулига — лесная поляна.

— Ну что, вторую сосну спилим? — подзадорил он команду, театрально потирая руки.

— Не надо, Коля, — охнула перепуганная женщина, — одного дерева пока хватит, уже сумерки наступают, а до деревни еще далеко.

— Хорошо, Нюра, пусть будет по-твоему. Сегодня я твой подчиненный, — попытался пошутить маленький мужичок своим красивым густым басом.

Работали все, скоро и умело: кто-то обрубал сучья, кто-то пилил сосну на бревна, а Анна с Ваней укладывали их на сани и связывали накрепко веревками.

Сумерки сгущались. Мороз крепчал. Но работникам было жарко и весело. Особенно все обрадовались, когда повозки наполнились ровными, еще хранившими смолистый запах бревнами.

Вскоре уставшие от стоянки и холода лошади медленно потянули к деревне тяжело нагруженные сани, поскрипывавшие полозьями. Завидя первые огоньки, путники подбодрились, и лошадки, словно чувствуя конец мытарствам, участили шаг.

Красный яр — стометровая стена, бывшая для обитателей таежной деревни и защитой, и календарем, и циферблатом, потемнел, насупился, его длинная тень уже накрыла край деревни. Солнце скатилось за Шальновский хребет, уступив место на небе луне и звездам. Красный яр показывал ночное время.

Для мороза ночь — раздолье, можно покусать запоздалого путника, попугать, царапаясь в окна, домоседов, разнежившихся в тепле. Сплошное веселье. Холод почувствовала и бригада горе-дровосеков: похолодало так, что Анна посоветовала мальчишкам слезть с саней и бежать рядом, чтобы не простудиться. Обнадеживала и придавала силы близкая, знакомая деревенская картина: разлившееся, казалось, на полмира поле, сверкало в лунном свете мириадами самоцветов. Отсюда дорога к дому казалось уже легкой, как будто небесной.

Но земными были колхозные постройки — сараи, скотный двор, гумно. Их крыши покрыты снеговыми шапками, из труб струится белый пар, это дышат коровы. Дорога повернула к домам, повизгивают полозья саней, этим звуком легко и далеко пронзается морозный воздух. Слышатся людские голоса, хлопают калитки, мычат коровы. Родная деревня ощущалась как родная колыбель.

Ужинали Анна с Мишкой поздно. По приезде долго разбирались со всеми делами: пока разгрузились, пока лошадь отвели в колхозную конюшню, пока Анна подоила своих любимых коровушек, наступила глубокая ночь. Время не ждет, не сочувствует, у него свои непреложные вселенские законы, главный из которых — течь, двигаться, вести за собой. Время — как лошадка, смиренно везущая на себе весь человеческий род, не обижающаяся ни на его понукания, ни на осуждения.

Чай вскипятили на галанке, из русской печки достали теплую картошку, а из погреба грибочки.

— Царский ужин, — осмотрев стол при керосиновой коптилке, довольно сказал проголодавшийся Мишка.

— Ешь, родной, — улыбнулась мать, — не знаю, как царю, но нам с тобой яств хватит, чтобы утробу набить.

В эту минуту кто-то с улицы заглянул в окно, тихонечко постучал в стекло.

— Кого это к нам темная ночь привела? — всплеснула руками заметно уставшая Анна.

— Кто там? — спросила она, протирая стекло теплой ладонью.

— Нюра, это я, Зинаида.

— Тогда чего стучишь, входи, дверь всегда открыта.

Вместе с облаком морозного воздуха в дом вошла Зинаида — мать Вани и Вовки Петуховых.

— Садись за стол, чем богаты, тем и рады, — радушно пригласила Анна соседку.

— Да нет, Нюра, я на минутку, времени чай распивать нет. Да и поздно уже. Я раньше не пришла, потому что видела, что ты вся в заботах.

— Хорошо, Зина, как хочешь. Миша, ты один управляйся, после еды убери со стола. А мы в зале с Зиной поговорим.

Женщины вышли из кути, сели на лавку у галанки. Мишке было слышно, о чем говорили женщины.

— Нюра, ты Расскажи, что случилось? Страшно мне что-то.

— А ребята что, ничего не рассказали? — осторожно поинтересовалась Мишкина мать.

— Ванька молчит. Как приехал, залез на русскую печку и молчит, а Вовка все в кучу собрал: и волка, и Колю-маленького, и тебя, выстрелившую волку в сердце.

— Все правильно говорит. А то, что Ванька молчит, так это потому, что у него голос сорван.

— Голос сорван?! — Зинаида охнула так жалостливо, как будто заплакала.

— Да, Зина. Трудный день для всех выдался, — успокаивающе ответила Анна.

— Господи, а чего же он молчит, лечить ведь надо, — всполошилась Зинаида, даже с места вскочила.

— Сказал бы, если б мог.

— Нюра, что случилось-то? Да Расскажи же ты, наконец. Из Вовкиных слов я ничего не поняла.

— Голос сорвал, связки напруг, орал, видимо, сильно, то ли волка хотел напугать, то ли от страха. Я этого не видела и не слышала. Мы с Мишкой приехали позднее, чем твои ребята. Иван, не дожидаясь меня, с топором пошел в лес выбирать хорошую сушину. Ружье оставил в избушке.

— Пацан, что с него взять? — вздохнула Зина, крепко сцепив пальцы рук.

— За ним увязался волк, голодный, да к тому же бешеный. Про волка я сразу поняла, как увидела его следы на снегу.

— Боже мой! — всплеснула руками Зинаида и напевно застонала.

— Я пошла по его следам...

Увлечшись тяжким воспоминанием, Анна долго и выразительно рассказывал страшную историю. Она вспомнила и про то, как выбиваясь из сил, искала в тайге Ивана, понимая, что он в смертельной опасности. Как обрадовалась, когда услышала стук палкой по дереву. Как волк в кустах поджидал свою верную добычу, как сверкали его злые глаза. Как первый

раз выстрелила почти наугад и попала, ранила волка. Как потом он с раскрытой окровавленной пастью, оставляя кровавый след на снегу, крался за ними по кустам и почти совсем уже догнал, когда Анна выстрелила в него вторым, последним патроном и попала зверю в сердце.

Анна рассказывала все это со слезами на глазах. В момент кульминации страшной истории она разрыдалась в голос. Плакала, казалось, не только от пережитого в лесу, но и по своей трудной вдовьей жизни, искореженной непосильным трудом и постоянной ответственностью, плакала по несостоявшемуся женскому счастью, на которое со своей немеркнувшей красотой, трудолюбием, нежностью имела больше прав, чем многие другие ее сверстницы. Плакала Анна от того, что боялась за сына, за его будущее. Плакала и Зинаида — наверное, тоже о чем-то своем, не сбывшемся. А за окном луна смотрела на этих двух молодых женщин, заброшенных судьбой в суровый таежный край, в тяжелые голодные послевоенные времена, и звездочки, как слезы, скатывались с ее круглого, румяного лица.

— А Коля-маленький как среди вас оказался? — глубоко вздохнув и отерев глаза концом платка, сползшего с головы, спросила Зинаида.

Анна перестала плакать, как-то просветлела лицом, будто обрадовалась, что перешла к счастливому финалу своего злоключения.

— Это уж заслуга Вовки и Мишки, они его высмотрели. Коля по Илиму в деревню шел, зубы прихватило, а ребята, чуя неладное, ему с берега факелами махали. Охотник быстро сообразил, что происходит, и пошел нам на выручку. И когда я целилась в волка, тоже выстрелил. Мы одновременно выстрелили.

Зина незаметно перекрестилась, поклонилась чему-то незримому и торжественно произнесла:

— Ну, Нюра, ты героиня. Чем тебя благодарить за спасение моего сына и не знаю.

— Ничем не благодари, иди Ваню лечи.

— А чем лечить, ты знаешь?

— Зина, ну что ты, неужто не помнишь, когда молодыми были, песни пели, бывало до хрипоты. Тогда лечились сами, пили отвар трав, молоко с медом. Вспомни, не так уж и давно это было.

Зина, продолжая благодарить приятельницу, встала с лавки и медленно пошла к двери. У самих дверей она остановилась и, повернувшись к Анне, воскликнула:

— Нюра, какая ты молодец! Я бы не смогла, умерла от страха на месте.

— Не умерла бы, в страшную минуту страх куда-то уходит.

Анна вернулась в куть, Мишка, облокотившись о стол, спал, картошка в чашке остыла, керосиновая лампа нещадно коптила.

— Ну и денек, — вслух сказала Анна. Она открыла загнетку у печи, повеяло теплом, под и свод были еще горячими. Пусть Миша на лежанке поспит, решила заботливая мать. Вскоре уже Мишка посапывал на прогретом одеяле, а рядом улегся недовольный соседством кот Васька, встревоженный многими незнакомыми запахами, появившимися в доме. Среди них выделялся один, особенно сильный, неприятный. Коту он напоминал дворовых собак, примешивался терпкий запах смолы и еще какой-то падали. Пытаясь найти себе место, кот потыкался своей мордой в разные углы. Но запах был везде, зверь не выдержал и прыгнул с печи, примостился на лав-

ке рядом с галанкой. Мишка спал, не чувствуя от усталости ни запаха, ни рук, ни ног. Во сне он видел огромную пушку, сам он командовал Вовкой и Ванькой, а те вели прицельную стрельбу по стае волков. Конечно, под командой Мишки все получилось хорошо. Мама была рядом, она улыбалась своей солнечной улыбкой и, закрыв глаза, одобрительно кивала головой после каждого выстрела.

* * *

Прошла неделя. За школьными заданиями и домашними обязанностями приключение в тайге понемногу стало забываться. Однажды, придя домой из школы, Мишка увидел во дворе большую кучу чурок, расколотых пополам. Дрова были весенней заготовки, высохшие за лето, звонкие, жаркие. Не дрова, а благодать. Из таких только музыкальные инструменты делать.

— Мама, мама! — удивленно закричал Мишка, показывая рукой на деревянную пирамиду. — Откуда такое богатство? У нас же давно весенние дрова закончились.

Мать на голос сына вышла из хлева.

— Петуховы привезли в знак благодарности за Ваню, — с почтением к невидимым соседям ответила Анна.

— Вот здорово! Хороший подарок. Молодцы, — радовался маленький хозяин.

Мать повела сына в дом.

— А это тебе, Миша, — Анна подала сыну новые валенки.

У Мишки от восторга перехватило дыхание, но подпрыгнул он от счастья довольно высоко.

— Ты чего, дурачок мой маленький? — мать похлопала его по спине. Но Мишка не мог успокоиться и от избытка чувств закричал, продолжая подпрыгивать:

— Ура, ура, ура!

— Успокойся, Миша, перестань прыгать, лучше примерь обнову.

— Да я и так вижу, что как раз будут.

Однако валенки из рук матери бережно взял и ловко надел, потопал, пританцовывая, по деревянному полу.

— Самое то, мама! Еще и шерстяные носки войдут. А валенки тоже Петуховы дали?

— Нет, конечно, это я на премию за волка купила.

— За волка? Тебе его Коля-маленький отдал?

— Да, дорогой мой. Коля хороший мужик, не смотри, что мал ростом вышел. Как говорит народная мудрость: мал золотник, да дорог.

Анна на несколько секунд задумалась, потом встрепенулась как птичка и добавила.

— А еще я тебе конфет купила, не шоколадных, конечно. Ты же понимаешь, Миша...

— А Коле-маленькому что купила? — строго спросил Мишка.

— Чай купила байховый, немного сладостей тоже.

— Давай вместе к нему в больницу сходим, отдадим гостинцы.

— Да я уже навестила его в больнице, подарки отдала. Он рад раде-шенек. Да только еле успела, его уже выписывали. Коля-маленький в свою тайгу уже отправился.

— Жалко. Я тоже хотел с ним повидаться. Поблагодарить, — как-то очень серьезно, по-взрослому сказал Мишка.

Засыпая, паренек представлял, как маленький мужичок, с любимым русским именем Николай, сейчас идет по морозной, потрескивающей от напряжения всех природных сил тайге. Зима и для природы ведь испытание. Некоторые деревья не доживут до весны, погибнут, скованные ледяным панцирем. А человеку мороз как будто нипочем. Мишке во сне виделся дядя Коля не маленьким, а высоким, стройным, ловким охотником с ружьем через плечо. Он не боялся ни волка, ни медведя, которые, насупившись, боязливо смотрели на него из кустов. На лыжах Коля шел по ледяному Илим, как по широкой дороге, сливающейся с близкими и низкими небесами. Шел он легко, уверенно, и мерцающие звезды окружали его, как искристые снежинки. А у окна стояла с распущенными пшеничного цвета волосами Анна и сопровождала взглядом своего друга, уходящего в синюю даль.

КВШЛА КНИГА

Кучина Г. И.

Калейдоскоп времен и судеб. — СПб.: Нестор-История, 2019. 328 с.

На фотографиях, использованных в оформлении обложки, изображены: в центре — И. К. Волегов; далее по часовой стрелке — Г. С. Жженов, М.Н. Задорнов, А.Н. Малинин, Н.Н. Дроздов, И.М. Смоктуновский, В. В. Толкунова

От автора

Эту книгу я готовлю к печати в год столетия со дня страшной революции, изменившей судьбы стольких русских людей, сделавшей их изгнанниками любимой Родины. Но это также год торжества православия — десятилетняя годовщина объединения церквей: Русской православной церкви Московского Патриархата и Русской православной церкви за рубежом. Десять лет назад, после долгого формирования идеи объединения, наконец настал в Храме Христа Спасителя этот долгожданный для нас, мирян, день.

Так сложилось, что поначалу жизнь моя с родителями протекала под омофором Московской Патриархии в китайском Харбине, потом около 50 лет — под водительством Русской зарубежной церкви в Австралии, и вот десять лет назад этот раскол в наших душах закончился. И сегодня мы можем просто сказать, что находимся под омофором Русской православной церкви.

На рубеже своего девятидесятилетия вглядываюсь я в судьбы и лица любимых людей и хочу хоть чуть-чуть отдать им должное, с особенным благоговением вспоминая свои встречи с иерархами православной церкви. Почти все люди в моем личном калейдоскопе времен и судеб были захвачены вихрем революций и войн. Такое было время.

Так хочется заглянуть вперед, в будущее, и убедиться, что с Божьей помощью удастся избежать раскола между нами всеми, русскими людьми. Хотя сегодня зачастую мы живем в разных странах, наше православие было, есть и будет нашей объединяющей силой.

ПОЭЗИЯ

Андрей ЛИННИК

«ЛИШЬ ТОТ ОБРЯЩЕТ РАЙ, КТО МНОГО ВОЗЛЮБИЛ»

Андрей Линник — родился в 1970 году. Окончил Богословско-педагогические курсы при Харьковской Духовной семинарии. Член СП России, Конгресса литераторов Украины, Союза русских писателей Восточного Крыма и др. Лауреат многих литературных премий, дипломант конкурсов. Автор двух поэтических книг и свыше 800 публикаций в периодических изданиях, сборниках и альманахах Украины, России, Беларуси. Живет в г. Харькове, Украина.

СОНЕТ

О Господи, как хочется дожить
До тех времен, когда не будет бойни,
Закончатся усобищы. Достойней
Тогда могли бы мы Тебе служить.

Да, видно, так не будет. Дорожить
Своею верой учишь в беспокойный,
Жестокий век, когда бушуют войны
И к гибели влекут нас миражи.

Когда все «гладко» — вера не крепка.
И вновь на брата братская рука
Заносит меч... И кровь питает землю.

Стреляет в славянина славянин,
Забыв о том, что корень их — един.
Дай малым стадом быть,
любовь приемля!

НАДЕЖДА МАЛАЯ

Сонет

О Господи, помилуй и прости!
Ты защити нас от войны и НАТО.
Русь Малая талантами богата,
Да только сатана нас сбил с пути.

Блуждаем мы в трех соснах и найти
Не можем выход. Брат идет на брата.
Мы миновали точку невозврата.
Лишь Ты нас можешь,
Господи, спасти!

Страна похожа на крыловский воз,
Что Лебедь, Рак да Щука
что есть мочи
Всё тянут, каждый — в сторону свою.

И сколько же смертей,
страданий, слез
Нас ждет? Ведь уступать
никто не хочет.
Но аисты вернулись!.. Гнезда вьют.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Пленный дух. Полет.
Стремленье. Танец.

Кем он был —
кто сможет нам сказать?
Вспышка света? Луч? Протуберанец?
Бирюзу струящие глаза,
Лоб крутой, сократовски высокий.
Рот в полуулыбке — Арлекин?

О Руси его читаешь строки —
Сколько в них надрыва и тоски!
Воспаря к золоту в лазури,
Обжигал могучие крыла...
Бушевали мировые бури,
И душа — мятущейся была.

ТАБЛИЧКА «ВЫХОДА НЕТ»

Сонет

«Выхода нет» — лаконична табличка в метро.
Было бы странно увидеть табличку иную.
Кто же страну на колени поставил родную?
Может, в своем исказил ее зеркале тролль?

Долго мы шли, и протоптано множество троп,
Верили, строили... Всё, неужели, впустую?!
«Что же нам делать?» и «Кто виноват?» — негодуем.
Мы повторили судьбу Вавилонов и Трой.

Что ж так трагична страны нашей странная роль?
Веник мы свой распустив на отдельные прутья,
Поняли поздно: легко и сломать, и согнуть их.

Нынче и рады б назад — да потерял контроль.
Вот и маячит табличка пророчеством горьким...
Господи Боже, спаси нас, упрямых и гордых!

КТО СПАСЕТСЯ?

Сонет

Ларисе Ефремовой

Склоняю голову пред таинством весны
И радуюсь Господнему творенью.
Любуюсь расцветающей сиренью.
И в прошлое ушли зимы седые сны.

И снова чудится: на свете нет войны,
Болезни нет, предсмертного томленья
И смерти нет, а есть преображение,
Где будем праведникам мы сопричтены.

Но так лишь кажется в денек погожий,
Наш мир земной с небесным так несхожи.
Лишь тот обрящет Рай, кто много возлюбил.

И мне дано понять в скорбей юдоли:
Спасется тот, кто жил по Божьей воле,
Кто веровал, терпел и Заповеди чтил.

Дождик легкий осенний, как прописью беглой тетрадь,
 Расчертил небо города в розово-серых просветах.
 Я забыл дома зонт. И, от дождика силясь сбежать,
 В переулках кружил, на окраине, видимо, где-то.
 Извивался причудливо узких дорог лабиринт,
 И старинных домов окна щурились подслеповато.
 Ключья дымки белесой, как будто разорванный бинт,
 Чуть заметно дрожали под сводами крыш угловатых.
 Позапрошлого века здесь дух архаичный царил.
 Может, время замедлило бег свой, а может быть, осень
 Наиграла мотив этот, чтобы не слишком грустил.
 Похоронным бюро под названием «Милости просим»
 Жизнь порой обернется. Таинственный замкнутый круг.
 Мегаполиса плен. Мегамаркеты, многоэтажки...
 Урбанизма оковы. В унынье впадаешь. Но вдруг,
 Чтоб совсем не «прокис», от судьбы получаешь поблажки.
 И поддержка приходит, в туннеле виднеется свет.
 Вот такая окраина, этот пейзаж архаичный...
 И душой чуть оттаешь и, светом незримым согрет,
 Вдруг поймешь и поверишь, что есть где-то мир гармоничный.

НОСТАЛЬГИЯ ЗИМНЕГО СНА

Сонет

Как будто в мед, увязли в бурый снег	И голова склоняется на грудь,
Деревьев придорожных вереницы.	И веки тяжелеют незаметно...
Над трассою поземка чуть клубится,	Становится картинка многоцветной.
А в небе — солнца золотой ковчег.	
Из города промерзшего побег	Я вижу то, что больше не вернуть:
Автобус совершил — и лихо мчится.	Такой же путь,
А за окном мелькают сёл границы.	и зимний день прекрасный,
И время будто замедляет бег.	Но в той стране,
	погубленной напрасно.

КАТАРСИС

Сонет

Медвяный цвет июльского заката,	Нисходит ночь, и,
И вязкий зной, струящийся устало.	словно зову внимля,
Весь день светило жарко припадало,	Раскосый ливень орошает землю.
А ныне — стало долькою цуката.	Гроза приносит радость очищенья,
Когда же ливня прозвучит токката?	Шагая тяжкой
«Вода — животворящее начало,	поступью надмирной.
Сойди с небес, —	Так и душа: грехами пусть томима,
земля в бреду стонала, —	Ей покаянье даст освобождение.
Пусть грянут грома щедрые раскаты!»	

Елена ЗАСЛАВСКАЯ

«ТАК ОБЩЕЙ БОЛЮ ПРИЧАЩАЯСЬ, ТЫ УЗНАЕШЬ, ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ»

Елена Заславская — донбасский поэт, писатель, журналист. Родилась в 1977 г. в Лисичанске. Автор семи поэтических сборников, а также публикаций в интернет-изданиях и периодике. Автор книг для детей. Редактор газеты «Камертон» Луганской государственной академии культуры и искусств им. М. Матусовского. Представляла Донбасс на чтениях Literaturwerkstatt в Берлине (2008), на Лейпцигской книжной ярмарке (2012) и на поэтическом фестивале в Берлине (2014, 2016). Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки. **Живет в Луганске, ЛНР.**

АКСИОН ЭСТИН

И всхлипы стихии
Влагаем в стихи мы,
Покуда не стихнут
Сердечные ритмы.
И кипарис, будто высохший схимник,
Шепчет молитву под куполом Крыма.
Луна нависает сияющим нимбом.
И небо, и море исполнены звезд...
Бессмертие в смерти.
Безветрие в вихре.
Аксион эстин ос алифос!¹

В ЗИМНЕМ СНЕ

В снежных шапках терриконы,
В белых риза тополя,
Как тиха и как спокойна
В зимнем сне моя земля!
Мягким светом отливают
Золотые купола,
На молитву заывают
Всех мирян колокола.
Но божественное явно,
Осязаемо, смотри,
Как незыблемая данность,
Непреложность красоты,
Как огонь, что сердце греет,
Заставляя трепетать,
Как желание поверить,
Что не страшно умирать!

НОВАЯ ЗАРЯ

Душа моя, о чем ты плачешь?
О ком ты плачешь и болишь,
Не веря, что убитый мальчик —
Убийца, нацик и фашист?
Что нет ни правды и ни кривды,
Есть только ярость и покой,
И все забудутся молитвы,
И были порастут быльем,
Колючие степные ветры,
Свидетели ночных атак,
Как прежде, отпоют отпетых
Сорвиголов и забияк,

¹ Слова молитвы на греческом языке «Аксион эстин» (греч. Ἀξιόν ἐστιν — Достойно есть) — Поистине достойно прославлять Тебя.

И ты исчезнешь в темной бездне,
Погаснет тонкая свеча.
Зачем же ты слагаешь песни,
Болишь, светла и горяча?
Зачем заранее прощаешь
Всех каинов, проливших кровь?

Так общей болью причащаясь,
Ты узнаёшь, что есть любовь.
И ею, как щитом, хранима
Вся наша русская земля.
Уходит ночь. Над Третьим Римом
Восходит новая заря.

ВЕСНА. ВНЕЗАПНАЯ, КАК СМЕРТЬ

Весна. Внезапная, как смерть.
Миг — почки брызнули, как слезы.
Идет стремительный апрель.
Цветут в Луганске абрикосы.
И зримой нежности полны
Благоухающие ветви,
Как будто сбывшиеся сны,
О самом радостном и светлом.

Мой сад на цыпочки привстал,
И тайное мне стало явным:
На абрикосовый хорал
Слетелась ангельская стая,
Чтобы весну и жизнь воспеть,
Наперекор ворчанью пушек.
Мой ангел тоже прилетел.
Не по мою ли это душу?

ПРОШУ, ВЕСНА, БЛАГОСЛОВИ

Не в лоне Спаса на крови,
А в роще, радостной и светлой,
Прошу тебя, благослови,
Коснись чела цветущей ветвью!
Сейчас взорвутся соловьи,
И сердце захлебнется песней,
О том, что в мире нет чудесней

Родной, измученной земли.
И, преисполнившись любви,
Шепчу извечное «Воскресе»,
Колена преклонив свои
Пред первым цветом на пролесье.
Прошу, весна, благослови,
Коснись чела цветущей ветвью!

ПАСХАЛЬНОЕ

Небо стало синим-синим
В миг единый после ливня,
Так, умытое водою,
Светит нам лицо родное.
Невозможно насмотреться.
Мир пасхальный. Мир весенний.

Открывается нам смертным
Божья правда Воскресенья.
Невозможно надышаться.
В каждом вдохе — жизни чудо.
Сколько счастья! Сколько счастья!
Я живу и вечно буду!

ЭТИ РУССКИЕ

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, русская рулетка,
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом, двадцать первом веке.
Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия,
Любить и спасать, пока сердце
В груди трепыхается,
В девятнадцатом, двадцатом, двадцать первом веке.

Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество...
Ничего не меняется,
Ничего не меняется,
Бесы скажут,
Ангелы ждут на пороге вечности.
Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт...
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.
А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто тоже они православные,
Русские, и после молитвы встают с колен.

ВЫШЛА КНИГА

Смышляев А. А.

Время полярных бродяг. — Магадан: Охотник. 2020. — 152 с. (Открывая Северо-Восток; кн. 11).

Книга повествует о писателях, геологах, людях, посвятивших свое творчество Северу, Заполярью. Ее герои — Олег Куваев, Альберт Мифтахутдинов, Виктор Болдырев, Владимир Миляев, Герман Жилинский, Владимир Христофоров и др. Это романтики высшей пробы, они не могли не полюбить Север и не писать о нем.

Александр Смышляев, автор этой книги, по образованию геолог и телережиссер. Работая в полевых геологических партиях на севере Якутии, на Камчатке и в Сибири, где он стал первооткрывателем месторождений, будущий автор влюбился в эту территорию. Сегодня Александр Александрович Смышляев — известный журналист и писатель, автор 37 книг и нескольких документальных видеофильмов.

Подвижник и энтузиаст, он сам мог бы быть героем книги «Время полярных бродяг».

Марина ВОРОПАЕВА

«...ЕЕ ПЕСНЯ НА СВЕТЛУЮ ЧАШУ ВЕСОВ...»

Марина Владимировна Воропаева — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи, лауреат премии «Имперская культура». Статьи опубликованы в журналах: «Наш современник», «Православная беседа», «Держава». Много лет участвовала в Рождественских чтениях, а также в заседаниях секции «Церковь и культура» Всемирного Русского народного собора. В течение нескольких лет сотрудничает с радио «Радонеж», где ею прочитан полный цикл авторских лекций «Духовные основы русского искусства». **Живет в Москве.**

Искусство Народной певицы России Татьяны Юрьевны Петровой отличается не только своей выразительностью, артистизмом и мастерством, но и принципиально новым вообще для исполнительского искусства качеством. Ученица известного педагога Гнесинки Народной артистки СССР Нины Константиновны Мешко, она развила своим вокальным мастерством фундаментальные основы школы своего педагога. Именно Нине Константиновне, в частности, принадлежит очень важное высказывание: «искусство — это служение». Сама природа творчества Татьяны Юрьевны выявляет подлинный смысл этого определения. И дело не только в многожанровости ее репертуара, в котором и народная песня, и романс, и современная, и авторская песня. А рядом, здесь же, духовные песнопения Чеснокова, Христова, а также неизвестных авторов, чьи произведения остались в истории русской музыкальной культуры.

Каждым своим концертом, каждым исполнением того или иного произведения певица отвечает на главный вопрос: служение кому? Проникаясь ее пением, искренним, благостно ложащемся на сердце, проникнутым, пропитанным верой, порождающим любовь, как наипервейшую заповедь Христову, вдруг ловишь себя на мысли, что для нее искусство — это служение Богу, своему Отечеству, своему народу.

Мне уже приходилось в своих публикациях и в журналах, и на радио «Радонеж», сопоставлять особенность, своеобразие пения Т. Петровой с исполнительством ее знаменитых предшественниц и, прежде всего, с Н. Плевицкой, Л. Руслановой, Л. Зыкиной и др. И все-таки повторяюсь, потому что это отличие носит принципиальный характер.

Они ведь потому и остались в нашей памяти, что пели с душой. Но как писал Митрополит Московский Филарет: есть душа душевная, а есть душа духовная, равно как и любовь есть душевная, плотская, а есть любовь духовная. Именно такая — духовная любовь и окормляет все искусство Татьяны Петровой, порождая доселе неизвестное вокалистам качество: его одухотворенность. И оказывается, совсем не важно, к какому роду пения принадлежит певец: оперному, народному, эстраднему. Главное, «про что» он поет. Вся русская культура: и литературная, и музыкальная, и художественная, формировалась в ответе на этот вопрос, в котором ее отличие от культуры европейской, для которой таким всеопределяющим становится вопрос: «Как?». Отсюда особое внимание к форме. В то время как для русского художника, независимо от сферы его творчества, ответом на вопрос «про что?» оказывается проповедь христианских добродетелей.

Еще в XIX в. известный художник А. Г. Венецианов говорил: «Чёрта в том Просвещении, если в нем нет веры!». А спустя десятилетия не менее известный художник В. Г. Перов вложил в уста героя своего рассказа «Новогодняя легенда о счастье» такие слова: «У счастья только один глаз, на макушке, устремленный в небо, где живет Бог».

А у нашего современника — доктора филологических наук А. Н. Ужанкова, все работы которого посвящены выявлению христианской направленности русской словесности, есть даже лекция: «Евангельский сюжет в повести Н. В. Гоголя “Шинель”».

Преподающий сегодня в Московской консерватории доктор искусствоведения В. В. Медушевский посвятил свою докторскую диссертацию сложной, но необычайно актуальной теме: духовный анализ музыки. Вышедшая впоследствии книга сохранила это название и пользуется ныне не только у музыкантов, но и просто у любителей музыки, большим спросом.

В связи с этим вокальное искусство Т. Ю. Петровой своей природой, характером и предначертанностью и, прежде всего, своей одухотворенностью не только не выпадает из наметившегося еще в 90-е годы начала духовного возрождения нашего общества, но сама певица оказывается одной из тех, кто своим творчеством способствует его духовному преобразению. Это явление в вокальном искусстве новое, доселе неизвестное.

Правда, в начале XXI в., в 10-е годы, наметилось нечто подобное в творчестве знаменитой оперной певицы Елены Образцовой. Она пошла в храм, обретая во время богослужения ту Божью благодать, которая питала ее зарождающуюся веру. А вскоре ее духовным наставником стал ныне митрополит Кавказский Меркурий. Непосредственное общение с ним помогло певице, духовно укрепляло ее. К тому времени в ее репертуаре было немало народных песен. В принципе, в самом этом факте ничего удивительного нет, т. к. уже давно, еще в 50-е годы, русская народная песня заняла свое достойное место в консерваторских программах вокалистов. Но теперь у Образцовой ситуация стала меняться. Певицу тянуло к народному музыкальному творчеству. Правда, в ее исполнении еще не было того главного, что придет только тогда, когда сама церковь выйдет из подполья и откроется дорога к храму. И так же, как Т. Петрова в конце 80-х — начале 90-х гг. искала своего композитора, точно тоже самое переживала и Елена Образцова. Для Татьяны Петровой это был Владимир Волков с его песнями «Православные», «Монастырь», «Царице моя, Всеблагая» и другие. А Еле-

на Образцова нашла близкое ей в песнях Г. Свиридова из его цикла «Курские песни». И непосредственное общение с митрополитом, и исполнение песен Свиридова, наполненных народным музыкальным эпосом, безусловно, способствовало обретению новых качеств исполнительского искусства Елены Образцовой. В 2015 г. она записала народную песню «На улице дождик», которую исполнила в нехарактерной для оперных певцов манере. Она спела ее как молитву, рожденную верой и духовным преображением самой певицы.

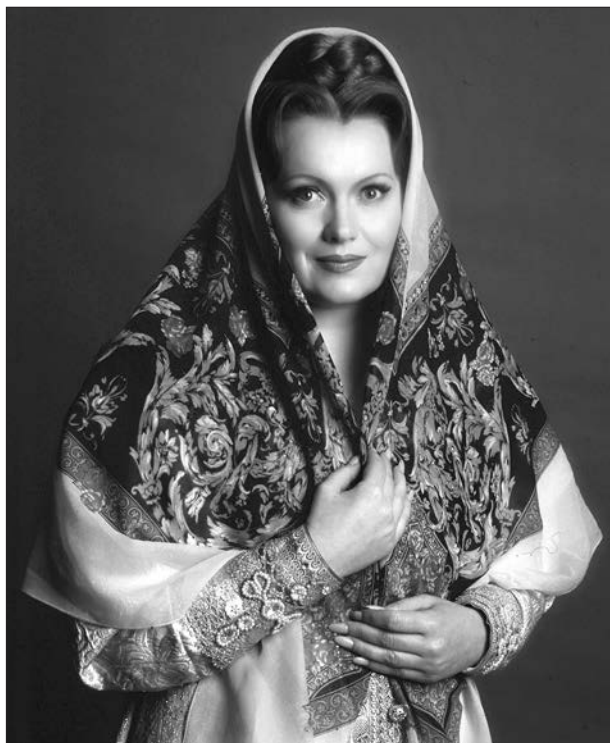
У Татьяны Петровой этот процесс начался несколько ранее. Она была одним из инициаторов и организаторов знаменитых Монастырских вечеров, проходивших еще в 90-е гг., в Даниловом монастыре по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия П. Тогда же она спела свою «Славянку». Но спела эту, давно написанную В. И. Агапкиным песню уже в новой литературной редакции. Слова к этой песне написал актер Иркутского театра А. Мингалев. Написал уже в другой манере, стилистике, поэтике, в которых патриотическая тема была духовно преображена. И где бы певица ни исполняла эту песню: в деревенском клубе, сельском Доме культуры, в залах городских филармоний и даже в Кремлевском дворце, далеко не случайно на словах: «Встань за веру, русская земля» каждый раз весь зал встает и стоя слушает, словно гимн, эту песню до конца. Я не просто так, не оговоркой, упомянула этот термин. Уже в наши дни «Прощание славянки» именно в исполнении Татьяны Петровой стала гимном одной из непризнанных республик на востоке Украины.

В своих прежних публикациях о творчестве Татьяны Петровой много внимания уделялось его исследованию, подробному анализу исполняемых ею произведений. Но для меня особенное значение имеет вступительная статья в книге «Песня — свеча души». И, прежде всего, потому, что в ней оказались как бы собраны те выводы, к которым приходишь, постигая самую сущность искусства певицы. Эта книга не просто посвящена ей. В ее создании она сама принимала непосредственное участие. В книге представлены и ее статьи, и выступления на различных конференциях, и интервью, данные ею в разные годы в разных городах России. Северодвинск и Камчатка, Екатеринбург и Севастополь, Киев и Хабаровск — вот координаты концертных маршрутов певицы.

В книге приведены также и высказывания об искусстве Татьяны Петровой наших ведущих деятелей культуры. Начинает этот перечень Н. К. Мешко, основатель целой школы сольного народного пения, воплощенной в соответствующем учебнике, не потерявшем своей актуальности и по сию пору.

В этом перечне представлены широко известные нашей публике имена художников, писателей, актеров. Среди них: В. А. Солоухин, И. С. Глазунов, В. Г. Распутин, Н. С. Михалков, В. В. Кожин, председатель Союза писателей России В. Н. Ганичев, Н. П. Бурляев и другие.

Книга получилась не совсем обычной. Она интересна не только своим текстом. В ней обстоятельно представлен богатый иллюстративный материал из личного архива Татьяны Юрьевны, а также ноты любимых ею песен, стихи известных русских и советских поэтов. Ей очень хочется, чтобы эти стихи стали песнями, поскольку они отвечают и ее внутреннему миру, мыслям и идеям, которые она исповедует, чувствам, которые она переживает, наконец, запросам Времени, которые она остро ощущает.

Татьяна Юрьевна Петрова

ского искусства еще в Свердловске (ныне Екатеринбург), учась в студии Уральского русского народного хора.

Но и этого недостаточно для выявления самой сути искусства Татьяны Петровой, которое в значительной степени определяет ее мировоззрение, ее вера. Что человек исповедует, то он и поет. Она первая среди народников наполнила свое искусство состраданием к героям своих песен, искренним, сердечным переживанием и болью за них, пропуская через себя их жизнь. Так родилась главная тема искусства певицы — тема судьбы. Так в вокализе «Ожидание» Ю. Клепалова, где нет ни единого слова, звучит отчетливо и даже исповедально тема человеческой судьбы. Исповедальность — это еще одно новое качество, которым обогатила вокальное искусство Татьяна Петрова. Я сознательно не разбираю подробно работы певицы, чтобы не повторять те выводы, к которым приходила, анализируя в прежних своих публикациях созданные ею образы. Постигая своеобразие, выявляя отличительные особенности творчества Татьяны Юрьевны, раскрывая одухотворенную природу ее искусства, его принципиальную новизну, сегодня начинаешь понимать, что именно ею создано, по сути, новое направление в исполнительском искусстве, его культуре. И характерная, главная черта этого направления — его духовное начало, проповедь христианских добродетелей. Именно оно, исполненное любви, сострадания, исповедальности и веры, и определяет его отличительную особенность. В одном из интервью певица заметила, что творчество вокалиста — это, прежде всего, «исповедь и проповедь». Очень точное определение, раскрывающее самую сущность не только вокального искусства, но и вообще русской культуры в целом,

Слушая ее записи, бывая на ее концертах, анализируя ее работы, особенно начиная со второй половины 80-х гг., когда было очень много разговора в вокальной среде об интонированном пении, вдруг открываешь для себя, что среди певцов-народников, к которым принадлежит и сама Татьяна Юрьевна, она одна из первых, если не самая первая, овладела этим способом пения. Дело не в новизне как таковой, а в том, что интонация раскрывает смысл каждого слова. Но для этого необходим, кроме вокальных данных, еще и соответствующий уровень актерского мастерства. Им певица владеет блестяще, пройдя курсы сцениче-

стержневой основой которой и является исповедальность и проповедь духовно-нравственных идей. В этом смысле, искусство Татьяны Юрьевны развивается в присущих нашей культуре устоях, принципах и традиции, которые формировались в ней веками.

В связи с этим невольно вспоминаешь замечательного русского художника Михаила Васильевича Нестерова, создавшего новое направление в русской религиозной живописи. В отличие от своих предшественников и современников — мастеров религиозной живописи, избиравших сюжеты для картин и даже целых циклов из Священного писания, Нестеров обращается к евангельской теме только в произведениях, создаваемых им для церкви. Он пишет иконы, расписывает стены храма. И в зависимости от того, кому посвящен данный храм, он выбирает сюжеты из Евангелия.

Вместе с тем и в «Страннике», и в цикле картин, посвященных Сергию Радонежскому, и в «Лисичке», и в росписи трапезной Покровского собора в Марфо-Мариинской обители, и в «Святой Руси», и в «Страстной седмице», и во многих других произведениях Нестеров создает сочиненные им композиции, в которых раскрывает смысл духовного бытия монашествующих, показывает, что значит путь ко Христу, передает свои ощущения Времени, наполняя создаваемые им произведения евангельскими идеями, христианскими ценностями, верой в духовное возрождение русского народа, его преображение. Своему «духовно оскудевшему обществу» он предлагает путь к спасению, отвечая тем самым главным запросам Времени.

Как перекликается духовная направленность религиозной живописи Михаила Нестерова с исполненным религиозных чувств вокальным искусством Татьяны Петровой? Сердцем, «открытым горé», она творит образы, наполненные не только любовью, жертвенностью, но и призывом к покаянию, терпению и смирению. Есть в репертуаре певицы и такие песни, которые в ее исполнении звучат как молитва. И заполненный до отказа зал слышит и с благодарностью воспринимает этот молитвенный образ, что сокровенно хранится в генетической памяти народа. И потому после каждой песни зал гремит не просто бурными аплодисментами, но овацией, выражая свою солидарность с тем, про что она говорит своими песнями.

Еще сравнительно недавно многие мои коллеги критически воспринимали творчество И. С. Глазунова. Сегодня пересматривается отношение к нему. Поднимая русскую национальную тему, воспевая вековые деяния наших предков, художник своим искусством способствовал, так или иначе, пробуждению исторической памяти народа. Но сегодня запросы Времени, опираясь на этот пласт, диктуют необходимость пробуждения иного — памяти духовной. Об этом в своих произведениях говорили верил Нестеров. Об этом вдохновенно, исповедально и одухотворенно поет и Татьяна Петрова.

**Екатерина
СКОРОБОГАЧЕВА**

ИСКУССТВО С МОЛИТВОЙ

Екатерина Александровна Скоробогачева — родилась в Самаре, окончила Самарское художественное училище, живописно-педагогическое отделение, в 2002 г. — Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества (Москва), факультет искусствоведения, в 2006 г. защитила диссертацию в Европейской Академии информатизации (Брюссель). Доктор искусствоведения, директор музея РАЖВиЗ, профессор кафедры всеобщей истории искусств РАЖВиЗ им. Ильи Глазунова, автор шести монографий, член СП России. **Живет в Москве.**

Вневременной смысл древнего изречения находит подтверждение в нашей жизни, в конкретных событиях и личностях, реализации проектов и создании истинных художественных произведений. К такому искусству, продолжающему многовековые православные традиции, относится вдохновенная стенопись Алексея Живаева в храме Богоматери «Неувядаемый Цвет» в поселке Рублево, над которой он завершает работу в 2016 году.

Данную стенопись следует назвать новой значительной вехой на творческом пути заслуженного художника России, члена-корреспондента Российской академии художеств Алексея Алексеевича Живаева. Начало этому пути было положено в 1977 году, когда он стал студентом отделения живописи Пензенского художественного училища им. К. А. Савицкого, после окончания которого последовала учеба в Харьковском художественно-промышленном институте на отделении монументально-декоративной живописи, что во многом определило его решение — избрать именно историко-религиозную живопись основной в своем творчестве.

Масштабным работам А. А. Живаева в сфере стенописи предшествовало создание многочисленных исторических, иконописных, станковых композиций православной направленности. Прежде всего следует отметить самостоятельную, индивидуальную по звучанию дипломную работу автора в Харьковском институте — полотно «Поле Куликово». На избранном пути немалый опыт и необходимую практику ему дала творческая стажировка и работа в мастерской монументальной живописи Российской академии художеств Санкт-Петербурга у А. А. Мыльни-

кова в 1989—1993 годах. С 1980-х годов А. А. Живаев начал работать в области реставрации храмовой живописи и стенописи, как, например, для Покровского монастыря в Харькове, Киево-Печерской Лавры, а ныне для десятков других храмов по всей России. Также исключительно значимо на творческом пути Алексея Живаева руководство им художественно-иконописной мастерской Региональной общественной организации «Православный центр духовного возрождения г. Санкт-Петербурга» Северо-Западного региона с 1994 г. по настоящее время.

Именно такие работы Алексея Алексеевича стали истоком для выполнения ряда грандиозных проектов в области монументальной храмовой живописи. О масштабе его деятельности, исключительном таланте и работоспособности художника, а также о его мировоззрении, в котором господствует православно-патриотическая направленность, ясно свидетельствуют работы в сфере стенописи в центральных, особо чтимых храмах нашей страны. Среди них — Храм Христа Спасителя в Москве (1990-е гг.), где Алексей Живаев руководил одной из бригад и лично участвовал в росписи, Знаменский кафедральный собор г. Курска (начало 2000-х годов), кафедральный собор св. праведного воина Федора Ушакова в Саранске (начало 2010-х годов), Ново-Иерусалимский монастырь (2009—2013), храм св. бл. князя Александра Невского под Петербургом (поселок Апраксин Кировского района Ленинградской области, 2015—2016).

Работы А. А. Живаева, выполненные на очень высоком профессиональном уровне, в индивидуальной художественной манере, вместе с тем продолжающей традиции древнерусской живописи, получили заслуженно высокую оценку. Он награжден рядом орденов и медалей (золотая медаль Академии художеств СССР, памятная медаль Российской академии художеств (РАХ), медаль Серафима Саровского 1-й степени, золотая медаль РАХ, орден Андрея Рублева 2-й степени, орден «За службу Отечеству»). Но главная оценка его деятельности заключается все же в создании исключительных по образной гармонии и духовной наполненности росписей, особого храмового пространства, в возрождении отечественных святынь.

На художественном пути Алексея Живаева каждое произведение и каждый расписанный им храм заслуживают внимания и подробного рассказа, но все же как основные вехи грандиозного труда православного живописца выделим его работу в соборах Саранска и Новоиерусалимского монастыря, а также стенопись церкви Божьей Матери «Неувядаемый Цвет» в Рублево.

В Новом Иерусалиме А. А. Живаев со своим коллективом создал удивительный образ «Воскресение Христово», разработал проект художественного убранства Воскресенского кафоликаона, кувуклии и нижнего храма, освященного в честь Рождества Христова. Эти масштабные работы велись под эгидой Центральных научно-реставрационных проектных мастерских (ЦНРПМ) при Министерстве культуры г. Москвы.

Такова дорога художника, на которой новой вехой в настоящее время явился московский храм Божьей Матери «Неувядаемый Цвет» в Рублево, заложенный в 1998 г. на берегу Москва-реки. Это первая в столице церковь в честь иконы Божией Матери «Неувядаемый Цвет». Торжественный молебен с освящением ее закладного камня был совершен по благословению Святейшего Патриарха Алексия II. Епископ Бронницкий Амвросий (Ермаков), ныне архиепископ Петергофский, викарий Санкт-Петербургской

епархии, 4 октября 2008 г. совершил освящение фундамента и чин закладки храма. К 2010 г., в том числе и с помощью пожертвований прихожан, было завершено строительство нижнего храма, 14 марта 2010 г. состоялось его освящение. 16 апреля 2016 г. епископом Егорьевским Тихоном (Шевкуновым) в храме была совершена Божественная литургия. Владыка поблагодарил настоятеля храма иерея Михаила Григорьева, строителей и благотворителей. Архиерей отметил: «Здесь должен был быть необычный храм, и вам это удалось!».

Над храмовой стенописью, по своему авторскому проекту, Алексей Алексеевич Живаев работал на протяжении 2015–2016 годов. В кратчайшие сроки был выполнен поражающий своим масштабом, образной завершенностью и глубиной религиозно-философского звучания художественный труд.

Обратимся к истории создания храма, элементам его внешнего убранства, а также к композиционной структуре и художественной специфике росписей. Церковь была возведена в наши дни в соответствии с традициями отечественного зодчества XVII века, прежде всего, московского барокко с характерной трехчастной композиций — церковь, трапезная, колокольня и довольно обильными декоративными деталями экстерьеров.

Фасады храма украшают три мозаичные иконы, созданные по проектам Алексея Живаева¹. В соответствии с тремя престолами храма: образ Пресвятой Богородицы «Неувядаемый Цвет» (центральный престол), икона равноапостольного князя Владимира (северный придел) и образ Алексия митрополита Московского, чудотворца (южный придел). Среди них одно из центральных мест занимает «Богоматерь Неувядаемый Цвет» на апсиде, образец достаточно редкой иконографии, первоначально известной на Афоне, с XVII века на Руси. Название «Неувядаемый Цвет» связано с песнопениями в честь Богородицы, а также с тем, что еще в древние времена в нашем народе Ее сравнивали с никогда не увядающим цветком. Считается, что именно такая икона символизирует чистоту и непорочность Св. Девы Марии, позволяет сохранить надолго молодость и красоту, девушкам помогает в выборе суженого, женщинам — в преодолении невзгод семейной жизни.

Икона представляет собой широко распространенное поясное изображение Богоматери. Отличиями данной иконографии является то, что Пресвятая Дева на левой руке держит Младенца, а в правой цветок белой лилии. Такие иконографические детали, по легенде, связаны с происхождением образа с Афона. По склонам горы росли цветы бессмертника. Первоначально иконографическое решение было более сложным — Богородица изображалась сидящей на троне, с увитым цветами скипетром в руках. О чудесах, творимых чтимым образом, рассказывается в ряде сочинений, в том числе в «Сказании о чудесах Богоматери, совершившихся в недавнее время на святой горе Афон», написанном монахом Мелетием и обращенном к событиям 1864 года.

Оформляя храмовые экстерьеры, Алексей Алексеевич разработал множество колористических решений. Из них была выбрана светлая, но в то же время достаточно контрастная цветовая гамма, построенная на сочетаниях белой глади стен, красно-охристых и голубых оттенков фриз, обрамлений арок, наличников и аркатурных поясов, звучной синевы шатра колоколь-

---

¹ Мозаичные иконы на фасадах храма исполнены художником Олегом Иващенко.

ни кровель и центральной главы четверика, дополненных золотом главков. В той же гамме, усложненной введением красных, зеленоватых, золотистых цветов, написаны орнаменты люнетов, исполнены изразечные вставки.

Такое сложное цветовое решение, создающее приподнятый, праздничный образ, гармонично согласуется с колористической гаммой внутреннего пространства церкви, светлого и камерного. Его концепция, общее композиционное построение, подбор конкретных сюжетов и трактовка их деталей соответствуют православным канонам, но, вместе с тем, являются авторским решением А. А. Живаева, в котором он руководствовался тремя основными положениями: 1) соответствием духовно-художественным устоям отечественного религиозного искусства; 2) необходимостью узнаваемости, «доступности» представленных образов для прихожан; 3) раскрытием главного идейного звучания стенописи — выражением в символической, но ясной форме единства мироздания.

Поражает масштаб исполненного — общий метраж росписей составляет 2000 кв. метров. В интерпретировании сложнейшей идеи через зримые образы автору помогало знание лучших образцов древнерусской монументальной живописи, прежде всего, шедевров Дионисия. Именно к «почерку» этого выдающегося живописца, отличающегося особой легкостью и праздничностью, к специфике стенописи Древней Руси начала XVI века восходит общее художественное решение внутреннего церковного пространства с точки зрения композиционных построений, певучих линий пластичного рисунка, характера персонажей, колористических особенностей — создания многоплановой по звучанию симфонии цвета.

А. А. Живаев многократно изменял цветовой строй в эскизах росписей, выполнял их и с помощью 3D-технологий. Первоначально он исходил из доминирования глубокого синего тона, что соответствует Богородичной традиции, но все же остановился на легких желтовато-охристых фонах с добавлением синих цветовых акцентов. При этом была избрана работа силикатными красками по штукатурке, поскольку они полупрозрачны и, в отличие от кроющего акрила, позволяют достичь ощущения легкости и воздушности живописи, что символизирует Горний мир. Кроме того, немаловажная особенность силикатных красок заключается в их матовой поверхности, дающей большую вибрацию света, следовательно, и более сложное тональное звучание.

Четко построена и обоснована композиционная структура стенописи.

Верхняя церковь в едином храмовом пространстве посвящена Богоматери «Неувядаемый Цвет», нижняя церковь — Богоматери «Неупиваемая Чаша». Согласно византийской и древнерусской традициям в куполе храма находится величественный лик Спасителя в окружении фигур Богородицы Оранты и архангелов, на парусах — поясные образы евангелистов в медальонах в окружении сложных по пластике выющихся орнаментов, в барабане — фигуры апостолов, на арках храма — святые воины: Георгий Победоносец, Никита Воин, Федор Студит, Федор Стратилат, Иоанн Воин. В медальонах изображен «Акафист Богородице» согласно авторской трактовке. В конхе размещена масштабная композиция «Богоматерь с Младенцем». В центральной части четверика разворачивается, по замыслу А. А. Живаева, акафистный цикл Богоматери от Рождества до Успения.

Композиционным расположением и колористической спецификой в отдельных частях храма акцентированы Дванадцатые праздники. Например,

в «Пятидесятнице» (день Св. Троицы, Сошествия Святого Духа на апостолов) в написании фона использована охра, что создает более плотную, тяжелую фактуру. Именно такое решение в данном случае выражает идейно-эмоциональное содержание раскрываемого сюжета, дает необходимый тональный контраст. Богородичный цикл дополняют композиции с изображением особенно чтимых святых, как свв. Николай Чудотворец, Сергей Радонежский, Матрона Московская, Ксения Петербургская и др. Завершают росписи в нижнем ярусе так называемые «полотенца» — имитация тканых полотенец с орнаментами. Такой прием обращен к древней традиции, по которой нижний ярус церковного интерьера должен был оформляться тканями, но из-за дороговизны их предпочитали заменять живописью.

При всем многообразии росписей храма они выдержаны в едином стиле, не только в отношении раскрытия идейно-содержательной концепции, но в отношении характера рисунка, особенностей трактовки формы и каноничности деталей, тонально-цветовых построений, что касается также сложной вязи орнаментов¹. Столь масштабная работа в верхнем и нижнем храмах и двух приделах велась Алексеем Живаевым ежедневно, по 10–15 часов в сутки.

Если орнаментальная живопись дополняет общую концепцию стенописи, то один из ее важнейших центров составляют росписи в куполе и барабане. Здесь живопись выполнена более насыщенными, контрастными цветами, что свидетельствует об учете закономерностей зрительного восприятия. Воздушное пространство поглощает цвет и тон. И потому, чтобы росписи, расположенные на значительной высоте, не казались блеклыми, они должны быть написаны более интенсивно.

Приделы церкви Божьей Матери «Неувядаемый Цвет» в Рублево посвящены св. князю Владимиру и митрополиту Алексею. Такой выбор Алексея Алексеевича закономерен, поскольку обоих святых следует отнести к особенно чтимым в русской земле. Владимир Святославович (около 960–1015), князь Новгородский, Великий князь Киевский с 978 года. Именно в его правление, благодаря его выбору веры, Русь приняла Православие. В церковной истории князя именуют также Владимир Святой, Владимир Креститель, Владимир Великий. Именно он стал прообразом известного в народе персонажа былинного эпоса Владимира Красное Солнышко. В лике святых он прославлен как равноапостольный.

Св. митрополит Киевский и всея Руси Алексий (между 1292/1305–1378) почитается как Чудотворец, являлся государственным деятелем, дипломатом, фактическим правителем при трех князьях, пользовался благосклонностью и в Орде. Именно при митрополите Алексии было положено начало строительству каменного Московского Кремля в 1366 году, а также был заложен Чудов монастырь в Кремле. Широко известны по сей день его слова: «Чтобы свеча не угасла...». Следует вспомнить и о том, что Дионисий создал житийную икону митрополита Алексия для Успенского собора Московского Кремля, а работая над росписями на Русском Севере, в соборе Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре, посвятил ему цикл

---

¹ Для их выполнения накладывается 10 слоев живописи: 3 слоя — «подложка», 3 следующих составляет золото, 3 верхних слоя — прописывание орнаментальных композиций.

композиций. В этом столь известном и ныне храме выдающийся мастер Древней Руси смог явить в живописи не только земной, но и небесный мир Богородицы.

В конхе придела князя Владимира Алексей Алексеевич представляет «Знамение Божьей Матери», ниже в апсиде показаны Спаситель и предстоящие Ему Богородица и Иоанн Богослов. Значимы образы древнерусских князей, среди которых — первые на Руси князья-мученики Борис и Глеб. В малом куполе предстают «дивный печальник» Александр Невский, прославленный победами в Невской битве и Ледовом побоище, и сегодня широко памятны его слова: «Не в силе Бог, а в правде». Здесь же изображен славный князь Дмитрий Иванович Донской, победитель татаро-монгол в Куликовской битве 8 сентября 1380 года. Напутствуя его на великую битву, св. Сергей Радонежский, к которому князь пришел за благословением, сказал ему: «Смело и без колебания сражайся с безбожниками, и ты победишь!». В приделе прихожане также сразу узнают образы родоначальников славянской письменности свв. Кирилла и Мефодия, Анны Кашинской, княгини Ольги, первой из русских правителей, принявшей Православие. Так зримые образы ясно выражают идею сохранения веры через поколения, ее почитание в княжеской Святой Руси, укрепление идеи государственности через духоносность.

В куполе придела митрополита Алексия предстают святители, духовные предводители паствы — Алексей, Петр, Макарий, Филарет, Иона Московский, Патриарх Гермоген, Патриарх Тихон, который также был канонизирован. Их имена и деяния неотрывно связаны с историей нашего Отечества и духовной жизнью современной России. Разве не актуальны сегодня слова послания священномученика Гермогена, обращенные к нашим соотечественникам: «Посмотрите, как Отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас? Не на своих ли братьев? Не свое ли Отечество разоряете?». Врезающиеся в память строки, написанные в лихолетье Смуты в начале XVII века, находят зримое выражение в живописном образе, созданном в начале XXI столетия.

В сводчатых арках, в медальонах, изображены византийские патриархи: свв. Климент, Василий Великий, Афанасий Афонский и др. Исключительно значим в общей композиции росписей придела образ преподобного Сергия Радонежского, названного в народе «радетелем и печальником о русской земле», словно соединяющий молитвенным стержнем отдельные фрагменты стенописи, иносказательно свидетельствующий о преемственности православных традиций, передаче их через поколения. К сути православных заветов в росписи придела прихожан обращает образ Спасителя в конхе, композиция «Воскресение Христово» с двумя ангелами, символизирующая вечное торжество Веры, звучащая напоминанием о том, что Иисус Христос восстал из гроба. «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех Живот даровав...». В стенописи алтарной части показан воскресший Спаситель, что близко символическому смыслу Евхаристии (греч. благодарение), евхаристической молитвы, то есть воплощает Богообщение, единение с Господом.

В притворе, по замыслу живописца, размещены росписи «Распятие» и «Снятие с креста», иконография которых канонична, манера исполнения

столь же высоко профессиональна. Во всем многообразии стенописи храма слышны отголоски византийских, сербских, болгарских влияний, достигнут их синтез при явном превалировании древнерусских традиций, в том числе столь глубоких и запоминающихся созданий Дионисия.

Во многом именно заветам его искусства, его видению земного и Горнего миров, глубокому пониманию их духовного единства следует в наши дни Алексей Живаев. Его стенопись (что особенно ярко раскрывается в композициях храмов в Апраксине и в Рублево) отличается сложность композиционных построений, певучесть линий, гармония цветовой симфонии, в которой преобладают легкие тона, словно наполненные просветленностью и радостью Божьего мира. Так сказывается осознание автором своей сопричастности этому миру, понимания возможности его достижения через духовное преодоление, желание открыть этот мир прихожанам через воздействие храмового пространства, в зримом молитвенном повествовании — стенописи.

Вспоминаются слова философа Ивана Ильина: «Нельзя любить Родину и не верить в нее. Но верить в нее может лишь тот, кто живет ею, вместе с нею и ради нее, кто соединил с нею истоки своей творческой мысли и своего духовного самочувствия»¹. Одно из подтверждений тому — роспись церкви Богородицы «Неувядаемый Цвет» в Рублево, творчество и деятельность А. А. Живаева в целом — дорога православного художника, который не мыслит искусства без молитвы.

---

¹ Ильин И. А. Грядущая Россия. Минск: Харвест, 2009. С. 2.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

СОХРАНИМ ЛИ ЛЬВОВ И ЕДИНОРОГОВ?

Елена НАУМОВА

Город Вельск расположен на юге Архангельской области. Его часто называют южной столицей обширного северного края, хотя проживают в нем чуть более тридцати тысяч человек. Но провинциальным городом Вельск не назовешь. В нем чувствуется лоск благоустроенного, со вкусом спланированного районного центра. Совсем недавно Вельск украсился широкой и в то же время уютной набережной, откуда открывается завораживающий вид на все еще полноводную Вагу.

Оказавшись здесь первого сентября, мы увидели на набережной маленьких школьников-первоклашек, которых с нежностью фотографировали родители. Причем, и в этом есть своя символика, семейные съемки проводились на фоне памятника самому прославленному уроженцу русского севера М. В. Ломоносову. Но только великий северянин пред-

---

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член СП России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Музей домовых росписей в Вельске

Расписная изба в селе Кодима

ставлен в образе не ученого мужа, а мальчика с известной картины художника Николая Кислякова «Юноша Ломоносов на пути в Москву».

Ночевали мы в благоустроенной, отвечающей самым высоким европейским меркам гостинице, в окружении банок с соленьями и вареньем, подаренными нашей гостеприимной знакомой из Вельска Ольгой Пешковой, кстати, родственницей маршала И. С. Конева. Утром отправились на Центральную площадь, где в нескольких отреставрированных домах разместил-

ся целый музейный комплекс. Рядом с каменными постройками красовалась только что возрожденная реставраторами старинная крестьянская изба семейства Кичевых. Ее перевезли из деревни Липовки. Изба оказалась непростой. Ее фасад пестрел росписями. Главным же украшением стали изображения льва и единорога.

Но каким же образом на далеком севере появились изображения столь диковинных зверей? Судя по всему, о львах и единорогах на Ваге и соседней с ней Северной Двине узнали благодаря колонизовавшим северные земли новгородцам, а те, в свою очередь, познакомились со львами и единорогами через ганзейских купцов, которые регулярно посещали Великий Новгород.

По одному из толкований, лев символизирует солнце, а единорог — луну. А к светилам у жителей севера с его долгими летними днями и длинными зимними ночами издавна было особое отношение. Избу в Вельске восстанавливали всем миром. Кто-то пожертвовал денежные суммы, а кто-то предоставил строительные материалы. Архитектор из Петербурга подготовил проект реставрации избы, превращенной ныне в Музей домовых росписей Поважья. Житель же одного из сел подарил музею целый деревянный амбар. Ну и конечно же, материальную помощь оказали власти Архангельской области. Сама же кампания по восстановлению избы и росписи получила название «Спасем льва и единорога».

И все же увиденная нами изба с удивительной росписью вывезена из села, стоит не там, где ее когда-то поставили в окружении соседних крестьянских домов. Нам же хотелось увидеть росписи на избах сохранившихся сел, разбросанных по течению Ваги и Северной Двины. Но где искать? Ведь до нашего времени не сохранились не то что избы — пропали целые деревни, где когда-то творили неизвестные мастера-живописцы.

И тут на помощь пришла вышедшая уже в далеком 1968 году книга «Архитектурные памятники Русского Севера». В ней упоминалось о том, что в расположенных на берегу Северной Двины деревнях Кодиме и Пучуге можно встретить избы с росписями в виде цветных ромбов и квадратов и

Росписи на избе в селе Кодима

Расписная изба в селе Пучуга

Росписи на избе в селе Пучуга

даже растительного орнамента — полевых цветов, листьев, ветвей деревьев. Росписи наносились на фронтоны, верхнюю часть фасадов, которые защищались от снега и дождя глубокими выносами крыши. Их нижняя часть покрывалась тесом и также расписывалась.

С момента выхода книги прошло более пятидесяти лет. За это время многое изменилось на Русском Севере. Деревня одна за другой исчезали. Оставленные без присмотра избы либо разбирались, либо превращались

Апсида деревянной церкви в селе Пучуга

в руины. И о каком сохранении росписей могла идти речь, если уже не было домов?

И все же мы решились на то, чтобы начать поиски, отправившись из Вельска в сторону Северной Двины. Сначала ехали по находящейся в прекрасном состоянии трассе Москва — Архангельск вдоль столь полюбившейся нам Ваги, которая считается одним из крупнейших притоков Северной Двины. Проехав примерно двести километров, свернули на шоссейную дорогу, ведущую в город Котлас, и вскоре оказались в деревне Сельцо.

Много лет назад, впервые приехав сюда, мы увидели построенные в конце XVIII века шатровую деревянную церковь и колокольню, изящные, но заброшенные. Рядом с ними стоял забытый каменный храм. Сейчас стало еще хуже. Церковь покосилась и наполовину утратила покрытую лемехом главу, а колокольня лишилась шатра. Каменный же храм как был покинутым, таким и остался. Поехали дальше и, наконец, попали в Кодиму, где сохранившиеся деревянные жилые дома находились в тесном соседстве с многочисленными заброшенными постройками. Найти в этом скоплении заселенных и пустующих изб какие-либо росписи казалось делом безнадежным. Но нам повезло. Оказавшись на самом краю деревни, мы подошли к стоящей около дороги полуразрушенной избе, в которой никто не жил. На внутренней стороне выноса крыши достаточно четко просматривался цветочный орнамент, а на фасаде, хотя и не так ясно, различался контур льва. А вот единорога мы, как ни всматривались, так и не заметили.

Но зато еще большая удача ожидала нас в соседней Пучуге, где прекрасно сохранившуюся жилую избу украшали нарисованные красками цветы, листья, ромбики и квадратики. На сей раз нам не пришлось всматриваться, чтобы различить достаточно четкое изображение льва, очень напоминавшего добродушного котика. А вот контуры единорога, как и в Кодиме, оказа-

Лев и единорог. Великий Новгород

лись размытыми. Так что не везет диковинному зверю на Русском Севере. Его ищут, но не находят...

Но зато в той же Пучуге удалось увидеть чудом сохранившуюся алтарную часть деревянного храма XVII столетия, которая служит входом в примыкающее к ней позднее строение, используемое под деревенский клуб.

Мы нашли лишь две избы с росписями, созданными великими, но так и оставшимися неизвестными русскими мастерами. Наверное, и это подтверждают поиски исследователей и энтузиастов, есть еще немало изб с живописными творениями. Вот только неясно, удастся ли нам, жителям XXI столетия, сохранить их для наших потомков.

P.S. Приехав на днях в Великий Новгород, в магазинчике сувениров мы купили картинку с изображением стены Новгородского кремля, на фоне которой красовались лев и единорог.

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	zoreana@mail.ru
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика Саха (Якутия)	Москвитин Сергей	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprshal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
198188, Санкт-Петербург,
улица Васи Алексева, дом 6, литера А, офис 318.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 22.02.2021 г. Формат 70×100^{1/16}.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,4.
Тираж 500 экз. Заказ 21020735.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.